

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
Отделения
историко-
филологических
наук
2020

Том 10

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

Москва
2021

УДК 930
ББК 63
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия: В.И. ВАСИЛЬЕВ, В.Л. КЛЯУС, Н.А. МАКАРОВ,
А.М. МОЛДОВАН, Н.В. ТАРАСОВА (составитель),
В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Е.И. ПИВОВАР
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН В.В. ПОЛОНСКИЙ

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Т78 **Труды Отделения историко-филологических наук РАН** / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. — М.: РАН, 2021. — 320 с.

2020. Том 10 / Отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. — М.: РАН,
2021. — 320 с.

ISBN 978-5-907366-21-3

В первой части очередного выпуска трудов Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) публикуются материалы научной сессии Общего собрания Отделения «75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.). В статьях учёных, представляющих различные научные и учебные учреждения страны, показано осмысление исторической наукой политических, хозяйственно-экономических и социокультурных аспектов развития атомной отрасли в России. Во второй части представлены труды членов ОИФН РАН, профессоров РАН, учёных-гуманитариев, в которых освещаются важные вопросы в области отечественной истории, востоковедения, древнерусской архитектуры, литературоведения, языкознания. Третья часть включает статьи по истории науки, посвящённые изучению наследия российских учёных.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907366-21-3

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2021
© Тарасова Н.В., составление, 2021

Содержание

Тишков В.А. Предисловие к 10-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»	4
---	---

Часть 1. Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.)

Батурин Ю.М. Консолидация участников будущего атомного проекта (Историко-литературное эссе)	9
Мальков В.Л. Атомная проблема в межсоюзнических отношениях	30
Побережников И.В., Мельникова Н.В. Повседневность закрытых атомных городов СССР	35
Козлов В.П. Документальная публикация «Атомный проект СССР» с позиций современной теории археографии	51
Мухин М.Ю. Советские АЭС постсоветского пространства	58

Часть 2. Актуальные вопросы гуманитарных наук

Батурин Ю.М. Динамика позиции РСФСР по отношению к Союзному договору (1990–1991)	65
Попова И.Ф. Легитимация императорской власти танской У Цзэтянь (624–705)	81
Седов Вл.В. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском: основные проблемы изучения архитектуры	98
Силантьев И.В., Капинос Е.В. Эволюция понятия сюжета в контексте современных сюжетографических исследований	119
Муллонен И.И. Карельские рукописные памятники письменности: проблемы языковой атрибуции	133
Усачёв А.С. Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века	146
Данилко Е.С. Поиски Беловодья в казачьих дневниках	198
Зайцев И.В. Османский Коран из коллекции Оренбургского Губернаторского историко-краеведческого музея	209

Часть 3. Из истории науки

Сидорова Л.А. Научное наследие С.М. Соловьёва в исторической науке России: К 200-летию историка	216
Алиева А.И., Мунаев И.Б. Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв.	230
Загребин А.Е. Финно-угорские исследования в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1830-е – 1910 гг.): предварительный обзор	271
Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (Академик С.А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.)	278
Список сокращений	316
Сведения об авторах	318

Предисловие к 10-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»

В. А. Тишков

Развитие академической историко-филологической науки в 2020 году было связано с продолжением работ по получению фундаментальных знаний в области археологии, российской и всеобщей истории, этнологии и антропологии, востоковедения, русского и других языков, отечественной и мировой литературы, фольклорных традиций народов России и зарубежных стран. Выявление и систематизация фактологического и источникового материалов сопровождалось повышением уровня публикационной результативности, улучшением форм презентации и практического внедрения результатов научных исследований, в том числе с применением информационных технологий.

В 2020 году академические институты Москвы, Санкт-Петербурга, Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН, региональных научных центров, находящиеся под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук РАН, реализовывали исследовательские и издательские проекты по тематике основных направлений фундаментальных исследований в области историко-филологических наук. Опубликовано более 1000 различных книжных публикаций — фундаментальных монографий, сборников статей, архивных материалов, справочных изданий, словарей, академических полных собраний сочинений. Особо отметим публикации, которые были выполнены коллективами академических институтов и центров: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН подготовил два фундаментальных издания: энциклопедия «Русский язык» (под ред. ак. РАН А. М. Молдована) и энциклопедический словарь «Историческая грамматика русского языка» (под ред. В. Б. Крысько); в Институте языкознания РАН завершён проект «Древнейшие стихосложения мира: от шумеров к грекам» (руководитель А. В. Сидельцев); в рамках серии «Народы и культуры» (отв. ред. ак. РАН В. А. Тишков) вышел том «Таджики» (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН совместно с Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан); опубликован перевод четырёхтомной «Истории китайской цивилизации» (перевод осуществлён под ред. чл.-к. РАН И. Ф. Поповой, Институт восточных рукописей РАН); издана книга с уникальными рассказами освободителей Крымского полуострова, записанными в годы войны советскими историками, «"Здесь кровью полит каждый метр...": Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.» (отв. ред. С. В. Журавлёв, Институт российской истории РАН); опубликован 5 том «Летописи Российской академии наук. (1935–1940)» (отв. сост. В. Ю. Афиани,

Архив РАН); вышел очередной том «Истории Дальнего Востока России» — «Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг.» (Т. 3. Кн. 3, под общ. ред. чл.-к. РАН Н.Н. Крадина, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН); в двух книгах издана «История литературы Урала. XIX век» (под ред. Е.К. Созиной, Институт истории и археологии УрО РАН) и другие.

В 2020 г. был завершён целый ряд многолетних проектов:

— издан заключительный 20 том «Библиотеки литературы Древней Руси» (под ред. ак. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко), фундаментального издания древнерусской книжности, в котором представлены памятники XVIII–XX веков (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН);

— закончен монтаж экспозиции «Музея археологии Чудова монастыря» в Московском Кремле, созданной на основе археологических материалов, обнаруженных раскопками 2016–2017 гг. на месте демонтированного 14-го корпуса Кремля (руководитель ак. РАН Н.А. Макаров, Институт археологии РАН);

— завершена публикация трёхтомного издания «Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны» (отв. редактор ак. РАН А.О. Чубарьян, Институт всеобщей истории РАН), отражающая характер международных связей России с государствами, представляющими стороны конфликта;

— издан заключительный 5 том биобиблиографического словаря «Русские фольклористы», первый том которого вышел в 2016 г. (под ред. Т.Г. Ивановой, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН);

— завершена работа над уникальным для европейского образовательного опыта учебным изданием «Россия — Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. XVIII–XX вв.», опубликованном в России и Германии на русском и немецком языках (Институт всеобщей истории РАН);

— закончена работа над каталогом собрания по культуре гагаузов, которая осуществлена Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН совместно с Научно-исследовательским центром Гагаузии им. М.В. Маруневич. Вышли переводы каталога на английский и гагаузском языках (авт.-сост. Л.С. Лаврентьева, Н.Г. Голант, Д.Е. Никогло).

2020-й год был Годом памяти и славы в ознаменование 75-летия Победы. Особое место в общественном и научном пространстве заняла тема исторической правды. Усилия российских академических учёных были направлены на противодействие существующим в ряде зарубежных стран тенденциям искажения вклада и роли Советского Союза, его политического руководства и народа в целом в Победе над фашистской Германией и её союзниками в 1945 году. Актуализации народной памяти о трагических годах войны способствовали публикация архивных материалов, устных рассказов и мемуаров участников событий, литературных памятников и монографических исследований, организация международных и всероссийских научных форумов, на которых обсуждались вопросы предвоенной, военной и послевоенной истории страны и мира.

В этой связи необходимо отметить проведение Международной научной конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания», организованной Российской академией наук и Институтом

российской истории РАН совместно с Российским историческим обществом, Германским историческим институтом в Москве и Государственным центральным музеем современной истории России (28–30 сентября 2020 г.). Пленарное заседание состоялось в Президиуме РАН, в котором приняли участие учёные, политики, общественные деятели. Ключевые темы конференции: проблемы и перспективы изучения истории войны, работа с архивными документами, вопросы исторической памяти.

2020 г. был ознаменован ещё одной памятной датой — 75-летием атомной отрасли. 7 декабря ОИФН РАН провело научную сессию Общего собрания отделения «75 лет атомного проекта: взгляд историка», на которой выступили учёные из ИИЕТ РАН, ИРИ РАН, ИВИ РАН, ИИА УРО РАН, РГГУ, представившие в докладах осмысление исторической наукой политических, хозяйственно-экономических и социо-культурных аспектов развития атомной отрасли в России.

Среди проектов в области просветительской и образовательной работы следует отметить издание первого в России учебника для вузов «Морская археология», подготовленного ИИМК РАН совместно с Севастопольским государственным университетом. В нём изложена история открытий в области морской археологии, проанализированы основы и направления полевых исследований этой археологической субдисциплины, сформированной во второй половине XX в. Ещё один важный реализованный проект в области образования — издание в Польше на польском языке трёхтомного пособия для учителей средней школы по истории российско-польских отношений, подготовленного ИВИ РАН и Институтом Центрально-Восточной Европы (г. Люблин). На русском языке в России трёхтомник «Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов» вышел в 2019 г. Теперь пособие стало достоянием и польской аудитории, что имеет существенное практическое значение с точки зрения развития двусторонних российско-польских гуманитарных контактов, в настоящее время практически замороженных.

Существенные коррективы в деятельность научных коллективов институтов внесла пандемия COVID-19. Это выразилось в снижении интенсивности полевых этнологических, фольклористических, лингвистических исследований из-за ограничений на поездки и контакты с людьми, а также закрытия доступа в архивы. Вместе с тем пандемия способствовала развитию методологии интернет-опросов и онлайн интервью с использованием социальных сетей, стимулировала создание архивных информационных ресурсов, позволяющих вести работу с материалами в удалённом режиме, в том числе находящимся в архивных собраниях академических институтов.

Пожалуй, в 2020 г. ограничения в организации полевых исследований существенно не сказались только на работе археологических экспедиций. Проводились раскопки отрядами Новгородской археологической экспедиции (рук. чл.-к. РАН П. Г. Гайдуков) и Фанагорийской археологической экспедиции (рук. В. Д. Кузнецов) ИА РАН. Под руководством ак. РАН В. И. Молодина (ИАЭТ СО РАН) проведено изучение многослойного палимпсеста рисунков на памятнике Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай). ИИМК РАН были продолжены работы комплексной археологической экспедиции по изучению города Усвят в урочище Юрьевы Горы

в Усвятском районе Псковской области (рук. И.И. Еремеев). Под руководством В.В. Масякина и А.А. Волошинова (ИАК РАН) продолжены раскопки могильника Сувлу-Кая, расположенном в черте г. Бахчисарай.

Воздействия пандемии способствовали изменениям в повседневности россиян независимо от места их проживания — мегаполис, малый город или сельское поселение. Пока ещё можно только предполагать характер последствий этих ограничений в гуманитарной сфере. Для этнологов и антропологов 2020 год стал временем интенсивного сбора эмпирического материала, анализ которого позволит в дальнейшем ответить на вопросы, связанные с этим периодом жизни россиян.

Публикуемый 10-й том «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» состоит из трёх частей. Первая часть издания содержит статьи, написанные участниками научной сессии Общего собрания ОИФН РАН «75 лет атомного проекта: взгляд историка», которая состоялась 7 декабря 2020 г. В статье чл.-к. РАН Ю.М. Батурина подробно исследуется фаза самоорганизации физиков, позволившей консолидировать специалистов, начавших работу по созданию атомной бомбы. Доктор исторических наук В.Л. Мальков в своей работе рассматривает атомную проблему в контексте международных отношений. Статья д.и.н. И.В. Побережникова и к.и.н. Н.В. Мельниковой представляет результаты исследований закрытых атомных городов в ракурсе социальной истории. Чл.-к. РАН В.П. Козлов рассматривает вопросы отбора, передачи текста, систематизации и комментирования документов в документальной публикации «Атомный проект СССР». Статья д.и.н. М.Ю. Мухина посвящена истории создания советских атомных электростанций на территории будущих постсоветских государств и дальнейшей их судьбе после распада Советского Союза.

Во вторую часть «Актуальные вопросы гуманитарных наук» вошли статьи по самым разным вопросам истории, востоковедения, археологии, языка, литературы и фольклора. Чл.-к. РАН Ю.М. Батурин в своей работе показывает эволюцию позиции РСФСР к союзному договору (1990–1991) и раскрывает роль её основных акторов. Чл.-к. РАН И. Ф. Попова анализирует последовательность шагов единственной в истории Китая женщины-императрицы У Цзэтянь (624–705) по легитимации своего статуса, связанной с реформами государственного ритуала и обновлением традиционных трактовок императорской власти. Архитектуре Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, уникального памятника середины XII века, демонстрирующего смешение древнерусских и западноевропейских архитектурных форм, посвящена статья чл.-к. РАН Вл. В. Седова.

Ряд статей этого раздела посвящён филологической тематике. История понятия «сюжет» в русском литературоведении второй половины XX и первых десятилетий XXI века рассматривается в статье докторов филологических наук И.В. Силантьева и Е.В. Капинос. Различные рукописные памятники, имевшие хождение в России, анализируются в работах чл.-к. РАН И.И. Муллонен, профессоров РАН А.С. Усачёва, Е.С. Данилко, И.В. Зайцева. В статье чл.-к. РАН И.И. Муллонен представлен обзор карельских рукописей XVII — начала XVIII вв., в том числе описан новый для истории карельской письменности источник — карело-русский словарь-разговорник

XVII века. Работа д.и.н., профессора РАН А. С. Усачёва посвящена изучению внутренних миграций в России XVI в., которые исследуются на основе выходных записей русских рукописных книг и данных по местам происхождения и работы писцов. Профессор РАН, д.и.н. Е. С. Данилко в своей статье анализирует тексты путевых дневников экспедиции по поиску легендарной страны Беловодье, предпринятой уральскими казаками в конце XIX века. Статья профессора РАН, д.и.н. И. В. Зайцева рассказывает о судьбе рукописного *джужа* (одной тридцатой части текста Корана), переписанного в первой половине 1730-х годов в Османской империи выдающимся каллиграфом Сейидом Мехмедом б. Абд ар-Рахманом Шекер-заде.

В третьем разделе «История науки» публикуются статьи Л. А. Сидоровой, А. И. Алиевой и И. Б. Мунаева, профессора РАН А. Е. Загребина, ак. РАН М. Д. Бухарина и В. Г. Ананьева. В статье д.и.н. Л. А. Сидоровой раскрываются особенности восприятия российскими историками конца XIX — начала XXI вв. научного наследия С. М. Соловьёва в контексте смены исследовательских парадигм и поколений историков. Статья д.ф.н., ак. Академии наук ЧР А. И. Алиевой и к.ф.н. И. Б. Мунаева — первый в истории отечественного кавказоведения опыт характеристики всей совокупности работ российских учёных XIX — начала XX вв., посвящённых фиксации, публикации и исследованию фольклора и этнографии чеченского народа. Профессор РАН, д.и.н. А. Е. Загребин представил обзор финно-угорских исследований Императорской академии наук в 1830-е — 1910 годы. В статье академика РАН М. Д. Бухарина и доктора культурологии В. Г. Ананьева публикуются материалы процесса «чистки» Государственной академии истории материальной культуры в 1930 г., связанные с «делом» академика С. А. Жебелёва.

Очередной 10-й том «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» в целом позволяет познакомиться с работой Отделения историко-филологических наук РАН в 2020 г. и проводимыми исследованиями некоторых его членов, профессоров РАН и учёных-гуманитариев институтов, находящихся под научно-методическим руководством ОИФН РАН.

В предстоящие два-три года научные коллективы, находящиеся под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук РАН, помимо всего фронта исследований по своим основным направлениям, сосредоточатся на выполнении ряда важных целевых программ и конкурсов. Это программы в рамках Научного центра мирового уровня, программы по сохранению историко-культурного наследия, русскому языку и языкам народов России, этнокультурному развитию и российской идентичности. Особо отметим подготовку научных трудов в связи со 100-летием образования СССР, 300-летием Российской академии наук и других памятных событий в истории нашей страны. Сохранение высоких профессиональных стандартов и мирового престижа отечественного гуманитарного знания — важнейшая задача российской академической науки.

Академик-секретарь ОИФН РАН
ответственный редактор ежегодного издания
«Труды Отделения историко-филологических наук РАН»
академик РАН В. А. Тишков

Часть 1

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.)

Консолидация участников будущего атомного проекта (историко-литературное эссе)

Ю. М. Батурин

Аннотация: Проникновение в физику атомного ядра, история создания атомной бомбы — один из самых интригующих эпизодов научно-технической и социальной истории. Он отзывался и литературным эхом в творчестве поэтов и писателей. В статье рассматриваются закономерности научного познания применительно к атомной физике и подробно исследуется фаза самоорганизации физиков, позволившей консолидировать специалистов, начавших работу по созданию атомной бомбы. Описывается механизм принятия государственных решений на основании информации, поступавшей от физиков и от разведки. Проводится сравнение процессов разработки атомной бомбы в Германии, Японии, США, Великобритании, Франции и СССР. Делается вывод, что данные разведки оказались наиболее важными на начальном этапе разработки атомной бомбы. В дальнейшем происходило перераспределение необходимого информационного ресурса, поступающего по разведывательным каналам, которое сглаживало общую картину соперничества, и на финальной стадии решающая роль оставалась за физиками. Сроки создания бомбы для перечисленных стран достаточно близкие (5–7 лет), что подтверждает сделанные выводы. Впечатление, производимое на общество скрытыми прежде возможностями атома, оказалось столь велико, что в литературе можно даже выделить особое «атомное» направление.

Ключевые слова: история атомной физики, атомная бомба, разведка, принятие решений, литературное эхо атомной физики.

Атомной отрасли Советского Союза / России исполнилось 75 лет. 20 августа 1945 г. при Государственном комитете обороны (ГКО) были созданы Спецкомитет и Первое главное управление при Совете народных комиссаров (СНК) СССР. С этого дня ведут отсчёт атомной отрасли. В то же время День работника атомной промышленности уводит нас в 1942 год. Этот пример подтверждает определённую условность юбилейной даты, приблизительность, с которой часто связаны исторические этапы.

Атомный проект традиционно приводят как самый яркий пример возможностей мобилизационной науки [Алексеев, Литвинов, 1998. Т. 68. № 1: 9–22]. Термин «мобилизация» обозначает воздействие извне. Издать приказ о мобилизации нетрудно. Однако как понять, кого именно мобилизовать, если требуется решить задачу, которая по силам лишь единицам физиков.

«Вы взвесили и расщепили атом...»

У каждой истории есть своя предыстория.

Пример успешности атомного проекта говорит о том, что в предварительном сообществе учёных шли свои процессы самоорганизации — процесса отбора подходящего «материала» для решения будущей задачи.

Если у государства как системы возникает потребность в создании того, чего не было (своего рода пустота, дырка в структуре науки), то заполнить эту дырку (вакансию) будут стремиться элементы системы, обладающие нужными свойствами, т.е. учёные, наиболее ясно представляющие себе проблему и пути её решения.

Часто такие вакансии оказываются, как говорят физики, аттрактором. То есть привлекающим активным центром потенциальных путей развития, способным притягивать и организовывать. Странные аттракторы обладают удивительным свойством — они из будущего притягивают ход исторических событий. Задача будущего притягивала учёных (если проблема сформулирована, она должна быть решена).

Андрей Николаевич Колмогоров (к слову — в 1941/42 гг.!) показал, что в турбулентности (а наша история, особенно история того времени, турбулентна) образуются устойчивые когерентные структуры [Колмогоров, 1942: 56–58], возникающие в процессе самоорганизации совокупности не связанных между собой частиц различной природы, которые вдруг начинают вести себя сходным образом. Так же произошло и с физиками, которым предстояло в будущем осуществить атомный проект. Для обозначения самоорганизации учёных вокруг поставленной проблемы будем использовать понятие «консолидация». Консолидация происходит не по приказу извне, как мобилизация, и этим она особенно интересна.

Эмпирически установлено, теоретически обосновано и проверено на разных областях техники, что полный цикл технологических нововведений от идеи через научные разработки и инженерные решения к полномасштабному освоению занимал в XIX и XX веках 140 лет. Каждая фаза — по 35 лет. Конечно, эта закономерность не осуществляется с точностью до года. Рассчитана полоса погрешности, которая составляет 9 лет (плюс/минус 4,5 года с каждой стороны от указанной точки на временной оси) [Батурин, Доброчеев, 2010: 675–710].

±4,5 г.		±4,5 г.	±4,5 г.
Фаза 1	Фаза 2	Фаза 3	Фаза 4
Первые идеи	Научная разработка	Экспериментально-инженерная фаза	Полномасштабное промышленное освоение
1875–1910	Консолидация		1945 Атомный проект

Рис. 1. Фазы развития научно-технических проектов

Попробуем установить крайние даты каждой фазы. В качестве точки отсчёта четвёртой фазы (собственно, атомный проект), учитывая установленный юбилей, возьмём 1945 г. Последовательно отсчитывая от этой точки назад по 35 лет, получим следующую картину (рис. 1).

Первые две фазы, не являющиеся предметом нашего рассмотрения и интересные нам лишь как исторический фон, обрисуем бегло. Начальную фазу сказочников, фантастов, писателей и поэтов, заинтересованных созерцателей символически обозначим фигурой французского физика Антуана Сезара Беккереля, который занимался термоэлектричеством, фосфоресценцией и флуоресценцией и часто любовался свечением вод Адриатического моря. Его фамилия — одна из 72 имён выдающихся учёных Франции, начертанных с каждой из четырёх сторон Эйфелевой башни. Но для нас этот любитель эффекта свечения важен как отец и дед двух других физиков Беккерелей, как родоначальник династии, активно интересовавшейся светящимися веществами. Его сын, Александр Эдмон Беккерель, фотограф и коллекционер, собрал вместе с отцом большую коллекцию, в которой оказались и соединения урана. В середине XIX века Абель Ньепс де Сент Виктор, который, как и Александр Эдмон занимался фотографией, заметил, что соединения урана вызывают почернение фоточувствительного материала и предположил существование невидимых для глаз лучей, оказывающих влияние на стеклянные коллоидонные фотопластинки. Но, оказавшись на грани великого открытия, исследования не продолжил. Решающий шаг — и в этом отмеченный символизм — сделал внук Антуана Сезара Беккереля. 1 марта 1896 г. Антуан Анри Беккерель при помощи фотопластинки и урановой соли открыл явление радиоактивности. С этого момента научные исследования радиоактивности резко ускорились.

Но необходимо упомянуть ряд замечательных событий, случившихся до открытия Беккереля. В 1859 г. немецкий физик Юлиус Плюккер открыл катодные лучи, а его соотечественник Иоганн Гитторф в 1869 г. описал их свойства. В 1890 г. американский физик Артур Уиллис Гудспид и помогавший ему британский фотограф Уильям Дженнингс обнаружили «эффект вуали» на фотопластинках, которые они использовали для фотографирования искровых разрядов, но не сумели распознать в них знаменитые X-лучи, открытые в 1895 г. Вильгельмом Рентгеном и получившие впоследствии название по имени учёного. В 1896 г. голландский физик Питер Зеeman открыл названный его именем эффект расщепления спектральных линий в магнитном поле. Но «язык атомов» — спектры — расшифровать тогда не удалось, хотя «репутация» атома как неделимой частицы и пошатнулась. (Тонко чувствующая поэзия даже чуть предвосхитила проблему: «Горящий атом, я лечу...», — написал Константин Бальмонт). В 1897 г. английский физик Джозеф Дж. Томпсон, исследуя катодные лучи в газоразрядной трубке, установил, что они представляют собой поток частиц, более лёгких, чем атом. Так был открыт электрон. В 1898 г. Мария Склодовская и Пьер Кюри выделили немного нового вещества, которое испускало альфа-частицы. Они назвали его полонием. В том же году они открыли новый элемент радий [Храмов, 2006: 124–133].

Финал второй фазы весьма эффектен. Чего стоит только букет Нобелевских премий: В. Рентген (1901, физика), П. Зеeman (1902, физика), А.А. Беккерель (1903, $\frac{1}{2}$ физика), Дж.Дж. Томпсон (1906, физика).

М. Склодовская-Кюри и П. Кюри (1903 по $\frac{1}{4}$ физика) и М. Склодовская-Кюри (1911, химия), Э. Резерфорд (1908, химия).

Мы подошли к третьей, экспериментально-инженерной фазе. Между прочим, как раз накануне, в 1908 г. в фантастическом романе Александра Богданова «Красная звезда» космический корабль марсиан работал на атомном горючем, на пять лет раньше, чем появился атомный двигатель в романе Герберта Уэллса.

В 1910 г. Владимир Иванович Вернадский выступил в Академии наук о деле государственной важности — поиске запасов радия. Доклад оказался убедительным, и в следующем году была организована радиевая лаборатория Академии наук, а затем и Радиевая экспедиция. В 1912 г. с прицелом на промышленное производство радия был создан пробный Радиевый завод, находящийся в деревне Бондюга близ пристани Тихие Горы на реке Каме (ныне город Менделеевск, Татарстан). В то время один грамм радия стоил как 160 кг золота.

В 1911 г. Мария Склодовская-Кюри награждена ещё одной Нобелевской премией, теперь уже по химии, за открытие и изучение радия.

В 1911 г. английский физик новозеландского происхождения Эрнест Резерфорд предложил планетарную модель строения атома и доказал, что почти вся масса атома сосредоточена в его ядре. Валерий Брюсов вскоре отозвался на эту гипотезу в стихах:

Ещё, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там — всё, что здесь, в объёме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Планетарная модель впоследствии оказалась неверной, но тогда она вполне удовлетворяла физиков. Им стало ясно, что надо заниматься проблемой ядра. Вместо неделимого атома появился новый глубинный уровень неделимости — ядро. И скрытая в атоме энергия теперь оказалась упрятанной в ядре. И это ясно ощутили не только физики, но и писатели и поэты, которые обычно тонко чувствуют скрытые тенденции. Например, Герберт Уэллс, в романе которого «Освобожденный мир» в 1913 г. появился термин «атомная бомба» (atomic bomb) и описывалась Последняя война. (Между прочим, среди читателей и почитателей Уэллса были две знаменитости — Уинстон Черчилль и Лео Сциллард. Через короткое время это сыграет свою роль). Максимилиан Волошин в поэме «Путями Каина» тоже уже предвидел возможную ядерную катастрофу:

Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены как мина,
Заряженная в недрах вещества
.....
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!

Русский поэт-символист, у которого, правда, за плечами был физико-математический факультет Московского университета, Андрей Белый писал:

Что взрывы, полные игры
Тяят томпсоновские вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,

.....

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной лопнувшей бомбой...

В 1913 г. датский физик Нильс Бор создал свою модель атома, включив в модель Резерфорда квантовые идеи (Нобелевская премия по физике 1922 г.). Он фактически ввёл дискретные уровни энергии. В 1916 г. теория Бора была усовершенствована немецким физиком-теоретиком Арнольдом Зоммерфельдом. Как написал Максимилиан Волошин:

Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»).

В 1919 г. Резерфорд осуществил первую искусственную ядерную реакцию, а в 1920 г. во второй Бейкеровской лекции «Ядерное строение атомов» предсказал существование нейтрона, его роль в ядерной структуре и условия возникновения. От экспериментов Резерфорда 1921–1925 гг. и их теоретического истолкования берёт своё начало концепция ядерных сил и сильных взаимодействий.

В 1922 г. сбылась мечта Вернадского. Благодаря его усилиям в Советском Союзе организован Радиевый институт¹, директором которого он стал, а заместителем взял Виталия Григорьевича Хлопина. Его вклад был настолько велик, что после смерти его имя получил Радиевый институт. Сырьё из Тюя-Муюнского радиевого рудника в Ферганской долине (на территории современного Кыргызстана) было бедным настолько, что для получения одного грамма радия требовалось переработать до 200 тонн руды. Такие технические подробности были хорошо известны интеллигенции, даже гуманитарной — таков был интерес к физике в то время. Сегодня каждый помнит бессмертные строки В. В. Маяковского:

Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

«Как долго раздробляют атом!...»

С начала 1930-х годов события стали развиваться быстро. Академик А. Ф. Иоффе организовал в ленинградском Физтехе лабораторию по изучению атомного ядра, возглавил которую молодой И. В. Курчатов.

---

¹ Вернадский В. И. Записка об организации при Российской академии наук Государственного Радиевого института. Вернадский В. И. Собр. соч. в 24-х томах. Том 12. Организация науки. М.: «Наука», 2013. С. 132–135; его же: Записка Совета Государственного Радиевого института по вопросу о форме связи его с Российской академией наук. Там же. С. 136–137.

В 1931 г. советские учёные и инженеры запустили в поселке Водный около Ухты завод по извлечению радия из подземных минерализованных вод. Проект был столь сложен, что западные специалисты даже не брались за него. Предприятие оказалось не только осуществимым, но и проработало до 1956 года, став крупнейшим в мире по выпуску радия.

В 1932 г. В. И. Вернадский, говоря о срочной необходимости реорганизации Радиового института и превращения его в «научно мощную, отвечающему современному уровню науки научно-исследовательскую организацию всесоюзного значения», аргументировал это такими словами: «Атомная энергия, которая изучается в радиевых институтах, — есть огромная действенная энергия, самый мощный источник энергии, научно ныне известный. Это та сила, которая будет определять жизнь человеческих обществ в ближайшем будущем, по-видимому, уже для ближайшего поколения. Очевидно, этой энергией необходимо овладеть возможно скорее. И бесспорно ясно, что человечество к этому охвату уже подошло... Сейчас идёт интенсивная работа в области выяснения строения ядра атомов. Это проблема, на решение которой сейчас направляется мысль физиков всего мира» [Вернадский, Т. 12: 140–142]. Государство не отреагировало на призыв В. И. Вернадского, но задача захватила физиков, в том числе молодых. Будущее начало притягивать настоящее. Было ясно, что «здесь охватывается энергия будущего... Будущее принадлежит тому, кто не будет последним в этой работе» [Вернадский, Т. 12: 171–172].

В том же 1932 г. английский физик Джеймс Чедвик открыл нейтрон — массивную частицу с нулевым электрическим зарядом. Британские учёные впервые смогли расщепить атом в лаборатории. Обнаружение нейтрона разрушило последние преграды на пути к овладению атомной энергией.

Спустя несколько месяцев после открытия Чедвика немецкий физик В. Гейзенберг и немного раньше него (!) советский физик Д. Д. Иваненко предложили свои протонно-нейтронные модели ядра. Можно сказать, что с этого момента советские физики оседлали волну мирового уровня. И с этой точки начался этап «консолидации» атомщиков, как мы его назвали в начале статьи. Не терпелось не только физикам, но и поэтам. Семен Кирсанов в стихотворении «Осада атома» чуть не плакал:

Как долго раздробляют атом!
 Конца нет!
 Как медлят с атомным распадом!
 Как тянут!
 Что вспыхнет? Вырвется. Коснется
 глаз, стекло,
 как динамит! как взрыв! как солнце!
 Как? Сколько?
 О, ядрышко моё земное,
 соль жизни,
 какую силою взрывною
 ты брызнешь?

В 1933 г. Лео Сциллард, глядя на переключение светофора на Рассел-сквер в Лондоне, вдруг понял, что если найти элемент, который расщепляется

на два нейтрона, то такой элемент, будучи собран в достаточно большой массе, сможет поддерживать цепную реакцию. В 1934 г. его гипотезу подтвердил Энрико Ферми (Нобелевская премия по физике 1938 г.). В 1938 г. был взят главный рубеж, когда был открыт новый вид радиоактивности: деление нейтроном ядра урана на два осколка. В 1939 г. австрийский физик и радиохимик Лиза Мейтнер, работавшая со своим племянником Отто Фришем, высказала гениальную гипотезу. Сравнив ядро с каплей жидкости, они предположили, что внедрившийся нейтрон заставлял эту «каплю» колебаться и доводил её до разрыва на две части, как деление клетки (отсюда биологическая аналогия — «деление ядра»).

В 1939 г. в США покинувший Италию Э. Ферми активно включился в нейтронные исследования, чему способствовало известие об открытии в декабре 1938 г. Отто Ганом (Нобелевская премия по химии 1944 года) и Фрицем Штрассманом деления ядер урана, которое Ферми первым вызвал в своих экспериментах 1934 г., но не понял, что это деление — единственная ошибка великого физика, которую он тяжело переживал. Уже 25 января 1939 г. он с сотрудниками воспроизвёл эффект деления урана, сразу же за аналогичными экспериментами (18 января) во Франции Федерико Жолио-Кюри и Ирен Жолио-Кюри (оба — Нобелевская премия по химии 1935 года) и английского физика Отто Фриша в Копенгагене. Таким образом, несколько групп физиков, работая независимо друг от друга и различными методами, пришли к одному и тому же выводу — о возможности в уране цепной ядерной реакции деления [Храмов, 2006: 220]. В США именно Ферми оказался лидером, выдвинувшим большую часть идей, связанных с осуществлением цепной ядерной реакции деления, необходимой для создания атомной бомбы. И уже в январе Лео Сциллард и Роберт Оппенгеймер поняли, что атомная бомба возможна. Сциллард предлагал тут же засекретить полученные данные от немцев.

К концу 1939 г. наметились два подхода к созданию бомбы. Первый заключался в необходимости выделения из природного урана редкого изотопа ^{235}U , ответственного за процесс деления урана медленными нейтронами. При этом, чтобы получить изотоп ^{235}U необходимой чистоты в требуемых для бомбы количествах, можно было использовать различные методы: электромагнитный, газодиффузионный или метод, детально изученный Ю.Б. Харитоном в 1937 г. — разделение ^{235}U и ^{238}U в газовой фазе в высокоскоростной центрифуге. Во втором подходе исследования сосредоточились на альтернативном ^{235}U расщепляющем элементе ^{239}Pu — плутонии-239. Следовательно, к бомбе вели два направления — разделение изотопов (получение ^{235}U) и наработка с помощью ядерного реактора ^{239}Pu .

Заметим, что Максимилиан Волошин ещё в 1923 г. указал на возможность использования радиоактивного распада для генерации энергии:

Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада.

Сегодня в автономных космических аппаратах, таких как марсоходы, используются радиоизотопные источники «света, электричества и теплоты», работающие на α -распаде изотопа ^{238}Pu .

С 1933 г. учёные в Советском Союзе регулярно проводили конференции по атомному ядру и использованию внутриатомной энергии, на которых,

собственно, и был запущен механизм когеренции. 24–30 сентября в Ленинграде состоялась Первая Всесоюзная конференция по ядерной физике, в которой приняли участие А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, Л. А. Арцимович, А. И. Лейпунский. Среди приглашённых иностранных физиков были Ф. Жолио-Кюри, Поль Дирак и другие. В 1938 г. для координации работ в области ядерной физики в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру под председательством С. И. Вавилова. В состав комиссии вошли А. Ф. Иоффе, А. И. Алиханов, И. В. Курчатов, Г. М. Франк, В. И. Векслер, А. И. Шпетной.

Будущие участники Атомного проекта, работавшие в академических институтах над проблемами радиоактивности, вели совместные исследования задолго до начала проекта. Причём один и тот же учёный нередко одновременно работал в разных институтах: среди них были ученики Н. Н. Семёнова — Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон, занимавшиеся теорией детонации, важной для создания атомного и термоядерного оружия. В консолидации будущих участников Атомного проекта особую роль сыграли теоретические исследования в ЛФТИ, которыми руководил член-корреспондент Я. И. Френкель. В них участвовали все крупнейшие сторонники квантовой физики, в том числе Л. Д. Ландау и И. Е. Тамм.

В марте 1938 г. группа сотрудников ЛФТИ направила В. М. Молотову письмо о необходимости экспериментальных работ по атомному ядру, однако, заручиться правительственной поддержкой им не удалось. С тем же успехом в 1940 г. академики В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, В. Г. Хлопин пишут письмо заместителю председателя совнаркома Н. А. Булганину, в котором просили форсировать работы по использованию внутриатомной энергии в Советском Союзе, чтобы не отстать от зарубежных стран: «Работы по физике атомного ядра привели в самое последнее время к открытию деления атомов урана под действием нейтронов, при котором освобождается огромное количество внутриатомной энергии... Эти работы ставят на очередь вопрос о возможности технического использования атомной энергии... Важность этого вопроса вполне осознается за границей, и, по поступающим оттуда сведениям, в Соединенных Штатах Америки и Германии лихорадочно ведутся работы, стремящиеся разрешить этот вопрос, и на эти работы ассигнуются крупные средства»².

В 1940 г. открытие резерфордовского уровня — спонтанное деление ядра — сделали сотрудники ленинградского Физтеха Георгий Николаевич Флёрв и Константин Антонович Петржак.

«Всё от начальства происходит»

В 1940 г. Я. Б. Зельдовичем и Ю. Б. Харитоном были сделаны оценки по кинетике механизма цепной реакции. Эти два ученых сыграли выдающуюся роль в создании советской атомной бомбы. Н. Н. Семёнов, прочитав их работы, написал письмо о бомбе в ЦК ВКП (б). Он рассказывал своему ученику В. Е. Фортову, что «его вызвали в Москву, и он просидел

² Вернадский В. И., Ферсман А. Е., Хлопин В. Г. Письмо заместителю Председателя Совнаркома товарищу Н. А. Булганину. Вернадский В. И. Собр. соч. Том 12. С. 155.

две недели у телефона, потому что Кафтанов, который в то время в ЦК курировал науку и образование, сказал: «Тебе будет звонить Молотов по поводу этой бумаги». Тем не менее, бумага хода не получила. Семёнов прождал две недели. Молотов так и не позвонил. И если мы не первыми сделали бомбу, то никак не потому, что учёные проглядели. Учёные как раз предлагали. Если бы в то время руководство нашло ресурсы, проявило мудрость и волю и оценило бы это предложение Академии наук, то, конечно, история могла пойти совсем по-другому. А мы вполне могли сделать атомную бомбу раньше, чем наши в то время союзники» [Фортон: 45; Вернадский, Т. 12: 334].

Нужно заметить, что у нас в стране заниматься ядерной проблемой было не просто. Николай Николаевич Семёнов рассказывал, что ему даже сделали выговор по партийной линии за то, что он поддерживал атомные разработки, а не занимался должным образом работами по горению ракетных топлив [Фортон: 42]. Яков Борисович Зельдович и Юлий Борисович Харитон были вынуждены в факультативном режиме, фактически во внерабочее время, вести работы по ядру, и сумели сделать ставшие абсолютно классическими расчёты механизма цепной реакции, критической массы и предсказания, какие режимы должны быть для перевода в критическое состояние.

Наше отечество состоит из трёх страт. Вторые две назвал Борис Слуцкий, открыв в стране широкую дискуссию под названием «Физики и лирики»:

Что-то физики в почёте.

Что-то лирики в загоне.

Дело не в сухом расчёте.

Дело в мировом законе.

А первую страту, самую главную, выявил ещё Н.Е. Салтыков-Щедрин: «Всё в мире волшебство от начальства происходит».

Пётр Леонидович Капица считал, что если бы учёным не мешали, то бомбу советские специалисты создали бы самостоятельно и раньше американцев. Он пишет в письме Сталину в 1952 г.: «Мне вспоминается то исключительно малое внимание, которым у нас в Союзе, до войны, пользовалась ядерная физика. Сколько тогда времени и сил затратили Иоффе и Алиханов, чтобы построить первый у нас в Союзе циклотрон, и это тогда, когда в Америке их было уже несколько. Известно, что без циклотрона серьёзные исследования в ядерной физике невозможны. Тогда опять же ошибочно оценивали эти работы, как имеющие чисто академический интерес... Но насколько было бы лучше, если бы мы были ведущими в области ядерной физики и раньше других имели атомную бомбу. Я вполне допускаю, что наши учёные, работающие в ядерной физике по своим способностям и знаниям, если бы их не отвлекали и им смело помогали, могли бы решить проблему атомной бомбы вполне самостоятельно и раньше других»³.

После нападения Германии научные исследования по урановой проблеме в СССР были прекращены как слишком длительные и дорогостоящие. Большинство учёных, входивших в состав Урановой комиссии, были переброшены на оперативные оборонные работы.

³ Капица П.Л. — И.В. Сталину. 30 июля 1952 г. «Известия ЦК КПСС», 1991. №2. С. 107–108.

Проживавший в США сын В.И. Вернадского прислал отцу статью об американских атомных разработках и на полях приписал: «Папа, не опоздайте». 13 марта 1943 г. В.И. Вернадский пишет записку о необходимости возобновления работ урановой комиссии: «Я считаю необходимым немедленно восстановить деятельность Урановой комиссии, имея в виду как использование урана для военных нужд, так и необходимость быстрой реконструкции последствий разрушений от гитлеровских варваров, произведённых в нашей стране. Для этого необходимо ввести в жизнь источники новой мощной энергии... Из того, что доходит до меня из иностранной литературы, я вижу косвенные указания на то, что мысль в этом направлении идёт как у наших союзников, так и у наших врагов, и, очевидно, в этом направлении идут искания» [Вернадский, Т. 12: 334]. Президент АН СССР В.Л. Комаров передал записку В.И. Вернадского в СНК СССР.

Руководство государства, построенного так, что верили более всего спецслужбам, а не учёным, получило, наконец, информацию разведки, которая подключилась к проблеме на этапе завершения процесса консолидации ядерных физиков, когда в 1940 г. начальник научно-технического отдела внешней разведки НКВД Л. Р. Квасников, в то время единственный в разведке человек знакомый с основами ядерной физики, по своей инициативе дал ориентировку в резидентуры в странах, где возможны подобные исследования, по сбору информации о работах, связанных с использованием атомной энергии в военных целях. Информация начала поступать с конца сентября 1941 года. Лондонским резидентом А. В. Горским (оперативный псевдоним «Вадим») были получены разведанные о возможности создания урановой бомбы в пределах двух лет и о подготовленном к срочному осуществлению проекте строительства газодиффузионного завода, но отмечались также и трудности. Это были первые данные разведки НКВД от Д. Маклина («Лист»), сотрудника МИД Великобритании, по атомной проблеме. Данные были доложены Л. П. Берии, который отверг их как дезинформацию, нацеленную на отвлечение людских и материальных ресурсов. Но он направил донесение в 4-й спецотдел НКВД, представлявший собой крупный научно-исследовательский центр. 10 октября на материал разведки появился отзыв, написанный, судя по научной аргументации и терминологии физиком, уклончивый по выводам: создание бомбы возможно, но не скоро [Очерки истории Российской внешней разведки, 1999. Т. 4: 428]. Документы лежали не оцененные ещё около двух месяцев. Потом был сделан запрос в Разведупр Генштаба Красной Армии, есть ли у них сведения об исследованиях за рубежом по урановой проблеме, и если есть, выслать их в НКВД на имя наркома Л. П. Берии.

Такие материалы в военной разведке были. Еще 8 августа 1941 г. военная разведка получила первые сведения о работе британских ядерных физиков над атомной бомбой от Клауса Фукса, немецкого физика-теоретика, эмигрировавшего сначала во Францию, а затем в Великобританию. О Клаусе Фуксе рассказали послу СССР в Великобритании И. М. Майскому, который был «в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне с Горским» [Судоплатов, 1996: 229], поэтому он посоветовал установить связь с Фуксом резидентуре военной разведки. Руководителем лондонской

резидентуры Разведуправления РККА был генерал-майор И. А. Складов (оперативный псевдоним «Брион»), связь с Фуксом осуществлял полковник С. Кремер (оперативный псевдоним «Барч»), а после того, как он отбыл в действующую армию (там за мужество и героизм в танковых сражениях ему было присвоено звание Героя Советского Союза, и он стал генералом) — Урсула Кучински («Соня»), которую привлёк к работе в 1932 г. Рихард Зорге. В конце 1943 г. Фукс был приглашён в США и стал участником Манхэттенского проекта, не прекращая сотрудничества с советской разведкой [Лота, 2002: 54–59].

Чтобы правильно оценить полученную информацию, военной разведке требовалась квалифицированная консультация, которую в неразберихе начала войны получить было не так просто. В декабре в Разведупр поступил второй доклад, а в январе 1942 г. — третий. В начале февраля было подготовлено письмо начальнику спецотдела АН СССР М. П. Евдокимову с просьбой дать рекомендацию, какие институты заинтересованы в информации по ядерной тематике. Но в соответствии с запросом вместо АН СССР материалы Фукса ушли в НКВД, где попали начальнику разведки П. М. Фитину. Его сотрудники готовили проект доклада Берии Сталину. Но лондонские материалы военной разведки носили столь ценный научно-технический характер, что проект доклада пришлось срочно переделывать.

В подготовленной в марте 1942 г. для И. В. Сталина записке⁴ Л. П. Берия, докладывая полученные из Лондона сведения, назвал в качестве ведущих в СССР специалистов по расщеплению атомного ядра П. Л. Капицу, Д. В. Скобельцына и А. А. Слуцкого. Видимо, основанием поставить Капицу во главе списка послужил факт предыдущей его работы у Э. Резерфорда, но в 1930-е и начале 1940-х гг. он занимался физикой низких температур и физикой сильных магнитных полей. Д. В. Скобельцын, хотя и был крупным специалистом по ядерной физике, но занимался в основном космическими лучами и был далёк от вопросов ядерного деления. А. А. Слуцкий вообще занимался радиотехникой, в частности, генерацией высокочастотных колебаний [Визгин, 1992. № 3: 99]. Это говорит о том, что не стоит переоценивать рекомендации спецслужб. Информация, циркулирующая в сообществе профессионалов, куда более точна.

Таким образом, первая попытка мобилизации по приказу оказалась весьма неудачной.

Л. П. Берия из-за подозрительного отношения к материалам разведки, которое «сохранялось у Берии даже тогда, когда в Советском Союзе уже полным ходом развернулись работы по атомной бомбе» [Яцков, 1992. № 3: 105], доложил записку разведки НКВД и ГРУ, подготовленную П. М. Фитиным, «лишь 6 октября 1942 г., уже после того, как вопрос о создании ответственного центра для создания атомной бомбы был решён» [Очерки истории Российской внешней разведки, Т. 4: 428], т. е. более чем через год после поступления первых сообщений от «Вадима» и Фукса.

В это время Г. Н. Флёров, техник-лейтенант одного из авиаполков, пишет с фронта письмо и пять телеграмм уполномоченному по науке ГОКО

⁴ Л. П. Берия — И. В. Сталину. — Вопросы истории естествознания и техники, 1992. № 3. С. 109–111.

С. В. Кафтанову с призывом немедленно начать работы по созданию отечественного атомного оружия. Не получив ответа, он направляет два письма И. В. Сталину. В одном из них он просит созвать совещание с участием А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсмана, С. И. Вавилова, В. Г. Хлопина, П. Л. Капицы, А. И. Лейпунского, Л. Д. Ландау, А. И. Алиханова, Л. А. Арцимовича, Я. И. Френкеля, И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, Я. Б. Зельдовича, А. Б. Мигдала, И. И. Гуревича, К. А. Петржака. Какой великолепный список учёных, из которых только шестеро были академиками, чтобы в силу статуса иметь какую-то известность, свидетельствующий о реальности консолидации физиков!

Письма Г. Н. Флёрова почти совпали по времени с находкой фронтовых разведчиков. Во время операции по уничтожению вражеского гарнизона на Кривой косе близ Таганрога в феврале 1942 г. в портфеле убитого немецкого офицера Г. Вандервельде нашли тетрадь с непонятными формулами. Известный разведчик, специалист по диверсиям полковник И. Г. Старинов, которому докладывали разведчики, заинтересовался тетрадью. И приказал сделать перевод. Переводчик смог сделать вывод, что офицер был физиком и занимался обоснованием процесса расщепления урана. Тетрадь переслали С. В. Кафтанову. Так было установлено, что немцы искали способы применения атомной энергии для военных целей. В конце февраля С. В. Кафтанов решил, что наступило время докладывать проблему И. В. Сталину, и вместе с академиком А. Ф. Иоффе направил ему докладную записку с предложением об учреждении научного Центра для решения проблем атомного оружия. И. В. Сталин собрал совещание, на которое были вызваны А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, В. Г. Хлопин и П. Л. Капица. Сталин резюмировал результаты совещания: «Надо делать» [Очерки истории Российской внешней разведки, Т. 4: 428]. И когда 28 сентября 1942 г. вышло распоряжение Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану», в котором давались поручения АН СССР и её конкретным институтам, а также АН УССР, благодаря сложившейся к тому времени консолидации физиков-ядерщиков удалось быстро собрать по эвакуированным институтам и вызвать из действующей армии.

После выхода распоряжения уполномоченный ГОКО по науке С. В. Кафтанов передал И. В. Курчатову для экспертизы три комплекта документов военной разведки (138 листов от 17 августа, 139 листов от 25 августа и 11 листов от 2 сентября 1942 г.). Ознакомившись с ними, сел писать докладную В. М. Молотову, которую завершил 27 ноября 1942 года. Заканчивалась записка предложением привлечь к работе, помимо тех, что уже занимались ураном, А. И. Алиханова и его группу, Ю. Б. Харитона и Я. Б. Зельдовича, И. К. Кикина, А. П. Александрова и его группу, А. И. Шальникова. Для руководства работами И. В. Курчатова предложил учредить при ГОКО под председательством В. М. Молотова специальный комитет, в котором представителями от науки могли бы быть академики А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица и Н. Н. Семёнов. На следующий день В. М. Молотов, прочитав этот документ, с припиской «Прошу ознакомиться с запиской Курчатова» направил его И. В. Сталину.

К сообществу физиков стали примыкать математики, которые помогали физикам-теоретикам рассчитывать реактор и каскады установок

по газодиффузионному разделению изотопов урана, а также ожидаемые мощности атомных зарядов. Первым крупным математиком, включённым И. В. Курчатовым в коллектив лаборатории №2, был С. Л. Соболев, специалист в области дифференциальных уравнений математической физики. Он стал работать в секторе И. К. Кикоина, которому было поручено заниматься диффузионным методом разделения изотопов урана. На следующей фазе, уже собственно в атомном проекте роль математиков станет никак не меньшей роли физиков. К началу 1944 г. штат Лаборатории №2 состоял из 20 учёных и 30 человек вспомогательного персонала.

11 февраля 1943 г. ГОКО по инициативе учёных Г. Н. Флерова и И. В. Курчатова постановил начать экспериментальные работы по атомному ядру⁵. В феврале же 1943 г. ГОКО утвердил постановление об использовании атомной энергии в военных целях. Курирование всех работ по атомной бомбе было возложено на В. М. Молотова, а его заместителем был назначен Л. П. Берия. Комиссия по урану была ликвидирована, и 31 августа 1943 г. было основано центральное учреждение Атомного проекта, аналог Лос-Аламоса в США, — Лаборатория №2 АН СССР, которую возглавил И. В. Курчатов. Через год Берия станет главным ответственным лицом за работы по атомной проблеме.

Элемент под номером 94 в таблице Менделеева, плутоний, был получен группой физиков Калифорнийского университета под руководством Г. Т. Сиборга в феврале 1941 г. Сообщение об этом было направлено в журнал «Physical Review» для публикации в мартовском номере. Однако американцы быстро поняли, что появилось новое направление создания атомной бомбы и полностью закрыли даже упоминание о плутонии. Производство плутония решает проблему, так как отпадает необходимость разделения изотопов урана, т. е. бомба могла быть сделана в значительно более короткие сроки. И. В. Курчатов узнал о плутонии из данных разведки в начале 1943 г. «Перспективы этого направления необычайно *увлекательны*», — писал И. В. Курчатов заместителю председателя СНК СССР М. Г. Первухину⁶. Из этой фразы видно, что советских физиков торопили не только военные события, но и необычайный внутренний интерес к сложнейшей задаче, которая и тянула решение из будущего.

И все же, несмотря на информацию о плутонии, И. В. Курчатов не прекращал работу по разделению изотопов урана, которые продолжались и в США, но предпочитал метод центрифугования, разработанный Ю. Б. Харитоном, хотя его технология и не была ещё хорошо развита. По этой причине Ю. Б. Харитон и Я. Б. Зельдович ещё в 1939 г. отклонили его, признав непрактичным. Приоритет газовой диффузии в США и Англии, как средства отделения ^{235}U от ^{238}U , оказался неожиданным для И. В. Курчатова. Полученные разведкой данные заставили его

⁵ «Наука и общество. История советского атомного проекта» (1940–1950-е гг.). Труды Международного симпозиума. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. 392 с.; Атомный проект СССР. Документы и материалы / Отв. ред. Л. Д. Рябев. В 3 т. 1938/1945. М.: Наука, 1998; Щербаков В. А. Лаборатория №1 и атомный проект СССР. Саров: РФЯЦ; ВНИИЭФ, 2005. 155 с.

⁶ И. В. Курчатов — М. Г. Первухину. Вопросы истории естествознания и техники, 1992. №3. С. 116 (выделение в цитате — Ю. Б.).

пересмотреть планы и включить в них эксперименты по газовой диффузии [*Лобиков*, 2002: 110–124].

Летом 1943 года начальник 3-го отдела 1 управления НКГБ полковник Г. Б. Овакимян направил начальнику разведки П. М. Фитину записку о целесообразности объединения разведывательных возможностей по урановой проблеме двух ведомств. П. М. Фитин согласился и подготовил рапорт наркому госбезопасности В. Н. Меркулову с предложением передать «всю разработку проекта «Энормоз»⁷ и агентуры, работающей в этой области, 1-му управлению НКГБ» [*Лота*, 2002: 102]. Предложение было признано правильным с точки зрения координации и концентрации разведусилий (нужда в мобилизации начинала проявляться), хотя и несло риски потери ценных источников информации, для которых очень важен человек, которому они доверились и с кем работают. И такой случай, к счастью завершившийся благополучно, произошёл в феврале 1944 г. Руководитель нелегальной резидентуры военной разведки в Нью-Йорке Артур Александрович Адамс («Ахилл») предложил Центру привлечь к сотрудничеству одного из американских физиков, участвовавших в атомном проекте. Но ГРУ теперь требовалось согласовать этот вопрос с НКГБ. В результате переписки между ведомствами выяснилось, что этот учёный является объектом разработки резидентуры НКГБ. 24 февраля Центр наложил запрет на встречу «Ахилла» с физиком, но ответ запоздал: назначенная на 23 февраля встреча состоялась, и «Ахилл» получил образцы чистого урана и бериллия, флакон «тяжёлой воды», а также — на несколько часов 985 листов документов, которые он фотографировал всю ночь. И образцы, и фотодокументы и 19 листов сопроводительной записки быстро поступили в Москву. М. Г. Первухин и И. В. Курчатов дали им высочайшую оценку. На нескольких следующих встречах информатор передал «Ахиллу» 2500 листов закрытых материалов, затем 1500 и, наконец, 3869 листов [*Лота*, 2002: 202–214] — темпы работ в американских лабораториях были необычайно высоки. Но вскоре этот источник на связь не вышел: американский физик получил лучевую болезнь, которая тогда была новостью, и ушёл из жизни. Решение о передаче курирования «атомных» операций в руки разведки НКГБ имело отдаленное последствие: именно НКГБ вышло в общественном мнении на первый план в добыче атомных секретов, хотя результаты ГРУ, по крайней мере, на описываемом этапе были выше.

Информация поступала богатая — тысячи страниц документов и расчётов. Уравнения, технологии, конструкции описывались подробно, даже с размерами болтов. Но первая заслуга разведки в создании атомной бомбы состояла в том, что при всем недоверии государственного руководства к науке и разведке именно разведка первой достигалась до лиц, принимавших решения, в результате чего в 1942 г. появилось распоряжение о развертывании работ по созданию советского ядерного оружия. Вторая заслуга разведки — в том, что она помогла избежать дорогостоящих путей и сэкономить средства на создание атомной бомбы, что в условиях ограниченности

⁷ Название агентурного дела операции внешней разведки НКВД-НКГБ по добыванию для атомных секретов в США и Великобритании.

ресурсов (в первую очередь, урана и тяжёлой воды), отсутствия ряда технологий (например, производства чистого графита в больших количествах) и военного времени было особенно ценно. Перед физиками словно лежала «карта» с ветвящимися как дерево путями, теоретически ведущими к цели. И они пришли бы к ней, но постоянно возвращаясь к развилкам и переходя на другую «веточку». Разведка, указывая верные ориентиры, позволила нашим физикам максимально сократить время, быстро миновать некоторые фазы работы, помогла избежать «осечки» при проведении первого атомного взрыва, имевшего огромное политическое значение. И это третья заслуга разведки. При разных оценках того, сколько лет сэкономила физикам разведка, все они укладываются обозначенную в начале статьи полосу неопределённости ($\pm 4,5$ года). Это означает, что атомный проект развивался вполне естественным для науки темпами, учитывая и все возникающие препоны, и любую помощь.

Парадокс секретности Хайнлайна

Посмотрим теперь, как обстояли дела у Германии и союзников. Поначалу главным объектом разведки стала Германия, поскольку считалось, что, прежде всего, она способна решить задачу: хорошо развиты физика и химия, проводятся эксперименты по центробежному разделению изотопов урана и, главное, оккупировав в 1940 г. Бельгию, немцы получили почти половину мирового запаса урана — 1200 тонн уранового концентрата, добывавшегося в Бельгийском Конго (вторую половину удалось переправить из Катанги, провинции Конго, в США, первые американские атомные бомбы впоследствии были сделаны из этого урана). Затем, захватив Чехословакию, Германия начала осваивать урановые шахты и там, возле Иоахимсталя. О том, что немцы разрабатывают урановые месторождения в Судетских горах, военная разведка узнала от сотрудничавшего с нею Франтишека Моравца («Барона»), руководителя чехословацкой разведки в Лондоне через «Бриона».

В апреле 1939 г. гамбургские физики Пауль Хартек и его помощник Вильгельм Грот написали в германское Имперское военное министерство письмо, в котором указали на возможность создания нового вида оружия на основе достижений ядерной физики. Армейское артиллерийское управление приняло предложение и сразу же засекретило работы. Так Германия стала первой великой державой, давшей ядерной программе государственный статус.

В декабре 1939 г. Вернер Карл Гейзенберг (нобелевская премия по физике 1932 года) и Карл Фридрих фон Вайцзекер провели серию экспериментов с цепной реакцией и пришли к выводу, что германский атомный проект возможен с двумя видами замедлителей — графитом и тяжёлой водой. В январе 1940 г. погрешность в измерении, которую допустил Вальтер Боте (он использовал загрязнённый бором графит), завершили эксперименты с графитом. С тех пор основное внимание было сосредоточено на производстве тяжёлой воды для ядерного реактора. Единственное существовавшее производство — 10 кг/месяц — находилось в Норвегии (Norsk Hydro, Рjukan). Немцам в их просьбе продать тяжёлую воду было отказано, и все её запасы достались Франции (фактически Ф. Жолио-Кюри). Доставку тяжёлой воды

обеспечивали спецслужбы. Для перевозки открыто готовился самолёт, который немцы легко перехватили и приземлили, но в опечатанных канистрах оказалась обычная вода. А когда в июне 1940 г. немцы вошли в Париж, тяжёлую воду уже перевезли в Великобританию. Немцы всё же принудили норвежскую компанию к сотрудничеству, но мощности фабрики были недопустимо малы, а после диверсии 1942 г. и вовсе прервались. Едва производство возобновили в 1943 г., бомбардировкой англо-американской авиации фабрика была полностью разрушена.

Немцы позволили себе одновременную разработку двух крупных реакторов разного типа, причём наиболее неудачную конструкцию строил В. Гейзенберг (возможно, намеренно), и ему как нобелевскому лауреату доставался и уран, и тяжёлая вода, и финансирование. Проект Курта Дибнера снабжался по остаточному принципу. Впрочем, в начале лета 1942 г. Гейзенберг погиб при взрыве в своей лаборатории.

Что же касается обогащения урана изотопом ^{235}U , то немецкие учёные разработали семь (!) способов, но при этом, как ни удивительно, совершенно не приняли во внимание эффективный способ противоточной диффузии через пористую перегородку, предложенный в 1934 г. немецким же учёным Густавом Людвигом Герцем (Нобелевская премия по физике 1925 года), возглавлявшим всё это время научно-исследовательскую лабораторию Сименса в Берлине. В 1942 г. физик Эрих Багге создал работоспособную установку для обогащения урана.

Тем не менее, надо отдать должное немецким физикам: они, когда советские войска уже вступали в Берлин, всё ещё надеялись запустить реактор К. Дибнера. Его перевезли в деревушку Хайгерлох. Но американцы, проводя операцию «Алсос-2», в которой участвовали помимо военных разведчиков, специалисты по безопасности Манхэттенского проекта и ученые, стремительно переправили в США и физиков, и комплектующие реактора, и уран, и тяжёлую воду [Грудсмит, 1963]. (Ныне в музее города Хайгерлох выставлена копия ядерного реактора). Из советской зоны оккупации (г. Штасфурт) американские военные также вывезли около тысячи тонн бельгийского урана. Советскому Союзу досталось лишь семь тонн металлического урана (окись урана) и около 300 тонн урановых соединений.

В Германии процесс консолидации физиков не пошёл по ряду причин. Во-первых, ввиду господствующего во всех областях немецкой жизни знаменитого «орднунга» (порядка) трудно было говорить о турбулентных условиях, необходимых для зарождения когеренции. Во-вторых, атмосфера созданной нацистами «арийской» физики способствовала разобщению учёных и взаимной подозрительности, но никак не их консолидации. В-третьих, многих немецких учёных уволили из институтов и призвали в армию, где они несли службу наравне со всеми, и их научный потенциал не использовался, как во многих случаях в Советском Союзе, для защиты кораблей от магнитных мин, создания баллистических таблиц стрельбы, создания новых взрывчатых веществ или более крепкой танковой брони и т. д. Лишь в сентябре 1944 г. М. Борман запретил призывать научных работников на военную службу или привлекать их к выполнению каких-либо повинностей, не имеющих отношения к их основной профессии.

История создания атомной бомбы в США широко известна, поэтому её описание сведено к предельно краткому.

В 1939 г. А. Эйнштейн направил президенту США Ф. Рузвельту письмо, которое инициировали физики-эмигранты из Венгрии Л. Сцилард, Ю. Вигнер и Э. Теллер. В письме обращалось внимание на важность опережающих исследований по ядерной физике, поскольку Германия далеко продвинулась и близка к обладанию атомной бомбой. После письма Эйнштейна в США был создан Урановый комитет. В 1940 г. все работы по урану засекретили.

В 1942 г. под руководством Ферми был создан и запущен реактор, и началось осуществление Манхэттенского проекта. В 1943 г. организуется Лос-Аламосская лаборатория, и в 1945 г., спустя всего шесть лет после первых лабораторных академических экспериментов, был произведён взрыв ядерного заряда, который в том же году использовался в Хиросиме и Нагасаки.

В США не было процесса консолидации физиков-ядерщиков. Там создавалась высокая концентрация физиков-эмигрантов из Европы, которые все были взяты под контроль по прибытии в США, и их, оказалось, легко вовлечь в Манхэттенский проект.

Так же в 1940 г. начался британский оружейный урановый проект. Для руководства работами правительство создало комитет «МОД». Поначалу в Великобритании работы велись активнее, чем в США. И отчёты направлялись в США. В 1941 г., когда представитель комитета «МОД» прилетел в США, выяснилось, что в целях полной секретности отчёты просто складывались в сейф и никому не показывались. Секретность во всех странах была выше всяких похвал. В 1941 г. писатель-фантаст Хайнлайн в повести «Злосчастное решение» описал, как американцы в конце войны создадут из урана-235 бомбу и сбросят её на крупный город противника [Heinlein, 1941]. Хайнлайн попытался привлечь к ответственности за разглашение государственной тайны. «Парадокс Хайнлайна» говорит о том, что абсолютной секретности быть не может, даже если секретные документы, как в случае с английскими отчётами, не показывать вообще никому. И, как результат, эффективные действия советской разведки, сделавшей не только очень много, но и в период, когда это было критически важно. Нужно заметить также, что разведка Великобритании («Гренвилль» из Управления вооружений, курировавшего в Германии урановый проект, а также «Гриффин») и Управление стратегических служб США (Эрвин Респондек — «Ральф»), хотя и не в таком объёме, также получали информацию от весьма компетентных агентов в Германии.

Создать свою атомную бомбу и даже опередить США пыталась и Япония. Это говорит о том, что само развитие физики подвело к раскрытию «тайны» расщепления атомного ядра. И какой бы тайной не окутывали исследования по ядерной физике в той или другой стране, учёные добились бы успеха. Другое дело, что в условиях мировой войны, в условиях дефицита времени и ресурсов, любая помощь учёным была критически важной. Именно эту функцию и выполняли спецслужбы воюющих стран.

В мае 1941 г. на семинаре в Университете города Киото японский физик Токутаро Хегивара заявил, что делящийся изотоп урана «имеет большую возможность стать полезным как инициатор ядерного горения» [Лобиков,

2002: 125]. В 1942 г. сотрудник аппарата военного атташе майор А. Косицын узнал от профессора Иосио Нисина из Института физико-химических исследований, который в довоенное время учился в Копенгагене и слушал в Институте теоретической физики лекции Н. Бора, что в мае 1941 г. военный министр Японии Хидэки Тодзио поставил перед начальником научно-технического управления ВВС Японии генералом Такео Ясуда задачу создания урановой бомбы. Работы сосредоточили в Институте физико-химических исследований, руководство поручили И. Нисина. В его подчинении было около ста учёных. Вскоре к проекту подключился императорский военный флот. Под его эгидой был учреждён Комитет по прикладному использованию ядерной физики. В него вошли Риоките Сагане, ранее стажировавшийся в Калифорнийском университете, Ценесабуру Асаде, Бунсаку Аракацу и Масаси Кикутти. Председателем комитета стал И. Нисина. По начальной букве его фамилии работы получили название «Проект Эн». В 1942 г. японская агентурная разведка добыла первые сведения о работах над бомбой в США. В Японии поняли, как именно им отзовется Пёрл-Харбор, и всюю стремились опередить США. В мае 1943 г. И. Нисина доложил командованию о технической осуществимости создания урановой бомбы. В 1944 г. были успешно проведены испытания опытного образца сепаратора для разделения изотопов урана методом газовой диффузии (он вскоре оказался разрушен в результате американской бомбардировки). Однако и американская разведка, и ГРУ (по поступавшим данным А. Косицына) пришли к выводу, что ресурсов (в первую очередь урана) у Японии для создания бомбы не хватит [Лота, 2002: 267–275].

Четвертая фаза, начинающаяся с 1945 г., — это и есть атомный проект, полномасштабное освоение которого грубо оценивается годами достижения СССР ядерного паритета США. Видно, что консолидация или самоорганизация к тому времени успешно произошла. Когда 20 августа 1945 г. был создан Спецкомитет при ГОКО и Первое главное управление при СНК СССР, уже появилось множество специалистов по ядерной теме высочайшего уровня. Было из кого выбирать.

По существу, сам атомный проект лежит за пределами нашего рассмотрения. Поэтому назовём лишь несколько дат. 16 июля 1945 г. — первый экспериментальный ядерный взрыв в США. 6 и 9 августа две бомбы были сброшены на Хиросиму (урановая бомба «Малыш») и Нагасаки (плутониевая бомба «Толстяк»). В 1946 г. создаётся Центр по разработке ядерного и термоядерного оружия при Лаборатории №2 АН СССР, и в том же году запущен ядерный реактор. 29 августа 1949 г., когда в арсенале США уже имелось около тысячи атомных бомб, в СССР осуществлён первый ядерный взрыв. Заметим, что по результатам войны, из атомной гонки выбыли Германия и Япония. Но помимо США оставалась Великобритания, которая в 1952 г. произвела взрыв собственной атомной бомбы (решение о создании атомной бомбы независимо от США принято в 1947 г.).

В 1956 г. в неё включилась Франция. Президент Ш. де Голль принимает решение о создании ядерного оружия. Научным руководителем французского атомного проекта назначен Ф. Жолио-Кюри. И уже в 1960 г. Франция произвела испытание первого ядерного устройства.

Итак, Соединенным Штатам для создания атомной бомбы потребовалось 6 лет, Советскому Союзу — 7 лет (включая период предварительной консолидации — 3 года), Великобритании — 6 лет (или 9 лет с учётом работ 1940–1943 гг. до включения в Манхэттенский проект), Франции — 5 лет. Сроки очень похожие, несмотря на значительное преимущество США, собравших в Манхэттенском проекте почти все лучшие силы физиков-ядерщиков. При этом разведслужбы всех этих стран, а также разведок Германии и Японии, не успевших создать бомбу, работали «все против всех». Таким образом, перераспределение необходимого информационного ресурса, поступающего по разведывательным каналам, сглаживали общую картину гонки.

* * *

За успешное испытание первого советского атомного устройства звание Героя Социалистического Труда было присвоено 33 учёным (включая немецкого физика Н. В. Рилия), инженерам и руководящим работникам. Более 800 научно-технических работников награждены орденами. Сотрудники внешней разведки НКГБ Л. Р. Квасников, Н. С. Сазыкин, А. С. Феклисов и А. А. Яцков также награждены орденами. Ни один военный разведчик не попал в число получивших награды. Клаус Фукс не был награждён ни одной советской наградой до конца своих дней. Помимо тех разведчиков, о которых рассказывалось в статье, хотелось бы упомянуть ещё двоих.

Нелегал ГРУ Жорж Абрамович Коваль («Дельмар») работал на секретном объекте в закрытом атомном городе Ок-Ридж (Теннесси, США), столь секретном, что даже Клаусу Фуку, который занимался математическим аппаратом газодиффузионного процесса и разрабатывал его технологию, ни разу не удалось посетить этот ядерный комплекс. В Ок-Ридже производились обогащённый уран и плутоний, который военными самолётами отправляли в Лос-Аламосскую лабораторию. Дельмар бесперебойно поставлял ценнейшую информацию. Примечательно, что Дельмар не имел офицерского звания. Он был зачислен на военную службу рядовым и, возвратившись после войны в Советский Союз, демобилизовался рядовым и работал научным сотрудником в одном из институтов.

Яну Петровичу Черняку («Джек») передавал информацию британский физик Алан Мэй. В Канаде связь с Мэем осуществлял Петр Никитович Ангелов («Бакстер»). В частности, 4 ноября 1945 г. в Москву от него был доставлен образец (162 микрограмма) урана-235, который представлял особый интерес для советских физиков, 5 ноября впервые получивших в Лаборатории № 2 под руководством Л. А. Арцимовича 70 микрограмм урана-235. Мэй также передал «Бакстеру» доклад Э. Ферми об устройстве и принципе действия уранового котла.

За мужество и героизм при выполнении специальных заданий присвоено звание Героя России следующим военным разведчикам: Я. П. Черняку в 1994 г. (за несколько дней до ухода из жизни), А. А. Адамсу в 1999 г. (посмертно), Ж. А. Ковалю в 2007 г. (посмертно).

За выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны в 1995 г. звание Героев России присвоено разведчикам НКГБ-МГБ-КГБ

Моррису Коэну в 1995 г. (посмертно), и в 1996 г. — Леонтине Коэн (посмертно), Л. Р. Квасникову (посмертно), В. Б. Барковскому, А. С. Феклисову и А. А. Яцкову (посмертно).

Было бы справедливо, наконец, отметить государственными наградами заслуги Клауса Фукса и многих других безвестных участников атомного проекта.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.001

Литературные источники

- Бальмонт К.* Горящий атом, я лечу... (1895)
Белый А. Первое свидание (1921)
Богданов А. А. Красная звезда (1908)
Брюсов В. Мир электрона (1922)
Волошин М. Путиами Каина (1922–1923)
Курсанов С. И. Осада атома (1933)
Маяковский В. В. Разговор с фининспектором о поэзии (1926)
Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия (1877)
Wells H. G. The World Set Free. A Story of Mankind (1913)

Список литературы

- Алексеев В. В., Литвинов Б. В.* Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики. Вестник РАН, 1998. Т. 68. № 1. С. 9–22.
- Батурин Ю. М., Доброчеев О. В.* Периодическая таблица критических событий в космонавтике. — В кн.: Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года // Под ред. акад. Б. Е. Чертока. М.: Издательство «РТСофт», 2010. С. 675–710.
- Вернадский В. И.* Записка о необходимости возобновления работ урановой комиссии. Вернадский В. И. Собр. соч. Том 12. С. 334.
- Вернадский В. И.* Новые открытия в области радия. Вернадский В. И. Собр. соч. Том 12. С. 171–172.
- Вернадский В. И.* О необходимости создания научно мощного Всесоюзного радиевого института в срочном порядке. Вернадский В. И. Собр. соч. Том 12. С. 140–142.
- Визгин В. П.* У истоков советского атомного проекта: роль разведки, 1941–1946 гг. (по материалам архива внешней разведки России). Вопросы истории естествознания и техники, 1992. № 3. С. 99.
- Гоудсмит С. А.* Миссия Алсос. М.: Госатомиздат, 1963. 192 с.
- Колмогоров А. Н.* Уравнения турбулентного движения несжимаемой жидкости. Известия АН СССР. Сер. физ. 1942. Том 6. № 1–2. С. 56–58.
- Лобиков Е. А.* Современная физика и атомный проект. Москва-Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2002. С. 110–124.
- Лобиков Е. А.* Современная физика и атомный проект. Москва-Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2002. С. 125.
- Лота В.* ГРУ и атомная бомба. Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 54–59.
- Лота В.* ГРУ и атомная бомба. Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 267–275.

Лота В. ГРУ и атомная бомба. Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 102.

Очерки истории Российской внешней разведки в шести томах. Том 4. 1941–1945 годы. М.: «Международные отношения», 1999. С. 428.

Очерки истории Российской внешней разведки в шести томах. Том 4. С. 428.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 229.

Фортис В. Е. Заметки о науке. С. 45. Вернадский В. И. Собр. соч. Том 12. С. 334.

Храмов Ю. А. История физики. Киев: «Феникс», 2006. С. 124–133.

Храмов Ю. А. История физики. Киев: «Феникс», 2006. С. 220.

Яцков А. А. Атом и разведка. Вопросы истории естествознания и техники, 1992. № 3. С. 105.

Heinlein R. A. Solution Unsatisfactory. 1941.

Атомная проблема в межсоюзнических отношениях

В.Л. Мальков

Аннотация: Ещё находясь в стадии разработки, атомное оружие стало важным фактором взаимоотношений внутри антигитлеровской коалиции. Стремление лидеров США и Великобритании сохранить работу над созданием атомной бомбы втайне от СССР и последующее намерение не допустить советскую сторону к обладанию атомными секретами и контролю над атомным оружием стали одним из факторов роста взаимного недоверия между СССР и западными союзниками и, таким образом, способствовали генезису холодной войны.

Ключевые слова: международные отношения, Вторая мировая война, «Большая тройка», «Манхэттенский проект», атомное оружие.

Через год после бомбардировки Хиросимы, летом 1946 г. в малотиражном печатном органе Пенсильванского университета Роберт Оппенгеймер поверг многих американцев в тревожное изумление своим исповедальным по тону заявлением: «Известно, — писал он, — что многие из тех, кто был занят в грандиозных атомных проектах, надеялись, что создать атомное оружие невозможно. Я не разделял этой надежды, ибо знал, что человек в своем поведении руководствуется недоверием к себе подобному».

Трудно сказать, в каком месте Оппенгеймер шутил, а где он был серьёзен. Оставим это биографам Оппенгеймера. Нас должно интересовать другое, а именно: если вплоть до июля 1945 г., до испытания в Аламогордо не было никакой уверенности, что атомная бомба «сработает», то оправдана ли в этом случае постановка темы, обозначенной в названии статьи. Кто-то может сказать, что для политиков это был вопрос жизни и смерти для Германии. Была ли она ещё способна на сопротивление и реальны ли были обещания Гитлера обрушить супероружие на сжимающееся кольцо союзных армий? Такие разные, но серьёзные люди, какими были Рузвельт, Черчилль и Сталин, не могли отказаться от проблеснувшей инициативы и забыть о справедливом возмездии.

В конце 1941 г. атомная бомба находилась еще в формулах и чертежах, и вокруг нее только завязывалась драматическая интрига, масштабы которой и сейчас трудно до конца определить из-за недоступности всех материалов. Одно очевидно — помочь фронту быстро не удалось. Наука перестраивалась медленно. Это не противоречит тому, что о многом известно, включая активизацию результатов научно-технической разведки на самых разных этапах развития атомного проекта в Англии и США. Г.Н. Флёрв по счастливой случайности опередил наших резидентов в Англии. Однако по понятным причинам вплоть до начала 1942 г. информация, поступавшая в Москву по каналам разведки, не вызывала осознанной реакции. Флёрв написал письмо Сталину в декабре 1941 г. Но только с появлением известной записки Л.П. Берии на имя Сталина в марте 1942 г. советское политическое

руководство ставит атомную проблему в число особо значимых пунктов своей политики в отношении союзников. Тем не менее, ни в ходе переговоров, ни в ходе дипломатической переписки советское правительство не выдавало свою заинтересованность, беспокойства или подозрительность.

Западные союзники стремились действовать в том же духе, но характер двусторонних отношений между Вашингтоном и Лондоном предполагал юридическое закрепление определенных согласованных решений, рассчитанных на перспективу. И вот в этом пункте сама собой возникла необходимость концептуального оформления стратегической линии Запада в атомном вопросе. Она воплотилась в формуле «2+1», или иначе — Москва ничего не должна знать об атомном проекте. Существует, по крайней мере, три ключевых эпизода, в которых атомный фактор заявил о себе в качестве встроенного в законспирированный сверхважный пакет секретов в системе коалиционной политики.

Первый эпизод связан с так называемой конференцией Трайдект (конец мая 1943 г., Вашингтон), на которой Рузвельт и Черчилль обсудили широкий круг вопросов, включая в общих чертах проблему будущего атомного оружия в связи с новой расстановкой сил в послевоенном мире, контуры которого после Сталинграда можно было уже спрогнозировать. Не удивительно, что Черчилль и лорд Черуэлл (советник премьера по науке) поделились с Рузвельтом своим пониманием преимуществ сохранения Англией и Соединенными Штатами совместно атомной монополии как средства, уравновешивающего неминуемо возрастающее влияние СССР в послевоенном мире. На Квебекской конференции в августе 1943 г. (после провала операции вермахта «Цитадель» и победы Красной Армии в Курской битве) между Вашингтоном и Лондоном окончательно была достигнута договоренность о недопустимости передачи информации об атомном проекте «третьим странам». Обнародованные в США в последнее время радиоперехваты «Венона», по крайней мере, позволяют говорить, что Сталин мог знать об этом соглашении. Были и другие источники. Отметим, что 22 августа 1943 г. в дни Квебекской конференции Сталин направил Рузвельту и Черчиллю послание, в котором выражал несогласие с решением политических вопросов союзниками без его участия, употребив слово «сговор». Хотел ли он тем самым осудить волокиту вокруг открытия второго фронта в 1944 г. и о судьбах Италии, или намекал на нечто большее, на атомные секреты — на этот счёт сейчас пока трудно дать определённый ответ. Хотя второе предположение в свете некоторых косвенных данных может показаться предпочтительнее всего.

Второй эпизод — это одновременно и история знаменитой «Памятной записки» Рузвельта и Черчилля, принятой совместно на беседе с глазу на глаз без советников в поместье Рузвельта Гайд-парке (штат Нью-Йорк) 18 сентября 1944 г. Документ говорил о твёрдом намерении США и Англии использовать атомное оружие против Японии и одновременно о строжайшем запрете на информацию о «Манхэттенском проекте» для Советского Союза. Версия о том, что он мог остаться неизвестным Кремлю, как-то теряет свою убедительность, если принять во внимание, что советская разведка была в целом хорошо осведомлена о повестке дня Квебекской встречи

и последовавших событиях, включая «задушевную беседу» в Гайд-парке. Необдуманность и неосмотрительность предпринятых Рузвельтом и Черчиллем шагов в части, касающейся Советского Союза, фактически признавалась в ряде последующих заявлений причастных к «Манхэттенскому проекту» советников президента и премьер-министра. Отголосок этой критики и этих сомнений слышится в ряде документов, вышедших из-под пера Г. Стимсона, В. Буша и Дж. Конанта после сентября 1944 г. Буш, чтобы как-то переломить ситуацию, даже пытался склонить Рузвельта и Стимсона к идее обсуждения на предстоящей встрече «Большой тройки» в Ялте проблемы контроля над атомным оружием. Другой, на этот раз неформальный советник президента, причастный к рождению атомной бомбы, Александр Сакс предлагал даже разработать комплекс «мер доверия», решительно отказавшись от идеи информационной блокады Советского Союза и других союзных стран. Настойчиво, с риском для собственной репутации, с лета 1944 г. того же, в сущности, добивался «великий датчанин» Нильс Бор, живший тогда в США и хорошо осведомлённый об атомном проекте.

Очень серьезный шанс для выработки совместной политики в атомном вопросе, как нам сейчас видится, представился в дни работы Ялтинской конференции. Сидевшие за круглым столом в Ливадийском дворце лидеры трёх держав не могли ничего не слышать о самом большом секрете Второй мировой войны. Накануне конференции Рузвельт остро ощущал груз накапливающегося недоверия между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Лондоном — с другой. Несомненно, атомная проблема была одним из его источников. Президент обдумывал различные варианты решения этой проблемы. Времени оставалось крайне мало, но не было и полной уверенности, что первые испытания пройдут успешно. Стоило ли быть откровенным в этом случае? Но так или иначе Ялтинская конференция, её успешное завершение становилось звеном в этом процессе обдумывания неотвратимого решения, способного стать поворотным (в том или ином смысле) для послевоенного урегулирования. Ялтинский эпизод способен бросить дополнительный свет на извечный вопрос, какими могли бы стать отношения великих держав, если на заключительном саммите в Потсдаме союзники встретились бы прежнем составе. Конечно, в этом отношении могут быть высказаны разные, в том числе и прямо противоположные суждения, но в любом случае они навсегда сохранят свой спекулятивный характер. История выбрала свой путь. Какие бы новые свидетельства не появились о том, что в Ялте Рузвельт обдумывал возможность посвятить Сталина в тайну S-1, но решительные возражения Черчилля (который был буквально в шоке от перспективы выяснения отношений со стороны Сталина) вынудили президента отказаться от этого шага.

Эти настроения, по-видимому, совпали с позицией его военного министра Г. Стимсона и в особенности бывшего вице-президента Г. Уоллеса, которые после августа 1945 г. публично выступили за более гибкий курс в атомном вопросе, чем тот, которому с апреля 1945 г. (после смерти Рузвельта) был привержен Г. Трумэн. Кстати, последние исследования американских историков показывают, что у того же Уоллеса были серьезные шансы остаться на посту вице-президента США после выборов 1944 г. В отличие от Трумэна

Уоллес с самого начала был приобщён к «Манхэттенскому проекту». Таким образом, можно говорить об альтернативе возобладавшей линии.

Май 1945 г. — рубеж в скрытой от поверхностного взгляда атомной политике обеих сторон. В Вашингтоне и Лондоне с этого момента было покончено с раздумьями. В целом возобладал жесткий подход. Одновременно в Советском Союзе завершился «организационный период», и Кремль в значительной степени утратил интерес к откровенным разговорам по атому.

В целом, после Хиросимы и Нагасаки возникла короткая передышка, когда все участники одинаково задумались над тем, что предстоит делать в реальных условиях новой конфигурации мировой политики. Очень скоро в кабинете Трумэна почти не осталось ни одного чиновника, который бы знал, как остановить Россию. Среди них был и профессор Ванневар Буш, которому принадлежала роль всенепременного советника Франклина Рузвельта в годы войны по проблемам создания атомной бомбы. Это был именно он, кто в октябре 1941 г. в качестве директора Управления научных исследований доложил Рузвельту и Уоллесу, что англичане установили свойства урана-235 стать источником цепной реакции — базового элемента для атомного оружия. Буш открыл целую плеяду учёных, преимущественно европейских, которые включились в работу в США. Цепь была продолжена вплоть до выхода «продукта» в серийное производство.

В. Буш присутствовал на важном заседании кабинета министров США во главе с Г. Трумэном 21 сентября 1945 г., где с докладом выступил уходивший в отставку военный министр Г. Стимсон. В нём было сказано, что путь к достижению прочного мира может быть достигнут путём разделения контроля над бомбой США и Англией с Советским Союзом. Далеко не все согласились со Стимсоном. Буш поддержал Стимсона, сделав ряд оговорок. Прозвучали альтернативные мнения. Буш присоединился к ним, но он сделал упор на то, что секрет бомбы вообще не удастся сохранить. С этим никто не мог поспорить. Министр военно-морского флота Джеймс Форрестол поддержал именно эту часть выступления Буша. Президент Трумэн, по-видимому, решил внести ясность в общую разногласицу прений и дать Бушу ещё раз изложить свои суждения и представить их в письменном виде. Их встреча состоялась 25 сентября 1945 г., с глазу на глаз [Библиотека Трумэна, Ролик 40]. Слегка обескураженный Буш ушёл из резиденции президента, понимая, что он не сумел до конца убедить президента. В этот раз он сделал акцент на существовании двух одинаково равнозначно существующих вариантов развития. Понимая, что внутренне Трумэн связывает свои планы с тайным накоплением атомного вооружения в одних руках, Буш не решался вступать с ним в открытый спор. Второй вариант исходил из качественного превосходства международного сотрудничества с использованием «возможно» жёсткого контроля. Оба пути, заметил Буш в своем меморандуме, «тернисты», но мы живём в новом мире и обязаны делать выбор. Далее он был ещё более откровенным.

«Никакими способами удержать секретность ни США, ни Англии все равно не удастся, и через 5 лет Россия будет иметь свою бомбу. Но в любом случае, даже если русским не удастся получить в кратчайшие сроки свою бомбу, Россия не окажется беспомощной. Через какие-нибудь 20 лет

(или меньше того) она будет иметь биологическое оружие устрашающей мощи». Идти в ногу со временем для Буша означало быть готовыми использовать тот путь, который был по всем признакам отклонен президентом.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.002

Список литературы

Библиотека Трумэна. PSF (файл президентский секретариат) Атомная бомба — Кабинет (Ролик 40).

Повседневность закрытых атомных городов СССР

И.В. Побережников, Н.В. Мельникова

Аннотация: В статье представлены наработки по одному из разрабатываемых в Институте истории и археологии УрО РАН направлений изучения отечественного ядерно-оружейного комплекса, а именно исследование закрытых атомных городов в контексте социальной истории. Обыденное существование «атомных» резидентов рассматривается через их самовосприятие, социальную самоидентификацию и самопрезентацию. Анализируются причины возникновения, содержание и трансформация таких элементов «атомного» бытования, как восприятие работы в секретном городе, самого города и его жителей.

Ключевые слова: советский атомный проект, атомная промышленность, история, СССР, повседневность, менталитет.

Среди исследований, проводимых Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, особое место занимала и занимает работа над историей советского атомного проекта и отечественной атомной индустрии. У истоков разработки данного направления научных изысканий в Институте стоял его основатель академик В.В. Алексеев, который ещё в середине 1990-х гг. начал их продвижение [Алексеев, Литвинов, 1997; Алексеев, 1999].

Проведённые исследования Института затрагивают различные аспекты и уровни данной проблематики — от частных вопросов региональной «атомной» истории до обобщающих работ, посвящённых научно-технической политике и анализу экономической составляющей становления и развития ядерно-оружейного комплекса страны в исторической ретроспективе [Артёмов, Бедель, 1999; Мельникова, 2006; Артёмов, 2017]. Опубликовано пять книг серии «Атомные города Урала», главным редактором которой является академик В.В. Алексеев [Атомные города, 2009; Атомные города, 2012; Кузнецов, 2015; Кузнецов, 2016; Кузнецов, Толстиков, 2017]. Результатом участия Института в крупном международном проекте, поддержанном Грантом рамочной программы ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» (2015–2019 гг.), стало первое в историографии исследование, посвящённое взаимосвязи государственной стратегии и практики использования ядерной энергии в мирных целях и динамике отношений общественности к проблеме мирного атома в СССР/России в широком хронологическом диапазоне (с 1940-х гг. до современности) [История взаимодействия, 2018]. В 2019 г. в Институте начато издание серии книг «Выдающиеся учёные Урала», посвящённой 300-летию РАН. В преддверии 75-летия атомной отрасли в этой серии вышли две фундаментальные книги о научных руководителях и главных конструкторах ядерного и термоядерного оружия Всероссийского научно-исследовательского института технический физики им. акад. Е.И. Забахина (г. Снежинск) [Борис Литвинов, 2019; Во главе науки, 2020].

Атомный проект СССР, положивший начало отечественной атомной промышленности (как её военному, так и мирному секторам), являлся важнейшей частью социалистической модернизации. В современной историографии распространено мнение об изначальной несостоятельности советской экономики. Тем не менее, сложно отрицать, что «социалистическая система хозяйствования» оказалась способной осуществить масштабную модернизацию производства и в своё время вывести Советский Союз в число мировых научно-технических лидеров. В первую очередь, это проявилось в наращивании военно-промышленного потенциала страны, формировании советского ядерно-оружейного комплекса.

Чтобы понять, как это получилось, нельзя ограничиваться анализом только политико-экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих или экологических аспектов развития отрасли. Как справедливо отмечает Р. Эриксон, экономические результаты, в конечном счёте, определяются человеческим поведением, которое зависит от чего-то большего, чем просто ресурсы, способности, институты и рациональные расчёты [Эриксон, 2015]. В этом плане информативной моделью может послужить изучение закрытых атомных городов (как средоточия научно-производственных мощностей) в широком контексте социальной истории. Ценностные ориентиры и нормы трудового поведения в коллективах, своеобразие жизни и её отражение на психологическом климате жителей этих поселений через их самовосприятие, социальную самоидентификацию и самопрезентацию способствуют пониманию особенностей функционирования и причин эффективности отечественного ядерно-оружейного комплекса.

Закрытые атомные города, этот особый тип научно-индустриальных, высокотехнологичных центров, появились в СССР во второй половине 1940-х гг. Для поддержания соответствующего уровня секретности атомного проекта был выбран путь создания периферийных научных и производственных атомных центров в отдалённых, обособленных районах страны [Атомный проект СССР, 2002: 238, 353; Атомный проект СССР, 2000: 73, 82, 83]. Образцами пространственной организации послужили традиции русских городов-заводов, практика строительства предприятий советской оборонной промышленности, модели «шарашек» и устройства ГУЛАГа, а также разведанные об устройстве подобных поселений в США [Атомный проект СССР, 2002: 239; Brown, 2011].

К 1956 г. насчитывалось уже десять «атомных» поселений: два в европейской части РСФСР, пять на Урале и три в Сибири. К этому времени некоторые из этих посёлков уже получили статус города, строительство других было только начато. Каждый из них создавался, чтобы обеспечить соответствующие условия работы градообразующих секретных научных учреждений и промышленных производств. Таковыми стали: Всероссийский НИИ экспериментальной физики (г. Саров), Производственное объединение «Маяк» (г. Озерск), Уральский электрохимический комбинат (г. Новоуральск), комбинат «Электрохимприбор» (г. Лесной), Сибирский химический комбинат (г. Северск), Горно-химический комбинат (г. Железногорск), Приборостроительный завод (г. Трёхгорный), производственное

объединение «Старт» (г. Заречный), Всероссийский НИИ технической физики (г. Снежинск) и Электрохимический завод (г. Зеленогорск)¹.

Специфика их социально-пространственного устройства была обусловлена главной целью их существования (создание атомного оружия) и представлениями высшего руководства страны об условиях реализации этой цели. Отсюда проистекали территориальная изолированность, секретность и режимность, уникальная наукоёмкая производственная база, первоочерёдное финансирование и снабжение, специальный отбор жителей, развитая культурно-бытовая инфраструктура поселений. В этих обстоятельствах сформировалась замкнутая социальная система, которая создала своеобразную субкультуру, проявлявшуюся в менталитете, языке и в поведении людей.

«Атомная» повседневность закрытых городов как смысловой континуум, содержащий субъективное отражение объективной социальной реальности, может быть рассмотрена через несколько отчетливо выделяющихся ключевых компонентов: а) работа в закрытом городе, б) сам секретный город и жизнь в нём и в) жители закрытого города, их социальное структурирование.

Население закрытых атомных городов в момент их создания формировало, в основном, поколение форсированной индустриализации, которое было носителем следующих установок и ценностей: вера в существующий социальный порядок, в цели развития советского общества; преимущество государственных, коллективных целей и интересов; самоограничения и жертвенность во имя глобальных государственных задач и будущих побед социализма; патерналистский комплекс, преклонение перед авторитетом (глава государства, партийные лидеры, партия); коллективный образ жизни и работы; общественно-полезный характер труда; ценности рационализма, технического прогресса; социальный оптимизм и массовый энтузиазм [подробнее об этом см.: *Millar*, 1987; *Почепцов*, 1994; *Ольшанский*, 2001].

Эти установки и ценностные ориентации были той благодатной почвой, на которой выросло отношение к работе в закрытом атомном городе. Кроме них важнейшей составляющей этого отношения были чувства, связанные с недавней пережитой войной. Чтобы не допустить её повторения (чем грозило обладание ядерным оружием США), люди были готовы на очередные лишения, ограничения и преодоление трудностей. Эти ощущения мобилизовались концептами новой военной угрозы и нового врага, наполнившие послевоенное официальное информационное поле Советского Союза [подробнее об этом см.: *Фатеев*, 1999; *Николаева*, 2001; *Белоконева*, 2004].

Первоначально в качестве внешнего врага, как и до войны, фигурировал «капиталистический Запад», затем — «американский империализм». Причём если на общегосударственном уровне образ США как внешней угрозы отчетливо оформился во второй половине 1947 г. [*Фатеев*, 1999: 4], то для участников атомного проекта это произошло значительно раньше. Опасность применения США «такого страшного оружия, как урановая

¹ Так как «атомные» предприятия и поселения имели открытые (условные) и секретные наименования, которые не единожды менялись до начала 1990-х гг., здесь и далее используются современные названия предприятий и «атомных» закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО).

бомба» подчеркивалась И. В. Курчатовым, знакомым с соответствующими разведматериалами, уже в 1942 г. [Атомный проект СССР, 1998: 279]. После атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки эта угроза стала столь осязаемой, что сформировала «ядерный этос», формулировку которого предложил В. П. Визгин: создание атомного оружия морально допустимо и даже необходимо, если это позволит предотвратить ядерную войну и уничтожение людей [Визгин, 2005]. Данный посыл, носителями которого первоначально были занятые в проекте учёные, распространился и на иные социальные страты исполнителей, став смыслообразующим центром «атомной» идентичности и ярко проявившись в замкнутых системах зарытых городов.

Свою лепту в «воспитание» отношения к работе в закрытом городе вносила местная «пропаганда», которая реализовывалась через первые (режимные) отделы, рабочие, профсоюзные, партийные и комсомольские собрания, встречи и митинги. На градообразующих предприятиях ЗАТО регулярно оформлялись стенды «Будь бдителен!». Они содержали сообщения о подготовке «империалистов» к новой войне, происках иностранных разведок, проявляющих «нездоровый интерес» к закрытым городам, напоминания о важности соблюдения режима секретности [ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, Ф. 2845. Оп. 1. Д. 43. Л. 15; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 121; Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 96, 97]. В местном дискурсе градообразующее предприятие маркировалось как «ответственный участок нашей промышленности», работа на котором «укрепляет могущество, сохраняет мир», то есть означает выполнение государственного задания внешнеполитического значения [МКУ НГО «Городской архив». Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 3, 11]. Это подкрепляло установку на создание отечественного ядерного оружия в максимально возможные короткие сроки и высокое чувство ответственности за результаты труда. В представлениях резидентов оценочные аспекты атомной бомбы смещались с понимания её как «оружия массового уничтожения» на «средство защиты». Авторское ретроспективное историко-социологическое исследование населения г. Лесного [Мельникова, 2001: 41, 218–220] зафиксировало: 74% от общего числа опрошенных (приехавшие в город в 1940-е — 1960-е гг.) считали, что главное предназначение ядерного оружия СССР заключалось именно в сдерживании Запада. Таким образом, работа в закрытом атомном городе в первые десятилетия их существования воспринималась резидентами, в первую очередь, как социально-политическая ценность, а сами они становились яркими носителями оборонного сознания.

В то же время, кроме того, что это была политическая ценность (обеспечение безопасности и независимости страны), она являлась и личностно-значимой (угроза потенциальной войны касалась каждого человека). Люди воспринимали цель создания атомного оружия одновременно как «общую» (это усилия больших коллективов работников) и, вместе с тем, как «свою» (важен индивидуальный вклад каждого). Всех объединяло отношение к городу как «городу-труженику», главная задача которого — создание «атомного щита». Высокая задача порождала особый рабочий климат, отличавшийся сплоченностью, энтузиазмом, воодушевлением, увлечённостью общим делом, постоянным творческим поиском [Мельникова, 2019: 16].

Цель работы, среда и трудовая атмосфера сами становились инструментальными ценностями, мотивирующими к производительному труду в условиях напряженного графика. Фактический рабочий день, например, на комбинате № 817 (Маяк) в конце 1940-х гг. начинался в 9 утра и продолжался (с небольшим перерывом на обед) до 18 часов; после двухчасового перерыва работа возобновлялась и длилась до 12 ночи, а иногда и позднее [Воспоминания ветеранов, б.г.: 47]. В этих обстоятельствах типичным было добровольное стремление действовать на пользу общему делу даже сверх должностных обязанностей и нормативов рабочего времени, проявлять творчество, активность и инициативность, принимать на себя персональную ответственность и риски, связанные с опасностью «атомного» производственного процесса, находившегося на стадии становления.

В первые годы существования атомных объектов ощущался недостаток знаний о природе радиоактивности, о её воздействии на здоровье, причём как на уровне учёных, руководителей, так и рядовых работников. Радиоактивное облучение называлось просто «грязь». Многие работали в личной одежде и не снимали её, уходя домой [ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. Л. 31]. Обедали зачастую на рабочем месте, а, идя в заводской буфет, не старались тщательно отмыть руки, напротив, оставляли их мокрыми или натирали мылом, которое задерживало альфа-частицы, чтобы приборы не фиксировали «загрязнённость» [Сохина, 1993: 48]. Однако, не столько банальное незнание, сколько прочно укоренившаяся установка на решение научных и производственных задач любой ценой формировали готовность работников градообразующих предприятий к работе в условиях потенциальной опасности. Замечено, что сплоченность и идентичность заставляют индивида выбирать более рискованные решения и действия, чем те, которые он выбрал бы для себя вне группы [Крашенинникова, 2007: 236]. Тем самым «атомная» идентичность становилась важным «пусковым механизмом» трудовой активности и адаптивности в условиях потенциальной радиоактивной угрозы. Постепенно радиация, как часть повседневной деятельности, становилась рутинной, обыденной, так же как восприятие потенциальной опасности работы с радиоактивными веществами. Отсюда, например, разница в современном отношении работников атомных производств к радиоактивным отходам, которые воспринимаются ими не как опасные и вредные вещества, а как материал для будущей работы².

Социальное пространство закрытого города воспринималось через категории неординарности, уникальности, привилегированности. Из-за производственной направленности градообразующего предприятия, вобравшего в себя новейшие достижения науки и техники, закрытый город представлялся как город передовых технологий, занимающий доминирующие позиции в экономике и промышленности страны, гарант её обороноспособности и «мира во всем мире». Локальный дискурс был полон образами «особого, исключительного города», которому «партией и правительством» оказано

² Авторское интервью Н. В. Мельниковой от 18 декабря 2013 г. с А. Н. Аршиновым, к.т.н., в 1958–1996 гг. работником Уральского электрохимического комбината (возглавлял завод фильтров, разделительный завод, завод электрохимических преобразователей).

«высокое доверие», а потому «не каждый желающий может проживать в таком городе»; «дорогого города», на развитие и снабжение которого государством тратятся значительные суммы, часто в ущерб другим городам, отчего такой жизни «можно позавидовать» [АОА ГО «Город Лесной». Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 47, Д. 27. Л. 138; МАОГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 16; МКУ НГО «Городской архив». Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 3, Д. 43. Л. 29; ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 59, Д. 150. Л. 116; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 53, Оп. 4. Д. 2. Л. 102].

Исключительность заключалась и в самом факте закрытости города. Окружённый забором с колючей проволокой, охраняемый, требующий специального разрешения на вход и выход, закрытый город именовался его жителями «зоной». И хотя здесь угадывается тюремное аргю (тем более, что лагеря с заключёнными, действительно, соседствовали с жильем «атомных» первопроходцев), для населявших закрытые города это слово лишено отрицательных пенитенциарных коннотаций. Оно лишь привычно обозначает отгороженную территорию, в противовес остальному пространству страны, называемому «большой землёй». В смысл эвфемизма «зона», прежде всего, закладывалась ограниченная доступность. Это выражение использовалось и в Сарове, и в удалённых от него на тысячи километров секретных атомных поселениях Урала и Сибири, что подчеркивает единство ощущений их резидентов. Режимные ограничения свободы передвижения не вызывали у горожан длительных негативных эмоций. Напротив, они трансформировались в положительные, тем более что на смену жёстким запретам пришло ослабление «атомного» режима во второй половине 1950-х гг. Если из респондентов ретроспективного социологического исследования г. Лесного, приехавших в конце 1940-х гг., большинство (78%) отметили, что закрытость города приносила неудобства в жизнь, то из приехавших в 1960-е гг. большинство (71%) уже отрицали это [Мельникова, 2006: 76, 77].

Положительный образ закрытого города складывался у его резидентов и благодаря лучшему (по сравнению с «обычными» городами) качеству жизни. Хотя начинали свою историю «атомные» поселения с бедственных условий существования, когда даже зимой люди продолжали жить в палатках и умываться у ближайшего водоёма; когда в семейных общежитиях в одной комнате жили до 20 взрослых и детей; когда единственная баня, расположенная в бывшей конюшне, могла находиться в соседнем посёлке, и работала одна торговая палатка, в которой продавались скудные продукты и скромная одежда [ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 45, 48; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 77]. «Живём, как в Москве, — саркастически замечали первые жители «атомных» объектов (многие из которых были москвичами и ленинградцами), — дома пониже, а асфальт пожже» [Удивительные люди, 2000: 64], подразумевая отсутствие многоэтажных домов и дорог.

Несмотря на то, что возведение жилищно-коммунальных объектов «атомных» поселений относилось ко второй очереди после строительства градообразующего предприятия [ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 187. Л. 38], следует подчеркнуть, что, в целом, закрытые города развивались в направлении «социалистического рая». Строящиеся посёлки позиционировались как города. Их строительство стало применением на практике

идеи образцового «социалистического города», существовавшей с конца 1920-х гг. [Сабсович, 1929; Милютин, 1930]: города, олицетворяющего достижения социалистического строя, тщательно распланированного, максимально удобного как для реализации производственных задач, так и для комфортного проживания людей. Властям удалось донести эти планы до будущих горожан. «Атомные» первопроходцы уральских и сибирских ЗАТО с самого начала строительства называли своё место жительства «соцгородом», хотя на тот момент условия были худшими, чем в близлежащих мелких населённых пунктах. Официально городской статус закрытые атомные поселения начали получать с 1954 г.

Став в авангарде общесоюзного послевоенного «строительного бума», закрытые атомные города к середине 1950-х гг. располагали жилищным фондом, детскими учреждениями и объектами здравоохранения, магазинами, кинотеатрами, домами культуры. «Человек, живущий у нас в городе, ограничен в своих возможностях. Мы не имеем права привозить к нам в город театры открытых городов, мы не вольны в выборе и привозе родственников на временное проживание. Наши дети не могут выходить на международную спортивную арену, научный работник ограничен в творчестве в открытой и зарубежной печати. Мы всё это хорошо понимаем», — говорил первый секретарь городского комитета КПСС В. Ивановский на одном из заседаний партийно-хозяйственного актива Арзамаса-16, далее призывая к постоянному улучшению быта горожан [Кончаков, 2006: 181]. Руководствуясь подобными соображениями, благоустройство городов активно развивалось. Не будучи ни областными, ни районными центрами, эти, по сути, провинциальные города обзаводились своими театрами и бассейнами.

Темпы «атомного» жилищного строительства продолжали возрастать и после середины 1960-х гг., когда они снизились в стране. К 1970-м годам был ликвидирован барачный жилой фонд. В первой половине 1980-х годов уже до 85% семей проживали в отдельных благоустроенных квартирах. Такие высокие показатели были характерны только для Москвы [Ulianova, 2006]. Таким образом, саркастическая фраза первопроходцев из сороковых годов — «живём как в Москве» — обрела под собой реальные основания, перестав быть ироничной. 97% жилого фонда было полностью обеспечено коммунальными услугами (вода, электричество, газ). К 1985 г. средняя обеспеченность жильем доходила до 16,5 кв. м. на человека (в то время как в среднем по стране — 14,9 кв. м. [Социальное положение, 1997: 222]). Таким образом, жилищная проблема для жителей закрытых городов была сравнительно менее острой, чем для живущих в других городах страны.

Преимущественное снабжение закрытых городов различными товарами организовывалось через специальные базы, распределители, отделы рабочего снабжения, минуя областные и республиканские организации [ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 312. Л. 47; Д. 402. Л. 122; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 148. Л. 269]. Это на годы вперёд обеспечило широкий товарный ассортимент, выгодно отличавшийся на фоне дефицита и качества товаров в стране. «Атомные» снабженцы, приезжающие с мест в такие распределители, «отказывались брать подряд и отбирали по своему усмотрению» лучшие товары [ЦГАМ. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 41. Л. 9, 22, 23]. Продуктовую «подушку

безопасности» обеспечивали комплексы собственных пищевых предприятий, способных самостоятельно, без дополнительного ввоза, обеспечивать жителей ЗАТО необходимыми продуктами питания. Это заводы по производству хлеба, молока, мяса и колбас, цеха по переработке картофеля и овощей, копчению рыбы, по производству фруктовых вод, овощехранилища, холодильное оборудование и складские помещения. Сеть магазинов достигла своего максимального развития к середине 1980-х гг. [Рясков, 2004: 28, 32]. В продаже имелись товары производства не только соцстран — Болгарии, Чехословакии, Румынии (что для «простого» советского человека уже было пределом мечтаний), но и Финляндии, Франции, Австрии, Англии, обеих республик Германии и Японии.

Становилось нормой иметь не только необходимое, но и то, что ещё недавно было практически предметом роскоши. За пятилетие, к 1965 г., жители только Лесного и Новоуральска в 2 раза больше стали покупать телефонов, в 2,5 раза — стиральных машин, в 10 раз — телевизоров и почти в 20 раз — холодильников [ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 5; МКУ НГО «Городской архив». Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 36.]. В то время, как в СССР во второй половине 1970-х гг. на 100 семей приходилось чуть больше 6 автомобилей, в закрытом городе уже в первой половине 1970-х гг. им обладала каждая третья семья [ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 11. Д. 12. Л. 44; *Гладарев, Цинман*, 2007: 75]. Свидетельством повышения качества жизни населения является соотношение потребления продовольственных и непродовольственных товаров: к середине 1980-х гг. в закрытых городах доля продовольственных товаров снизилась на 23,3%, в то время, как непродовольственных возросла на 39,1%.

Высокая покупательская способность — свидетельство более высокой заработной платы, которая предусматривалась для привлечения различного рода специалистов для работы в технически сложных, изолированных условиях. В начале 1950-х гг. оплата труда инженера атомного предприятия могла превышать среднюю зарплату в промышленности в 4 раза [ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1492. Л. 299–300, 302–304; *Советская жизнь*, 2003: 502]. Несмотря на последующее за созданием Министерства среднего машиностроения СССР сокращение зарплат, разница продолжала сохраняться: в первой половине 1970-х гг., например, среднемесячная заработная плата в закрытых городах Урала была почти в полтора раза выше, чем в Свердловской области и в стране [ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 11. Д. 12. Л. 4; Ф. 4. Оп. 83. Д. 71. Л. 40].

Власть, приложившая все усилия для создания условий для работы и жизни в закрытых городах, воплощая идею «социалистического города» (должного стать типичным советским городом), на деле получила в чём-то даже противоположный результат — некий аналог общества потребления. Несмотря на лозунг «всестороннего удовлетворения потребностей», провозглашённый в 1961 г. на XXII съезде КПСС, потребительство отрицалось в советском социалистическом государстве как неотъемлемый признак капиталистической системы и следствие рыночной конкуренции [Ильин, 2005: 13]. Но, если на основной территории страны «всё более полное удовлетворение возрастающих потребностей» советского человека не было

подкреплено практическими действиями, то жители закрытых городов реально имели эти возможности. И в 1960-е гг. смысловые акценты проживания в закрытом городе постепенно начинают смещаться с оборонно-патриотических настроений на возможность удовлетворения потребностей и приобщения к материальным благам, которые обеспечивала «атомная» жизнь.

Кроме осязаемо материальных причин, способствовавших позитивному восприятию закрытого города, можно выделить и психологические, основанные на глубинных архетипических представлениях, существующих в коллективном бессознательном. Пространственное устройство и «содержание» атомного поселения активировали архетип города-пещеры, волшебного города, вход в который скрыт от посторонних. Неслучайно горожане в письмах к родственникам часто описывали своё место жительства, используя выражения «тайное место», «секретное место» [ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 34; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 115]. Городские стены, окружавшие закрытые города, отсылали к их символическому смыслу, заключавшемуся в отделении культурного и упорядоченного мира от дикого и неосвоенного, принося удовлетворение одной из базовых человеческих потребностей — в безопасности [см.: *Ильин*, 2004]. Как скрытый стенами волшебный город хранит в себе некую тайну (например, сад с чудесными деревьями, дающими необыкновенные плоды), так и закрытый атомный город хранил тайну производства атомного оружия, самого мощного на тот момент. Люди не только привыкали к закрытости городского пространства, но, со временем, воспринимали её как благо, испытывая чувство облегчения и безопасности, оказываясь внутри.

Благополучные, благоустроенные, чистые и уютные города вызывали у местных жителей (и у тех редких приезжих, прибывающих по служебной необходимости) ассоциации с «городами-курортами». Сверх того, красота природы, наличие водоёмов и высокий уровень комфорта заставляли резидентов идентифицировать свои города как «русскую Швейцарию», поднимая тем самым их уровень по сравнению с «обычными» городами. Закрытый город не осознавался его жителями как периферийный, в этом случае традиционная схема «столица—регион—провинция» не действовала. Для резидентов это было место, причастное к бытийному центру, что вызывало «гордость и чувство собственной значимости» [Созидание, 1989: 116].

Состав населения закрытых городов формировался искусственно, целенаправленно, чтобы обеспечить выполнение задач, сопутствовавших созданию атомного оружия. Принцип кадрового отбора ещё в 1942 г. сформулировал научный руководитель атомного проекта И.В. Курчатов в докладной записке В.М. Молотову относительно научных и инженерно-технических работников. Обобщённо, он заключался в «привлечении наиболее квалифицированных сил Советского Союза» [Атомный проект СССР, т. 1, ч. 1: 279]. Когда в 1945 г. началась массовая «атомная» мобилизация, критерий набора наиболее талантливых и квалифицированных кадров распространился и на другие категории. При этом, во главу угла при комплектовании кадрами специальных атомных предприятий ставился метод индивидуального подхода [Атомный проект СССР, 1999: 244]. «Атомные» работники, в конечном

итоге, подвергались серьёзной кадровой селекции по профессиональным и личным качествам, «чистоте» биографии и даже состоянию здоровья. Как отмечали «атомные» кадровики, «чтобы отобрать десятки специалистов, нужно “просеивать” многие тысячи» [ЦГАМ. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 72. Л. 58]. Не удивительно, что в местном дискурсе в конце 1940-х — 1960-е гг. бытовала формулировка «отборные люди», которой характеризовалось население [АОА ГО «Город Лесной». Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 47; Д. 27. Л. 138; МАОГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 16; МКУ НГО «Городской архив». Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 3; ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 31].

Социальная структура закрытых атомных городов отражала разные уровни приближения к процессу разработки и создания атомного оружия, включенности в производство. Первым стратификационным делением выступало деление на «своих» (т.е. жителей «атомного» объекта) и «чужих». Со временем, за пределами закрытого города жители научились идентифицировать своих земляков по хорошему гардеробу и выражению уверенности на лице³. Другими критериями, на основании которых выстраивалась стратификация, были место работы и профессиональная принадлежность. Считалось, что все организации и учреждения закрытого города имеют второстепенное значение и призваны обслуживать градообразующее предприятие, чья работа рассматривалась как более важная. По отношению к головному предприятию город находился в подчинённом, зависимом и, как правило, в сравнительно менее выгодном положении, что проявлялось в совокупности параметров, являвшихся маркерами социального благополучия (заработная плата, магазины, детские учреждения, жилищные условия и т.п.). Безоговорочное главенство атомных предприятий, как смыслообразующих, вело к формированию более высокого социального статуса у его работников, чем у не работников.

Среди работников градообразующего предприятия отчётливо выделяется высшая страта — руководители атомных производств. Их отличительной чертой было совпадение формального и неформального статуса лидера. Иначе говоря, признавалось их право принимать решения не только на основе данных им официальных полномочий, но и на основе признания, уважения их профессиональных, нравственных качеств, таких харизматических черт, как обаяние, способность вести за собой, заразить своей энергией и уверенностью. Руководители воспринимались как носители высшей власти на предприятии и в самом городе. Это подкреплялось тем фактом, что до 1954 г. в атомных городах не было советских органов управления. В этих условиях руководителям градообразующих объектов приписывали высокие символические позиции, артикулированные в категориях «хозяин», «царь и бог». После 1954 г. к описываемой страте могли быть причислены и руководители партийных и советских органов управления, хотя их позиция лидерства базировалась уже на формальных властных основаниях, а не на меритократических.

³ Авторское интервью от 23 мая 2008 г. с С. А. Соловьевой, в 1982–1995 гг. начальником отдела рабочего снабжения комбината «Электротехприбор», г. Лесной.

Внутренняя иерархия работников градообразующего предприятия выстраивалась на основании полноты непосредственного участия в производстве атомного оружия. Чем более секретной и, параллельно, рискованной, более ответственной (и более высокооплачиваемой) была работа, тем она была престижнее и желаннее. В итоге, те, кто работал в основных отделах и цехах, занимали более статусные позиции, чем те, кто работал во вспомогательных подразделениях. Обслуживающий персонал объекта был на ступень ниже, чем обе вышеназванные категории. Среди работников основного производства на положении своеобразной элиты находились научные и инженерно-технические кадры. В 1940-х — первой половине 1950-х гг. — потому, что они соприкасались с ключевыми процессами создания атомного оружия и его компонентов. Позже критерием их выделения стал потребительский идеал, сложившийся в советском обществе в 1960–1980-е гг.: они приравнивались к «богатому человеку из капиталистической страны», имевшему «деньги, машины, мебель» [ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 70].

На границе «атомной» стратификации находились маргинальные группы — заключённые, военные строители, военнослужащие. В рассматриваемом контексте их маргинальность заключалась в том, что в массе своей это были временные группы по отношению к основным резидентам. Они участвовали на определённых этапах строительства (как заключённые и военные строители) или проходили сугубо военную службу. Большинство покидали закрытые города. Заключённых ещё в 1940-х гг. предписывалось вывозить с «атомных» строителств и, в целом, от их использования постепенно отказывались, хотя их труд ограниченно применялся до 1960-х гг. [Новосёлов, 1999: 94; Реут, 2014: 183–184]. Значительное число военных строителей и военнослужащих-срочников уезжали с окончанием срока службы. Однако, некоторая часть из упомянутых выше категорий оставалась жить и работать в секретных городах, образуя тем самым переходную к другим стратам группу.

Несмотря на существовавшую социальную дифференциацию, можно выделить и объединяющий фактор, формировавший взгляд горожан на самих себя. Живя в закрытом городе, в разной степени, но все оказывались причастными к созданию «атомного щита» и «сохранению мира». Соотнося себя с городом, выполняющим такую важную миссию, горожане идентифицировали себя избранными, грамотными, квалифицированными специалистами, наделёнными особым доверием. Они переживали чувства гордости, исключительности, что подпитывало их корпоративные черты, ощущения единства (даже семьи в какой-то степени) и самодостаточности.

Установки и ценности атомных закрытых городов, сформировавшись в конце 1940-х — начале 1960-х гг., в основном, сохранялись до тех пор, пока система была стабильной. Реформы рубежа 1980-х — 1990-х гг. привели к снижению объемов оборонных заказов, к сокращению ассигнований из федерального бюджета и, как следствие, к серьёзным прорехам в системе социальной защищённости (появление безработицы, длительные задержки заработной платы и т.п.). За этим последовали кардинальные изменения в отношении к работе в закрытом городе: в 1993 г. только четверть

опрошенных заявляли, что гордятся своей работой на оборону страны [Тихонов, 1996: 78].

Со временем ситуация стабилизировалась, но в системе произошли принципиальные трансформации социально-экономического и правового характера, отдалившие её от проектного статуса. В новом тысячелетии в структуре ценностей жителей закрытых атомных городов появились иные ценности и интересы, в центре которых стоит отдельный индивид. Естественно, что отход от традиционной коллективистской модели более свойственен молодому поколению закрытых городов [Савочкин, 1999]. Превалирование отношения к работе как социально-политической ценности утеряло свои позиции в структуре «атомной» идентичности: на реализацию стратегической государственной цели среди отличительных черт ЗАТО указывают менее 30% современных респондентов [подсчитано по: Карачков, 2014: 127].

Гораздо более сильной составляющей «атомной» идентичности показали себя закрытость, секретность и режимность города. На основании этих черт большинство резидентов продолжают считать свой город особенным [Комаров, 2006: 131]. Хотя и отмечают ощущаемую утрату престижа, статусности проживания в закрытом городе [Бондаренко, 2009: 128]. Однако тут важнее оказываются такие «производные» закрытости и режимности, как безопасность, спокойствие, чувство защищенности, комфорт. Видимо, отсюда проистекает стремление доминирующей части населения подобных городов сохранить их «статус-кво». Это ярко показала волна возмущений и протестов попытке Министерства экономического развития РФ в 2015 г. открыть несколько атомных городов. Прозвучавшие через печатные издания и интернет-форумы суждения рядовых жителей сводятся к следующему. Привыкшие жить «в спокойном красивом тихом городе», резиденты опасаются «нашествия» криминала, существенного ухудшения условий жизни, её безопасности и комфорта (грязь на улицах, очереди в детские сады, поликлиники, «вечером на улицы будет страшно выйти и отпустить детей гулять», появятся бездомные). «Атомные» руководители различных уровней в качестве контраргумента инициативе Министерства оперировали «угрозой ядерной безопасности страны».

Социально перспективной моделью для населения продолжает оставаться «город-труженик». В этом плане горожане довольно высоко оценивают городской научно-технический потенциал (в основе которого — градообразующее атомное предприятие) [Комаров, 2006: 131]. Однако, гражданско-патриотические и патерналистские настроения, ранее обеспечивавшие базу для модели «город-труженик», сменились индивидуально-материальными интересами: стремлением к постоянной, стабильной работе и высокому уровню доходов. Ядро приверженцев данной модели составляют представители экономически активных возрастов (до 30 лет и отчасти 30–50 лет), связанные с деятельностью градообразующего предприятия [Копылов, 2006: 165].

Как ценности и особенности населения закрытого атомного города продолжают считаться профессионализм, интеллектуальный уровень, образованность (особенно, среди населения «атомных» наукоградов, таких как Саров [Лопашов, 2006; Пустынникова, 2011]). Представители

возрастной группы старше 50 лет чаще фиксируют наличие большого количества интеллигенции в качестве отличительной характеристики населения ЗАТО. Присутствует и гордость за исторические достижения предыдущих поколений. Показательно (и объяснимо), что «атомные» ценности скорее транслируют те респонденты, чьи родители были заняты непосредственно на «атомном» производстве [Карачков, 2014: 124]. Тем не менее, стойкость корпоративного единства размывается. Наиболее уязвимым звеном в этом отношении оказались люди в возрасте 36–50 лет — поколение, чьё трудовое формирование, в основном, пришлось на период реформ и кризиса отрасли. Это было время разочарования и пессимистических настроений, роста преступности, резкого ухудшения морально-психологического климата и условий жизни населения ЗАТО. Люди чувствовали себя растерянными, обманутыми, брошенными на произвол судьбы, ненужными своему государству. Можно предположить, что «груз» этих чувств влияет на ощущение корпоративного единства у представителей указанной возрастной категории.

В то же время системе удалось транслировать свои ценности молодому поколению. Трудоспособная молодежь в возрасте до 35 лет в большей степени, чем среднее поколение, выступает наследниками традиций, оценивает работу в закрытом городе как социально-политическую ценность и переживает ощущения, что «все делают одно, важное дело». [Карачков, 2014: 131]. Вероятно, это проявление результатов целенаправленной кадровой политики госкорпорации «Росатом» последних лет, направленной на привитие ценностей «единой команды» [Ценности Росатома, 2016].

Таким образом, обнаруживая преемственность с интересами, ценностями и установками периода складывания системы ЗАТО, уникальность закрытого атомного города по-прежнему признаётся их резидентами, но на основании разных отличительных черт в зависимости от возрастных категорий. При этом, если на начальных этапах существования системы закрытых атомных городов ядром «атомной» идентичности в первую очередь была социально-политическая ценность работы (как служение делу мира и безопасности страны), то на современном этапе самоценностью стал сложившийся жизненный уклад закрытого города. Корпоративность переживается как уникальность комплекса пространственных, правовых, социальных, статусных, бытовых и производственных составляющих. «Атомная» идентичность как осознание принадлежности к атомной отрасли продолжает существовать, хотя и с несколько смещёнными ценностными акцентами в сторону индивидуализма и материальной заинтересованности.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.003

Список литературы

Алексеев В. В. Атомный комплекс в контексте истории России / Atomic complex in the context of Russian history: доклад на Втором международном симпозиуме по истории атомных проектов (HISAPI 99), Лаксенбург, Австрия, 4–9 октября 1999 г. Екатеринбург; Лаксенбург, 1999. 39 с.

Алексеев В. В., Литвинов Б. В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта

(40-е — 50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96. В 3 т. Т. 1. М.: ИздАТ, 1997. С. 291–302.

Артёмов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.

Артёмов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Новоуральск: СВ-96, 1999. 351 с.

Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия / Под общ. ред. В. В. Алексеева, Г. Н. Рыкованова; отв. ред. Н. В. Мельникова, С. А. Рясков. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 303 с.

Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Под общ. ред. В. В. Алексеева, Г. Н. Рыкованова; отв. ред. Е. Т. Артёмов, Н. П. Волошин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 358 с.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945. Часть 1. М.: Наука. Физматлит, 1998. 432 с.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945. Часть 2. М.: Изд-во МФТИ, 2002. 800 с.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 2. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000. 640 с.

Белоконева А. А. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: 1946–1953 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 175 с.

Бондаренко Е. Н. Жизненные стратегии молодёжи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. 170 с.

Борис Литвинов: грани личности / Авт.-сост. В. Н. Кузнецов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019. 464 с.

Визгин В. П. Этнос учёного-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: б.и., 2005. С. 261–279.

Во главе науки ядерного центра на Урале / Авт.-сост. Б. К. Водолага, Н. П. Волошин, В. Н. Кузнецов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2020. 568 с.

Воспоминания ветеранов комбината ПО «Маяк». Сборник. Челябинск-65, б.г. Рукопись // Фонды Музея ФГУП «Производственное объединение “Маяк”».

Гладарев Б., Цинман Ж. Потребительские стили петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // Экономическая социология. 2007. № 3. Т. 8. С. 61–81.

Ильин В. В. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.

Ильин В. Г. Город как концепт культуры: дисс. ... докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 331 с.

История взаимодействия ядерной энергии и общества в России / Н. В. Мельникова, Е. Т. Артёмов, А. Э. Бедель, Н. П. Волошин, М. В. Михеев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 127 с.

Карачков С. М. Корпоративная модель социального управления закрытым «атомным» городом: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2014. 238 с.

Комаров А. Е. Управление развитием закрытого административно-территориального образования с использованием маркетингового механизма: дисс. ... канд. эконом. наук. Екатеринбург, 2006. 193 с.

Кочанков Л. А. Служба безопасности РФЯЦ-ВНИИЭФ. История создания и развития. Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2006. 331 с.

Крашенинникова В. Америка — Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Издательство «Европа», 2007. 392 с.

Кузнецов В. Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность / Отв. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург: БКИ, 2015. 440 с.

Кузнецов В. Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Ч. 2. Постсоветский период / Отв. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург: БКИ, 2016. 384 с.

Кузнецов В. Н., Толстиков В. С. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2017. 400 с.

Лопашов В. В. Особенности социализации студенческой молодёжи в условиях закрытого административно-территориального образования (ЗАТО): дисс. ... канд. социол. наук. Саранск, 2006. 154 с.

Мельникова Н. В. «Атомная» идентичность закрытых атомных городов России // Учёные записки Орловского государственного университета. 2019. № 3 (84). С. 15–19.

Мельникова Н. В. Менталитет населения закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 223 с.

Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 176 с.

Милютин Н. А. Соцгород. Проблемы строительства социалистических городов. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. 81 с.

Николаева Н. И. Формирование мифологизированного образа Соединенных Штатов Америки в советском обществе в первые годы «холодной войны», 1945–1953 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001. 194 с.

Новосёлов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск: УралГАФК, 1999. 278 с.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб: Питер, 2001. 368 с.

Почепцов Г. Г. Тоталитарный человек: очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев: Глобус, 1994. 152 с.

Пустынникова Л. В. Особенности социального развития молодежи в условиях закрытого административно-территориального образования: дисс. ... канд. социол. наук. Саранск, 2011. 212 с.

Реут Г. А. Ведомственные населённые пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2014. 600 с.

Рясков С. А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала: препринт. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. 60 с.

Сабсович Л. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Государственное техническое издательство, 1929. 64 с.

Савочкин Д. В. Динамика ценностных ориентаций выпускников школ малых городов Сибири: По материалам социологического исследования выпускников общеобразовательных школ г. Железногорска (Красноярска-26) и г. Зеленогорска (Красноярска-45): дисс. ... канд. социол. наук. Красноярск, 1999. 169 с.

Советская жизнь. 1945–1953 гг. / Сост. Е. Ю. Зубкова. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.

Созидание (дела и люди). Сборник воспоминаний ветеранов УЭХК / Сост. Т. Н. Постникова: в 2 ч. Ч. 1. Свердловск-44, 1989. 205 с. Рукопись // Фонды Музея Уральского электрохимического комбината.

Сохина Л. П. Мои воспоминания о работе на химическом комбинате «Маяк». Челябинск-65, 1993. 199 с. Рукопись // Фонды Музея ФГУП «Производственное объединение «Маяк»».

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997.

Тихонов В. А. Закрытые города в открытой России // Проблемы прогнозирования. 1996. № 6. С. 77–96.

Удивительные люди уникального завода / Сост. А. В. Митюков. Екатеринбург: УралТранс, 2000. 384 с.

Фатеев В. А. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.

Ценности Росатома. 2016. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosatom-academy.ru/media/poleznye-materiali/edinaia-komanda/> (дата обращения: 16.03.2021).

Эриксон Р. Командная экономика и её наследие // Экономика России. Оксфордский сборник. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 101–165.

Brown K. The Closed Nuclear City and Big Brother: Made in America // Ab Imperio. 2011. № 2. P. 159–187.

Millar J. R. (ed.). Politics, Work and Daily Life in the USSR. A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 440 p.

Ulianova G. Moscow, 1914–2004 // Encyclopedia of Modern Europe. Europe Since 1914: Encyclopedia of the Age of War and Reconstruction. New York: Charles Scribner's Sons/Gale Thomson, 2006. Vol. 3. P. 1802–1810.

Документальная публикация «Атомный проект СССР» с позиций современной теории археографии¹

В. П. Козлов

Аннотация: Рассмотрены вопросы отбора, передачи текста, систематизации и комментирования документов в документальной публикации «Атомный проект СССР».

Ключевые слова: документ, документальная публикация, атомный проект СССР, фильтрация документов, конвой документа, систематизация документов, археография.

Многотомная документальная публикация «Атомный проект СССР», три тома которой в двенадцати книгах увидели свет [Атомный проект, 1998–2010. Т. 1–3], — явление, конечно, уникальное в истории нашей науки. Степень новизны представленных ею данных о создании атомной промышленности в СССР, атомной и водородной бомб, атомных электростанций, по истории различных естественных и технических наук является высочайшей. Одновременно публикация раскрывает самые разные аспекты и собственно истории СССР в 30-е — 50-е годы: политические, экономические, организационные проблемы, механизмы обсуждения, принятия и реализации важнейших решений, во многом определивших судьбы мира и человечества. На фоне других археографических проектов последних трёх десятилетий беспрецедентно число опубликованных здесь документов — 2832 из 17 архивных фондов 9 федеральных и ведомственных архивов страны.

Однако хотелось бы посмотреть на эту публикацию не с позиций отражения в ней истории страны, истории различных наук, истории собственно атомного проекта, т.е. не с чисто историко-познавательных позиций, а с позиций дисциплины, которая изучает и обобщает принципы, методы публикации документов и вырабатывает их, — дисциплины, которая в российской историографической традиции уже почти двести лет называется археографией. Это тем более важно и интересно в связи с тем, что Президиум Российской академии наук впервые в истории Академии 16 ноября 1999 г. специально рассмотрел вопрос о том, как надо публиковать документальные источники по истории XX в., заслушав доклад академика А. Н. Яковлева «Новейшая история России XX-го в. в документах: опыт историографического (так, а не правильно: «археографического» — В. К.) исследования» [Искендеров, 174–175]. В простых вопросах, задававшихся докладчику членами Президиума, в элементарных, на взгляд историка-архивиста, соображениях отразилось много значимого для понимания археографии.

Прежде всего, обратим внимание на **возмущающие силы**, т.е. мотивы, которые вызвали к жизни появление этой публикации. В 90-е годы

---

¹ Статья впервые опубликована в сокращённом варианте: Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: Годич. науч. конф. М., 2001. С. 71–76.

в отечественной и зарубежной печати начал активно обсуждаться вопрос о степени самостоятельности разработки советскими учёными атомной и водородной бомб. В конечном счете, этот вопрос, как это часто бывает, приобрёл политическое и идеологическое звучание, связанное с оценкой способности советской науки сделать прорыв в изучении ядерной проблемы. Подготовка соответствующего сборника документов, таким образом, неизбежно испытала политическую возмущающую силу. С другой стороны, секретный характер работ по атомному проекту привел к тому, что сами его участники никогда не имели полной картины его реализации. Естественное стремление узнать, как всё было на самом деле, означало, что документальная публикация «Атомный проект СССР» испытала на себе и воздействие научной, т.е. познавательной возмущающей силы.

Совпадение этих двух возмущающих сил обеспечило появление одного из двух в последние десятилетия Указов Президента Российской Федерации, связанных с подготовкой целевых документальных публикаций. Первый Указ, как известно, касался подготовки сборника документов о готовности СССР к Великой Отечественной войне. Второй касался темы нашей статьи и назывался «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Этот Указ создал возможности для работы над документальной публикацией. Однако он уже своей формулировкой — ограничением включения в публикацию только **официальных документов** — одновременно оказал деформационное внешнее воздействие на состав документов будущей серии сборников, фактически исключив из их числа важные документы неофициального происхождения. Ниже мы увидим, как такое ограничение сковало публикаторов, если угодно, оказало негативное влияние на **модель документальной публикации**, явно обеднив её содержание и драматургию развития событий.

Указ Президента открыл перед участниками проекта широкие возможности знакомства с **видимым и ненаблюдаемым множеством документальных отложений**, т.е. с массивами документов, в которых отразились факты, события, явления, процессы, связанные с созданием в СССР атомного оружия. Видимое множество — это всё то, что к этому времени было доступно, известно и опубликовано. Ненаблюдаемое множество документальных отложений было представлено большей частью и включало не рассекреченные документальные комплексы. Благодаря Указу Президента Российской Федерации составители смогли проделать большую работу по переводу этого ненаблюдаемого множества в видимое множество, т.е. провести масштабное рассекречивание. В результате появилась возможность использовать для подготовки серии документы десятков фондов, начиная от фондов Политбюро, СНК, ГКО, Спецкомитета при ГКО (затем СМ СССР), министерств и ведомств и кончая личными фондами ученых.

Однако, в ходе работы на объём видимого множества документальных отложений оказали воздействие субъективные факторы. Составители части первой тома первого издания откровенно сообщают нам об этом. «Не обнаружены, — пишут они, — документы аппарата Уполномоченного ГКО по науке... Не удалось найти документы Комиссии по изотопам при ОХН

АН СССР и часть документов Комиссии по проблеме урана; погибли во время войны практически все документы Украинского физико-технического института... В течение нескольких лет велись переговоры с РНЦ “Курчатовский институт” об использовании в сборнике документов его архива, но удалось ознакомиться только с частью материалов фонда Института и личного фонда И.В. Курчатова, не удалось одновременно провести выявление, отбор, рассекречивание и подготовку к публикации ряда довоенных работ, опубликованных в малодоступных журналах, отчётов, так как работа с ними надолго задержала [бы] издание тома» [Атомный проект, 1998. Т. 1. Ч. 1: 13].

Положа руку на сердце, поблагодарим составителей публикации за такие откровения. Это лучше, чем промолчать о том, что Курчатовский институт вопреки президентскому указу не представил соответствующие документы, или признаться, что желание выполнить в срок президентскую волю исключило из документальной публикации, вполне возможно, важные документы, которые не удалось представить здесь из-за нежелания «задержать» выход в свет издания. Для историка же эти признания — важный сигнал деформации документальной публикации.

Составители серии имели дело как с **конденсированными**, так и с **неконденсированными документальными отложениями**. Под первыми мы понимаем документальные отложения, отразившие в едином, целостном комплексе факт, событие, явление, процесс, связанные с созданием атомного оружия. Такими отложениями, например, в данном случае стали документы Спецкомитета. Под неконденсированными документальными отложениями мы понимаем отложения, в которых факт, событие, явление, процесс, связанные с атомным проектом, случайно или в силу свойства рациональности документных систем отразились в отдельных, точечных документах, которые было необходимо найти с помощью **вертикального, горизонтального и разломного зондирования**. В данном случае такой поиск был осуществлен по фондам СНК, ГКО, наркоматов и министерств (особенно НКВД — МВД СССР), Генштаба, и др.

Таким образом, у составителей были большие возможности для изучения различных документальных отложений, отразивших историю атомного проекта в СССР. Однако всё, что оказалось в их распоряжении, опубликовать было невозможно. Любая тематическая документальная публикация представляет собой **выборку**. Поэтому при её подготовке важнейшим этапом является **фильтрация**, т.е. отбор документов из всего выявленного массива для включения в документальную публикацию. Такой отбор должен быть максимально объективным и основываться на определённых общепринятых критериях. В принципе можно сказать, что в решении этой задачи главную роль играет понимание информационной значимости документа. Однако это понятие достаточно неопределённое, а в реальной ситуации приобретает существенный отпечаток субъективизма.

Формально для составителей основополагающим критерием фильтрации являлся официальный характер документов. Но они не все включены в публикацию. Составители попытались конкретизировать понятие «официальный документ» за счёт использования ряда критериев, которые они,

впрочем, не называют, но они становятся понятными при анализе состава документов, включенных в публикацию.

Первый критерий — **кумулятивность документа**, т.е. степень его воздействия на факт, событие, явление, процесс, касающиеся создания в СССР атомного оружия. В соответствии с ним в публикацию включены все документы, связанные с политическими и организационными решениями по атомному оружию. Более того, вопреки Указу Президента Российской Федерации, предполагавшему публикацию только официальных документов, в серию оправданно включены и документы неофициального происхождения, степень кумулятивности которых в истории создания атомного оружия оказалась чрезвычайно высокой. В первом томе, например, опубликованы докладные записки ряда учёных страны в ЦК ВКП(б), сигнализировавшие о силе атомной энергии и тем самым инициировавшие принятие важных решений о развёртывании работ над атомным проектом.

Отобранные на основе критерия кумулятивности документы стали **опорными** в документальной публикации «Атомный проект СССР». Они удачно дополнены различными документами, отразившими среду совершившихся фактов, событий, явлений, процессов на основе критерия **усреднения фильтрации документов для документальной публикации**, предполагающего достижение разумного баланса между опорными документами и документами среды, в первую очередь на основе взаимодополняемости их информации.

Критерий усреднения фильтрации в рассматриваемой публикации, в свою очередь, не менее удачно дополнен критерием **сложения и разложения документов**. Он предполагает общую оценку полноты информации о факте, событии, явлении, процессе каждого из выявленных для документальной публикации массива документов и затем их распределение на документы первого, второго и третьего порядка. Документы первого порядка были включены в основной корпус публикации, документы второго порядка стали принадлежностью конвоя, документы третьего порядка использованы в качестве подсобного справочно-информационного массива.

После фильтрации документов перед составителями встали задачи их стабилизации, т.е. размещения в документальной публикации в определенном порядке. Такое размещение обеспечивает переход документа из первичной структуры упорядочения документов, естественно или стихийно сложившейся в процессе их оперативного бытования, во вторичную структуру бытования уже в документальной публикации. От правильно выбранной систематизации зависит **коммуникативность документальной публикации**, т.е. ее способность максимально понятно представить пользователю развитие факта, события, явления, процесса прошлого. В прикладной археографии существуют несколько принципов стабилизации места документа в документальной публикации: номинативно-хронологический, пространственно-хронологический, предметно-хронологический, несвободы выбора систематизации, гармоничности систематизации, хронологический, хронологический-хронологический.

Не будем разбирать сейчас каждый из этих принципов. Отметим только, что все они в зависимости от модели документальной публикации имеют

свои достоинства и недостатки. Но универсальным, а, значит, наиболее объективным и коммуникативным, является, на наш взгляд, хронологический принцип систематизации — не случайно его элементы присутствуют во всех остальных подходах к систематизации.

В первом томе серии «Атомный проект СССР» именно этот принцип и использовали вполне оправданно составители при стабилизации документов в документальной публикации. Он же применён для шестой и седьмой книг второго тома и первой и второй книг третьего тома. Зато в книге первой-пятой второго тома они заменили его номинативно-хронологическим. Тем самым составители резко снизили информационный потенциал публикации, лишив её не только динамизма в освещении темы, но и драматизма. Здесь, например, в разных разделах оказались «Письмо П. Л. Капицы И. В. Сталину об организации работ по проблеме атомной бомбы и своем освобождении от работ в Специальном комитете и техническом совете» от 25 ноября 1945 г. [Атомный проект, 1999. Т. 2. Ч. 1: 613–620] и последовавшее затем Постановление СНК СССР «Об освобождении Капицы П. Л. от работы в Специальном комитете при Совнаркоме СССР» [Атомный проект, 1999. Т. 2. Ч. 1: 419]. Не говоря о том, что при такой систематизации пользоваться документальной публикацией невероятно сложно, она серьёзным образом затрудняет понимание хронологии развития событий, связанных с атомным проектом СССР. В некоторой степени этот недостаток преодолён в специальном «Справочном томе» ко всем книгам публикации, где помещён хронологический перечень всех обнаруженных в ней документов с указаниями на тома, книги и номера их размещения.

Следующий классический для типографской документальной публикации вопрос связан с критериями выбора текста документа для документальной публикации. К сожалению, археографическая практика последних десятилетий, связанная с публикацией документов по истории XX столетия, стала очень часто нарушать традиционно общепринятые критерии выбора текста. В первую очередь это касается критерия подлинности документа, предполагающего обязательное воспроизведение текста оригинала документа. Сегодняшняя археографическая практика свидетельствует о публикации любого попавшего под руку экземпляра документального источника. Составители серии «Атомный проект» в этом случае проявили большую корректность. Они стремились к публикации оригиналов, хотя и признаются, что часто из-за утрат «речь шла не о выборе текста документа, а о том, чтобы найти хотя бы один из его вариантов, в том числе и незавершённый» [Атомный проект, 1998. Т. 1. Ч. 1: 14–15].

Не будем останавливаться на том, как воспроизведены тексты документов в публикации «Атомный проект СССР». Скажем лишь, что составители разумно стремились к установлению предела погрешности такого воспроизведения, удачно используя в зависимости от ситуации принцип заданной точности, принцип неприкосновенности, принцип дифференцированного подхода, принцип унифицированности воспроизведения текстов различных документов, о чём открыто и обоснованно сказано в археографическом введении.

Любая документальная публикация представляет собой систему взаимосвязанных элементов, в которой собственно документы являются, хотя и основным, но всё же одним из таких элементов. Другим элементом является **конвой**, т.е. информационное сопровождение, призванное в виде предисловия, легенды, примечаний по содержанию, текстологических примечаний, редакционного заголовка и т.д. усилить коммуникативную роль документов, сделать их максимально доступными, понятными для пользователей.

В целом следует отметить, что составители публикации смогли выдерживать основные принципы конвоирования документов: принцип неразрывности связи документов и конвоя, принцип идентификации документов в конвое, принцип достоверности и документированности конвоя, принцип полноты конвоя, принцип беспристрастия конвоя, принцип взаимосвязи элементов конвоя. Не хотелось бы сейчас углубляться в комментирование каждого из этих принципов применительно к рассматриваемой публикации, поскольку они достаточно новы в нашей трактовке [Козлов, 2017: 221–255]. Важно подчеркнуть, что составители старались следовать им, хотя второй том в этом отношении серьёзно уступает тому первому. Продемонстрируем это на примере реализации **принципа преодоления фигуры умолчания в конвое**, означающего обязательное объяснение в конвое всех необычностей документа, а также сообщения обо всех ситуациях, при которых какое-либо объяснение документа оказалось невозможным.

В первом томе публикации составители стремились следовать этому принципу со строжайшей последовательностью. В комментариях по содержанию, давая, например, пояснения к **неопознанным пробелам документа**, т.е. неясным местам текста, «угасшему» для сегодняшнего читателя содержанию документа, составители широко употребляют выражения «возможно», «вероятно», используют методы источникововедческого анализа и представляют их результаты на суд читателей.

Иная картина открывается в томе 2 этой же публикации. Здесь принцип преодоления фигуры умолчания неоднократно нарушается, причём иногда в важных для изучения проблемы ситуациях. Например, в одних случаях, когда Спецкомитет по атомной бомбе рассматривал проект постановлений СНК (СМ) СССР, конвой даёт хотя бы отсылки на даты и номер их утверждённых вариантов правительством (без указаний, впрочем, на архивную стратиграфию последних), в других случаях даже и такие отсылки отсутствуют, в результате чего остаётся неясным, были ли приняты подобные постановления СНК (СМ) СССР вообще.

С учётом всего сказанного попытаемся определить место рассматриваемой публикации с точки зрения типологии документальных публикаций.

Это, безусловно, научная документальная публикация, т.е. рассчитанная на пользователей, профессионально занимающихся изучением общих и специальных проблем прошлого, хотя сами её составители скромно называют свой труд научно-популярным изданием.

Это научная тематическая документальная публикация, примечательная заданностью своей темы и новизной её документального раскрытия.

Это научная тематическая каскадная документальная публикация, включившая документы разных видов и разного уровня создания и происхождения.

Основанная на неограниченной среде документов, названная публикация выступает в системной конфигурации. Однако в силу того, что она не с максимальной полнотой отражает факты, события, явления, процессы, связанные с атомным проектом, её следует признать низкодокументальной публикацией.

Тем не менее, в целом рецензируемую публикацию мы вправе считать археографическим успехом всех, кто принимал участие в её подготовке. Её содержательная часть исключительна по значимости документальных свидетельств о масштабах работы, проведённой страной по реализации атомного проекта, её беспрецедентной организованности и цене. Что касается археографического уровня издания, то немаловажным является тот факт, что она одновременно оказалась одним из немногочисленных и успешных примеров издания не только в типографской форме, но и в электронном варианте. Последний, размещённый на сайте Минатома, открывает новые познавательные и поисковые возможности этого документального издания.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.004

Список литературы

Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 1: 1938–1945. В 2 ч. М.: Наука. Физматлит, 1998; Т. 2: Атомная бомба: 1945–1954. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. М.: Физматлит, 1999. 719 с.; Кн. 2: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000. М.: Физматлит, 640 с.; Кн. 3: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2002. М.: Физматлит, 2003. 896 с.; Кн. 4: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003. М.: Физматлит, 2003. 816 с.; Кн. 5: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005. М.: Физматлит, 2005. 976 с.; Кн. 6: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005. М.: Физматлит, 2006. 896 с.; Кн. 7: 1945–1954. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2007. М.: Физматлит, 2007. 696 с.; Т. 3: Водородная бомба: 1945–1956. Кн. 1: 1945–1956. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2008. М.: Физматлит, 2008. 736 с.; Кн. 2. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2008. М.: Физматлит, 2009. 596 с.; Справочный том. М.: Наука, Физматлит; Саров, 2010. 709 с.

Искендеров А. История, джин и бутылка // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 174–175.

Козлов В.П. Документальная память в археографическом знании. М., Древлехранилище, 2017. 372 с.

Советские АЭС постсоветского пространства

М. Ю. Мухин

Аннотация: Статья посвящена истории создания советских атомных электростанций на территории будущих постсоветских государств и дальнейшей судьбе этих АЭС после распада Советского Союза. На основании проведённого исследования автор пришёл к выводу о том, что постсоветские государства оказались не в состоянии самостоятельно развивать атомную энергетику, несмотря на то что эффективность и востребованность АЭС очевидна.

Ключевые слова: атомная энергетика, постсоветское пространство, экономическая интеграция, история науки и техники.

Основой любой современной экономики является энергетика. В известном смысле эта отрасль является своеобразным стержнем промышленной структуры всякой индустриально развитой страны, на который, точно крутясь из детской пирамидки, нанизываются все прочие отрасли промышленности. Таким образом, можно сказать, что именно развитие энергетики является определяющим индустриальный уровень государства фактором.

Советский Союз представлял собой единое государство, экономика которого так же строилась как целостный комплекс. Экономики отдельных республик при этом выступали как взаимосвязанные сегменты этого единого экономического организма. Вопрос об автаркичном существовании промышленности, скажем, Украины или Узбекистана не только не обсуждался, но даже и не ставился, как заведомо абсурдный и не имеющий смысла. В результате распада СССР постсоветские государства стали обладателями самостоятельных экономических комплексов, которым волей-неволей пришлось осваивать методику выживания «в одиночку». Разумеется, в этих условиях степень важности энергетики для каждого нового независимого государства ещё более возросла — ведь теперь, теоретически, было нельзя рассчитывать на поставки энергии в рамках единой энергосети Советского Союза. Разумеется, фактически практика поставок энергии через границы новых независимых государств продолжалась, но было очевидно, что политическая конъюнктура в любой момент может вмешаться в энергетическую сферу. И печальный опыт российско-украинских газовых кризисов начала XXI века наглядно подтвердил эту истину.

Тематика развития энергетики на постсоветском пространстве огромна и заведомо не может быть рассмотрена даже максимально кратко и конспективно в рамках одной статьи. В этой связи нам хотелось бы рассмотреть судьбу только одного сегмента энергетического комплекса — а именно, атомной энергетики — в странах, образовавшихся в результате распада СССР. Как известно, Российская Федерация взяла курс на широкое развитие атомной энергетики, поэтому ситуацию в РФ мы в рамках этой работы рассматривать не будем. Как же распорядились атомным наследством СССР в других постсоветских странах?

На 1991 г., помимо РСФСР, в Советском Союзе функционировало 8 АЭС: на Украине — 5 (и ещё 3 строились). По одной АЭС функционировали в Армении, Казахстане и Литве.

Украина

Украинская ССР была одним из ведущих экономических регионов Советского Союза, поэтому её энергетическому обеспечению уделялось особое значение. Большой удельный вес в экономике УССР предприятий цветной и чёрной металлургии, машиностроения и химической индустрии предъявлял всё более высокие требования к энергетическому хозяйству Украины. Ввиду невозможности дальнейшего кардинального наращивания генерации электроэнергии традиционными методами — ГЭС и ТЭС — в начале 1970-х годов было принято решение о строительстве на Украине целой серии атомных электростанций. В результате уже к 1980 г. удельный вес электроэнергии, вырабатываемой АЭС, составил 5,5% от всей генерации электроэнергии на Украине, а к 1990 г. он возрос до 25%.

Чернобыльская АЭС. Первая очередь этой электростанции была построена в 1970–77 гг., а вторая — введена в эксплуатацию в 1983 г. В результате АЭС состояла из 4 энергоблоков, оснащённых реакторами РБМК-1000. Ещё до завершения второй очереди, в полутора километрах от площадки первой-второй очередей началось строительство третьей очереди ЧАЭС, — ещё пары аналогичных энергоблоков. На апрель 1986 г. суммарная мощность чернобыльской АЭС составляла 4 гигаватта, а после завершения строительства III очереди должна была возрасти до 6 гигаватт. 26 апреля 1986 г. на ЧАЭС произошёл печально известный взрыв, ставший началом целой череды пожаров, штатных ситуаций и аварий. Последний из подобных инцидентов произошёл уже в 1996 г. Значительное радиоактивное заражение близлежащих территорий и массовые поражения сотрудников АЭС и ликвидаторов лучевой болезнью породили в обществе (на тот момент — во всесоюзном масштабе) атмосферу тотальной радиофобии и недоверия к атомной энергетике вообще. Это привело к замораживанию многих уже ведущихся на тот момент строительных объектов атомной промышленности. Впрочем, нельзя отрицать и того, что во второй половине 1980-х годов экономическая ситуация в Советском Союзе в целом не способствовала успешному осуществлению крупномасштабных, капиталоемких проектов. Однако вернёмся к судьбе ЧАЭС. Уже в 1990 г. Верховный Совет и Совет Министров УССР назначили сроком вывода Чернобыльской АЭС из эксплуатации 1995 год, причём синхронно был принят пятилетний мораторий на строительство новых и увеличение мощности уже существующих АЭС. Пожар, произошедший в 1991 г. на втором энергоблоке ЧАЭС, стал поводом к дальнейшему ужесточению политики, проводимой по отношению к нестабильной электростанции. Проблемный энергоблок было решено вывести из эксплуатации немедленно, а первый и третий — к 1993 г.¹ С другой стороны, экономика Украины требовала поставок энергии, поэтому в 1993 г. было решено энергоблоки не заглушать, а дать ЧАЭС работать и дальше,

¹ IV энергоблок был фактически разрушен в ходе катастрофы 1986 г.

пока позволяет её техническое состояние. Энергоблок № 1 был остановлен в 1996 г., а в 1997 г. — окончательно снят с эксплуатации. В 1999 г. был снят с эксплуатации энергоблок № 2, который не запускался с 1991 г.

Решение об окончательном закрытии Чернобыльской АЭС было принято в 2000 г. 15 декабря того же года был остановлен последний — третий — энергоблок ЧАЭС. С этого момента Чернобыльская электростанция производство электроэнергии прекратила.

Южноукраинская АЭС. Эта АЭС состоит из 3 энергоблоков с реакторами ВВЭР-1000. Строительство первой очереди электростанции и города-спутника АЭС Южноукраинска началось в 1975 г. Первый энергоблок был введён в эксплуатацию в 1982 г., второй — в 1985, а третий — в 1989 годах. Строительство четвёртого энергоблока было начато в 1987 г., но прекращено ввиду как экономических затруднений, так и «чернобыльского синдрома» в общественных настроениях. В настоящее время суммарная мощность ЮУАЭС составляет 3 гигаватта. В год она вырабатывает до 18 млрд кВт/ч электроэнергии, что составляет более 10% всей электроэнергии, генерируемой на Украине и приблизительно 25% электроэнергии, вырабатываемой на украинских АЭС. Этого хватает, чтобы удовлетворить свыше 90% энергетических потребностей Николаевской, Херсонской и Одесской областей. В 1999 г. на средства ЮУАЭС была построена Александровская ГЭС.

Одесская АТЭЦ. Эта электротеплоцентрально силами своих двух энергоблоков с реакторами ВВЭР-1000 должна была обеспечивать теплом Одессу и порт Ильичевск, попутно вырабатывая электроэнергию. Планируемая электрическая мощность станции 2 гигаватта, тепловая — 6 гигаватт. Строительство началось в 1980 г., но в 1990 г., в связи с аварией на ЧАЭС, было прекращено и более не возобновлялось.

Харьковская АТЭЦ. Эта атомная электроцентрально должна была обеспечивать и теплом, и энергией Харьков. Сходство задач с Одесской АТЭЦ предопределило сходство, как проекта этой электростанции, так и её судьбу.

Хмельницкая АЭС. Строительство этой АЭС в г. Нетешин Хмельницкой области началось в 1981 г. В 1987 г. в строй был введён первый энергоблок с реактором ВВЭР-1000, и подготовлены площадки ещё для 3 энергоблоков. Пуск второго блока намечался на 1991 г., однако в 1990 г., как уже говорилось выше, Верховная Рада наложил мораторий на строительство и расширение атомных электростанций. Тем не менее, дефицит электроэнергии в западных регионах Украины был столь острым, что уже в 1993 г. строительство ХАЭС возобновилось. Правда, теперь работы тормозились ограниченностью финансирования, но, тем не менее, в 2004 г. второй энергоблок ХАЭС был введён в эксплуатацию. В настоящее время Хмельницкая АЭС в год вырабатывает 6–7 млрд кВт/ч электроэнергии, что составляет приблизительно 9% всей энергии, поставляемой украинскими АЭС.

Запорожская АЭС. Сооружение ЗАЭС началось в 1981 г. В 1984–1987 гг. поэтапно были введены в строй 4 энергоблока, оснащённые реакторами ВВЭР-1000. В 1988 г. было решено расширить Запорожскую АЭС до 6 энергоблоков, аналогичных уже сооружённым. Пятый блок был введён в эксплуатацию в 1989 г., на 1990 г. планировался пуск энергоблока № 6.

Однако мораторий 1990 г. сорвал эти планы, и от пуска уже практически готового реактора пришлось отказаться. Работы по расширению ЗАЭС были реанимированы лишь в 1993 г., а в 1995 г. шестой энергоблок наконец был введён в эксплуатацию. После этого Запорожская атомная электростанция стала крупнейшей в Европе и третьей в мире по установленной мощности. В наши дни ЗАЭС производит до 40 млрд кВт/ч в год, что составляет приблизительно половину электроэнергии, вырабатываемой на украинских АЭС и около 20% всей электроэнергии, генерируемой на Украине вообще.

Ровенская АЭС. Строительство этой электростанции началось в 1973 г. Первые два энергоблока, оснащённые реакторами ВВЭР-440, были сданы в эксплуатацию в 1980–81 годах. Уже в 1980 г. началось строительство блока №3, рассчитанного на более мощный реактор ВВЭР-1000. После пуска этого энергоблока в 1987 г. началось сооружение четвёртого блока, так же под ВВЭР-1000. Его пуск был намечен на 1991 г., но приостановлен согласно мораторию 1990 г. Окончательно четвёртый энергоблок РАЭС был введён в эксплуатацию лишь в 2004 г. В настоящее время Ровенская АЭС производит 11–12 млрд кВт/ч электроэнергии в год, что составляет 15–16% электрогенерации на АЭС Украины.

Помимо этого, существовал проект создания Чигиринской АТЭЦ, однако к её сооружению так и не приступили.

Армения

При сооружении объектов атомной энергетики в Армении требовалось учитывать фактор сейсмической опасности, характерной для региона. Поэтому в конструкции единственной атомной АЭС Армении была заложена способность противостоять землетрясению до 8 баллов.

Армянская АЭС. Строительство ААЭС вблизи г. Мецамор началось в 1970 г. В 1976 г. в эксплуатацию был сдан первый энергоблок, а в 1980 г. — и второй. Оба энергоблока комплектовались реакторами ВВЭР-440. В 1983 г. начались работы по второй очереди ААЭС, которая должна была состоять из ещё двух, аналогичных уже построенным, энергоблоков. Однако после аварии на Чернобыльской АЭС строительство было остановлено. Не следует забывать, что с 1988 г. ситуация в Закавказье была крайне осложнена Карабахским конфликтом, который вскоре перерос в полномасштабную армяно-азербайджанскую войну. Разумеется, в этих условиях расширение АЭС было невозможно вне зависимости от «чернобыльского синдрома». Более того — встал вопрос о функционировании уже построенных энергоблоков. Ещё в 1982 г. на ААЭС случился пожар. К счастью, в тот раз обошлось без радиоактивного заражения. В 1988 г. на Армению обрушилось мощное землетрясение, которое получило название Спитакского. Сейсмостойчивая конструкция АЭС выдержала испытание, и ААЭС сохранила работоспособность в полном объёме. Тем не менее, общая для позднего СССР атмосфера радиофобии привела к решению в 1989 г. остановить ААЭС. Результат этого не заставил себя долго ждать. В ситуации развала Советского Союза и обусловленного этим прекращения поставок топлива Армения столкнулась с жесточайшим дефицитом энергии. Поэтому в 1993 г. было

принято решение восстановить генерацию электроэнергии на ААЭС. Однако сделать это было непросто. После остановки Армянской электростанции из корпусов парогенераторов энергоблока №1 были сделаны вырезы (для металловедческих исследований), что сделало невозможным запуск этого реактора в эксплуатацию без дорогостоящей и трудоёмкой операции по замене парогенераторов. Таким образом, в распоряжении ААЭС остался лишь один энергоблок (№2), который был запущен в 1995 г. В настоящее время ААЭС обеспечивает приблизительно треть всей электроэнергии, производимой в Армении.

Литва

Прибалтийский экономический район в СССР являлся энергодефицитным. Несмотря на обилие рек, суммарный гидроэнергетический потенциал района составлял лишь 0,4% к общесоюзному, что не позволяло решить проблему энергопотребления за счёт ГЭС. С другой стороны, этот регион не мог похвастаться и обилием горючих ископаемых, в результате чего ТЭС и ТЭЦ приходилось обеспечивать топливом, поставляемым из других регионов Советского Союза. Поэтому во второй половине 1970-х годов было решено укрепить энергетику прибалтийских республик строительством АЭС.

Игналинская АЭС. Первоначально эту АЭС предполагалось строить на территории Белоруссии, на берегу озера Дрисвяты. Однако позднее грунт на этом участке был сочтён недостаточно надёжным, поэтому строительство перенесли на другой берег озера, на территорию Литвы, в Игналинский район, тогда существовавший в Литовской ССР. По проекту АЭС должна была состоять из 4 энергоблоков, оснащённых реакторами РБМК-1500. Строительство энергоблока №1 началось в 1978 г., №2 — в 1980 г., №3 — в 1983 г. В том же, 1983 г., был введён в эксплуатацию первый энергоблок. Пуск второго энергоблока был намечен на 1986 г., но в связи с событиями на ЧАЭС был отсрочен до 1987 г. Тем не менее, в 1987 г. пуск второго энергоблока состоялся. Своеобразным реваншем сторонников отказа от атомной энергетики стало принятое в том же году решение о приостановке строительства энергоблока №3. Окончательно от планов достройки этого энергоблока отказались в 1989 г., когда его готовность составляла около 70%. На 2000 г. ИАЭС вырабатывала 75–80% электроэнергии, потребляемой в Литве. Остановка ИАЭС была одним из условий присоединения Литвы к Евросоюзу. В 2001 г. правительство независимой Литвы утвердило программу вывода из эксплуатации первого энергоблока ИАЭС, которая была завершена в 2005 г. Второй энергоблок был остановлен в 2009 г., после чего ИАЭС прекратила генерацию электроэнергии и была закрыта. В результате остановки ИАЭС стоимость электроэнергии в Литве возросла приблизительно на треть. В 2010 г. потребности страны в электроэнергии составили 11,5 млн МВт/ч., при этом собственные электростанции могут сгенерировать лишь 6,5 млн, а остальное придётся импортировать.

С 2007 г. интенсивно обсуждаются планы создания в Литве новой АЭС. Предполагается, что это станет совместным проектом всех трёх прибалтийских республик и Польши.

Казахстан

В 1960-х годах перед СССР стояла крайне важная, с точки зрения обеспечения государственных интересов, задача — достижение ракетно-ядерного паритета с США. Одним из элементов решения этой проблемы стало создание уникального промышленного комплекса в безводной пустыне. На месте посёлка Актауского был создан город Шевченко, сформировавшийся вокруг ряда предприятий, занятых добычей, переработкой и обогащением урановой руды. Помимо этого, в городе были построены азотно-туковый и сернокислотный заводы. При этом следует учитывать, что г. Шевченко вообще не имел источников пресной воды, что делало решение проблемы опреснения вод Каспийского моря жизненно важным. Сочетание в одном регионе добычи и переработки урановой руды и необходимости в опреснении значительных объёмов воды делало использование атомной энергии особо привлекательным.

Мангистауский атомный энергокомбинат. В советские годы — Шевченковская АЭС (ШАЭС). С самого начала сооружалась как комплексная электростанция, включавшая в свой состав как энергоблок с атомным реактором, так и обычные ТЭЦ на ископаемом топливе. Хотя строительство электростанции началось ещё в 1962 г., энергоблок с реактором БН-350 был начат строительством лишь в 1964 г., а введён в эксплуатацию — в 1973 г. Особенностью ШАЭС было то, что на момент начала своей эксплуатации это была единственная в мире атомная опреснительная установка. По сути, первостепенным для ШАЭС было именно обеспечение пресной водой города Шевченко (ныне — Актау). В 1978 г., по мере расширения комплексных мощностей электростанции, на её базе был создан Мангышлакский атомный энергокомбинат (МАЭК). В 1995 г. правительство независимого Казахстана приняло решение об остановке атомного реактора БН-350 на МАЭКе, и в 1999 г. реактор был переведён в режим вывода из эксплуатации. Ввиду конструктивных особенностей реактора этот режим приведёт к окончательной остановке реакции деления лишь к 2049 г. Однако генерация электроэнергии генератором уже прекращена, и в настоящий момент МАЭК вырабатывает электричество только за счёт традиционных ТЭЦ. После вывода реактора из эксплуатации себестоимость пресной воды, подаваемой с МАЭК, резко возросла.

Подведём итоги. Во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов в ряде союзных республик СССР была создана принципиально новая отрасль промышленности — атомная энергетика. При этом практически во всех регионах, где строились АЭС, они сравнительно быстро занимали либо доминирующее (как в Литве и Армении), либо существенное (как на Украине) место. Меньшую роль атомная энергетика играла в Казахстане, однако следует учитывать, что именно ШАЭС фактически обеспечивала снабжение города Шевченко пресной водой, без чего существование города было бы невозможно.

По своим масштабам атомная электростанция представляет собой циклопическое сооружение, строительство которого по плечу лишь мощному государству, обладающему как рядом специфических технологий, так

и финансовыми возможностями по обеспечению такого строительства. Не случайно практически все ныне существующие на постсоветском пространстве АЭС были построены в 1970–1980-е годы, т. е. в период, когда СССР находился в апогее своего могущества; в постсоветскую эпоху атомные электростанции на территории новых независимых государств в лучшем случае расширялись и достраивались. Исключением из этого ряда является АЭС, построенная в Белоруссии, однако следует отметить, что эта электростанция была построена российскими специалистами с использованием научного и технологического задела ещё советских времён. Масштабность объектов атомной энергетики обуславливала создание при каждой АЭС города-спутника, обеспечивавшего жизнеобеспечение персонала электростанции. Как правило, закрытие градообразующей АЭС автоматически вело к экономическому коллапсу таких городов.

В настоящее время атомные электростанции, построенные в годы существования Советского Союза, поставляют 45% производимой электроэнергии Украине и 33–40% — Армении, что позволяет судить о масштабах «атомного наследства», доставшегося этим республикам от Советского Союза. Выработка электроэнергии на реакторах АЭС Литвы и Казахстана прекращена. Нам остаётся лишь выразить надежду, что экономическое сотрудничество постсоветских стран в рамках Евроазиатского экономического союза позволит вернуться к практике широкого строительства атомных электростанций во всех странах ЕАЭС.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.005

Часть 2

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Динамика позиции РСФСР по отношению к Союзному договору (1990–1991)

Ю.М. Батурин

Аннотация: При подготовке проекта нового Союзного договора позиция РСФСР являлась определяющей. В статье прослеживается изменение позиции российского руководства — от полностью неопределённой в середине 1990 года до полного неприятия создания нового Союзного государства во второй половине 1991 года. Динамика позиции руководства РСФСР рассматривается на фоне обсуждений и консультаций рабочих групп и экспертов Верховных Советов республик, образованных в соответствии с решением Совета Федерации СССР, по вопросам подготовки нового Союзного договора с представителями Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Анализируется процесс выработки подхода РСФСР в зависимости от позиций автономных республик, входящих в состав РСФСР, согласование которых представляло особую трудность. Перечисляются основные проблемы, по которым у автономных республик были расходившиеся позиции, и показывается их влияние на изменение позиции РСФСР в ново-огарёвском процессе. Показывается, как позиция РСФСР от весьма неопределённой, в 1990 г. зависящая не только от колебаний лидеров — Б.Н. Ельцина и Р.И. Хасбулатова, но и других влиятельных акторов — Верховного Совета РСФСР, официальных представителей РСФСР, эволюционировала к признанию Союза как федерации, затем — конфедеративного государства и, наконец, как конфедерации государств. Статья построена на документах, ранее не введённых в научный оборот.

Ключевые слова: новый Союзный договор, Ново-Огарёво, РСФСР, автономии, эволюция позиции.

В 2021 году исполнилось 30 лет с тех пор, как был подготовлен проект нового Союзного договора, работа над которым началась годом раньше. В работе, помимо аппарата Президента СССР, участвовали представители 11 союзных республик. Последовательные проекты Союзного договора обсуждались Верховными Советами республик. Руководители республик направляли свои замечания и предложения Президенту СССР. Позиции республик эволюционировали на протяжении почти двух лет в зависимости от развития политической ситуации.

Особенно интересна динамика позиции РСФСР, безусловно, в силу своего экономического и политического веса определяющая вектор переговоров по Союзному договору и влияющая на позиции других союзных республик.

Исходные позиции — ещё неопределённые

16 мая 1990 г. открылся первый Съезд народных депутатов РСФСР, а на следующий день в его повестку включается вопрос «О суверенитете России, Союзном договоре и народовласти». Выступая на Съезде 22 мая, Б. Н. Ельцин сказал: «Парламент России должен принять Обращение к парламентам и народам других союзных республик с предложением о безотлагательном начале переговоров по выработке новых взаимоприемлемых форм содружества»¹. Формула «содружество» заставила многих напрячься: какое ещё содружество? Но на следующий день, выступая там же, М. С. Горбачёв дипломатично поддержал российских депутатов, интерпретировав формулу Ельцина как поиск Россией рамок обновлённого Союза.

29 мая Б. Н. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР, и на следующий день на пресс-конференции заявил: «Основываясь на Декларации о суверенитете, которая будет принята, на необходимых законах, Россия будет самостоятельной во всём, и решения её должны быть выше союзных»².

12 июня 1990 г. первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В ней говорилось о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновлённого Союза ССР, о том, что РСФСР признаёт и уважает его суверенные права, что разногласия между Республиками и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемым Союзным договором.

В тот период смысл лозунга суверенитета для Б. Н. Ельцина и российско-го руководства был достаточно узким: он состоял в требовании предоставить российскому руководству большую самостоятельность в экономической сфере, в праве проводить экономическую реформу на своей территории. Отсюда и стремление произвести разграничение сфер полномочий и компетенции между РСФСР и Союзом, включая и вопросы собственности на территории республики. Тесные экономические связи, реформа и рынок должны были, по их предположениям, укрепить Союз.

В тот же день, 12 июня, прошло заседание Совета Федерации СССР (этот орган был создан в ответ на пожелание союзных республик более активно влиять на выработку общесоюзной политики; возглавлял его президент СССР, в него вошли высшие должностные лица союзных республик), на котором впервые высказываются различные позиции по поводу конструкции будущего обновлённого Союза. Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин заявил, что РСФСР остаётся в Союзе, но выразил мнение, что Союзный договор будет трудно выработать. Однако уже через полтора месяца, 1 августа, на встрече с депутатами Верховного Совета Латвийской Республики Б. Н. Ельцин заявил: «Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по формированию и сохранению многонационального государства. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2007. С. 156 (далее: Союз. Белая книга).

² Там же. С. 156–157.

или не пойдёт, или, по крайней мере, очень долго не пойдёт. Поскольку проект, который подготовил Центр, мы считаем, не может удовлетворить Россию, а, наверное, и другие суверенные государства. И поэтому мы подготовили свой вариант, где имеем в виду, что будет договор о создании содружества суверенных государств, имеющих основы конфедерации, независимость и, допустим, каких-то два–три объединяющих элемента»³.

С 3 августа 1990 г. консультации рабочих групп и экспертов Верховных Советов республик, образованных в соответствии с решением Совета Федерации СССР, по вопросам подготовки нового Союзного договора с представителями Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР проводились в Грановитой палате Большого Кремлёвского дворца. Российские эксперты РСФСР избегали участия в обсуждениях до тех пор, пока в работу групп не подключались представители автономных республик РСФСР.

3 августа 1990 г. на консультативной встрече рабочих групп Верховного Совета РСФСР и Верховного совета СССР по проблемам подготовки Союзного договора, возглавляемых соответственно Г.С. Таразевичем и Р.И. Хасбулатовым, договорились, что законченный пакет предложений РСФСР по Союзному договору будет завершён в первой половине сентября. Однако ждать предложений от РСФСР пришлось значительно дольше. Между тем, на встрече 3 августа были обсуждены важные вопросы, в частности, предложения РСФСР относительно полномочий, которые республика готова передать Союзу, а также предварительный вариант нового состава и структуры органов власти и управления Союза, как их видят российские представители.

Рабочая группа РСФСР предложила к объектам непосредственного управления органами власти Союза (при контроле союзных государств) отнести: охрану природы, оборону, государственную безопасность, атомную энергетику. При этом они допустили существенное отступление от постановления Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР» (основа нового Союзного договора), в п. 2 которого предусмотрены значительно более широкие полномочия Союза ССР. К объектам совместного управления Союза и союзных государств — авиационный и железнодорожный транспорт, морской флот, оборонные отрасли промышленности и космонавтики, охрану государственных границ союзных государств, таможенную службу, денежно-кредитную политику.

Был затронут вопрос о праве собственности на объекты управления. По мнению рабочей группы РСФСР, передача Союзу части полномочий по управлению материальными, финансовыми и другими объектами и ресурсами не создаёт собственности Союза. Имущество и иные средства, выделяемые для осуществления задач Союза, остаются долевой (смешанной, совместной) собственностью государств-учредителей Союза и не подлежат произвольному отчуждению союзными органами власти и управления. Правда, при этом подчеркивалось, что это лишь мнения экспертов, а сама делегация в этом вопросе до конца ещё не определилась.

---

³ Там же. С. 163.

Создание союзного бюджета представители РСФСР расценили как нарушение суверенных прав субъектов Союзного договора и предложили формировать союзный бюджет исключительно из целевых отчислений республик на содержание союзных органов и реализацию общесоюзных программ.

К проблемам, нуждающимся в проработке, были отнесены:

- сферы и принципы контрольных полномочий республики в области обороны, возможность создания республиканских вооружённых формирований;

- сферы и принципы контрольных функций республики в обеспечении государственной безопасности, её участия в охране своих границ;

- разграничение полномочий Союза и республики в области внешнеполитической деятельности;

- проблемы связи полномочий и права собственности, принципы распределения государственной собственности между Союзом и республиками (в том числе в области энергетики), формирование союзного бюджета, создание правовых основ общесоюзного рынка;

- разграничение полномочий республик и Союза в охране общественного порядка и судопроизводстве⁴.

А вот как описывал систему органов власти и управления будущего Союза в ходе консультаций в Грановитой палате 3 августа 1990 г. руководитель российской делегации Р.И. Хасбулатов: «Сразу же в первом разделе можно было бы написать приблизительно так: формирование генеральной администрации Союза, сообщества. И в соответствии с этими полномочиями определить, какие министры могли бы быть. По тому, что я себе написал, у меня условно могли бы быть, причём формирует президент, который возглавляет эту генеральную администрацию Союза. Президент избирается парламентами союзных государств сроком на три года без права повторного избрания, т.е. всеми парламентами союзных государств. Он руководит этой генеральной администрацией. Президент формирует её в составе: государственный секретарь, который ведаёт межгосударственными отношениями, как раз внутри федерации или конфедерации; министр по делам внешних связей, как раз то, о чём мы говорили, чётко вытекает отсюда; министр обороны и разоружения, можно было бы подчеркнуть очень мирный характер новой конфедерации; министр финансов; директор агентства безопасности; министр транспорта; министр энергетики; министр по аграрным делам; министр по вопросам охраны природы и государственный министр — личный представитель президента сообщества.

Президент осуществляет руководство генеральной администрацией в рамках установленных полномочий. Чтобы контролировать деятельность генеральной администрации или выработки политики Союза образуется какой-то орган, назовём его конвент. Что это такое? Это совещание глав

⁴ Протокол консультативной встречи рабочих групп Верховного Совета РСФСР и Верховного совета СССР по проблемам подготовки Союзного договора. Москва, Кремль, 3 августа 1990 г. 4 листа — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354). Все документы, на которые делаются ссылки, переданы в Государственный архив РФ, в персональный фонд автора, но пока не описаны. Но исследователи, безусловно, смогут найти указанные документы в ГА РФ.

союзных государств, созываемое периодически, скажем, один раз в два месяца. Причем этот конвент мог бы иметь и свой исполнительный аппарат в лице исполнительных органов представителей союзных государств, т.е. исполнительный аппарат, который мог каким-то образом влиять.

Таким образом, была бы достаточно серьёзная и президентская власть, и исполнительная, и в то же время очень сильно выражено мнение союзных государств или союзных республик»⁵.

В Протоколе консультативной встречи это пассаж был оформлен предельно кратко: «Подчёркнуто обоюдное стремление всемерно способствовать укреплению единства советских республик в рамках Союза на основе их суверенности и самостоятельности»⁶.

Результаты трудных переговоров-консультаций 3 августа в Кремле были в большой степени неожиданными для Президента СССР М.С. Горбачёва, и он дал указание продолжить их, предварительно обсудив с экспертами важнейшие позиции «россиян», как он частенько говорил. Делегацию РСФСР составляли всего трое: Р.И. Хасбулатов, руководитель группы, первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР; Г.Э. Бурбулис — народный депутат СССР, полномочный представитель Председателя Верховного Совета РСФСР. Рабочую группу Верховного Совета СССР возглавлял Г.С. Таразевич, председатель Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В группу входили: Н.Н. Гриценко, В.Г. Кучеренко, Ю.К. Шарипов — председатели комиссий Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР; В.Х. Догужиев, заместитель Председателя Совета Министров СССР, В.Н. Кудрявцев, народный депутат СССР, вице-президент АН СССР, руководитель группы научного обеспечения подготовки проекта Союзного договора, и Л.Д. Шишов, заведующий Отделом по вопросам межнациональных отношений Секретариата Верховного Совета СССР, руководитель группы организационного обеспечения подготовки проекта Союзного договора. Эксперты подготовили для Президента СССР справку, содержащую точные цитаты сказанного российскими переговорщиками по стенограмме, из которых мы приведём только нескольких высказываний Р.И. Хасбулатова⁷.

«ВОПРОСЫ, возникающие в связи с позицией РСФСР при подготовке концепции нового Союзного Договора

...5. «Я лично сторонник, чтобы не затрагивать в новом Союзном Договоре экономическую систему. ...оставить... суть социально-экономического развития конфедеративных союзных государств самим государствам» (с. 19).

⁵ См.: Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А., Лившиц А.Я., Никифоров К.В., Пихоя Л.Г., Сатаров Г.А. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., Вагриус, 2001. С. 126 (в данном издании текст стенографической записи дан в значительном сокращении). (Далее — Эпоха Ельцина).

⁶ Протокол консультативной встречи рабочих групп Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета СССР по проблемам подготовки Союзного договора. 3 августа 1990 г.

⁷ Сама стенограмма у автора отсутствует, но ссылки на её листы приводятся, как они даны в справке.

...7. «...целая группа специалистов исходит из того, что если мы достигнем договорённости по такому универсальному Союзному Договору, который устраивает нас, то какая необходимость иметь общесоюзную конституцию...?» (с. 27).

...13. (В Союзе) «... должен быть орган совместного управления типа Генеральной администрации... возглавляемой, скажем, Президентом конфедеративного государства» (с. 64).

14. «...для решения межсоюзных, межгосударственных споров... образовывать Конституционный суд. ...участие в нём подтверждалось бы специальным актом союзного государства... Он мог бы формироваться из числа известных специалистов конституционного права по какой-то специальной процедуре, одобренной Конвентом, представленной Президентом конфедеративного государства» (с. 66).

15. Что касается его (Союзного Договора) соотношения с Конституциями других государств. Мне лично представляется, что этот Договор мог бы стать составной частью Конституции. Я сказал, что Конституция не нужна для всей конфедерации, но Договор этот мог бы стать частью Конституций союзных республик, союзных государств» (с. 67).

16. (Относительно названия Союза) «Вообще, можно говорить — федерация, но движение (идёт) в большей степени к конфедеративному устройству. Мы считаем, что это та реальность, от которой не следует уходить... Может быть, мы договоримся о том, что... будем говорить не о конфедерации, не о федерации, а о Союзе, имея в виду что потом уточним, какой смысл вкладываем?» (с. 69).

17. (По срокам) «...на Совете Федерации высказывалась мысль — закончить Договор в этом году. И многие из республик тоже (об этом) говорили. Но если (так), то надо что-то делать, каким-то образом двигаться. Но есть и другая точка зрения, что вряд ли нам это удастся, но... скептическое отношение всегда остаётся в стратегическом запасе... Мы во всяком случае поддерживаем идею попробовать сделать всё, что от нас зависит, чтобы закончить его» (в 1990 году). В первой половине сентября, я думаю, мы сделаем (проект союзного договора) (с. 69, 74)»⁸.

Можно сделать вывод о ещё не сформировавшейся в то время, находящейся в процессе обсуждения и «обкатки» позиции РСФСР в отношении Союзного центра и проекта Союзного договора. (При этом Р.И. Хасбулатов определённо тяготел к конфедерации, в отличие от Б.Н. Ельцина, высказывавшегося в самых общих фразах.) Не торопиться со своей позицией в отношении Союзного договора рекомендовали Б.Н. Ельцину и Р.И. Хасбулатову советники. Председатель Совета республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исаков писал: «Полагаю, что на нынешней начальной стадии формирования договорных отношений недопустимо, чтобы начали доминировать какие-то «российские варианты». И без того Россия рассматривается многими как держава, которая монополизировала Союз. И начинать сейчас строить Союзный договор с какой-то российской

⁸ Вопросы, возникающие в связи с позицией РСФСР при подготовке концепции нового Союзного договора. 10 листов. — Батурин Ю.М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

основы, которая будто бы лучше других, которую якобы надо рассматривать как базу, было бы неправильным. Я бы вообще здесь прислушался к совету наших экспертов, которые рекомендуют пока нашу российскую инициативу попридержать. Давайте послушаем, что скажут другие республики, изучим их предложения»⁹.

30–31 августа снова состоялось совместное заседание Совета Федерации СССР и Президентского совета, на котором Б. Н. Ельцин высказал ключевую для понимания того периода мысль: «Попытка создать российскую программу перехода к рынку показала, что для её осуществления надо *развалить Союз*. Мы отказались от этой попытки и предложили Президенту СССР использовать эти наработки для общесоюзной программы»¹⁰.

В ноябре 1990 года Б.Н. Ельцин приехал с официальным визитом в Киев на переговоры с украинским партийным и государственным лидером Л.М. Кравчуком. На них не обсуждались никакие планы «разрушения Союза», но речь пошла о выработке новой модели Союза. 19 ноября в Киеве состоялась пресс-конференция Б.Н. Ельцина и Л.М. Кравчука, где Ельцин заявил, что о Союзном договоре не может быть и речи до тех пор, пока не будут признаны суверенитеты республик. Такой подход означал двухэтапность: сначала полное разделение подсистем (прекращение основных системных связей), а затем, возможно, создание новой системы. Эта стратегия (если презюмировать истинность стремления создать новый Союз) лежала в рамках упрощённого структурного мышления: как в детском конструкторе — разобрали одну композицию, и из элементов собрали другую, красивее.

24 ноября 1990 г. проект Союзного договора был опубликован в печати.

3 декабря состоялось заседание Совета Федерации, на котором обсуждался порядок дальнейшей работы над проектом Договора, и участники ознакомились с текущей версией работы над проектом.

Переломными в отношении Союзного договора стали для Б.Н. Ельцина три события — отказ союзного Центра от программы «500 дней» осенью 1990 года, акции по насильственному свержению законных органов власти в Прибалтике в январе 1991 года и попытка внутрипарламентского переворота, предпринятая консервативными силами в России в феврале того же года.

Позиция Б.Н. Ельцина стала существенно жёстче: «Если говорить кратко — Центр будет таким, каким его хотят видеть республики, входящие в Союз, образующие его. Это касается и полномочий, и структуры органов, и т.д. Так как круг полномочий значительно сократится, то и структура Центра станет значительно более простой, существенно снизятся и расходы на его содержание. Но мы за эффективное выполнение Центром тех функций, которые ему передадут республики и в этом смысле — за сильный Центр — но сильный только в сфере своей компетенции и прерогатив»¹¹.

⁹ Исаков В.Б. Председатель Совета республики. Парламентские дневники 1990–1991. Екатеринбург, «Уральский рабочий», 1997. С. 154.

¹⁰ В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 608 (выделено мною — Ю.Б.).

¹¹ Эпоха Ельцина. С. 129

Но всё же М.С. Горбачёв пока видел конструктивность в предложениях РСФСР и Б.Н. Ельцина.

На пути к подписанию Союзного договора

24 мая 1991 года в Ново-Огарево на первом заседании Подготовительного комитета по завершению работы над проектом Союзного договора М.С. Горбачёв решил использовать политический вес Б.Н. Ельцина для влияния на участников совещания:

«— Вот о чём я хочу вас проинформировать... россияне представили свой проект, в котором подробно изложена совместная компетенция. Предлагаю вам обратить внимание, я готов подписаться и под нашим, и под их вариантом.

Вот, смотрите, под этим проектом, что я сделал на базе российского, уже подписываюсь.

— А, все-таки вы изменили? — возмутился Ельцин.

— Нет!.. Ну, изменил! — уклончиво ответил Горбачёв. — А как же? Я принял, — знаете, что мне понравилось.

— Но мы в России не обсуждали этот проект, — слышались удивлённые голоса. — Нам только позавчера его раздали...

— Ну, неважно, мне он попал, — Горбачёву необходимо было быстрее проскочить этап вручения проектов. Действительно, взял в руки, значит, участвовал в обсуждении. Он продолжал:

— Дали мне его, я рассмотрел и увидел, что можно пойти этим путем. И вы обсудите. Я лично за оба варианта»¹².

Однако взгляды Б.Н. Ельцина относительно нового Союзного договора стали быстро эволюционировать. Он ещё продолжал говорить о том, что выступает против развала единого государства, за реформирование Союза и подписание нового договора. Однако на практике логика политической борьбы вела к другой цели. Б. Ельцин всё реже именует будущее государство как Союз Суверенных Республик и предпочитает давать ему другое название — Союз Суверенных Государств.

«— В отношении названия, — сказал Ельцин. — Я, например, лично убеждён, что все-таки это должен быть Союз Суверенных Государств. — Советских Республик или Государств? — переспросил Назарбаев. — Республик. Я оговорился, — Ельцин досадливо махнул рукой»¹³.

3 июня 1991 г. в Ново-Огарёво на втором заседании Подготовительного комитета по завершению работы над проектом нового Союзного договора Б.Н. Ельцин пробыл совсем недолго. До выборов президента РСФСР оставалось чуть больше недели, и на оставшиеся дни были назначены самые важные встречи. Всего час он посидел тогда и засобирался:

«— Вам всё равно сегодня едва-едва с первой статьей разобраться. А вот 12 июня появится в России президент, тогда и решим. До свидания.

Горбачёв ответил без промедления:

¹² Дневник Ю.М. Батурина. — Батурин Ю.М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

¹³ Там же.

— Удачи, Борис Николаевич!..

Ельцин встал и молча вышел. Едва за ним закрылась дверь, разговор перехватил Назарбаев:

— Михаил Сергеевич, после ухода Бориса Николаевича я расстроен. Что мы себя обманываем... Какова будет позиция России после 12 июня? Очень мне хочется это знать.

— Не понял, — удивился Горбачёв.

— После выборов, какой станет позиция России? Не впустую ли мы здесь работаем?

— Думаю, не впустую.

— Ну не надо так, — примирительно сказал Кравчук, — это у Ельцина эмоции сработали...

— Какие эмоции! — не согласился Назарбаев. — Он сказал, что думал.

— Давайте, товарищи, не будем преувеличивать...

— ...роль личности в истории, — перебив Горбачёва, добавил Кравчук¹⁴.

Третье, как предполагалось, заключительное заседание Подготовительного комитета в Ново-Огарёво 17 июня 1991 г., лишь увеличило количество замечаний и нерешённых вопросов. Б.Н. Ельцин привёз с собой письмо на имя М.С. Горбачёва, в котором, в частности, говорилось:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Исходя из необходимости скорейшей доработки проекта Союзного договора, мы направили представленный Вами 5 июня с.г. текст проекта вместе с нашими замечаниями в комиссии палат и комитеты Верховного Совета РСФСР сразу после перерыва, вызванного организацией и проведением выборов первого Президента РСФСР.

Хочу обратить внимание на ряд всё ещё остающихся принципиальных проблем... Подробно наши замечания и конкретные формулировки изложены в Приложении. Мы готовы к интенсивной совместной работе над уточнением этих и иных формулировок проекта Союзного договора, с учётом замечаний и предложений народных депутатов РСФСР.

Принципиальный характер наших замечаний, замечаний и предложений комиссий палат и комитетов Верховного Совета РСФСР, для учёта которых необходимо определенное время, делают целесообразным проведение нескольких заседаний Подготовительного комитета, прежде чем считать работу над проектом завершённой. Важность конструктивного разрешения остающихся проблем делает необходимым моё личное участие в работе указанных заседаний Подготовительного комитета.

С уважением,
Б. Ельцин»¹⁵.

Детальные и подробные, на 14 страницах замечания не оставляли надежд на быстрое завершение проекта, но в них ещё признавалась необходимость Конституции СССР, оставались нетронутыми союзные органы

¹⁴ Дневник Ю.М. Батурина. — Батурин Ю.М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

¹⁵ Б.Н. Ельцин М.С. Горбачёву. 17 июня 1991 г. № 1–1–1446. 2 листа. — Батурин Ю.М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

власти, не поднимался вопрос о конфедерации¹⁶. Тактика затягивания стала очевидной. Несмотря на искусственно созданный цейтнот, уже 18 июня новая версия проекта с учтёнными замечаниями была направлена для рассмотрения в Верховные Советы республик и Союза, а 27 июня опубликована в печати. (Замечания Верховных Советов республик можно свести в четыре группы замечаний: а) о субъектах договора; б) о структуре и порядке образования Верховного Совета СССР; в) о компетенции Союза; г) о собственности и налогах). Но проект Союзного договора принял совершенно иной вид по сравнению с опубликованным 24 ноября 1990 г., и им оказались недовольны практически все участники его обсуждения. Всё надо было начинать сначала. И выхода было два: 1) прервать процесс и ждать, когда республики сами захотят вернуться в него с последней «контрольной точки» — с завизированного полномочными представителями республик и опубликованного в марте 1991 г. проекта Договора о Союзе суверенных республик; 2) не прерывать процесс переговоров и, избрав «тактику салями», маленькими приращениями постепенно и долго приближаться к заветному согласию. М. С. Горбачёв выбрал второй путь и неожиданно быстро выиграл: уже 23 июля на заседании руководителей полномочных делегаций республик по работе над Союзным договором в Ново-Огарёво он добился согласия подписать Союзный договор (правда, подписи под документом поставили все, кроме Б. Н. Ельцина) в ещё раз откорректированном варианте (опубликован 15 августа 1991 г.). Окончательно М. С. Горбачёв согласовал остававшиеся спорными вопросы в рамках знаменитой своей «ночной встречи» с Б. Н. Ельциным и Н. А. Назарбаевым, в ходе которой их разговор был прослушан и записан. Недооценив хрупкости достигнутого соглашения, он уехал в отпуск в Форос.

19 августа 1991 г. самопровозглашенный Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) ввёл в СССР чрезвычайное положение и сразу изменил (несмотря на свой быстрый провал) вектор политического развития страны.

Изменение позиции после ГКЧП (август 1991)

28–29 августа 1991 г. в Киеве состоялись переговоры между делегациями РСФСР и Украины с участием делегации Верховного Совета СССР. Российскую делегацию возглавлял вице-президент РСФСР А. В. Руцкой, украинскую — Л. М. Кравчук. Коммюнике, вышедшее по результатам переговоров, начиналось так: «В результате ликвидации государственного переворота в СССР возникла новая политическая ситуация, открывающая возможность ускорить демократические преобразования и полностью реализовать суверенные права республик. Принимая во внимание факт отставки Кабинета Министров СССР и неспособность союзных государственных структур обеспечить жизненные интересы народов, признавая неотъемлемое право Украины и Российской Федерации на государственную независимость, подтверждая

¹⁶ Замечания и предложения по проекту Договора о Союзе Суверенных Государств от 4 июня 1991 года. Приложение к письму Б. Н. Ельцина М. С. Горбачёву 17 июня 1991 г. (см. сноску 15). 14 листов. Без подписи. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

свою приверженность Договору между РСФСР и Украиной от 19 ноября 1990 года, стороны согласились в нижеследующем: 1. Предпринимать совместные действия с целью недопущения неконтролируемой дезинтеграции союзного государства, имея в виду, что на переходный период для поддержания систем жизнеобеспечения населения и функционирования экономики целесообразно создание временных межгосударственных структур с участием заинтересованных государств — субъектов прежнего Союза ССР независимо от их нынешнего статуса на представительных паритетных началах»¹⁷.

В конце августа — начале сентября Б. Н. Ельцин ещё не сформулировал новую позицию в отношении проекта Союзного договора, но по его поручению работа над предложениями шла. Так, 10 сентября 1991 г. из секретариата Б. Н. Ельцина на имя Г. Х. Шахназарова поступил проект Договора о Союзе суверенных государств. Проект не был завизирован и явно носил зондирующий характер. В нём не было ни слова о том, что Союз — единое государство, но в преамбуле указывалось, что «Союз выступает в международных отношениях в качестве субъекта международного права. Вводилось полное, неполное и ассоциированное членство в Союзе. Налоги и сборы не предусматривались, но указывалось, что «доходная часть бюджета образуется из фиксированных взносов государств-членов Союза и дохода, полученного от использования имущества, переданного членам Союза и его органам для осуществления их полномочий» (ч. 2 ст. 7). Законы должен издавать однопалатный Верховный Совет, он же избирает президента Союза, который возглавляет небольшой Кабинет Министров, состоящий «из министра иностранных дел, Министра обороны, Министра финансов, Министра экономики, Министра по социальным вопросам, Министра внутренних дел и Руководителя службы безопасности Союза» (ч. 4 ст. 13)¹⁸. По содержанию проекта было видно, что всё придется начинать с начала.

Г. Х. Шахназаров тут же набросал записку М. С. Горбачёву, в которой предложил использовать инициативу РСФСР для возобновления переговорного процесса: «Тактически правильно начать с консультаций с представителями высших государственных структур РСФСР, а затем вынести вопрос на Госсовет СССР, — писал он. — В Аппарате Президента СССР необходимо создать рабочую группу по подготовке Союзного договора в составе: Г. Х. Шахназаров, В. Н. Кудрявцев, Б. Н. Топорнин, Ю. М. Батурин, Г. С. Остроумов, А. А. Сазонов, З. А. Станкевич»¹⁹. Новый проект Союзного договора и сроки его подписания виделись Г. Х. Шахназарову так: «В Союзном договоре должны быть предусмотрены разные виды членства: полное (федеративные отношения), неполное (конфедеративные от-

¹⁷ Коммюнике о переговорах между делегациями Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Украины с участием делегации Верховного Совета СССР. 28–29 августа 1991 г. Киев. Подписано: А. Руцкой и Л. Кравчук. 2 листа. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

¹⁸ Договор о Союзе суверенных государств. Проект. Вариант РСФСР. 11 листов. Получено 10.09.1991 г. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

¹⁹ О программе работы над Союзным договором и другими межреспубликанскими соглашениями. Записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву. Первая диктовка Г. Х. Шахназарова с его же рукописной правкой. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

ношения) и ассоциированное (отношения сообщества)²⁰. За основу вполне можно взять имеющийся проект. По-видимому, в максимальной степени удастся сохранить раздел «Принципы». Статьи, касающиеся разделения компетенции между Союзом и республиками, станут короче из-за сокращения союзных функций, а также благодаря отсылке к экономическому и другим соглашениям по ряду вопросов. Наибольшие изменения придется внести в раздел «Органы Союза». Обсуждение и согласование порядка работы над Союзным договором [провести] на Госсовете СССР 23 сентября. Если начать работу с 12 сентября, подписание Союзного договора могло бы произойти 27 ноября. Если потребуются повторные встречи руководителей республик, как это было в Ново-Огарёво, подписание отложится на декабрь, но, тем не менее, реально завершить договорный процесс в 1991 г.»²¹.

Согласие М. С. Горбачёва было получено (кроме трёх видов членства). 11 сентября Г. Х. Шахназаров собрал группу, поставил задачу, и началась интенсивная работа. 13 сентября вариант проекта был готов. Тем временем, от РСФСР в группу Г. Х. Шахназарова был направлен В. П. Аверчев. С его участием 14 сентября была подготовлена следующая версия проекта²².

Первый после ГКЧП проект Союзного договора был доложен М. С. Горбачёву 18 сентября. Проект сильно отличался от подготовленного к подписанию 20 августа, и редакционная работа над ним шла каждодневно. Так, уже 19 сентября «Исполнительная администрация Государственного Совета была превращена просто в «Администрацию Союза ССР» (ст. 14).

Об изменении позиции Б. Н. Ельцина можно судить по его собственноручной правке варианта проекта от 19 сентября 1991 г. Сохранив в тексте положение о том, что «Союз Свободных Суверенных Республик (СССР) — союзное демократическое государство...», он убрал следующие за этой формулой слова: «...образованное в результате объединения равноправных республик» (принцип первый Преамбулы), а также полностью вычеркнул ст. 7 («Союзные налоги и сборы») и ст. 8 («Конституция Союза»)²³. Эти поправки фактически закрывали все возможности создания нового Союза как единого государства. Поэтому в тот же день, 28 сентября, М. С. Горбачёв даёт поручение своему помощнику Г. Х. Шахназарову, и он вместе со своим помощником Ю. М. Батуриным едет в Белый дом на переговоры о новой

²⁰ Так Г. Х. Шахназаров развивал идею представителей РСФСР, пытаясь, хотя бы сохранить ядро Союза (федеративные отношения).

²¹ О программе работы над Союзным договором и другими межреспубликанскими соглашениями. Записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву. *Примечание*: два последних предложения зачеркнуты и заменены лаконичным: «Открытие Договора и подписание конец ноября — начало декабря».

²² Договор о Союзе Суверенных Государств. Проект. Вариант 14 сентября. Подготовлен группой Г. Х. Шахназарова с участием В. П. Аверчева. 17 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

²³ Договор о Союзе Суверенных Государств. Вариант 19 сентября. 13 листов. На первом листе рукой Президента РСФСР пометка: «Замечания Ельцина Б. Н. 28/IX — 91 г. В тексте поправки рукой Б. Н. Ельцина. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354). *Примечание*: в условиях сентябрьской спешки и использования руководителями республик разных названий (Союз Свободных суверенных республик, Союз Суверенных Республик, Союз Суверенных Государств) неудивительны такие ошибки как несовпадение названия Союза в заголовке проекта и в его тексте (Ю. Б.).

редакции проекта Союзного договора. Со стороны России в переговорах участвуют Г.Э. Бурбулис, С.М. Шахрай, Н.В. Федоров, С.Б. Станкевич, Ф.В. Шелов-Коведяев, А.В. Яблоков. Положение о Конституции Союза удалось возвратить в проект (видимо, стороны, вкладывая каждая свой смысл в понятие Конституции, рассчитывали с помощью Конституции добиться своих целей). Однако не удалось вернуть статью о налогах и сборах, а это уже делало для республик возможным «финансовое прекращение» союзного государства в любой момент.

В тот же день состоялась еще одна встреча — на этот раз в кабинете Г.Х. Шахназарова²⁴ с С.М. Шахраем и В.П. Лукиным. На ней удалось восстановить первый (сокращенный Б.Н. Ельциным) принцип Преамбулы. Таким образом, располагая двумя версиями проекта, завизированными представителями РСФСР, М.С. Горбачёв получал небольшую дополнительную степень свободы для дальнейших переговоров.

Переговоры продолжались ежедневно на разных уровнях. 1 октября 1991 г. Президент СССР направляет членам Политического консультативного совета проект Союзного договора, вновь доработанный с учётом замечаний Б.Н. Ельцина и согласованный с ним. 2 октября прошло обсуждение проекта Союзного договора на Политическом консультативном совете. Более чем через три недели, 25 октября, Б.Н. Ельцин присылает 12 замечаний к уже согласованному с ним проекту²⁵. Судя по глубине замечаний («неясная формулировка», «целесообразно выделить абзацы 2 и 3 в самостоятельную статью», «изложить абзац в следующей редакции», привести в соответствие абзацы..., «термин “апелляция” заменить словом “дела”», «перенос резиденции Верховного Суда из Москвы в какой-либо другой город»), цель Б.Н. Ельцина — затягивать процесс, прямо противоположна цели М.С. Горбачёва — торопить события.

2 ноября М.С. Горбачёв встретился с Б.Н. Ельциным. Его рассказ о прошлой беседе в тот же день записал Г.Х. Шахназаров: «...Я сказал ему: давай по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чём мы условились. А раз так — теряет смысл и Госсовет, и Экономическое сообщество. Я подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в одиночку. Я в этой *кутерье* участвовать не буду. Скажу всем так: вот, друзья, лидеры 15 республик, я вас подвёл к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что ж, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте. Ельцин стал горячо доказывать, что политику менять не собирается, верен обязательствам, слово у него твёрдое. Тогда я его спросил, значит ли это, что он согласует свои реформы с республиками? Обязательно, отвечал он, я их только решил прижать: дескать, не будете следовать за Россией в реформах — нам придётся делать всё без вас, и уж тогда не посяетуйте, будем блюсти, прежде всего, свой интерес. Так что в ближайшие дни все согласуем, им деваться некуда»²⁶.

²⁴ Присутствовал и Ю.М. Батурин.

²⁵ Б. Ельцин Президенту СССР М.С. Горбачёву. 25 октября 1991 г. № Пр-1229. 4 листа. — Батурин Ю.М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

²⁶ Союз. Белая книга, с. 366.

4 ноября 1991 г. в Кремле прошло заседание Государственного совета СССР. Б. Н. Ельцин демонстративно опоздал на него, войдя в середине 40-минутной речи М. С. Горбачёва. На следующий день М. С. Горбачёв направляет членам Государственного Совета СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств с учётом поступивших замечаний. В проекте договора термин «Правительство Союза ССР» заменяется на «Администрация Союза». Бюджет Союза предлагается устанавливать отдельным соглашением. Признаков федеративного государства становится всё меньше.

Наконец, 14 ноября 1991 г. в Ново-Огарёво вновь собрался Государственный совет СССР. М. С. Горбачёв ставит основной вопрос — о государственности. В проекте, разосланном участникам Госсовета, была предложена достаточно универсальная формула: «Союз Суверенных государств — союзное государство». Некоторые из руководителей республик поддерживали ее, но не все. Горбачёв вновь и вновь возвращает участников обсуждения к существу:

«— Надо решить главный вопрос: будем создавать государство союзное или нет?

— У меня складывается впечатление, что люди всё равно без нас придут к этому. — Назарбаев не уточнил, к чему люди придут. — А у нас есть такая воля?

— Союз создать есть воля, — твёрдо ответил Ельцин.

— Ну, а какой Союз? — настаивал Горбачёв.

— Союз государств! — дает принципиально иной ответ Ельцин»²⁷.

То есть Ельцин выступил против формулы единого государства. Однако Президент СССР категорически не согласился. Только благодаря его энергии и напору была выработана следующая формулировка: «Союз суверенных Государств (ССГ) — конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора».

Согласованный 14 ноября проект вновь был направлен членам Госсовета, который собрался вновь в Ново-Огарёво 25 ноября 1991 г. На этом заседании Б. Н. Ельцин отказался от уже согласованной формулы «конфедеративное демократическое государство» и потребовал перейти к концепции *конфедерации государств*. Тем самым он шагнул за установленный Горбачёвым для себя предел:

«— Не конфедеративное демократическое государство, а конфедерация демократических суверенных государств, — произнес Ельцин.

— Ну, если Президент России выходит с замечаниями и против того, чтобы сохранить государство, — о чём речь дальше вести? — с горечью заключил Горбачёв.

Ельцин промолчал.

— Не понимаю, как ты можешь так быстро менять позицию, — сказал Горбачёв Ельцину, имея в виду, в том числе, и сентябрьские согласования. — Как же можно с тобой договариваться. Это же наш проект с тобой.

²⁷ Дневник Ю. М. Батурина. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

— Нет, я тогда оставил за собой этот вопрос, Михаил Сергеевич. Вы просто забыли, — ответил Ельцин»²⁸.

И он покинул зал заседаний, оставив Протокольное заявление на пяти страницах, содержащее 22 замечания. Тактика затягивания продолжалась. Конечно, можно было бы внести в проект поправки в течение дня и учесть все замечания. Но первое же из них кардинально меняло всё, о чём договорились прежде: «Изложить пункт “Первое” в следующей редакции: Союз Суверенных Государств (ССГ) — конфедерация демократических суверенных государств, действующая в пределах полномочий, которыми её добровольно наделяют участники Договора»²⁹.

Всё. Россия не была согласна на единое государство, а заниматься переговорами об эфемерной конфедерации смысла уже не было.

Таким образом, эволюция позиции РСФСР от весьма неопределённой, в 1990 г. зависящая не только от колебаний лидеров — Б. Н. Ельцина и Р. И. Хасбулатова, но и других влиятельных акторов — Верховного Совета РСФСР, официальных представителей РСФСР, прошла путь к признанию Союза как федерации, затем как личной позиции президента РСФСР Б. Н. Ельцина — конфедеративного государства и, наконец, как конфедерации государств. 29 ноября 1991 г. Комиссия Совета национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям прислали М. С. Горбачёву свои замечания и предложения к проекту Договора о Союзе Суверенных Государств, которые подписал заместитель председателя Комиссии, народный депутат РСФСР Н. Ген³⁰. Но Комиссия палаты Верховного Совета уже ничего не могла изменить.

8 декабря 1991 г. лидеры России, Белоруссии и Украины подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.006

Список литературы

Батурин Ю. М. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории [Ю. М. Батурин и др.]. М.: Вагриус, 2001. 816 с.

В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Исаков В. Б. Председатель Совета республики. Парламентские дневники 1990–1991. Екатеринбург, «Уральский рабочий», 1997. 493 с.

Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: АСТ, 2007. 526 с.

²⁸ Дневник Ю. М. Батурина. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

²⁹ Протокольное заявление. 25.11.1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин. 5 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

³⁰ Верховный Совет РСФСР. Комиссия Совета национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям. «Замечания и предложения к проекту “Договора о Союзе Суверенных Государств”» 29.11.91. № 6.1. Подписал Н. Ген. 2 листа. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Б. Н. Ельцин М. С. Горбачёву. 17 июня 1991 г. № 1–1–1446. 2 листа. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Б. Ельцин Президенту СССР М. С. Горбачёву. 25 октября 1991 г. № Пр-1229. 4 листа. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Замечания и предложения по проекту Договора о Союзе Суверенных Государств от 4 июня 1991 года. Приложение к письму Б. Н. Ельцина М. С. Горбачёву 17 июня 1991 г. (см. сноску 15). 14 листов. Без подписи. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Вопросы, возникающие в связи с позицией РСФСР при подготовке концепции нового Союзного договора. 10 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Дневник Ю. М. Батурина. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Договор о Союзе суверенных государств. Проект. Вариант РСФСР. 11 листов. Получено 10.09.1991 г. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Договор о Союзе Суверенных Государств. Проект. Вариант 14 сентября. Подготовлен группой Г. Х. Шахназарова с участием В. П. Аверчева. 17 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Договор о Союзе Суверенных Государств. Проект. Вариант 19 сентября. 13 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Коммюнике о переговорах между делегациями Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Украины с участием делегации Верховного Совета СССР. 28–29 августа 1991 г. Киев. Подписано: А. Руцкой и Л. Кравчук. 2 листа. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

О программе работы над Союзным договором и другими межреспубликанскими соглашениями. Записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву. Первая диктовка Г. Х. Шахназарова с его же рукописной правкой. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Протокол консультативной встречи рабочих групп Верховного Совета РСФСР и Верховного совета СССР по проблемам подготовки Союзного договора. Москва, Кремль, 3 августа 1990 г. 4 листа — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Протокольное заявление. 25.11.1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин. 5 листов. — Батурин Ю. М. Личный архив. Передан в Государственный архив РФ (фонд 10354).

Легитимация императорской власти танской У Цзэтянь (624–705)

И. Ф. Попова

Аннотация: В историю Китая У Цзэтянь (У-хоу, 624–705) вошла как единственная женщина-правительница, принявшая верховный титул «император» (*хуанди* 皇帝). Принято считать, что для идеологического обоснования своего статуса она использовала, прежде всего, идеи буддизма, что было связано с распространением «Сутры о великом облаке» (*Да юнь цзин* 大雲經) о благочестивой дочери Чакравартина, которая в последующем перерождении должна стать Буддой Амитабхой Чистой Земли. При этом императрица не могла не учитывать безоговорочного авторитета для государства конфуцианской традиции, а также значительного распространения даосизма среди всех слоев населения. В данной статье анализируется последовательность шагов императрицы по легитимации своего статуса, что она связывала в первую очередь с реформами государственного ритуала и обновлением традиционных трактовок императорской власти.

Ключевые слова: династия Тан (618–907), императрица У Цзэтянь, государственная идеология императорского Китая, конфуцианство, даосизм, буддизм.

В 1777 г. маньчжурский сановник Цишии завершил труд «О услышанном и увиденном в Западном крае» (*Си юй вэнь цзянь лу*), в котором привёл сведения по истории, географии, этнографии, о хозяйственном укладе и административном устройстве обширного региона Синьцзяна, незадолго до этого вошедшего в состав Цинской империи, а также ряда соседствующих с ним государств. В разделе, посвящённом России, автор указал, в частности, следующее: «Когда русский Белый хан (*Чаханьхань* 察罕汗) скончался и не оставил сыновей, подданные сделали его жену преемницей престола, а потом женщины сменяли [одна другую], и до сегодняшних дней [так] продолжается уже семь поколений. И чтобы их титул передавался по наследству, подданные также называют их Белым ханом. Государынь этих правление длилось либо год, либо несколько месяцев, потому что их убивали. Если рождалась дочь, продолжалось преемство правления, и называли её ханской наследницей. Если рождался сын, то считали, что [он] из другого рода» [*Цишии*, цз. 4: 1а–1б].

При всей удивительности такой трактовки нашей истории китайским текстом в нём можно без труда разглядеть главных действующих лиц «женского» XVIII века Российской империи. Но если эпоха дворцовых переворотов в России надолго нарушила монархическую традицию преемства верховной власти, то имевшая место в Китае в правление династии Тан (618–907) попытка установить женское престолонаследие была с самого начала обречена на неудачу.

Эпохой преобладания женщин в политической жизни Китая считается период с 655 г., когда в ранг императрицы была возведена У Цзэтянь 武則天 (У Чжао 武曌, У-хоу 武后, 624–705), и вплоть до подавления в 713 г. дворцового мятежа императором Сюань-цзуном (712–756), положившим конец всевластию при дворе принцесс, родственниц Чжун-цзуна (705–710) и Жуй-цзуна (710–712). Наивысшей точкой в процессе «феминизации» власти в этот период стало краткосрочное правление династии Чжоу (690–705), основанной У Цзэтянь, принявшей на себя собственной волей верховный титул «императора» (*хуанди* 皇帝).

Путь к этому беспрецедентному и единственному в своём роде событию в истории Китая занял у У Цзэтянь почти 30 лет, и немаловажную роль при этом сыграла «благосклонность» судьбы, наградившей её не столь рас пространенным тогда в Китае долголетием. У-хоу позволила себе не довольствоваться принятым в китайской системе власти титулом императрицы (*хуанхоу* 皇后), супруги императора, находящейся «позади» него, в его «тени», даже с приставками Небесной (*Тяньхоу* 天后) или Августейшей (*Хуантайхоу* 皇太后) — главным её стремлением было занять особое место в истории Китая. Этого она могла достичь лишь, провозгласив себя *императором-основателем* династии, царствование которой должно, как было принято возвещать любым основателем, «продлиться на десятки тысяч лет» (*вань суй* 萬歲). Во имя достижения этой цели У Цзэтянь создала собственную политическую идеологию, которая должна была стать убедительной для подтверждения её права занять высочайшее положение «под Небом». Во имя этого императрица попыталась реформировать государственный ритуал и широко использовала идеи буддизма и даосизма. Большое значение для возвышения У-хоу сыграло существенное влияние политической практики Северных династий Китая (386–581), основанных полукочевыми народами монгольского и тюркского происхождения, у которых статус женщины был гораздо выше традиционно принятого у древних китайцев.

На протяжении всей предшествующей правлению У Цзэтянь истории Китая неизбежность конфуцианства как первоосновы государственной идеологии оставалась бесспорной. При танских императорах Гао-цзу (618–626) и Тай-цзуне (627–649) Конфуций был объявлен первейшим из мудрецов, почитаемых в государстве, наставниками наследных принцев назначались почти исключительно конфуцианцы, вокруг известных в стране конфуцианских ученых создавались академии. Особым эдиктом в 631 г. император Тай-цзун предписал буддийским и даосским монахам навещать своих родителей и воздавать им дань уважения, действуя в соответствии с принципом сыновней почтительности (*сяо* 孝) [*Сыма Гуан*, цз. 193: 6086].

Но если в официальной государственной жизни преобладание конфуцианства было очевидным, то в обыденном общественном мировоззрении существовало теснейшее переплетение конфуцианства, даосизма и буддизма. Танское государство, претендуя на устойчивость и влияние, стремилось оказывать знаки внимания всем «трём учениям» (*сань цзяо* 三教), составлявшим неотъемлемые части синкретического общественного сознания. Существенным моментом в этом отношении было рассмотрение предста-

вителей всех трёх учений как групп чиновников, в ведение которых входило исполнение определённых ритуальных функций [Зельницкий, 2014: 66].

Поддержка даосизма при Тан была связана в первую очередь с легендой о происхождении клана императоров, носивших фамилию Ли, от Великого Ли Эра — Лао-цзы. В 637 г. Тай-цзун издал эдикт, объявлявший Лао-цзы родоначальником царствующего рода, и тем же эдиктом предоставил даосам более почётное положение по сравнению с буддийским духовенством на официальных церемониях [ТХЯ, цз. 49: 859].

Основатели династии Тан допускали и включение буддийских элементов в государственную жизнь империи. В столице неоднократно проводились молебны буддийского духовенства, в провинции возводились буддийские храмы, императорские библиотеки пополнялись буддийскими сочинениями, большое распространение получили монастырские скриптории. Тай-цзун не раз встречался и беседовал с великим Сюаньцзаном (600–664), в 636 г. по приказу императора наследный принц присутствовал на похоронах наставника Сюаньюаня (562–636).

В целом же, ни даосизм, ни буддизм не оказали большого влияния на содержание государственной идеологии раннетанского Китая, хотя в непосредственном окружении первых танских императоров были сановники — буддисты и даосы. Предпринимались и попытки по ограничению влияния буддийского и даосского духовенства. Император Гао-цзун ввёл ряд мер, направленных на ограничение монашества рамками государственного закона. В кодекс «Танские уголовные установления с разъяснениями» (*Тан люй шу и*) 653 г. была включена специальная статья, согласно которой различные категории монахов и монахинь, а также монастырские слуги и рабы приравнивались к категориям родственников старшей и младшей степени близости, что определяло срок траура [Рыбаков, 1999: 287–288]. Данное нововведение свидетельствовало о том, что для кодификаторов права главным мерилом справедливости было сохранение отношений внутри семьи, и, следовательно, конфуцианская система ценностей.

Создавая собственную политическую идеологию, У Цзэтянь стремилась манипулировать преимуществами этой многозначной ситуации.

У Цзэтянь происходила из не очень родовитого служилого клана У из Шаньси. Её отец У Шихо (577–635), торговец лесом, в начале Тайюаньского восстания 617 г. примкнул к танскому основателю Гао-цзу Ли Юаню (566–635), от которого впоследствии получил титулы и высокие должности. Мать У-хоу приходилась родней императорам династии Суй (581–617), принадлежала к смешанному китайско-сяньбийскому клану Ян и была сосватана для вдовца У Шихо в качестве второй жены самим Гао-цзу.

В 637 г. 13-летняя (по китайской традиции — 14) красавица У Цзэтянь благодаря связям своей семьи была призвана в императорский дворец к государю Тай-цзуну в качестве наложницы 5-го ранга *цайжэнь* 才人. Её будущему супругу, сыну Тай-цзуна Ли Чжи 李治, императору Гао-цзуну (628–683, прав. 650–683), в год её прибытия во дворец исполнилось 9 (10) лет, за год до этого скончалась его мать, императрица Вэнь-дэ (601–636), и тогда он ещё не знал, что дискуссия о престолонаследии 643 г. решится в его пользу. Ранг цайжэнь позволял У Цзэтянь присутствовать на

аудиенциях, на которые допускались сыновья императора, и она наверняка виделась с будущим Гао-цзуном. После смерти Тай-цзуна в 649 г. вместе с другими жёнами и наложницами, не родившими детей императору, она была направлена на жительство в буддийский монастырь Ганьесы в предместье Чанани, где провела почти два года.

В 651 г. Гао-цзун посетил Ганьесы, и, по свидетельству источников, когда произошла его встреча с У Цзэтянь, они оба расплакались. Вскоре («после того, как отросли волосы») «монахиня» У Цзэтянь была возвращена в императорский дворец [ЦТШ, цз. 6: 115; *Сыма Гуан*, цз. 199: 6284]. Так началась её политическая карьера, и за последующие четыре года ей удалось, используя своё безграничное влияние на императора, добиться смещения сановников старшего поколения, противившихся её возвышению, и низложения законной супруги Гао-цзуна, императрицы Ван (630–655). В 11-ом месяце 655 г. в присутствии всех дворцовых чинов состоялась торжественная церемония вручения У Цзэтянь регалий императрицы (печати со шнуром и грамоты о возведении в ранг) [*Сыма Гуан*, цз. 200: 6293–6294].

Общеизвестно, что традиционная китайская историография У-хоу не жаловала, в особенности в период Сун (960–1279), когда родился обидный термин «династия *пинь*» (*пинь чао*), где *пинь* обозначает самку животного. В источниках она предстает коварной, жестокой и порочной. И действительно никакая государственная деятельность не отвлекала её внимания от искоренения тех, кто мог помешать её всевластию. Она, безусловно, обладала неплохой интуицией и харизмой, но, главное, с первых же дней в официальной роли императрицы проявила недюжинную хватку в политических делах.

Раннетанская теория государственного управления, обеспечивавшая жизнеспособность бюрократической империи, предполагала непереносимое взаимодействие двух политических сил — монархии (господствующей) и бюрократии (оппонирующей). При условии такого диалога власть китайских императоров отнюдь не рассматривалась исключительно как политическая, она считалась универсальной, мироустроительной, благотворной. Император, Сын Неба, должен был привносить порядок в мироздание, постоянно поддерживать уравновешенное состояние космоса и обеспечивать гармонию между миром богов, природы и миром людей [см. об этом классические труды: *Chavannes*, 1910; *Granet*, 1934; *Мартынов*, 1974]. В реальности сакральная функция императорской власти выражалась в исполнении многочисленных храмовых и дворцовых обрядов, осеяемых одной из центральных категорий конфуцианской идеологии — «ритуалом» (*ли* 禮).

Первым шагом У-хоу на пути реформирования ритуала стал пересмотр обряда жертвоприношения богине шелководства *Сяньцань* 先蠶. В многообразном официальном церемониале дотанского и раннетанского Китая этот ритуал был единственным, возложенным на главную жену императора, исполнялся поздней весной (в третий лунный месяц года) и состоял в сборе листьев тутового дерева и кормлении гусениц шелкопряда лично императрицей и сопровождающими её придворными дамами. Обряд *Сяньцань* соотносился с ритуалом первой борозды (*Цзитянь* 藉田), исполняемым

императором Поднебесной, хотя и считался второстепенным (*чжун сы* 中祀)¹. Обряд поклонения *Сяньцань* не был регулярным, в период династии Тан он исполнялся лишь восемь раз, причём из них четырежды в течение 28-летнего пребывания У-хоу в статусе императрицы (*хуанхоу*), супруги Гао-цзуна [ТХЯ, цз. 10: 260–261]. Исполнив ритуал впервые в 656 г., У-хоу со временем внесла в его проведение серьёзные новшества, и в 674 г. в её процессию входили уже не только дворцовые дамы, но и государственные чиновники и представители провинциальных администраций, направляемые в столицу ежегодно для отчёта о положении дел на местах [*Сыма Гуан*, цз. 202: 6375].

Следующим шагом для укрепления статуса У Цзэтянь стала реформа системы титулов императорских наложниц и женских должностей внутренне-го дворца, проведённая во 2-ом месяце 662 г. по её инициативе.

Жизнь внутреннего дворца императора Поднебесной всегда была строго институционализирована и встроена в общегосударственную бюрократическую систему, в которой существовали женские титулы знатности («именитые дамы», *мин фу* 命婦) [*Нишida Нобору*, 1933, цз. 7: 156–158; *Рыбаков*, 2009: 111–113]. Вне этой системы находилась только императрица, главная супруга императора. За всеми остальными женщинами дворца закреплялись официальные титулы и должности, которые подразделялись на «чинов [дворцовых] покоев» (*нэй чжи* 內職), относившиеся к тем, кто обслуживал императора персонально, и «дворцовых чиновников» (*гун гуань* 宮官), обеспечивавших повседневную жизнедеятельность внутренних покоев, к последней категории относились женщины и евнухи [ТХЯ, цз. 3: 32; СТШ, цз. 37: 1225].

Число императорских жён и наложниц в разные эпохи было разным [*Усов*, 2006: 189–193]. Династия Тан унаследовала систему организации внутреннего дворца от династии Суй. В историческом своде «Основные сведения об эпохе Тан» (*Тан хуэй яо*) указано, что в соответствии со «старой» системой в подчинении императрицы находилось 112 дам. Титулом «наложницы первой степени» (*фуцзэнь* 夫人, основной первый ранг) могли обладать четыре из них: «драгоценная наложница» (*гуйфэй* 貴妃), «нравственная наложница» (*шуйфэй* 淑妃), «добродетельная наложница» (*дэфэй* 德妃), «талантливая наложница» (*сяньфэй* 賢妃). Ниже в иерархии находилось девять «наложниц второй степени» (*пинь* 嬪, основной второй ранг): «прославленная [соблюдением] ритуала» (*чжаои* 昭儀), «прославленная грациозностью» (*чжаожун* 昭容), «прославленная красотой» (*чжаоюань* 昭媛), «образец в [соблюдении] ритуала» (*сюйи* 修儀), «образец грациозности» (*сюйжун* 修容), «образец красоты» (*сюйюань* 修媛), «достойная подражания [в служении] ритуалу» (*чунъи* 充儀), «достойная подражания в грациозности» (*чунжун* 充容), «достойная подражания в красоте» (*чунъюань* 充媛). За ними следовали девять «фрейлин» (*цзеюй* 婕妤, основной третий ранг), затем девять «красавиц» (*мэйжэнь* 美人, основной четвёртый ранг), девять «талантов» (или «смотрительниц малых покоев», *цайжэнь* 才人, основной пятый ранг), 27 дам «драгоценного леса» (*баолинъ* 寶林, основной

¹ В правление Тан государственные жертвоприношения подразделялись на три категории: основные (*да* 大), средние (*чжун* 中) и малозначительные (*сяо* 小) [см. СТШ, цз. 11: 310; *Wechsler*, 1985: 107].

шестой ранг), 27 «дворцовых женщин» (*юйнюй* 御女, основной седьмой ранг) и 27 «избранных [в народе] женщин» (*цайнюй* 采女, основной восьмой ранг) [ЦТШ, цз. 44: 1866–1867; ТХЯ, цз. 3: 32–33; СТШ, цз. 37: 1225, коммент.; *Rotours*, 1947. Т. 1: 256–257; *Рыбаков*, 2009: 281–282].

Реформа 662 г. коснулась женских титулов разряда *нэй чжи* и заменила описательные наименования-характеристики на более конкретные, чиновные, привнеся в них функцию помощи, содействия, службы императору. Данная реформа состоялась в ходе общей большой реформы государственного аппарата танской империи [*Сыма Гуан*, цз. 200: 6326–6327]. Вместо титула *фужэнь* стали использовать титул «содействующая в добродетели» (*цзаньдэ* 贊德), вместо *пинь* ввели титул «прославляющая ритуал» (*сюань* 宣儀), титул *цзеюй* был заменён на «получательницу во внутренних покаях» (*чэнгуэй* 承閏), титул *мэйжэнь*, — на «получательницу высочайших указов» (*чэнчжи* 承旨), титул *цайжэнь* на «защитницу сокровенного» (*вэйсянь* 衛仙), титул *баолинь* на «служительницу» (*гунфэн* 供奉), титул *юйнюй* на «прислугу-куафера» (*шичжи* 侍櫛), титул *цайнюй* на «прислугу с полотенцем» (*шицзинь* 侍巾) [ТХЯ, цз. 3: 32–33; *Rotours*, 1947. Т. 1: 259; *Chen Jo-shui*, 1994: 81].

Эта система женских титулов просуществовала до конца 670 г., после чего была заменена на прежнюю [*Сыма Гуан*, цз. 201: 6365]. Наверняка, это было связано с незаинтересованностью усилившейся У Цзэтянь закреплять функции содействия императору за кем-либо во внутреннем дворце, помимо себя самой. Позже система была упрощена и была приведена в тот вид, который зафиксирован династийными историями.

С начала 660-х гг. здоровье Гао-цзуна стало ухудшаться, что было усугублено, возможно, инсультом, все симптомы которого Гао-цзун испытал в 10-ом месяце 660 г. [*Сыма Гуан*, цз. 200: 6322]. С этого времени рассмотрение докладов на высочайшее имя он стал поручать У Цзэтянь, которая присутствовала теперь на всех аудиенциях императора: «С тех пор, всякий раз когда император слушал доклады, императрица находилась позади него за занавеской, и все дела управления — большие и малые — обсуждались при ней. [Она обрела] большую власть над Поднебесной, всё решалось [теперь] во внутреннем дворце. Смещения и назначения, жизнь и смерть зависели от её слова, а император сидел со сложенными руками и только. Во дворце и за его пределами их называли «Двое совершенномудрых» (*Эр шэн* 二聖) [*Сыма Гуан*, цз. 201: 6343].

В этот период У Цзэтянь приступила к формированию собственной, независимой от императора партии при дворе, на которую она могла бы опираться. Большой стиль управления императора Тай-цзуна, за который ратовали сановники старшего поколения, подразумевал, чтобы рядом с монархом находились мудрые советники. Взаимодействие просвещённого государя и сановника, подающего нужные советы об управлении, было освящено древней конфуцианской традицией и считалось неотъемлемым элементом практики принятия государственных решений. При У-хоу таким сановником стал опытный Сюй Цзинцзун (592–672), прежде состоявший наставником наследника престола, будущего императора Гао-цзуна, и рьяно поддерживавший интронизацию У Цзэтянь в 655 г. [СТШ, цз. 223.148: 6335–6339]. Ещё одним

приближенным У Цзэтянь стал Ли Ифу (614–666), начавший службу в царствование Тай-цзуна. Он также в своё время выступил сторонником возведения У Цзэтянь в ранг императрицы и даже стал инициатором этого, подав императору докладную записку [*Сыма Гуан*, цз. 199: 6289]. Сюй Цинцзун и Ли Ифу были назначены главами Государственного секретариата и в течение ряда лет были надёжными политическими сторонниками У Цзэтянь.

Степень фактического участия императрицы в официальном управлении страной становится беспрецедентной, в связи с чем У Цзэтянь принимает новые шаги для идеологического обоснования принимаемых на себя властных функций. Важной ступенью на пути к собственной политической легитимации стало её личное участие в главном государственном жертвоприношении Небу и Земле как символам воплощения миропорядка (*фэншань*). Не всякий государь решался провести это жертвоприношение, поскольку оно связывалось с представлением об успешном решении монархом мироустроительных задач и требовало очевидных для подданных подтверждений его «совершенной добродетели» [ШЦ, цз. 28.6: 1а; *Сыма Цянь*, Т. 4: 153]. Проведение жертвоприношения *фэншань* имело огромное значение не только для монарха, но и всей правящей династии, так как свидетельствовало о её политической устойчивости и всеобщем признании. За весь период истории императорского Китая жертвоприношение *фэншань* проводилось лишь шесть раз [см. Духовная культура Китая, Т. 2: 653–654].

В 6-ом месяце 659 г. верный Сюй Цинцзун подал доношение с просьбой принести императорские жертвы Небу и Земле на священной горе Тайшань [*Сыма Гуан*, цз. 200: 6316]. В это время внутренняя ситуация в стране отличалась стабильностью, начатая Тай-цзуном война на Корейском полуострове приобрела победоносный характер, структуры-*цзими* («области, удерживаемые в узде и направляемые браздами») были учреждены на территориях нынешних Сычуани, Внутренней Монголии, Синьцзяна, ряд природных явлений был объявлен благами знамениями. Приводя эти факты как аргументы, Сюй Цинцзун присовокупил: «Прошу считать, что государи Гао-цзу и Тай-цзун оба были равны верховным владыкам Великого Неба, а [их супруги] Тай-му и Вэнь-дэ равны священным духам Земли» [*Сыма Гуан*, цз. 200: 6316].

Таким образом, процесс пересмотра ритуала был запущен, и после нескольких лет обсуждения его подробностей церемония была назначена на начало 666 г. Ритуальные принадлежности (нефритовые таблички, ларцы) и сами алтари были изготовлены в соответствии с рекомендациями, составленными известнейшим знатоком конфуцианского канона и комментатором Янь Шигу (581–645), который при Тай-цзуне изучил все подробности церемоний *фэншань* древности [ЦТШ, цз. 23: 885–886].

Императорская чета прибыла к подножию горы Тайшань в конце 12-го месяца 665 г. В первый день нового 666 г. Гао-цзун исполнил ритуал *фэн*, принеся жертвы Небу у южного подножия Тайшань. На следующий день последовала церемония принесения императором жертв Небу на вершине Тайшань, а на третий день Земле на горе Шэшоу. Во время каждого ритуала жертвы приносили трижды, причём первый раз их приносил лично император, а второй и третий раз — ассистировавшие ему высшие чины

государства. Новшество ритуала 666 г. состояло в том, что при принесении жертв Земле повторное жертвоприношение (*я сянь* 亞獻) вместо сановников исполняла императрица, а третье — сопровождавшие её дворцовые дамы и императорские родственницы [ТХЯ, цз. 7: 98; ЦФЮГ, цз. 36: 2a].

После этого Гао-цзун и У Цзэтянь отправились в Цюйфу, где прошло поклонение Конфуцию с присвоением ему титула «Великий наставник» (*Тайши*). Спустя месяц состоялось императорское посещение храма Лао-цзы на его родине в Бочжоу (пров. Аньхой), поклонение и присвоение ему беспрецедентно высокого (более высокого, чем у Конфуция) титула «Высочайший император Сокровенного Начала» (*Тай шан сюань юань хуанди*) [*Сыма Гуан*, цз. 201: 6344–6345, 6346–6347]. Данная акция имела большое значение для укрепления статуса Лао-цзы и повышения значения даосского духовенства, что было принципиально важным для У Цзэтянь в поиске новой собственной титулатуры.

В 674 г. Гао-цзун принял титул «Небесный император» (*Тяньхуан* 天皇), а У-хоу предоставил титул «Небесная императрица» (*Тяньхоу* 天后), прежде такие титулы присваивались только посмертно [*Guisso*, 1978: 29]. В 675 г. император распорядился о составлении официального свода даосского канона, в 678 г. он предписал ведомству по делам императорского рода заниматься также делами даосского духовенства.

В конце 674 г. в меморандуме на имя императора У-хоу предложила осуществить 12 принципов управления (т.н. 12 дел *Ши эр ши* 十二事), состоявшие в следующем: 1) поощрять земледелие и шелководство, ограничивать налоги и повинности; 2) освободить от податей и налогов земли столичной области; 3) дать передышку войскам, преобразовать Поднебесную с помощью Пути-Дао и добродетели; 4) запретить службе дворцовых работ [ведомства императорских одежд и драгоценностей] [производить предметы] чрезмерной роскоши; 5) разумно применять труд людей, уменьшить повинности; 6) широко раскрыть дорогу речам; 7) пресечь злословие; 8) начиная с ванов и гунов — всем изучать Лао-цзы; 9) соблюдать 3-летний траур по умершей матери при живом отце; 10) сохранять почётные звания за сановниками, получившими верительные бирки до 674 г.; 11) увеличить жалованье столичным чиновникам выше 8-го ранга; 12) повысить в должности чиновников с большим стажем службы, ранг которых не соответствует природному таланту [СТШ, цз. 76: 3477]. На основе этой докладной записки был принят императорский указ.

«12 дел» были политической программой, представлявшей принципы «совместного» правления Гао-цзуна и У Цзэтянь. Небесные император и императрица провозглашали верность упорядоченному и разумному курсу Гао-цзу и Тай-цзуна, направленному на облегчение налогового бремени, внимание к интересам чиновничества, ограничение показной роскоши аристократов. Новшеством, поддержанным государством, стала обязанность соблюдения равнозначного траура по матери и отцу, что, безусловно, стало очередной мерой по повышению социального статуса китайской женщины. Включение трактата Лао-цзы в обязательную программу экзаменов на чин указало на первостепенное значение для дома Тан даосского учения, которое было поставлено в один ряд с конфуцианством. Представляя Гао-цзуну

«12 дел», У Цзэтянь докладывала: «Августейший род правителей нашего государства ведёт свое начало от Высочайшего императора Сокровенного Начала [Лао-цзы]. Прошу приказать всем от ванов и гунов осваивать [трактат] Лао-цзы, во время ежегодных экзаменов на степень (*минцзин* 明經) оценивать [знание кандидатами] содержания канонов и принципов управления страной на основе “Трактата о сыновней почтительности” (*Сяо цзин*) и “Бесед и суждений” (*Лунь юй*)» [*Сыма Гуан*, цз. 202: 6374].

Важной мерой для внесения корректив в традиционную теорию государственного управления с учётом институциональных нововведений У-хоу стали подготовка и переиздание морально-дидактических конфуцианских произведений. Весной 675 г. императрица повелела группе литераторов во главе с начальником составительского бюро Юань Ваньцином и старшим историографом Лю Ичжи, т.н. «ученым, входившим [во дворец] через Северные ворота» (*Бэй мэнь сюэ ши*), начать работу над рядом сочинений общим объёмом более тысячи глав (*цзюань*) [*Сыма Гуан*, цз. 202: 6376]. Из 23 трудов, составленных этой группой, до наших дней дошло только два сочинения — «Правила подданных» (*Чэнь гуй* 臣軌) и «Главное из книг о музыке» (*Юэ шу яолу* 樂書要錄), восстановленных в конце XVIII–XIX вв. по копиям, попавшим в Японию [*Twitchett*, 2003: 33].

Названия сочинений позволяют предположить, что У Цзэтянь решила создать наставления, адресованные разным группам власти и слоям танского общества. Сочинения «Главное об управлении императорского дворца» и «Главное о ритуале императорского дворца», очевидно, содержали предписания для правителей; «Новые наставления для чиновничества» и «Правила подданных» были адресованы сановникам; «Главнейшее для наследника престола» и «Правила ведения дел наследником престола» предназначались для престолонаследника; «Правильные рассуждения для правителей окраинных территорий» и «Наставление императорским сыновьям» — для членов императорского клана; «Правила поведения для женщин на все времена», «Главное в правилах поведения женщин», «Жизнеописания образцовых женщин» и «Жизнеописания почтительных к родителям женщин» содержали предписания и примеры поведения для женщин; «Жизнеописания почтительных сыновей» и «Жизнеописания почтительных дочерей» могли носить достаточно общий характер; «Новые наставления [о поведении] в императорских внутренних покоях», «Наставление о женском поведении» и «Биографии [образцовых] нянюшек и кормилиц» содержали регламентации жизни внутренних покоев императорского дворца; трактат «Об основном занятии народа», очевидно, представлял рассуждения об отношении к земледелию, которое почиталось как главное занятие народа [*Twitchett*, 2003: 35–42, 56].

Составление назидательных сочинений о нравственном внутрисемейном поведении не отвлекало императрицу от борьбы с собственными сыновьями, которые могли составить угрозу её могуществу. Первой её жертвой стал наследник престола Ли Хун, высланный под благовидным предлогом в восточную столицу Лоян, где в 4-ом месяце 675 г. неожиданно скончался в возрасте 23(24) лет [СТШ, цз. 81: 3588–3590]. Со вторым своим сыном Ли Сянем она расправилась к 684 г., когда тот был сослан и приговорен к самоубийству [СТШ, цз. 81: 3590–3591]. Назначенный в 11-ом месяце

680 г. наследником 14(15) — летний Ли Чжэ (656–710), 7-ой сын Гао-цзуна и 3-ий его сын от У Цзэтянь, не омрачал политическую ситуацию своим вмешательством, и императрица правила фактически самовластно, при том, что болезнь Гао-цзуна усугублялась.

В это время У-хоу дважды — в 676 и 679 гг. — возвращалась к теме проведения жертвоприношений *фэншань*, но в основном из-за плохого самочувствия императора их приходилось откладывать. В 12-ом месяце 683 г. Гао-цзун призвал к себе главу Государственного секретариата Пэй Яня (ум. 684) и объявил, что после его кончины наследник Ли Чжэ должен объявить о вступлении на престол перед его гробом, и, управляя Поднебесной, в случае сложных, трудно решаемых дел станет обращаться к совету своей матери, императрицы У-хоу [*Сыма Гуан*, цз. 203: 6416].

После смерти Гао-цзуна в день под знаками *дин-сы* 12-го месяца (27 декабря) 683 г. У Цзэтянь приняла титул «Августейшая вдовствующая императрица» (*Хуантайхоу* 皇太后), обычный для главной жены скончавшегося императора Поднебесной. При этом отходить от дел управления она явно не собиралась, и повод сместить молодого императора Ли Чжэ, вошедшего в историю под храмовым именем Чжун-цзун, нашла быстро. Меньше, чем через месяц после восшествия он совершил серьезнейший политический просчёт, объявив о намерении возвысить родственников своей супруги императрицы Вэй, представителей могущественной элиты северо-запада. Когда Чжун-цзун заявил о назначении своего тестя Вэй Сюаньчжэня главой Императорской канцелярии влиятельному при дворе, но не столь же знатному Пэй Яню, тот высказался категорически против. Ответ Чжун-цзуна, немедленно переданный У-хоу, был таков: «Разве может что-либо помешать мне и всю Поднебесную отдать Вэй Сюаньчжэню! Стоит ли жалеть [для него] должности шичжуна!» [*Сыма Гуан*, цз. 203: 6417]. Это решило участь императора. В день под знаками у-у второго месяца 684 г. У-хоу велела всем дворцовым чинам собраться в Большом парадном зале дворца и огласила свой собственный указ (*Тайхоу лин* 太后令) о низложении императора до княжеского статуса Лулин-вана. Чжун-цзун, которого гвардейцы тут же согнали с трона, кричал: «В чем моя вина?». На что У-хоу ответила: «Ты хотел Поднебесную передать Вэй Сюаньчжэню! Это ли не преступление!» [*Сыма Гуан*, цз. 203: 6417–6418]. На следующий день императором был объявлен Муюй-ван Ли Дань (662–716), младший сын императрицы, а Чжун-цзун отправился в ссылку в Хубэй.

У Цзэтянь начала решать государственные дела от своего имени, уже «не вешая занавеску», а новый император Жуй-цзун был помещён под домашний арест в дворцовых покоях. В это же время императрица возвысила своего старшего племянника и прямого наследника клана У Чэнсы (649–698), назначив его в 5-ом месяце 684 г. главным церемониймейстером двора, а затем присвоив ему почётный титул «Августейший преемник» (*Хуансы* 皇嗣). В 9-ом месяце 684 г. в день *цзя-инь* У Цзэтянь издала указ об изменении цвета государственных знамён на золотой и одежд чинов от восьмого ранга и ниже на изумрудный. Одновременно было переименовано большинство высших государственных структур и должностей. Восточная столица Лоян, место пребывания У Цзэтянь, была названа Священной столицей (*Шэньду*).

У Цзэтянь особым указом присвоила матери Лао-цзы титул «Превосходящая Небо Императрица» (*Сянь тянь тайхоу*), сделав, таким образом, важный шаг для создания собственной уникальной титулатуры в будущем. Тогда же по предложению У Чэнсы У Цзэтянь приняла решение построить в столице семь храмов в честь предков своей фамилии и пожаловать их посмертными почетными княжескими титулами ванов, на что имела право только императорская семья [СТШ, цз. 4: 83; *Сыма Гуан*, цз. 203: 6422].

Во 2-ом месяце 688 г. после многолетних дискуссий с сановниками У Цзэтянь издала указ о постройке Зала Света (*Мин тан* 明堂) [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6447]. Императоры Гао-цзу и Тай-цзун не решились возвести *Мин тан*, который имел для правящего дома огромный культовый смысл, являясь главным помещением для проведения государственных ритуалов и торжественных аудиенций. Церемония открытия Зала состоялась уже спустя полгода.

Вторая половина 680-х гг. стала временем подготовки к провозглашению новой династии, в которой У Цзэтянь уготовила себе роль императора-основателя. Во 2-ом месяце 685 г. она повелела установить перед залом для аудиенций «Барабан Высочайшего Внимания» (*Дэн вэнь гу*) и «Красный Камень» (*Чи ши*, *Фэй ши*) для принесения жалоб на императорское рассмотрение [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6433]. В 4-ом месяце 688 г. некий Тан Тунтай выловил в водах реки Лошуй белый камень с надписью «Святая Матушка придет к народу, и вечным благоденствием ознаменуется [её] царствование» [ЦТШ, цз. 6: 119; *Сыма Гуан*, цз. 204: 6448]. У Цзэтянь лично прибыла к реке и, исполнив обряд жертвоприношений, «получила в свои руки» надпись, которую сразу же стали именовать «Драгоценными письменами» (*Бао ту*). Последующие шаги У Цзэтянь были открыто направлены на разработку ритуала новой династии.

В 5-ом месяце 688 г. императрица приняла титул «Священная Матушка — Божественный император» (*Шэн му шэнь хуан*), имевший глубочайшие истоки в даосской традиции. Первоначально «Священными Матушками» именовали жён легендарных совершенномудрых правителей древности, со времени династии Хань (206 г. до н.э. — 220 н.э.) в народе так стали уважительно называть женщин, владевших тайнами даосской магии и даосских святых-небожительниц. С приходом буддизма в Китай «Священной Матушкой» стали называть и царицу Майю, давшую жизнь принцу Гаутаме, Будде Шакьямуни. При этом современный китайский исследователь профессор Лю И (р. 1972) полагает, что из буддизма этот термин не мог быть использован, и усматривает связь присвоения У-хоу данной части титула с возведением в ранг «Священной Матушки» матери Лао-цзы [Лю И, 2010: 96–97].

В 6-ом месяце 688 г. императрица отдаёт распоряжение об изготовлении трёх больших императорских печатей, в 7-ом месяце переименовывает «Драгоценные письма» в «Небом врученные драгоценные письма» (*Тянь шоу бао ту*), реке Лошуй даруется название «Река Ло Вечного Благоденствия» (*Юнчан-Лошуй*), и в ней полностью запрещается ловля рыбы [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6448–6449].

Эти приготовления внушали страх не только сановникам, сторонникам клана Ли, но самим родственникам всё ещё номинально правившего Жуй-цзуна. В 8-ом месяце 688 г., после того, как императрица отдала

распоряжение всем принцам рода Ли присутствовать в Лояне на церемонии открытия Зала Света, начальник области Бочжоу (пров. Шаньдун) Ли Чун (племянник Гао-цзу) и начальник области Юйчжоу (пров. Хэнань) Ли Чжэнь (брат Гао-цзуна) решились поднять войска. Однако им удалось собрать под свои знамёна лишь несколько тысяч человек, восстание было очень скоро подавлено, а несколько представителей рода Ли казнены по обвинению в заговоре. Репрессии против родственников танского дома продолжались и в последующие годы.

В 11-ом месяце 689 г. в соответствии с докладом помощника главы ведомства наказаний Чжоу Сина из храмовых списков были исключены имена членов правящего дома империи Тан. Тогда же императрица объявила о принятии нового девиза правления Цзай-чу («Жизнеутверждающее Начало») и об изменении календаря по-древнечжоускому образцу, утвердив новые названия для ряда месяцев. Календарь просуществовал до 10-го месяца 700 г.

Спустя короткое время, в 12-ом месяце 689 г. была проведена реформа письменности, введившая новые написания для 20 иероглифов (т.н. иероглифы У Цзэтянь), придуманные сановником и родственником императрицы Цзун Цинькэ (ум. 691). Новые иероглифы заменили прежние обозначения для базовых слов китайского языка, таких как «небо», «земля», «луна», «солнце», «год» и т. д. Новая форма 𠄎 была принята для слова *чжао* 照 (блеск), обозначавшего личное имя У-хоу, в котором теперь сочетались три знака: «солнце» 日, «луна» 月 и «висеть в воздухе» 空, что символизировало «солнце и луну, [одновременно] сияющие в Небе», т.е. гармонию *инь* и *ян*.

Провозглашению династии Чжоу предшествовал ряд пышных церемоний. В начале 689 г. императрица исполнила обряд жертвоприношений своим усопшим родителям и вскоре пожаловала им посмертные титулы, отцу — «Великий император» (*Тайхуан*), матери — «Великая императрица» (*Тайхоу*). Масштабные церемонии имитировали в основном ритуал династии Чжоу (XI в. — 221 г. до н.э.), основателя которой Вэнь-вана, У Цзэтянь стала почитать как первопредка. В 12-ом месяце она провела церемонию поклонения «Драгоценным письменам», которую называли «невиданной [по блеску] для [всей] танской эры» [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6454].

Адаптировав официальный государственный ритуал к новой политической ситуации с усилившейся «женской» составляющей, У Цзэтянь тем не менее понимала, что имперская конфуцианская идеология даёт ей мало шансов для легитимации той огромной политической роли, на которую она претендовала. В традиционном восприятии У Цзэтянь оставалась представительницей императорского рода Ли. Попыткой уравнивать кланы Ли и У стал заключённый в 690 г. брак её дочери принцессы Тайпин с У Юй-цзи, племянником императрицы, но ощутимых плодов этот шаг принести не мог. Провозглашённому «императору» (*хуанди*) У Цзэтянь была необходима абсолютно новая концепция верховной власти.

В 7-ом месяце 690 г. группа буддийских монахов во главе с Сюэ Хуайи и Фаминам представила трону текст «Сутры о великом облаке» (*Да юнь цзин* 大雲經). В сутре приводилась история о «Чистой и Светозарной Небесной Женщине» (*Цзингуан Тяньню*), благочестивой дочери Чакравартина, повелителя мира, которая после смерти отца должна унаследовать его вселенскую

власть. Устами Будды в сутре провозглашалось, что Цзингуан будет справедливо править миром и вести людей к просветлённости, распространяя его учение. За это она в последующем перерождении станет Буддой Амитабхой Чистой Земли. Важной частью текста, поднесённого У-хоу, были предисловие и комментарий, содержавшие указание на то, что У-хоу — сошедший на землю и ставший владыкой империи будда Милэ (Майтрейя). Официальные истории сходятся во мнении, что сутра была сфабрикована по приказу самой императрицы [ЦТШ, цз. 6:121; СТШ, цз. 4:90; *Сыма Гуан*, цз. 204: 6466].

Как бы то ни было, сразу же последовал указ о распространении *Да юнь цзин* повсеместно на всей территории империи. Суть подобного рода идеологических преобразований имела целью показать, что власть нового правителя исходит прямо от Неба и не связана с половыми характеристиками его носителя, поскольку именно таково было содержание буддийской доктрины Чакравартина в том виде, в котором она была известна в Китае того времени. Внешним подтверждением понимания этих идеологических нововведений в народе стало обращение некоего Фу Юи, который в 9-ом месяце 690 г. подал на высочайшее имя доклад от лица 900 простолюдинов из Гуаньчжуна с просьбой переименовать страну в Чжоу во главе с императором по фамилии У [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6467].

Провозглашение новой династии состоялось в день под знаками *гэн чэнь* (17 октября) 690 г. Императрица приняла девиз *Тянь-шоу* («Небесный дар»), себе присвоила титул «Священный божественный император» (*Шэн шэнь хуанди*), её сын Ли Дань (Жуй-цзун) получил титул «Августейший преемник» (*Хуансы*) и был пожалован фамилией У. В Лояне были открыты храмы предков семьи У, а здравствующие родственники императрицы по большей части получили титулы ванов и старших принцесс (*чжан гунчжу*), и все были освобождены от любых повинностей и налогов. Тогда же в обеих столицах и в центрах областей-чжоу были учреждены обители Даюньсы для хранения копий «Сутры о великом облаке» [ЦТШ, цз. 6: 121; СТШ, цз. 4: 90–91].

В 4-ом месяце 691 г. буддизм был официально поставлен выше даосизма, а «Сутра о великом облаке» объявлена повелением Неба установить государство Чжоу. В последующие годы У Цзэтянь неоднократно меняла титулы, делая их все более пышными, но неизменно соотнося с буддийской доктриной Чакравартина: в 9-ом месяце 693 г. она приняла титул «Великий совершенномудрый государь с Золотой чакрой» (*Цзинь лунь да шэн*); в 5-ом месяце 694 г. — «Превосходящий древность совершенномудрый божественный император с золотой чакрой» (*Юэ гу цзинь лунь шэн шэнь хуанди*); в начале 695 г. расширила титул до «Превзошедший древность Майтрейя, милосердный священный император Золотого колеса» (*Цы ши юэ гу цзинь лунь шэн шэнь хуанди*). Но, очевидно, полной уверенности в правомочности последнего титула у У-хоу не было, и во 2-ом месяце 695 г. она отбросила приставку «Превзошедший древность Майтрейя» (*Цы ши юэ гу*), а в 9-ом месяце того же года приняла титул «Великий священный император, Небом пожалованный Золотой чакрой» (*Тянь цэ цзинь лунь да шэн хуанди*).

Одновременно У Цзэтянь учреждает новые символы власти, служащие внешним подтверждением незыблемости её правления. В 9-ом месяце 693 г.

во дворе дворца установлено «Золотое колесо (чакра)» (*Цзинь лунь*), которое преподносилось как одно из семи сокровищ Чакравартина — сокровище-драгоценность (*мани*). В 4-ом месяце 695 г. по инициативе У Саньсы была отлита и установлена во дворце узорная колонна Небесная Рукоять (*Тянь шу*), символизирующая вселенский характер правления династии Чжоу. Высота колонны составляла 150 *чи* (ок. 45 м), и она получила официальное наименование «Небесная рукоять Великой Чжоу, прославляющей добродетели в десяти тысячах владений» (*Да чжоу вань го сун дэ тянь шу*). В 4-ом месяце 697 г. были отлиты из бронзы девять огромных треножников-дин [*Сыма Гуан*, цз. 205: 6492, 6502; цз. 206: 6517].

Для создания прочной социально-политической базы своего правления У-хоу развивает экзаменационную систему, которая при Чжоу становится главной основой для набора чиновничества самых разных рангов, создавая беспрецедентную возможность для социальной мобильности служилого сословия. Еще в 5-ом месяце 685 г. императрица издала указ, разрешающий столличным и провинциальным чиновникам от девятого ранга и выше, а также простолюдинам-*байси*нам выдвигать свои кандидатуры на службу. Во 2-ом месяце 690 г. У Цзэтянь распорядилась о введении императорских экзаменов и стала лично на них присутствовать. Особое внимание уделяется экзаменам на высшую степень «продвинутого мужа» (*цзиньши*), большее место в программе начинает занимать литература, в начале 693 г. в обязанность экзаменуемым вменяется изучение сочинения самой У Цзэтянь «Правила поданных» (*Чэнь гуй*) вместо *Лао-цзы*, немногим ранее была введена практика экзаменационных сочинений на тему управления для высших сановников-*цзайсянов*. В начале 701 г. были введены экзамены на военные должности.

При дворе основным содержанием соперничества клик в эти годы становится вопрос преемства трона. При том, что официальным наследником оставался Ли Дань (Жуй-цзун), для всех были очевидны властные амбиции племянника императрицы У Чэнсы. В 9-ом месяце 691 г. простолудин Ван Цинчжи, побуждаемый заинтересованным племянником, от лица нескольких сотен жителя Лояна подал доклад с просьбой возыситься в ранг высочайшего наследника У Чэнсы, поскольку, как полагали просители, императору из клана У должен наследовать преемник с той же фамилией. Императрица, видимо, сама склонялась к такому решению, но это вызвало горячие возражения целого ряда сановников. У Цзэтянь казнила всех недовольных по обвинению в измене, но всё же не стала возводить У Чэнсы в ранг наследника, понимая, что этот шаг приведёт к недопустимым нарушениям ритуала жертвоприношений императорским предкам. На это указал ей сановник Ли Чжаодэ (ум. 697), который подчеркнул, что невиданным делом считается племяннику устанавливать храм в честь тётки, и напомнил, что престол был вверен У Цзэтянь покойным Гао-цзуном, который навсегда останется для неё мужем, как и Ли Дань — сыном [*Сыма Гуан*, цз. 204: 6476]. Последующее отстранение У Чэнсы стало подтверждением осознания императрицей того факта, что после смерти её неизбежно отнесут к клану Ли, а не У. У Чэнсы оставался при дворе, занимая почётные должности, но императрица всё больше и больше отдаляла его и ограничивала круг его полномочий и влияния.

Последние годы царствования У Цзэтянь ознаменовались растущими экономическими трудностями и войнами на границах империи. На отливку бронзовых монументов — Небесной рукояти и девяти треножников-*дин* — было затрачено такое количество меди, что это поставило под угрозу всю систему денежного обращения страны. Повсеместно процветало изготовление фальшивой монеты, увеличилось число беглых, оседающих на окраинах империи. С начала 690-х гг. на границах Танской империи усилился тюркский Капаган-каган Ашина Мочо, который стал оказывать на танский двор давление под лозунгом восстановления в правах законных наследников престола из фамилии Ли. В 693 г. он организовал союз племён, выступивший против Тан, и вторгся далеко в глубь Западного Китая. Впоследствии Мочо неоднократно предпринимал набеги на границы китайской империи, захватывая добычу и большое число пленных. В 695 г. в Китае разразилось восстание киданей, осенью того же года большая армия тибетцев вторглась в пределы страны и дошла почти до Чанани.

В это время наступает переломный момент в сознании императрицы, которая окончательно поняла, что реставрация дома Тан неизбежна. Она решает вернуть из ссылки старшего из оставшихся в живых сыновей, и в 3-ем месяце 698 г. Лулин-ван Ли Чжэ с семьёй прибывает в Лоян. В 9-ом месяце того же года императрица объявила его наследником трона [*Сыма Гуан*, цз. 206: 6529, 6534]. При этом никаких корректив в государственную идеологию Чжоу не было внесено. У Цзэтянь, видимо, полагала, что восстановление Тан произойдет уже после её смерти.

К концу жизни У-хоу стала понимать, что главную свою войну за полную власть над Поднебесной ей не выиграть. Она не могла в корне изменить ни идеологическую и ритуальную традицию, ни внешнеполитическую практику. Одним из подтверждений этого стало издевательское предложение кагана Ашина Мочо прислать для родственного союза (*хэцинь* 和親) с императорским кланом Китая не принцессу, а принца, внучатого племянника У-хоу У Янсю. Но и на это китайской стороне пришлось пойти, с учётом провальной внешней политики государства, в общем и целом подготавливавшей усиление Ань Лушаня (703–757) и последующие смуты в правление Сюань-цзуна (712–759). Недружелюбные соседи чутко понимали, насколько зыбкими являются институциональные преобразования У Цзэтянь, и открыто пользовались этим.

К началу 705 г. императрица была уже серьёзно больна, и высшие сановники Чжан Цзяньчжи, Цуй Юаньвэй (638–706), Хуань Яньфань (653–706), Цзин Хуэй, Юань Шуцзи (ум. 706) составили с вельможи Чжун-цзуна заговор с целью реставрации Тан. В день под знаками *гуй-мао* (20 февраля) 705 г. во главе 500 дворцовых гвардейцев они проследовали во дворец и потребовали отречения императрицы.

После полувека царствования У Цзэтянь была вынуждена уступить трон сыну. Присвоив ей титул «Равняющийся на Небо великий священный император» (*Цзэ тянь да шэн хуанди*), Чжун-цзун отправил её доживать во второстепенный загородный дворец близ Лояна. В день под знаками *жэнь-ин* 11-го месяца (16 декабря) 705 г. 81(82)-летняя У-хоу скончалась и была захоронена рядом с Гао-цзуном в погребении Цяньлин к востоку

от Чанани. Посмертно она была лишена титула «император» и канонизирована как «Равняющаяся на Небо (*Цзэ-тянь*) великая священная императрица» (*Цзэ тянь да шэн хуанхоу*). Она завещала ничего не писать о себе на памятной стеле, которая так и стоит сейчас без текста и называется «Стела без слов» (*У цзы бэй* 無字碑).

Традиционная китайская историография рассматривала У-хоу, супругу Гао-цзуна, как законную представительницу танского дома. Считалось, что короткое правление основанной ею династии Чжоу (690–795) не привело к разрыву эпохи Тан (618–907) на Раннюю и Позднюю, как это было при Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), когда Ван Ман (45 г. до н.э. — 23 г. н.э.) узурпировал власть и провозгласил династию Синь (9–25 г. н.э.). Чжоу имела свою аутентичную государственную идеологию, и, как писал профессор Антонино Форте (1940–2006), возродившаяся в 705 г. династия Тан коренным образом отличалась от прекратившей своё существование в 690 г., хотя правящий клан оставался тем же [Forte, 2005: XV].

Биографии У Цзэтянь были включены в разделы «Анналы» (*Бэнь цзи*) обеих танских династийных историй после биографии Гао-цзуна перед Чжун-цзуном, а в «Новой истории династии Тан» (*Синь Тан шу*) также и в раздел биографий императриц. Сохранению «законного», с точки зрения конфуцианской историографии, статуса У-хоу помогло и то, что неслыханные институциональные политические нововведения она стремилась тщательно обосновывать теоретически. Включая в государственную доктрину буддийские и даосские положения, она не переставала опираться на китайскую политическую традицию и конфуцианский ритуал. Социальную опору режима У-хоу составили в основном небогатые кланы Хэбэя; места искореняемых ею аристократов заполнялись чиновниками, выдвигавшимися благодаря экзаменационной системе. Сама она явно относилась к сильным, твёрдо держащим в руках бразды правления монархам. И даже весьма критично настроенный к ней великий Сыма Гуан (1019–1086) был вынужден признать: «[Императрица] хотя и применяла без меры жалованья и должности, стремясь завоевывать сердца людей, но ведь и те, кто не справлялся по службе, заслуживали, чтобы их сместили или наказали. Используя тактику наград и наказаний, [она] правила Поднебесной, полностью держа власть в своих руках. [Она умела] глубоко вникать [в суть дел] и принимала верные решения, поэтому талантливые люди ее времени наперебой состязались в том, чтобы служить ей» [Сыма Гуан, цз. 205: 6478]. Полная переоценка значения роли У Цзэтянь в китайской истории состоялась не ранее середины XX в., когда в Китае были опубликованы труды Чэнь Иньцюэ (1890–1969) и Го Можо (1892–1978).

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.007

Источники

Ниида Нобору 仁井田陞. То рё дзю и 唐令拾遺 [Собрание сохранившихся танских установлений]. Токио: Тохо бунка гакуин Токио кэнкюцзё, 1933.

СТШ — Синь Тан шу 新唐書 [Новая история династии Тан]. Сост. Оуян Сю 歐陽修. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986.

Сыма Гуан 司馬光. Цзы чжи тун цзянь 資治通鑑 [Всепроницающее зеркало, управлению помогающее]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1956.

ТХЯ — Тан хуэй яо 唐會要 [Основные сведения об эпохе Тан]. Сост. Ван Пу 王溥. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1955.

Цишиши 七十一. Си юй вэнь цзянь лу 西域文見錄 [О увиденном и услышанном в Западном крае]. Б. м., б. г. [ксилограф].

ЦТШ — Цзю Тан шу 舊唐書 [Старая история династии Тан]. Сост. Лю Сюй 劉昫. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975.

ЦФЮГ — Цэ фу юань гуй 冊府元龜 [Свод книг из Хранилища Великой Черепахи]. Сост. Ван Циньжо 王欽若. Тайбэй: Тайвань Чжунхуа шуцзюй, 1965.

ШЦ — Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬遷. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1936 (Сер. Сы бу бэй яо 四部備要). Т. 416–438.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. IV. Пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прил. Р.В. Вяткина. М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

Список литературы

Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2. Мифология и религия. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2007.

Зельницкий А.Д. Краткий очерк политики государства в области верований и ритуалов в Китае эпохи Тан (618–907) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 65–75.

Лю И. Два титула императрицы У Цзэтянь и их религиозное наполнение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2010. № 2. С. 93–108.

Мартынов А.С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 341–387.

[Рыбаков В.М.] Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999.

Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009.

Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. М.: Изд-во «Наталис» Рипол Классик, 2006.

Chavannes Édouard. *Le T'ai chan*. Essai de monographie d'un Culte chinois. Appendice: Le Dieu du Sol dans la Chine antique. Paris, Ernest Leroux, 1910.

Chen Jo-shui. Empress Wu and Proto-Feminist Sentiments in T'ang China // Imperial Rulership and Cultural Change in Traditional China. Ed. by Frederick P. Brandauer and Chün-chieh Huang. Seattle, University of Washington Press, 1994, pp. 77–116.

Forte Antonino. Political Propaganda and Ideology in China at the End of the Seventh Century. Naples, Istituto Universitario Orientale, 1976.

Guisso Richard W.L. Wu Tse-t'ien and the Politics of Legitimation in T'ang China. Bellingham, Western Washington, 1978.

Granet Marcel. *La Pensée Chinoise*. Paris, Albin Michel, 1934.

Rotours Robert. *Traité des fonctionnaires et Traité de l'Armée*, traduits de la Nouvelle Histoire des T'ang (chap. XLVI–L). Par Robert des Rotours. T. I. Leyde, E. J. Brill, 1947.

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском: основные проблемы изучения архитектуры

Вл. В. Седов

Аннотация: Статья посвящена основным вопросам истории архитектуры такого важного для понимания зодчества Ростово-Суздальского княжества памятника как Спасо-Преображенский собор в городе Переславль-Залесский. Этот памятник, сооружённый по заказу князя Юрия Владимировича (Долгорукого) в середине XII века, показывает смешение древнерусских и западноевропейских форм, причём последние дают яркий образец архитектуры романского стиля. Эти формы сравнивали с формами романских памятников Малой Польши, южной части польских земель. Однако можно указать и на другие аналоги. Например, система расчленения фасадов переславского собора находит параллели в романской архитектуре соборов и замков Франции. Отдельные декоративные формы, такие как «городки», резные вал и фриз, а также «рамочное» устройство абсиды близки к подобным формам и решениям в романской архитектуре Северной Италии. Автор заключает статью постановкой вопроса об авторстве собора в Переславле, который мог быть построен только приглашёнными зодчими, но с непременно участием заказчика или даже русского архитектора, которые настаивали на использовании местного типа храма и дали представление о пропорциональном складе здания.

Ключевые слова: Древняя Русь, Ростово-Суздальское княжество, княжеский заказ, иностранные мастера, романский стиль, аналоги, система фасада, французская архитектура романики, итальянская архитектура романики, детализовка, резьба, пространство, пространственное построение, вопрос стиля.

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском принадлежит к известнейшим памятникам древнерусской архитектуры. Однако его нельзя причислить к кругу самых изученных сооружений, поскольку в его объёмной структуре, пространственных построениях, а также декоре интерьера и фасадов ещё остается много загадок. Мы не претендуем здесь ни на полное раскрытие образности этого собора, ни на доскональное решение всех проблем, связанных с этим храмом. Мы хотели бы в данной статье очертить круг нерешённых вопросов, связанных с формами этого храма, а также поговорить о месте памятника в системе архитектурных связей Северо-Восточной Руси. Эта статья является не заключительным исследованием, расставляющим акценты и оценки, а ступенью в изучении архитектуры собора, попыткой прояснить сам круг нерешённых вопросов и ответить на некоторые из них.

Датировка и литература о храме

Вопрос о времени строительства церкви Спаса решается одновременно просто и сложно. Просто — потому, что существует в разных редакциях

летописная статья 1152 г., в которой рассказывается о строительной деятельности князя Юрия Владимировича (Долгорукого), выступавший заказчиком ряда храмов, в том числе — Спасо-Преображенского собора. В Новгородской 4-ой летописи говорится о пяти церквях, построенных князем Юрием в Суздальской земле: «В лѣто 6660. ... Юрьи Володимеричъ в Соузда[л]ской земли многи церкви създа: на Нерли святоую мученикоу Бориса и Глѣба, а в Суждалѣ постави святого Спаса, а въ Володимерѣ святого Георгія; и градъ Юрьевъ заложи и церковь святого Георгіа каменноу, и Переяславль переведе отъ Клищина, заложь великъ, и церковь постави святого Спаса в Переяславлѣ» [ПСРЛ, Т. IV, Ч. I.: 153].

Кроме того, Лаврентьевская летопись сообщает под 1157 годом о смерти князя Юрия Владимировича и о том, что на княжеский стол был посажен его старший сын Андрей, который «тѣмже и по см(е)рти w(т)ца отца своАго велику памѹ(ть) створи, ц(е)ркви оукраси и монастырѹ постави и ц(е)рк(о) въ сконча, юже бѣ заложилъ преже w(те)ць его, с(вя)таг(о) Сп(а)са камену в Переяславли новѣмъ» [ПСРЛ, Т. I. Стлб. 348].

Вроде бы тут все ясно, храм Спасо-Преображения был построен между 1152 и 1157 гг., заказчиком его выступил князь Юрий Владимирович (Долгорукий), а после его смерти в 1157 г. князь Андрей Юрьевич (Боголюбский) окончил церковь, причём речь может идти как об окончании каменного строительства, так и монументальной росписи или украшении постройки иконами и утварью. Для нас важно, что 1152 г. является не обязательно датой начала строительства, а некоей опорной точкой, временным ориентиром, к которому летописец привязал обширную статью о храмо-строительстве князя Юрия Долгорукого. Строительство городского собора в Переславле могло быть начато в 1152 г., но могло начаться и раньше, его начало можно относить и к концу 1140-х гг., и к началу 1150-х. Поэтому мы склонны датировать его в широком промежутке от конца 1140-х до середины 1150-х гг.

Спасо-Преображенскому собору посвящена довольно обширная архитектуроведческая литература. Отметим работы середины XX в., созданные Чиняковым [Чиняков, 1952] и Н.Н. Ворониным [Воронин, 1961: 77–90]. Свою концепцию происхождения форм и всей артели, создавшей собор в Переславле, предложил О.М. Иоаннисян, посвятивший этой теме ряд статей, в которых предполагается, что артель из Малой Польши сначала работала в Галицком княжестве, а затем перешла в Северо-Восточную Русь, где и построила Спасо-Преображенский собор и ряд других храмов, заказанных князем Юрием Долгоруким [Иоаннисян, 1988; Иоаннисян, 1996; Иоаннисян, 2002; Иоаннисян, 2006; Иоаннисян, 2012]. Сравнение собора в Переславле и церкви в Кидекше провёл автор данной статьи, две работы которого посвящены системе романского декора середины XII столетия [Седов, 2013; Седов, 2017]. Кроме того, коснуться архитектуры Переславского собора автору пришлось и в статье по архитектуре церкви Бориса и Глеба в Кидекше [Седов, 2020]. Недавно вышла статья, суммирующая наблюдения со строительных лесов над кладкой и некоторыми деталями фасадов собора [Виноградов, Ёлишин, Свойский, 2020].

Вопрос о подлинности форм

Как известно, Спасо-Преображенский собор был отреставрирован в 1890-х гг. по проекту и под наблюдением В. В. Суслова [Из архива Императорской археологической комиссии, 1908]. Цоколь, порталы, некоторые места на фасадах, а также профили оснований столбов внутри храма были сложены вновь с соблюдением старых форм. Однако степень тщательности этого повторения все же вызывает вопросы. Для того чтобы быть уверенным в подлинности форм, недостаточно только натурных исследований, в определённой степени тут могут помочь изображения памятника, сделанные до реставрации. На одном литографированном листе середины XIX в. находим план, южный фасад, изображение креста, а также детали с пояском на верху абсид и городчатым пояском на барабане. Этот лист даёт представление о подлинности отдельных форм и состоянии собора с четырёхскатной кровлей, устроенной поверх закомар [Города РСФСР в гравюрах и литографиях, 1982: 113, № 355; Музей архитектуры, Р. III, № 6299]. В основном, как выясняется из этих материалов, при реставрации В. В. Суслова первоначальные формы были повторены или даже оставлены в прежнем виде.

В том, что В. В. Суслов не изменил, например, формы порталов с простой обводкой и арочным завершением (без вставки в архивольте, «лобика»), убеждает и перспективный литографированный вид собора середины XIX в., данный с северо-запада или, если он перевернут по оси, с юго-запада [Города РСФСР в гравюрах и литографиях, 1982: 113, № 354; Музей архитектуры, Р. III, № 8536/13]. Здесь изображён притвор начала XIX в., странным образом нет двери в западном прясле северного фасада (показано окно), а также присутствуют небольшие окна в поле средних прясел западного и северного фасадов, очевидно поздние, XVII–XVIII вв., во время реставрации или даже раньше неё заложенные. Пока невозможно представить, чтобы эти окна принадлежали XII в. Уступ кладки стен и лопаток на этой литографии также явственно виден, так что он был до реставрации и не мог быть новацией образованного реставратора.

Два яруса арок в интерьере

В древнерусской архитектуре первой половины XII в. есть ряд памятников, в которых в пространстве между восточной парой подкупольных столбов и торцами межабсидных стен расположены в два яруса арки: первый ярус арок позволяет перейти из средней абсиды в боковые, а второй, очевидно, даёт дополнительное освещение из боковых окон северной и южной стен храма, переводя свет этих окон в алтарь. Такое двухъярусное устройство в первой половине XII в. известно нам в соборе Михайлова-Златоверхого монастыря в Киеве (1108–1113), Никольском соборе в Новгороде (1113), Борисоглебском соборе в Чернигове, Успенском соборе Елецкого монастыря, Кирилловской церкви в Киеве, Успенской церкви в Ладоге. В ряде памятников между восточными столбами и межалтарными стенками устроена всего одна, низкая или высокая, но одна арка (Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове, собор Ивановского монастыря в Пскове, собор Георгиевского монастыря в Ладоге и церковь Петра и Павла в Смоленске).

Если арки устроены в два яруса (или в три, как в двух исключительных храмах, Успенском соборе Киево-Печерского монастыря и Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде), то они всегда расположены одна под другой, по одной вертикальной оси.

В Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском арки устроены в два яруса, но устроены они необычно, даже странно: арки внизу расположены между столбами и торцами межабсидных стенок, а вот арки второго яруса расположены с сильным сдвигом к западу. Это вызвано не тем, что они находятся против окон второго света в боковых стенах храма, нет, это не так, они как раз от них и сдвинуты к востоку.

Объяснить такое несовпадение осей арок первого и второго света (яруса) можно только тем, что верхние арки расположены так, чтобы освещать престол или вообще сверху освещать алтарь в средней абсиде, сопровождая дополнительными лучами тот свет, который льётся из трёх окон средней абсиды. Предпочтительнее версия с освещением престола, который в близкой по времени постройки и по типу церкви Бориса и Глеба в Кидекше расположен со сдвигом от межабсидных проходов к западу. В Спасо-Преображенском соборе древний престол не сохранился (как показали раскопки 2020 г.), но он мог располагаться так же, как в Кидекше. В таком случае понятно, что проёмы второго света, сдвинутые к западу от осей межалтарных проходов, освещали сверху именно престол.

Помимо собора в Переславле в древнерусских памятниках такой приём со смещением верхних арок нам неизвестен. Но в Италии есть подобные световые проёмы, причём верхние, в отсутствии нижних. Правда, это не арки, а окна. В алтарной части церкви в Руббиано (pieve di Rubbiano di Montefiorino) в области Эмилия престол с боков освещён такими невысокими, но высоко расположенными окнами, которые напоминают верхние арки переславского собора. Однако этот трёхнефный храм в восточной части имеет иное, отличное от переславского собора устройство: средняя абсида здесь выдвинута к востоку с помощью дополнительной трапеи среднего нефа, так что боковые абсиды сильно отступают относительно средней. В боковых стенах дополнительной восточной трапеи, предвещающей среднюю абсиду, прорезаны окна, причём довольно высоко; эти окна освещают алтарь с боков. Аналогия, таким образом, здесь совсем не полная, но все же есть направление поиска.

Фасадная структура

Фасадная структура переславского храма оригинальна, ей нет прямых аналогов в древнерусской архитектуре. На три фасада, северный, западный и южный, наложены лопатки, которые делят эти фасады на три отрезка, завершённых полукруглыми щитками-закомарами (за частью из них расположены своды похожего очертания, за частью — нет). Среднее прясло на всех фасадах широкое, боковые — поуже, а на боковых фасадах боковые прясла разные по ширине: западное немного пошире, а восточное — несколько уже.

Лопатки, разделяющие плоскости прясел, устроены в два уступа, так что порой кажется, что перед нами в каждом случае более широкая лопатка,

на которую наложена более узкая лопатка, оставляющая по краям видимыми боковые части лопатки-фона. Эти двухступчатые лопатки и сами плоскости прясел устроены в два яруса: первый, нижний, в плане несколько шире, а переход к чуть компактному верхнему ярусу устроен с помощью отлива кладки, наклонного небольшого уступа, опоясывающего весь собор примерно на середине его высоты. При этом наклонное уменьшение толщины, отлив кладки сделан так, что уменьшаются с помощью короткого наклонного участка стены не только плоскости прясел, но и уступчатые лопатки. То есть двухступчатый профиль лопаток тоже несколько наклоняется вверх и потом скользит вертикально по уже отошедшей вглубь плоскости прясел. Выше двухступчатые лопатки переходят в архивольты закомар, завершая плоскости прясел.

Эта система «работает», как было сказано выше, только на трёх фасадах, а на восточном её просто нет: лопатки там поднимаются вверх без уступа, что видно и на крайних восточных сторонах восточных лопаток северного и южного фасадов, где уступа нет, тогда как с запада у тех же лопаток уступ есть. Получаются несимметричные лопатки, что связано как раз с тем, что эта система не переходит на восточный фасад.

Если сам по себе отлив кладки сохранился и в последующих памятниках Владимиро-Суздальской архитектуры, таких, как церковь Бориса и Глеба в Кидекше или церковь Покрова на Нерли, то лопатки в этих храмах никогда не «ныряют» вглубь вместе со стеной. Этот последовательный «нырок» лопаток вместе с уступом стен, представленный только в Спасо-Преображенском соборе, требует объяснения и поисков возможных аналогов и precedентов.

Происхождение основной фасадной структуры

Единственный известный нам пример отлива кладки в романской церкви в Польше находится в Сулиславице (Sulislawice, историческая Малопольша), где небольшой костёл опоясан подобным уступом [*Świechowski*, 1963: 266–267]. Однако в этом памятнике нет лопаток, тем более нет двухступчатых лопаток, то есть он намного проще, чем храм в Переславле-Залесском. Из этого следует, что нужно искать иные, не польские аналоги «отступающим» лопаткам.

Лопатки, которые с уступами поднимаются по фасадам, повторяя уступы самих фасадных плоскостей или лишь сопровождая эти плоскости в тех случаях, когда эти плоскости идут вверх без уступов, встречаются в романской и ранней готической архитектуре, причём почему-то во Франции.

Упрощенную и одновременно монументализированную версию такой системы находим в романском соборе Сент-Этьен в Кане второй половины XI в., где двухступчатые лопатки с сильным выносом вырастают из цоколя, подобного переславскому, а наверху трёхъярусной структуры западного фасада с помощью выразительного наклонного отлива заканчиваются; стена при этом не меняет плоскости [*Kubach*, 1981: 65, 67, 70, 78; Ill.: 62]. Её же видим в соборе в Турне XII в., где лопатки следуют с многочисленными уступами по сторонам и посередине фасадов восточной и западной пар башен собора [*Kubach*, 1981: 277–278].

Совершенно таким же образом поднимаются снизу вверх лопатки на западных башнях собора в Шартре (1134–1145), где в нижнем ярусе отлив лопаток сопровождается их утонением, а в более высоких ярусах отливы не связаны с утонением [*Pérouse de Montclos*, 1988: 270–275].

Однако практически прямым аналогом выглядят двухступчатые лопатки по краям фасадов западных башен собора в Санлисе, построенного к 1150-м годам [*Araguas*, 2000: 44], а также относящаяся к первой половине XII в. северная башня на западном фасаде собора в Блуа [*Pérouse de Montclos, J.-M.* (sous la direction de), 1988: 176–177]. Кроме того, укажем на церковь Сент-Урс в Лоше [*Kubach*, 1981: 142, 200; III.: 299], отстроенную к 1160 г., где западная башня расчленена схожими двухступчатыми лопатками с отливами. Во всех этих памятниках последовательно отступают, отливают вглубь не только лопатки, но и плоскости простенков между ними — совершенно так же, как в соборе в Переславле-Залесском.

В Фалезе в Нормандии донжон замка (Большой Донжон), сооруженный в начале XII в. (около 1123 г.), имеет широкие двухступчатые лопатки, делящие фасад на отрезки; эти лопатки в верхней части проходят через уступ кладки и продолжают выше; отливает и плоскость простенков между лопатками [*Mrusek, H.-J.*, 1973: 91; *Mesqui*, 1997: 163–164].

Можно указать также на донжон замка в Лоше, XII в., где на одноступчатые лопатки наложены уплощенные полуколонны, которые «ныряют» или отливают вместе с лопаткой по мере отлива плоскости стены [*Pérouse de Montclos, J.-M.* (sous la direction de), 1988: 409–413; *Mesqui*, 1997: 217–218].

Для нашего исследования принципиально важным является само наличие этой системы во Франции, её разработанность, а также датировки: она сформировалась до середины XII в., то есть раньше, чем был построен собор в Переславле. Признаемся, что конкретные пути этой системы из Франции в Северо-Восточную Русь остаются для нас неясными, более того, возможно, что мы не знаем каких-то ярких примеров использования этой системы в Италии или Германии (хотя пока заметных памятников они не обнаружены). Эта романская система в соборе Переславля, повторимся, была использована всего раз, а в церкви Бориса и Глеба она была уже существенно изменена, хотя её следы в виде отлива кладки примерно посередине высоты прясла стены будут оставаться на всем протяжении существования архитектуры Владимиро-Суздальской Руси, то есть до первой трети XIII в.

Рамки или филёнки на абсидах

Абсиды собора обработаны рамками или филёнками. Они возникают следующим образом: внизу каждой абсиды проходит цоколь, из которого вырастают вертикальные лопатки, обрамляющие края скруглённых объёмов, а наверху из этих лопаток выходит аркатурный пояс, слепая аркада, завершающая рамку или филёнку сверху. На стыках боковых и средней абсиды возникает взаимодействие двух разнонаправленных лопаток, исходящих из одного угла. В результате возникают филёнки, оконтуривающие выгнутые на зрителя плоскости.

Этот мотив филёнок затем перешёл на абсиды церкви Бориса и Глеба в Кидекше, есть он и на гораздо более разработанных в области декора абсидах владими́ро-суздальских церквей середины — второй половины XII в.

Где родился этот мотив? В польских памятниках его нет совершенно, там если по краям и возникает какая-то вертикаль, то это узкая и высокая колонка, лизена.

Нам кажется, что подобная иконографическая схема и сам мотив возникли в Италии, на её севере. Подобное сочетание филёнок видим, например, в Вероне, в церкви Сан Джованни ин Валле (S. Giovanni in Valle) начала XII в. Есть он, при более сложном декоре с «дробленными» филёнками, и в городском соборе в Модене рубежа XI–XII вв. и церкви аббатства Нонантола начала XII в. [Émilie romane, 1984: 249–261, 281–288, 291–301]. Нужно и дальше искать аналоги абсидных филёнок, но уже сейчас ясно, что они связаны с северной Италией.

Вал и фриз на верху абсид

На верху южной и средней абсид собора в Переславле выше пояса поребрика расположены полувал и фриз над ним, соединенные в одну композицию, тянущуюся вдоль скругления. На северной абсиде этот вал и фриз заменены профилированным карнизом, который появился или в результате перестройки или возник в результате того, что фриз не доделали.

Этот вал и этот фриз для древнерусской архитектуры уникальны: ничего подобного больше нигде не встречается. Вал украшен через определённые промежутки своеобразными «кольцами», украшенными узором из глубоких круглых «точек». В широких промежутках между кольцами расположены продолговатые «бусины» с обращёнными вниз языками с параллельными углублениями (эти языки происходят, видимо, из классических ов). Выше, на фризе, чуть выступающем из плоскости верха вала, устроены часто расположенные своеобразные консоли или дентикулы, на которые опираются расположенные по два языки, над каждым нижним языком. Эти языки по контуру сопровождают глубокие «точки», как будто перешедшие с колец вниз. В довершение ко всему в промежутках между верхними языками (похожими на арочки) размещены небольшие миндалины, обведённые по контуру и как будто спускающиеся сверху, с карниза.

О. М. Иоаннисян предложил для этого фриза и вала с «расчёсами» и «точками» аналоги в архитектуре Малой Польши (южной части исторической Польши с центром в Кракове): подобные валы в костелах XII в. в Прандоцине и Чхове и коллегиаты в Опатове (Иоаннисян, 2002: 211, 214, 217). Иконографически валы этих памятников похожи на то, что украшает вал и фриз в Переславле, но есть и существенный аргумент против сопоставления этих малопольских орнаментальных лент с переславским украшением абсид: по исполнению все участки резьбы, кусок вала на фасаде в Прандоцине, импосты с резьбой внутри коллегиаты в Опатове и фрагменты вала, вставленные в стену более позднего костела в Чхове, все они намного проще и грубее орнаментального пояса абсид Спасо-Преображенского собора. Можно было бы шутя предложить даже обратное влияние из Переславля

в Малопольшу, если бы не более здоровое предположение об общем источнике и для Переславля, и для трёх польских памятников.

Таким источником мог быть фриз с карнизом над некоторыми скульптурными композициями на фасадах собора в Модене, где листья аканфа, обращённые на нижней полосе вниз, а на верхней — вверх, снабжены такими углублениями, которые почти аналогичны упомянутым «точкам» переславского собора. Сами же аканфовые листья могли легко трансформироваться в эти волнообразные расчёсы, которые украшают вал и карниз древнерусского собора. В любом случае ясно, что следует продолжить поиски аналогов резьбы на верху абсид Спасо-Преображенского собора.

«Городки» на верху барабана

Верх светового барабана Спасо-Преображенского собора украшает поясок так называемых «городков» — ступенчатых пирамидальных выступов в камне, обращённых вершинами вниз. Каждый «городок» имеет три уступа. Все эти формы сделаны из белого камня, высечены в нём. Выше расположен поясок поребрика, а по самому верху барабана проходит карниз.

«Городки» переславского собора составляют значительную часть декора его барабана, они заметны и в общем облике здания. В церкви Бориса и Глеба в Кидекше, по сообщению Н. Н. Воронина, был подобный пояс, он пишет, что «обломки его найдены под кровлей храма» [Воронин, 1961: 73], однако рисунки или фотографии этой детали нам неизвестны. Заметим, что в церкви Покрова на Нерли середины XII в. (1165 г.?), на центральном барабане Успенского собора во Владимире (1158–1160 гг.), а также и на боковых барабанах того же собора (1180-е гг.) и на барабане Дмитриевского собора во Владимире (1190-е гг.) присутствуют подобные аналогичные уступчатые пояски. То есть эти «городки» перешли из Переславского собора в более позднюю, классическую версию владими́ро-суздальской архитектуры.

Найти подобные переславским каменные «городки» — значит понять, откуда пришла хотя бы часть мастеров Спасо-Преображенского собора середины XII в. Скажем сразу, что в романских храмах Польши подобных уступчатых форм нет. Однако в раскопках церкви Спаса в Галиче был обнаружен камень с «городком» [Иоаннисян, 1986: 107, рис. 5]. Эта находка как будто подтверждает происхождение форм Переславского собора из Галича, но все же и здесь речь может идти об общем для галичского и владими́ро-суздальского зодчества источнике, который находился не в Малопольше.

Нам пока удалось найти только один памятник первой половины XII в., в котором есть подобные формы. Это довольно большая романская приходская церковь с баптистерием, так называемая пьеве (pieve) Санта Мария ад Нивес (pieve S. Maria ad Nives) рядом с городом Мирандола, находящемся в области Эмилия в северной части Италии. Этот храм построен в первой трети XII в. Закругление его алтарной части вверху украшено пояском «городков», совершенно таких же, как в Переславле, но выполненных не из камня, а из кирпича. Это не так значительно, поскольку декоративные формы в североитальянской романике выполнялись как в кирпиче, так и в более дорогом по стоимости и цене обработки камне. Однако всё же это проблема: следует ещё найти итальянские «городки» из камня, чтобы

окончательно увериться в итальянском происхождении поясков с этим орнаментом.

Вопрос об авторстве и стилизации

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском можно считать одним из самых сохранившихся, но и одним из самых ранних памятников Владимиро-Суздальской Руси. В его строительстве наверняка участвовали западноевропейские, романские мастера. С большой вероятностью они пришли из Италии. Способ, каким князь Юрий Долгорукий получил романских мастеров, нам не известен. Но их присутствие на строительных лесах собора в Переславле несомненно.

То, что это был первый храм, который они строили, доказать трудно. Одним из аргументов в пользу такого предположения может служить то, что в этом соборе ещё много «неочищенной» романики, от которой в церкви Бориса и Глеба в Кидекше мастера откажутся: речь идёт о выделенном цоколе, а также о базах столбов внутри храма. Может быть, к тем же привнесённым, а потом оставленным формам принадлежит и резной вал на абсидах.

Но все эти потом оставленные черты не играют решающей роли в образе храма. Решающую роль играют пропорции стен, столбов, абсид и барабана, сам тип вписанного креста с очень мерной, ритмичной разделкой форм и расстановкой объёмов. Эта ритмичность сообщает храму спокойствие, причём как в целом облике, так и в деталях. Перед нами выполненный романскими мастерами древнерусский храм со спокойными пропорциями, узнаваемыми и в тех древнерусских церквях середины XII в., которые не были затронуты романскими влияниями, например — в Успенском монастырском храме в Ладоге (Старой Ладоге). Но этому типу (четырёхстолпному с вдвинутыми в западную часть хорами) придана новая рациональность, которая выражается в чёткости членений, уверенности перехода от одной формы к другой, постоянной, не сбивающейся ритмичности.

Кажется, что все эти качества привнесли именно романские мастера. Но они ли собрали все эти формы с учётом всех этих качеств в единый организм храма? Признаемся, что есть возможность того, что собор в Переславле является стилизацией древнерусского храма, выполненной романскими мастерами. Чёткость, ритмичность, понятность группировки форм свидетельствует в пользу этого предположения.

Однако, пока мы не можем принять полностью и окончательно данную версию. Нам представляется важным объяснить два важных момента, которые её осложняют и корректируют. С одной стороны, кто-то, князь или церковный иерарх, должен был предъявить пришлым мастерам сам запрос на постройку именно храма такого типа, ставшего уже приметой и основанием местной, православной и древнерусской традиции. Это соображение о роли заказчика уже погружает приезжих каменщиков и архитекторов в мир древнерусской культуры. С другой стороны, заказчики могли указать на образец и сообщить лишь самые общие сведения о нём. В этом случае (первый момент) всё остальное должны были сделать романские мастера, которые стилизуют по-своему, на уровне своих умений, предложенный и показанный им (очевидно, где-то на юге Руси) тип храма. Тогда стилизация

представляется полной, зависящей только от умения пришлецов рассматривать, измерять и воспроизводить всё увиденное и измеренное.

В другом случае (второй момент) запросы заказчика объясняет не только сам князь или иерарх, сколько древнерусский зодчий (киевский, например, прибывший на Северо-Восток Руси). Он может знать сам тип, его габариты и пропорции, но он попадает, благодаря заказчику, пригласившему иностранных исполнителей, в ситуацию, когда его можно сравнить не с капомаэстро, не с всесильным зодчим-диктатором, а с приглашённым специалистом, с дирижёром, который ещё не подчинил оркестр, но всё равно управляет наученными играть по-своему великими скрипачами и тромбонистами, пытаясь из них сделать слитный организм.

Признаемся, что фигура этого русского архитектора пока видится не ясно, что область его ответственности проступает слишком обобщённо, только как распределение масс, при том, что сами массы сводов и стен часто имеют чужой, романский оттенок. Но без этой фигуры будет трудно объяснить пропорциональный строй Переславского собора. Если отбросить эту смутную фигуру, то нам придётся принять версию о гениальной стилизации самого типа романскими (итальянскими?) мастерами, версию, которой и в более позднее время нет серьёзных подтверждений. Стилизации ренессансных архитекторов в Московском Кремле в конце XV и начале XVI в., что Аристотеля, что Алевиза Нового, совсем не так попадают в тон с предложенными образцами, как это было в соборе в Переславле. Поэтому нам кажется, что нужно и дальше исследовать этот собор, пытаясь одновременно с анализом форм предлагать всё более и более основательную модель возникновения всей архитектуры памятника в целом.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.008

Список литературы

Виноградов А. Ю., Ёлиин Д. Д., Свойский Ю. М. Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий // *Архитектурная археология*. № 2. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 65–79.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. XII столетие. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Города РСФСР в гравюрах и литографиях. Каталог. М.: Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева. Составители Б. С. Глускина, И. В. Мирошниченко. 1982.

Из архива Императорской археологической комиссии. Г. Переяславль. Преображенский собор. 1152–1157 // *Известия Императорской археологической комиссии*. Вып. СПб.: Типография Главного Управления Уделов. Вып. 26 (Вопросы реставрации, Вып. 1), 1908. С. 62–74.

Иоаннисян О. М. Церковь Спаса в Галиче — памятник первой половины XII века // *Древние памятники культуры на территории СССР*. Л.: Государственный Эрмитаж, 1986. С. 102–109. Рис. 1–5.

Иоаннисян О. М. Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // *Acta Archaeologica Carpatica*. Tom. XXVII. Cracoviae. 1988. С. 185–218.

Иоаннисян О. М. Польско-русская и венгерско-русская границы в XI–XIII веках и их отображение в развитии средневековой архитектуры // *Początki sąsiedztwa*.

Pogranicze etniczne polsko-rusko-slowackie w średniowieczu. Rzeszów. 1996. P. 157–178.

Иоаннисян О. М. К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 206–230.

Иоаннисян О. М. Об одной малопольской строительной артели романского времени (опыт реконструкции творческого почерка) // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 199–224.

Иоаннисян О. М. Зодчество первой половины — середины XII века // История русского искусства. М.: Государственный институт искусствознания. Главка «Владими́ро-Суздальское княжество», 2012. С. 143–157.

ПСРЛ. М.: Издательство восточной литературы. 1962. Т. I.

ПСРЛ. Новгородская Четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. IV, Ч. I.

Седов Вл. В. Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII века // Polska — Rosja: Sztuka i historia. Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne do końca XIX wieku / Польша — Россия: Искусство и история. Польское искусство, русское искусство и польско-русские художественные контакты с XII до конца XIX века. Warsaw — Toruń. 2013. P. 45–55.

Седов Вл. В. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и церковь Петра и Павла в Смоленске: Два варианта синтеза древнерусской и романской архитектуры // Древнерусское искусство. Византийский мир: Региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой. М.: Государственный институт искусствознания. 2017. С. 227–239.

Седов Вл. В. Архитектура церкви Бориса и Глеба в Кидекше // Труды Отделения историко-филологических наук. 2019. Том 9. М.: РАН, 2020. С. 205–223.

Чиняков А. Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого // Архитектурное наследство. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1952. С. 43–66.

Araguas, Ph. Architecture religieuse gotique. Diversités regionals. Paris: Rempart. 2000.

Émilie romane. Plaine du Po. Milano: Jaca Book — Zodiaque. 1984.

Fabri, L. La chiesa di San Giovanni in Valle a Verona: Un'Architettura di prestigio tra novità e tradizione nella Verona di Dodiceismo secolo // Hortus Artium Medievalium. Vol. 13/1. Zagreb — Motovun, 2007. P. 147–160.

Kubach, H. E. Architecture romane. Paris: Berger-Levrault, 1981.

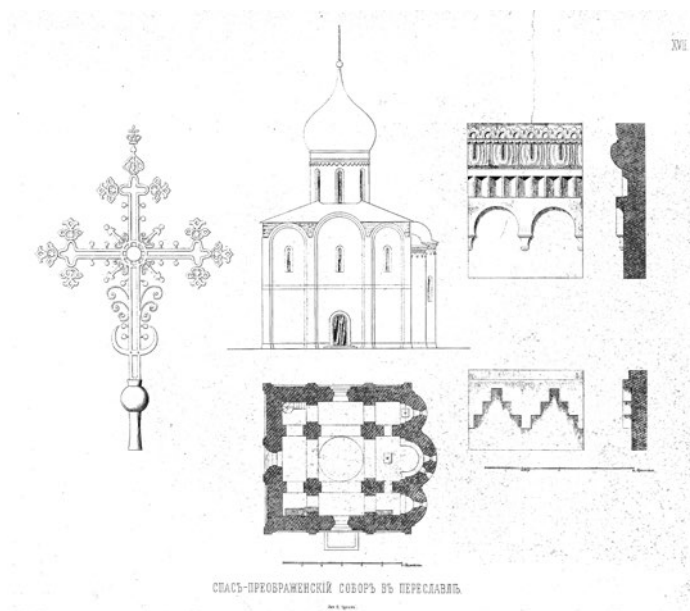
Mesqui, J. Châteaux forts et fortifications en France. Paris: Flammarion, 1997.

Mrusek, H.-J. Burgen in Europa. Leipzig, 1973.

Pérouse de Montclos, J.-M. (sous la direction de). Le guide du patrimoine. Centre. Val de Loire. Paris: Hachette. 1988.

Świechowski, Z. Budownictwo romańskie w Polsce. Katalog zabytków. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1963.

Иллюстрации

Рис. 1. Переславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор. План, южный фасад, детали, крест. Литография середины XIX в.

Рис. 2. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. Вид с северо-запада. Литография середины XIX в.

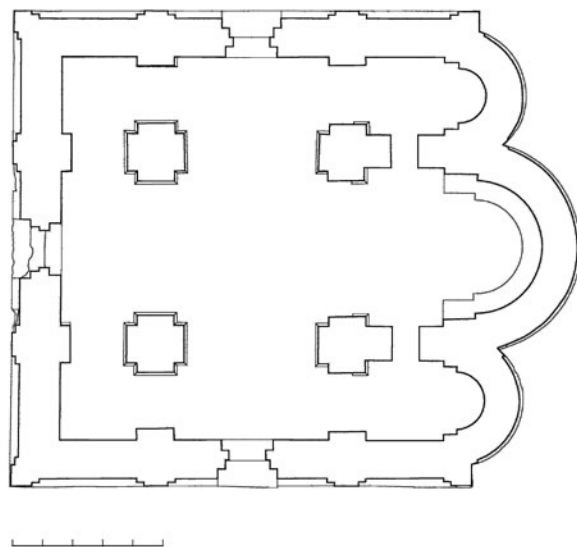

Рис. 3. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. План. Обмер 2010-х гг.

Рис. 4. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. Вид с юга

Рис. 5. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. Арки в алтарной части. Вид из среднего отделения алтаря на север

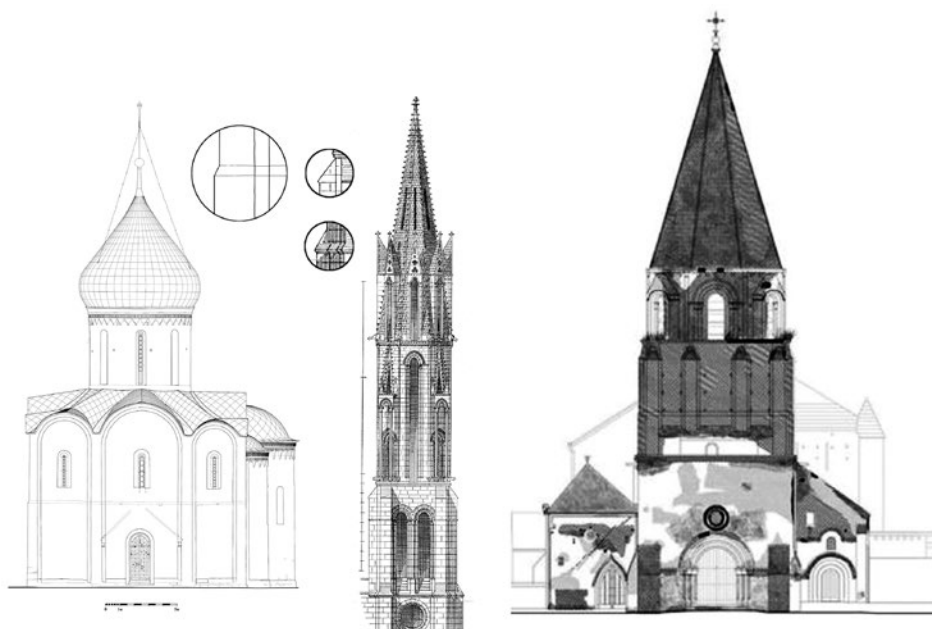

Рис. 6. Интерьер церкви в Руббиано. Вид на восток

Рис. 7. Западный фасад собора в Санлисе (слева) и южный фасад церкви Сент-Урс в Лоше (справа)

Рис. 8. Южный фасад Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском (слева), фасад южной башни западного фасада собора в Санлисе (в середине) и детали отлива стены Спасо-Преображенского собора и собора в Санлисе (вверху), западный фасад церкви Сент-Урс в Лоше (справа)

Рис. 9. Вид восточного фасада Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском

Рис. 10. Вид восточного фасада церкви Сан-Джованни ин Валле в Вероне

Рис. 11. Вал и фриз на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском

Рис. 12. Фрагмент вала и фриза костела в Прандоцине

Рис. 13. Карниз над скульптурным фризом в соборе в Модене

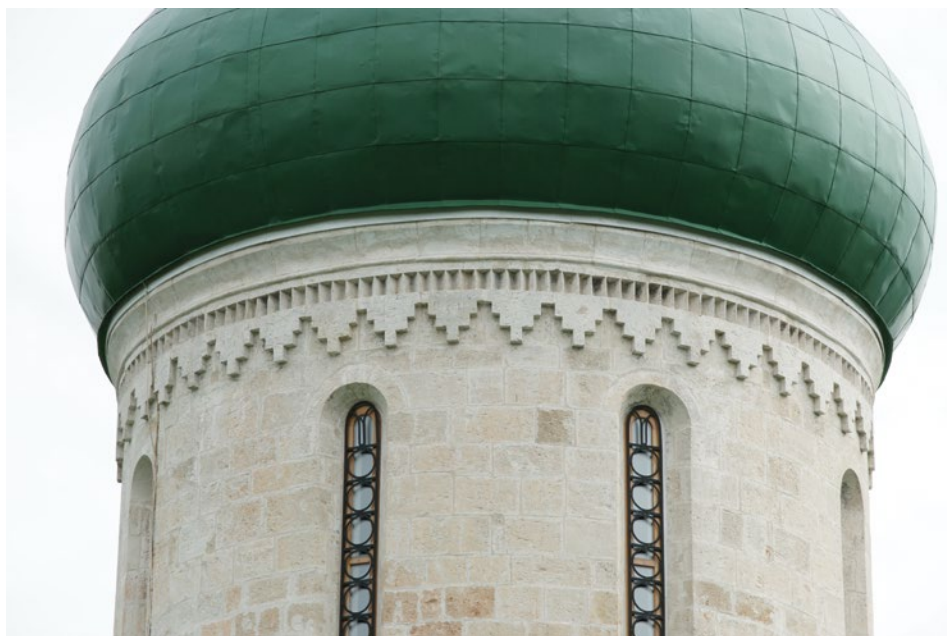

Рис. 14. Городки на барабане Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском

Рис. 15. Восточный фасад церкви Санта-Мария ад Нивес близ Мирандолы

Рис. 16. Сравнение городков Спасо-Преображенского собора и церкви Санта-Мария ад Нивес

Рис. 17. Интерьер Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залеском. Вид на север

Эволюция понятия сюжета в контексте современных сюжетологических исследований

И. В. Силантьев, Е. В. Капинос

Аннотация: В статье рассматривается история понятия «сюжет» в русском литературоведении второй половины XX и первых десятилетий XXI века, при этом подчёркиваются разные аспекты понимания термина. История понятия играет важную роль в изложении основных положений современной сюжетологии и сюжетологии. В последние два десятилетия сюжетология и сюжетология активно изучается коллективом сектора литературоведения Института филологии СО РАН, и в статье обозначены главные теоретические выводы, к которым пришёл коллектив в ходе изучения проблемы. Параллельно велись работы по сюжетологии — шло составление «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы». Словарь-указатель на сегодняшний день включает в себя четыре фундаментальные части, каждая из которых демонстрирует свой подход: архетипические сюжеты сменяются сюжетами с классическими паттернами, жанровые сюжетные кластеры собираются наряду с авторскими сюжетными тезаурусами. В основу «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» были положены группы архетипических сюжетов, но по мере расширения материала оказалось, что невозможно игнорировать и другие типы сюжетов (к примеру, сюжеты с классическим паттерном, сюжеты, характерные для тех или иных жанров и т.п.). Цель «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» — не объединение разных подходов в едином, а сочетание их, просмотр одних сюжетных кластеров (к примеру, авторских сюжетных тезаурусов) на фоне других (к примеру, сюжетов, заданных теми или иными жанровыми рамками). Из теоретических вопросов в статье поднимается проблема сюжетной динамики, сюжетного ритма, различения лирического и эпического сюжетов, изучения продуктивных ономастических сюжетных моделей.

Ключевые слова: нарратив, сюжет, мотив, сюжетология, сюжетология, лирический сюжет, эпический сюжет, сюжетная динамика, «искусство слова», «искусство рассказывания».

В истории термина «сюжет» в русском литературоведении скрыто множество противоречий. Так, энциклопедическая статья о сюжете из Краткой литературной энциклопедии зафиксировала такие формы термина: греческим «миф» обозначалось у Аристотеля то, что на европейские языки было переведено словом «фабула», русский термин «сюжет» — это калька фр. «sujet» — предмет, то есть тема. «Драматурги французского классицизма и Просвещения, — писал Г.Н. Пospelов, — в частности П. Корнель и Д. Дидро, разумели под сюжетом заимствованные из прошлого “истории”, которые драматург мог по-разному рассказывать в ходе сценического действия. В понимании термина “сюжет” они следовали традициям Аристотеля,

который в “Поэтике” писал о сценическом “подражании” действию и называл его не латинским словом “фабула” (как у нас теперь обычно переводят), а древнегреческим словом “миф” (μῦθος). Под «мифом» же он разумел определённые конфликты в жизни легендарных героев (например, Агамемнона и Клитемнестры <...>), которые позднее изображали в своих трагедиях древнегреческие драматурги» [Поспелов, 1972: 306]. Первичному значению калькированного термина в известной мере отвечала и тематическая трактовка в трудах А. Н. Веселовского: «Под сюжетом я разумею тему, в которой снуются разные положения-мотивы...» [Веселовский, 2006: 542].

В дальнейшем термины «сюжет», «фабула», «миф», «тема» далеко разошлись в своих значениях и сейчас обозначают различные с точки зрения современной литературоведческой науки понятия, но могут и сближаться в тех или иных контекстах. В этой статье мы почти не будем касаться вопроса о различении данных терминов (в частности, терминов «фабула» и «сюжет»), которому посвящено достаточно много исследований, созданных в том числе и в нашем коллективе¹. Гораздо важнее другое. Активно проводя исследования по сюжетологии и сюжетографии на протяжении последних двух десятилетий в Институте филологии СО РАН, мы постоянно сталкиваемся с терминологической неустойчивостью, она неизбежна и имеет свои причины, некоторые из них мы и попытаемся рассмотреть.

Современный этап отечественных исследований в области сюжетики начинается со структуралистских исследований, проводившихся на протяжении многих лет в Даугавпилсе. Почерпнутое в наследии формалистов понятие о сюжетной структуре, а также история литературных сюжетов, соотношение понятий «сюжет» и «жанр», «сюжет» и «традиция», «сюжет автора» и «сюжет героев», сюжетная многоплановость, — всё это интересовало сюжетологов, работавших под эгидой литературоведческой школы Даугавпилса². В 1980–90-х формалистскую структурную модель сюжета активно примеривали к текстам различной природы самые разные учёные. От фольклора, от волшебной сказки, где структурная модель, разработанная В. Я. Проппом [Пропп, 1928], функционирует с идеальной чёткостью, были сделаны шаги в сторону текстов литературных, в поле зрения литературоведов оказались произведения, созданные в разные эпохи и в разных стилях, родах и жанрах. Где-то сюжетная модель прослеживалась едва ли не столь же идеально, как в волшебной сказке, где-то четкую структуру уловить было нельзя.

Позже, в начале 2000-х годов инициатива изучения сюжета перешла к коллективу литературоведов ИФЛ СО РАН под руководством Е. К. Ромодановской, возникла идея (её автор — В. И. Тюпа) создать «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы». В первую очередь он должен был включать в себя те сюжеты, которые переходят из древней литературы в новую и могут быть точно зафиксированы и подробно описаны.

¹ См.: [Силантьев И. В., Созина Е. К., 2013: 58–69].

² См.: [Вопросы сюжетосложения, 1969; Вопросы сюжетосложения, 1972; Вопросы сюжетосложения, 1974; Вопросы сюжетосложения, 1976; Вопросы сюжетосложения, 1978; Сюжетосложение в русской литературе, 1980; Сюжет и художественная система, 1983].

Область научных интересов Е.К. Ромодановской подсказывала широкое поле для определения источников «вечных сюжетов» русской литературы. Повесть XVIII века, рукописные сборники «Великое Зерцало» и «Римские деяния» полны сюжетов, объединяющих западноевропейскую и русскую литературу, древность и новое время³. Конечно, первоочередные источники общих сюжетов — западная мифология, восточная притча, средневековая эпика, Библия и пр., поэтому в состав первого выпуска «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» [Словарь-указатель, 2003; Словарь-указатель, 2008, Словарь-указатель, 2009] вошли мифологические, Библейские и древние «царские» сюжеты. Уяснить структуру таких сюжетов довольно легко без специальных схем, только по предъявленному перечню художественных произведений, где обнаруживаются наиболее распространённые Библейские и мифологические сюжеты. На первоначальном этапе, при подготовке первого тома словаря-указателя ощущалась особая близость термина «сюжет» к «архетипу», к «мифу», точнее сказать, к тем структурным моделям, которые мы привыкли видеть за мифами и архетипами, количество сюжетных модификаций при таком подходе представлялось немногочисленным и вполне обозримым.

Сложнее дело обстоит со следующим разделом — западноевропейским, куда были включены группы русских текстов, созданных по образцу известных произведений европейской классики [Словарь-указатель, 2006]. Во-первых, классические образцы тоже чаще всего позволяют почувствовать ту или иную архетипическую конструкцию в основе, и возвести европейскую классику к мифологии или Библии — задача вполне решаемая, но тогда большие и структурированные сюжеты, такие, как «вертеровский», «гамлетовский», «дон-жуанский» и пр., растворились бы в толще, возможно, даже идентичных по структуре, но абсолютно других по своей истории и поэтике сюжетных образований. К примеру, как известно, гамлетовский сюжет в своих основных фазах совпадает с мифологическим сюжетом о сыне Агамемнона Оресте, отмстившем убийце своего отца Эгисфу и матери Клитемнестре, кратко сюжет может быть назван «месть сына за убийство отца» (параллель между «Гамлетом» и мифами об Оресте и «Оресте-ей» Эсхила частотна и отмечена, в частности, П. Флоренским [Флоренский, 1994. Т. 1: 271]), однако подражания шерспировскому Гамлету, западная и русская «гамлетовская» традиция — это самостоятельная сюжетная группа, не смешиваемая с сюжетом Ореста в мировом архетипе, и называется она не «месть сына за убийство отца», а по имени героя, обладающего целым комплексом узнаваемых и воспроизводимых черт (рефлексия, меланхолия и т.п.).

Намечая группы западноевропейских сюжетов и называя их чаще всего именами героев, мы столкнулись с тем, что для уяснения сюжетной структуры здесь уже было недостаточно просто перечня текстов. Воплощая архетипические структуры, сюжеты западной классики, однако, не сводятся к ним, они включают в себя множество мотивов, не предполагаемых архетипической основой. При этом такие мотивы не периферийны, а играют роль

³ См. раздел «Сюжеты и мотивы» в книге «Круги времен»: [Круги времён, 2015. Т. 1: 675–744].

магистральных в том или ином авторском варианте. Авторские мотивы воспринимаются последующей традицией, иногда это даже не мотивы, а микро-детали: излюбленные эпитеты того или иного автора, имена, локусы, узнаваемые портретные характеристики, описания. Последующая традиция легко усваивает не только главные звенья классических сюжетов, функциональную сторону сюжета, но и более мелкую комбинаторику авторов-классиков, отдельные связи мотивов, персонажные и описательные типажи и пр. Такое усвоение фрагментарно, эпизодично, но оно прослеживается. В число авторских «микро-деталей», нередко разрастающихся до мотива или всего сюжета, а иногда даже метонимически весь сюжет замещающих, необходимо включить прежде всего имя героя. Так, Дон Жуан, гетевский Вертер, шекспировский Гамлет и Дон-Кихот Сервантеса дают целую вереницу производных персонажей, которые могут носить те же или другие имена, но соответствовать литературному типу, а имя протого героя может не прямо переноситься из западного текста в русский, а мелькнуть, к примеру, на периферии текста-подражания.

Имя героя оказывается в итоге в сильной позиции в тексте, зачастую именно имя-маркер позволяет собрать обширные мотивные гнезда русских сюжетов с западным паттерном (как, например, «Русский Вертер»), но кроме западноевропейских образцов русская традиция сюжетообразования использовала темы русской классики. Монография А. Б. Пеньковского «Нина, культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» [Пеньковский, 2003], литературоведческие перечни русских «Светлан» (с образцом из одноименной баллады Жуковского), «Татьян» (на основе «Евгения Онегина»), «бедных Лиз» — это не просто повторяющийся типаж героинь, это отсылка к целому кластеру сюжетов, тем, сюжетных комбинаций, связанных с прецедентным классическим текстом и его ключевым онимом.

Работа над сюжетологической темой в Институте филологии СО РАН изначально предполагала два аспекта: практический — составление словаря-указателя — и теоретический. Теоретическое сопровождение темы велось под руководством В. И. Тюпы и И. В. Силантьева, чьи обобщения по теории сюжета⁴ легли в основу концепции «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы», а также ежегодных сборников «Материалы к Словарю-указателю сюжетов и мотивов русской литературы», которые затем преобразовались в выходящий дважды в год журнал «Сюжетология и сюжетография» (выходит с 2013 года [Сюжетология, 2013]).

Одной из серьёзных теоретических проблем темы стала сюжетная динамика. Способность сюжета сжиматься до одного слова, имени (без труда можно представить, какой сюжет скрывается за именем Дон-Жуана) выявляет сам механизм сюжетной динамики, по-разному работающий в эпосе и лирике. В эпосе событийный сюжет, составляющие которого функциональны, может свёртываться и развёртываться, терять звенья, до известной степени комбинировать и редуцировать их. Учёт сюжетной динамики при составлении словаря-указателя представляет основную трудность: недостающие

⁴ См.: [Силантьев, 2003: 160–169; Тюпа, 2003: 170–197].

звенья и незаполненные валентности есть в каждом литературном произведении нового времени. Сюжетный динамизм, в свою очередь, порождает проблему сюжетного ритма: в рамках отдельного произведения не могут быть акцентированы все сюжетные позиции, напротив, живая сюжетная ритмика предполагает обязательные пропуски и перестановку звеньев при сохранении сюжетной наметки. Сюжетная наметка сохраняется благодаря системе повторов мотивов, деталей или связок. Выпадение отдельных сюжетных звеньев и возможность восстановить их приблизительно, исходя из знания литературной традиции и наблюдений над структурой конкретного текста с минусированными сюжетными звеньями, напрягает композиционное чувство: выпущенные сюжетные звенья позволяют острее осознать всю композицию произведения, что перемещает акцент с сюжетного содержания на художественную форму, которая всё же не существует отдельно и независимо от сюжета, а вовлекается в сюжет. Здесь уместной была бы аналогия с джазом: чем больше вариаций получает тема, тем больше углубляется её содержание, происходит актуализация всего потенциала заданной темы, демонстрируется её возможность сокращаться, почти исчезать в диссонансах и возрождаться вновь, получать продолжение и умножение. Подобным же образом литературный сюжет согласовывается, коррелирует с композиционным ритмом в произведении словесного искусства, как эпического, так и лирического.

Изучение сюжетной динамики сопровождалось также разработкой понятия лирического сюжета, его модель стала наиболее продуктивна для осмысления как поэзии, так и прозы XX века. Лирический сюжет коренным образом, по самой своей событийной природе, отличается от эпического сюжета, но максимально свёрнутый эпический сюжет с высоким уровнем сюжетной аритмии развивает в себе свойства, подобные свойствам лирического. Многочисленные пропуски сюжетных звеньев и сюжетная аритмия в эпическом произведении нового времени приводят к тому, что сюжет реализуется в «свёрнутом» виде, «свёрнутые» эпические сюжеты и напоминают лирику, характеризующуюся нелинейностью, минималистичностью, эскизностью.

Отметим ещё, что модель лирического сюжета в контрасте с сюжетом эпическим в российском литературоведении стала многоаспектно осмысляться лишь в недавнее время, уже в XXI веке. Акцент был сделан прежде всего на том, что событийность лирического сюжета имеет принципиально иную природу, нежели событийность сюжета эпического. Основой лирической событийности выступает, в формулировке Ю. Н. Чумакова, «перемещение лирического сознания» [Чумаков, 2010: 44–45, 50].

Эпическое событие — это, по М. М. Бахтину, рассказанное событие, иначе говоря, это событие, объективированное рассказом, и потому отделённое от читателя и в какой-то мере даже от автора. Это событие происшествия, случившегося с кем-либо, или событие действия, совершенного кем-либо, но только не мной, читателем, принципиально отделённым и от инстанции героя, и от инстанции повествователя. Напротив, лирическое событие — это субъективированное событие прямого экзистенциального переживания [Хроника, 1980: 159], вовлекающее в своё целое и читателя, сопрягающегося

с инстанцией лирического субъекта. Схематично это положение можно представить таким образом: лирический субъект — это и голос стихотворения, и внутренний герой этого голоса, но и я, читатель, оказавшийся в позиции внутреннего героя и разделяющий его переживания, а «голос» это двуединое целое объединяет. Я как читатель стихотворения оказываюсь внутри его событийности, перемещаюсь вместе с лирическим сознанием и внутри его целого. Поэтому о лирическом событии не может быть рассказано (ибо некому рассказывать), а может быть явлено — в самом дискурсе. Иначе говоря, лирическое событие осуществляется непосредственно в актуализированном дискурсе лирики.

В общем виде существо лирического события можно свести к следующей формуле: это качественное изменение состояния лирического сознания, несущее экзистенциальный смысл для лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя.

Именно поэтому для поэтической конституции лирического сюжета так важны аспекты фиксации состояния как такового, импрессии, передающейся деталями, отдельными семантическими пятнами, или даже просто фонетическим рисунком по музыкальному принципу («музыкальный» принцип организации лирического сюжета обосновывается в теории лирического сюжета Ю. Н. Чумакова, см. в книге «В сторону лирического сюжета» [Чумаков, 2010: 41–44]). При этом лирический сюжет не меньше, чем эпический, связан с мифом, но не с мифом как структурой, которую мы представляем, а с мифом-синкретом, с мифом в его древнем, ещё не отрефлексированном и не рассказанном, структурном виде (о лирике и мифологическом синкретизме см. там же — [Чумаков, 2010]).

Лирическое действие также отличается от действия эпического. В лирическом произведении действие развёртывается вне линейного синтагматического поля наррации, и поэтому оно, как правило, внешне дезорганизовано: лирический голос может говорить о всяком действии, о всяком происходящем, что только попадает в сферу его «перемещающегося сознания», иначе — в сферу его причастного событийного созерцания.

Соответственно, иным является и качество связности текста в лирике: оно основывается не на принципе единства действия (что характерно для фабульно организованного эпического повествования), а на принципе единства переживания, единства лирического субъекта — при всех его качественных изменениях, при всей присущей ему внутренней событийности⁵. Именно поэтому столь характерный для лирики повтор не разрушает, а, напротив, только укрепляет текст, поддерживая единство лирического субъекта, — в отличие от эпического повествования, которому прямые повторы противопоказаны, потому что нарушают единство действия⁶.

Другим в лирике является и отношение мотива и темы, и именно это отношение осознается как специфически лирическое. Всякий мотив в лирике

⁵ «Лирическое «я» никогда не выходит за свои собственные пределы, оно лишь подходит к этим пределам» [Капинос, Куликова, 2006: 295].

⁶ В общем плане о роли повторов в лирическом стихотворении см. у Ю. Н. Тынянова в «Проблемах стихотворного языка»: [Тынянов, 2002: 125–133].

предельно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определённую тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и мотивы как характерные предикаты темы разворачивают её⁷. При этом благодаря своей изначальной мотивности лирическая тема носит перспективный характер в отличие от ретроспективной повествовательной темы. Это значит, что в лирике не столько мотивы в их конкретном событийном выражении определяют тему (что характерно для эпического повествования), сколько сама тема выступает основанием для событийного развёртывания серии сопряжённых с ней мотивов⁸. В последнем утверждении ключевую роль играет понятие серии: в основе лирического текста лежит не нарративная последовательность мотивов, а их тематическая серия [Томашевский, 1996: 231–242].

Перспективностью лирической темы объясняется и её эксплицитный характер: лирическая тема значительно чаще, нежели тема повествовательная, оказывается выраженной в явной словесной форме — либо в названии стихотворения, либо в самом тексте (поэтому применительно к лирике и говорят о «словесных темах» [Жирмунский, 1977: 30] и «ключевых словах» [Хализев, 1999: 268]. Повествовательная тема — как тема ретроспективная, как результат, а не повод для сочетания мотивов, — носит, как правило, имплицитный характер [Жолковский, Щеглов, 1975: 144].

В целом же лирическая тема принципиально и предельно рематична [Женетт, 1998: 361–362], и в этом отношении она функционально сливается с лирическим мотивом.

С течением времени всё более и более очевидным становится, что в аспекте сюжета, несомненно, действует акцентированное О.А. Хансен-Леве деление словесного искусства на Wortkunst и Erzählkunst [Хансен-Леве, 2016: 20], при этом слово и даже звукоцентризм характерен для Wortkunst, для лирики, а структурированные нарративные цепи с событийной основой, равные целому высказыванию, — для эпики, Erzählkunst. Сюжеты Wortkunst аналогичны паремии — лаконичной фразе-символу, фразе-звуку, значение которой не выводимо из значений составляющих ее элементов.

Погружаясь в проблему лирического сюжета и теоретически обосновывая лирический сюжет, мы отметили закономерную тенденцию укрупнения в литературоведении самого термина «лирический сюжет» и связанных с ним проблем анарративности, автокоммуникативности. В сравнительно недавней работе В.И. Тюпа соотносит архаические ролевые формы сознания, автокоммуникативный детский эгоцентризм, модерн, понимаемый как «незавершённый проект», и лирическое сознание [Тюпа, 2010: 30–33]. Между тем ранее, в 1970–1980-е годы, термин «лирический сюжет» не был столь употребителен и конкретен, как сейчас, к нему прибегали и для обозначения лирического переживания, и в тех случаях, когда за лирическим текстом по аналогии с прозой видели «фабульные обломки», «события», на которые

⁷ В данном контексте точно прочитывается мысль Ю.М. Лотмана: «Предикаты, отнесённые в системе культуры в целом или в каком-либо определённом разряде текстов к данной теме, можно определить как мотивы» [Лотман, 1975: 142].

⁸ О мотивном развёртывании лирической темы см.: [Жирмунский, 1996: 412–414].

наводит лирический текст. Такое употребление термина Л. С. Левитан и Л. М. Цилевич зафиксировали у Л. Я. Гинзбург [*Левитан, Цилевич*, 1990: 389]. За последние двадцать лет понятие лирического сюжета конкретизировано, укреплены представления о лирическом сюжете как о мета-сюжете (именно так лирический сюжет был представлен Ю. Н. Чумаковым на сюжетологическом семинаре в Даугавпилсе в 1978 г.) [*Хроника*, 1980: 159], после чего лирический сюжет стал последовательно осмысляться в границах ментальной сферы, а не реальности, что в конечном счёте изменило представления и о сюжетике вообще, и о эпической сюжетике в частности. Критерий «реальности», столь значимый в даугавпилсской сюжетологической школе, постепенно вытесняется, заменяясь, к примеру, критерием экзистенциальности, что ведёт, кстати, и к переосмыслению соотношения «фабулы» и «сюжета», ранее отталкивавшимся от некоего «порядка событий» «в реальности». Перенос сюжета в мета-область отменяет «реалистический» критерий, и сюжет, воспринимавшийся ранее как содержательная категория (так, для Ю. М. Лотмана сюжет, даже поэтический, оставался категорией содержательной и семантической⁹), стремительно перемещается в область чистой формы.

Вернемся, однако, к западноевропейским сюжетам на русской почве. Классический паттерн и имя протогероя определили методику наполнения сюжетных гнезд во втором выпуске словаря-указателя. Наряду с чёткой структурной схемой, а иногда и отодвигая её на второй план, здесь учитывались микродетали, такие как сочетаемость отдельных номинаций, мотивов, моменты сюжетного антуража, ключевые номинативы и т.д. (приведём пример частотно воспроизводимого сочетания имени Офелии с мотивами цветов, воды, гибели в воде). В отличие от первого, во втором выпуске словаря-указателя статьи уже содержат описание сюжета, в этих описаниях сделана попытка учесть микро-детали, авторскую сочетаемость мотивов, отдельные композиционные ходы, прочно связанные с сюжетной структурой [*Словарь-указатель*, 2006].

Логичным продолжением исследований западноевропейских сюжетов-паттернов стал следующий этап работы над словарём-указателем: избранные авторские тезаурусы, которые представлены в четвёртом томе [*Словарь-указатель*, 2018]. Не только западная классика даёт образцы для подражания, каждый русский классик — это неисчерпаемый художественный мир, а заодно и богатейшая сюжетно-мотивная «коллекция». Методика составления авторского сюжетного тезауруса сводится к выявлению повторяющихся сюжетов (и мотивов) внутри художественного мира конкретного автора, определению наиболее частотных для этого автора

⁹ В доказательство процитируем следующий отрывок из Лотмана: «Сопоставление элементарных сюжетных единиц составляет поэтический эпизод. Эпизоды, в свою очередь, складываются в сюжет. Однако каждый эпизод и их общее соединение в сюжет строятся иначе, чем в прозе: они повторяют поэтический принцип со-противопоставления. По мере укрупнения сюжетных единиц начинает проявляться «прозаическая» независимость планов содержания и выражения, и на авансцену выступает игра элементов содержания. Планы никогда не получают свойственной прозе известной независимости. Причём происходит взаимодействие не только между элементами одного уровня. Чисто поэтические элементы низшего ряда оказываются соотносёнными с сюжетными элементами высокого уровня, оживляя поэтическое их восприятие» [*Лотман*, 1994: 197–198].

сюжетных схем или мотивных комбинаций и просмотру перспективы функционирования того или иного авторского сюжета в дальнейшей традиции. Этот этап исследования возвращает нас к внутренней противоречивости термина «сюжет». С одной стороны, как уже отмечалось, практически любая составляющая любого авторского тезауруса скрывает за собой ту или иную архетипическую структуру, то есть любой сюжет второго, третьего, четвёртого тома «Словаря-указателя сюжетов и мотивов» можно в самом общем плане свести к группе сюжетов из первого тома, к сюжетам мифологическим, Библейским, притчевым. И можно было бы, составляя словарь-указатель, реализовать всего один подход к сюжету, всё время лишь пополняя группы первого раздела, что в итоге привело бы к огромному объёму каждой словарной статьи и обобщениям, нивелирующим поэтику и тех памятников, которые оказали значительное влияние на литературную эволюцию, и тех памятников, которые испытали на себе влияние окказиональных, авторских сюжетных комбинаций.

К примеру, нельзя не видеть, что средневековые женские культы испытывали на себе влияние Богородичного культа, они выстраивались по его подобию. Однако сюжет Беатриче в «Божественной комедии» вобрал в себя всю «космологию» «Божественной комедии» и оказывал влияние на последующую традицию не в качестве частного варианта Богородичного культа, а как окказиональный сюжет, неотрывный от общего сюжета Божественной комедии и связанный с фигурой Данта. То же относится и к символистскому культу Прекрасной Дамы, мощно синтезирующего уникальную символистскую философию и ряд мотивов, разработанных лирической поэтикой символизма. Специфическая сочетаемость символистских мотивов и их вариативность независима от архетипической основы этой мотивики, в эволюции поэтического языка сохраняется след поэтики Блока, Вяч. Иванова, Инн. Анненского, философии В. Соловьёва, а общая архетипическая основа при восприятии символистского текста отодвигается на второй план. Проще говоря, становится не важно, какова основа блоковской, к примеру, мотивики: имеет ли она языческие или Библейские истоки, но важно то, что, вбирая в себя разные сюжетные праосновы, она создаёт совершенно новый стиль с собственной, неповторимой мотивной фактурой, которая может быть заимствована (и была заимствована) у Блока другими авторами, и может опознаваться как «блоковская», «символистская». Таким образом, один подход к сюжету одновременно и сочетается, и входит в противоречие с другим подходом. Общий архетипический план, изначально присущий любым произведениям словесного искусства, как и сознанию в целом, пребывает в единстве и противоречии с законами (в том числе и сюжетными) поэтики классических памятников, обладающих столь сильными собственными комбинаторными возможностями, столь сильным собственным потенциалом сюжетообразования, который тут же воспринимается и усваивается литературной традицией как уникальный, а не всеобщий, и который нельзя игнорировать при изучении этой традиции.

Задача составления авторских сюжетных тезаурусов всей русской классики неохватна даже для коллектива, который занимается изучением сюжетики и мотивики два десятилетия. Дело в том, что авторский сюжетный

тезаурус невозможно создать без глубокого погружения в поэтику писателя, тезаурус которого описывается. И, напротив, серьёзное изучение поэтики любого писателя так или иначе требует хотя бы самых общих представлений о его сюжетном тезаурусе, и разработка персональных сюжетных тезаурусов ведётся повсеместно, чаще всего являясь не главным, а вспомогательным этапом в ходе изучения других аспектов литературного произведения. Даже просто обобщить имеющиеся материалы по основным персоналиям русской литературной классики — грандиозная задача. Поэтому мы решили начать с составления выборочных сюжетных тезаурусов писателей, которые представляют разные периоды и стили, разные жанры, эпiku и лирику: И. Бунин, А. Белый, Н. Гумилёв, А. Платонов, Н. Заболоцкий, Г. Газданов, Б. Рыжий. Кроме того, мы ограничили сюжеты тематически, правда, тему избрали универсальную, охватывающую почти все литературные произведения — тему смерти. Ниже мы ещё вернёмся к проблеме выбора моральной тематики и поясним этот момент. Пока же обратим внимание на то, что, как явствует из приведенного перечня, основу тома авторских тезаурусов составляют прозаики и поэты XX века, вопреки ожиданию, что авторские тезаурусы писателей XVIII–XIX века должны лежать в основе словаря-указателя. Попробуем пояснить свою позицию.

XVIII век и начало XIX века можно назвать периодом активной адаптации европейских сюжетов в русской литературе. Те или иные тексты Пушкина составляют сюжетное ядро русских адаптаций западноевропейской сюжетики, богатая библиография на тему пушкинской сюжетики сопровождает практически каждую статью второго тома словаря-указателя (тут и пушкинский Дон-Жуан, Клеопатра, Данте — «Зорю бьют», «Сцена из Фауста», пушкинская Земфира в возможном подтексте «Кармен» П. Мери́ме¹⁰ и пр.). В меньшей степени, чем Пушкин, но всё же весьма объёмно, представлены во втором томе словаря-указателя и другие русские классики XIX века. Кроме того, не стоит думать, что собранные нами авторские тезаурусы писателей и поэтов XX века — это непроницаемые единства конкретных авторских поэтик. В какой-то мере художественные миры отдельных писателей, конечно, непроницаемы и индивидуальны, как на сюжетном, так и на всех других уровнях художественной структуры. Но одновременно эти миры открыты, и не только на уровне следования архетипическим моделям, но и в силу действия интертекстуальных связей, они сопряжены со всей предыдущей и со всей последующей словесной культурой. К примеру, доминирующим в тезаурусе бунинских сюжетов является усадебный сюжет, он — один из самых частотных у писателя и легко опознается именно как бунинский (поэзия старинного русского поместья, поместья-руины, поместья, покинутые хозяевами и пр.), но не менее значима, как известно, поэзия русской усадьбы для Чехова, Тургенева, Гончарова, а жанровые истоки усадебного сюжета лежат еще глубже — в усадебной элегии XVIII–XIX века (Державин, Муравьев, Анна Бунина, Пушкин, Лермонтов, Боратынский и мн. др.). Новация Бунина состоит в значительном усилении моральной семантики данного сюжета, что, конечно, повышает статус этого сюжета

¹⁰ См.: [Коган, 1939: 331–356].

в русской культуре, придаёт ему структурную завершенность и способствует ещё большему его распространению. Ещё один пример — доминирующий сюжет поэзии Б. Рыжего: смерть как пустота. Каждый литературовед безошибочно назовёт источник этого сюжета — поэзию акмеизма — и свяжет воедино весь поэтический XX век, прочертив вектор от Мандельштама к Бродскому, а от Бродского к Рыжему.

Открытость и изолированность любых сюжетных гнезд обусловлена поливалентностью понятия сюжета, с одной стороны, и уникальной, неповторимой природой художественного текста, с другой стороны. Сюжет неотрывает от мифа, архетипа, тесно связан с композицией и жанром, сюжет вовлечён в интертекст, — всё это работает на открытость сюжетных гнезд, количественное и качественное умножение *внутри* них. Но в то же время неповторимость, окказиональность каждого произведения придаёт безостановочность процессу сюжетообразования, выводит из замкнутого круга немногочисленных архетипических схем *вовне*, заставляя литературоведов фиксировать новые сюжеты или, точнее, вполне самостоятельные модификации известных сюжетов, новые актуализации удалённых на периферию сюжетов, что, собственно, мы и делаем, предлагая подход создания авторских сюжетных тезаурусов.

Ещё один продуктивный исследовательский ракурс состоит в определении перечня связей сюжета с жанром, поскольку одной из самых легко выполнимых задач кажется задача составления таких сюжетных гнезд, которые продиктованы определённым жанром (элегией, эпиграммой, балладой, житием, сентиментальной повестью, отдельными сатирическими жанрами и пр.). Теоретических и историко-литературных материалов по вопросам соотношения жанра и сюжета довольно много. При этом разумеется, что спектр характеристик любого жанра содержит в себе и сюжетные характеристики, на которых нам бы хотелось сделать особый акцент. Сюжет соотносён с жанровой топикой и жанровым этикетом, но все-таки не равен им, совпадения и несовпадения в этой сфере и выявляют подход к формированию сюжетных гнезд по жанровому принципу. Ограничимся здесь несколькими примерами. Так, эпиграмма, будучи жанром, связанным с вещью (древние формы жанра представляли собой надпись на предмете или могильном камне), передаёт полноту вещи (или полноту жизни почившего, покоящегося под камнем с лапидарной надписью), перечисляет главные отличительные качества вещи или человека (человечества), этапы творения или существования от начала и до конца. Как, например, в миниатюре К. Н. Батюшкова «Ты знаешь, что изрёк...» 1821(?) года, где жизнь человека подытожена стихами: «Зачем он шёл долиной чудной слез, // Страдал, рыдал, терпел, исчез».

И далее жанрово заданный мотив полноты начинает пародийно дробиться, место целого занимают части, как в шуточной пушкинской эпиграмме на Гнедича, где полнота отдана Гомеру, а переводу Гнедича сопутствует половинчатость, «кривизна»:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

(К переводу «Илиады», 1930).

Таким образом, жанр, пародируя сам себя, развивает свою мотивнотематическую структуру: полнота/неполнота, совершенство/несовершенство и пр.

И, конечно, жанр не только, а иногда и не столько, задаёт сюжет содержательно, сколько коррелирует с его структурой. Так, жанр баллады, предполагающий моменты неопределённости (особенно это жанровое качество усиливается в период романтизма), будет отличаться семантическими лакунами, прерывистостью сюжетных линий, утратой сюжетных звеньев, которые, однако, опять-таки по законам жанра, могут быть с лёгкостью восстановлены. Одна из причин сюжетной прерывистости определяется нарративными особенностями балладного жанра, синтезирующего в себе эпическое, драматическое и лирическое начало, и отличающегося постоянными «переключениями» с третьего (эпического) на первое (лирическое) лицо и обратно¹¹.

Более сложной проблемой представляется словарная фиксация корреляций сюжета и композиции, составляющая ещё одну из перспектив нашей работы. В четвёртом томе словаря-указателя наш выбор пал на мортальные сюжеты не по принципу свободного выбора, а потому, что нам хотелось хотя бы в качестве первоначального эксперимента обозначить связь сюжета и финала: очевидно, что смертью по традиции обозначается финальная часть композиции. Вспомним пушкинское «Героя надобно женить, По крайней мере уморить», намечающее две классические перспективы трагического и комического развития сюжета. Но свадьбой и похоронами не исчерпываются все финальные темы, кроме того, существуют группы мотивов или сюжетных звеньев, соответствующих кульминации и завязке. Специальные группы мотивов экспозиции, кульминации и финалов могут составить отдельный том словаря-указателя.

Многообразие подходов к сюжету, которое мы пытаемся совместить в словаре-указателе, является отличительной стороной нашего подхода. Только так сюжетное поле русской литературы и картина сюжетной эволюции могут быть показаны с максимальной полнотой и корректностью. Объём и многозначность термина «сюжет», богатая синонимия и разнообразная переводческая практика этого термина подсказывает, что продуктивным путём развития сюжетологии и сюжетографии является применение разных подходов, которые пока представлены и линейно (каждый выпуск словаря-указателя демонстрирует свою логику рассмотрения сюжетов, свои принципы деления сюжетов и мотивов на группы и подгруппы), и в системе разнообразных связей (что достигается путем перекрестных ссылок). В будущем хотелось бы синхронизировать все разработанные сюжетографические модели, что возможно только в электронной версии словаря-указателя, которую мы также планируем создать. Система гипертекстовых ссылок сделает возможным одновременный обзор одних и тех же сюжетных структур в их свёрнутом и развёрнутом виде, со стороны разных подходов к сюжету с учётом критериев частотности и окказиональности.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.009

¹¹ См. об этих свойствах баллады: [Würzbach N., 1983].

Список литературы

- Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / Вступит. стат., коммент., сост. И. О. Шайтанова. М.: РОССПЭН, 2006.
- Вопросы сюжетосложения / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Вып. 1. Рига: Звайгзне. 1969.
- Вопросы сюжетосложения / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Вып. 2. Рига: Звайгзне. 1972.
- Вопросы сюжетосложения / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Вып. 3. Рига: Звайгзне. 1974.
- Вопросы сюжетосложения / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Вып. 4. Рига: Звайгзне. 1976.
- Вопросы сюжетосложения / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Вып. 5. Рига: Звайгзне. 1978.
- Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб., 1996.
- Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. 365. С. 143–167.
- Капинос Е. В., Куликова Е. Ю. Лирические сюжеты в стихах и прозе XX века. Новосибирск, 2006.
- Козан Л. Пушкин в переводах Мериме // Временник Пушкинской комиссии / Ред. Д. П. Якубович. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 331–356.
- Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской Е. К. Ромодановская. Избранное. Отклики / Отв. ред. В. А. Ромодановская. Т. 1. М.: Индрик, 2015.
- Лотман Ю. М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 365. Тарту, 1975. С. 120–142.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–264.
- Левитан Л. С., Цилевич Л. М. Сюжет в художественной системе литературного произведения / Ред. В. Парамонова. Рига: Зинатне, 1990.
- Пеньковский А. Б. Нина, культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003.
- Поспелов Г. Н. Сюжет // КЛЭ. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. С. 306.
- Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
- Силантьев И. В. О некоторых теоретических основаниях работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы Экспериментальное издание. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 160–169.
- Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–69.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. Вып. 3, ч. 1.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. Вып. 3, ч. 2.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. Вып. 4, ч. 1.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. Вып. 4, ч. 2.
- Сюжет и художественная система / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Даугавпилс, 1983.

Сюжетология и сюжетография. 2013. Вып. 1.

Сюжетосложение в русской литературе / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Даугавпилс, 1980.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М., 1996.

Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. М., 2002.

Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы Экспериментальное издание. — Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 170–197.

Флоренский П. А. Гамлет // Флоренский П. А. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1.

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999.

Ханзен-Леве О. А. Развертывание, реализация // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 9–40.

Хроника. 3-ий семинар «Вопросы сюжетосложения» // Сюжетосложение в русской литературе / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Даугавпилс, 1980. С. 158–160.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Würzbach N. An approach to a context-oriented genre theory in application to the history of the ballad: traditional ballad — street ballad — literary ballad. In: Poetics 12, North-Holland Publishing Company, 1983. P. 5–70.

Карельские рукописные памятники письменности: проблемы языковой атрибуции*

И. И. Муллонен

Аннотация: В статье предложен обзор рукописных карельских памятников, а также их интерпретаций, предпринятых в разные годы российскими и зарубежными исследователями. Эти памятники немногочисленны и созданы в основном в XVII — начале XVIII вв. на кириллической основе. Помимо уже включённых в научный оборот в статье описан также новый для истории карельской письменности источник — карело-русский словарь-разговорник XVII века, обнаруженный недавно Н. В. Савельевой в Государственном историческом музее. Каждый из памятников дискуссионен в плане того языка, на котором он написан. Исследователи выбирают между карельским и «чудским» (т.е. исчезнувшей разновидностью прибалтийского финского языка, бытовавшего в новгородское время в Поволховье), карельским и вепсским, карельским и финским, отдельными карельскими наречиями. В статье показано, что в языке памятников присутствуют признаки, несвойственные современным карельским наречиям, однако отражающие их исторические особенности. Предложены также некоторые новые интерпретации отдельных фрагментов записей.

Ключевые слова: памятники письменности, карельский язык, словарь, берестяные грамоты, заговоры, тверские карелы, Поморье, Приладожье.

Известные науке рукописные памятники карельской письменности немногочисленны и принадлежат в основном XVII — началу XVIII вв. Недавно этот список пополнился ещё одной рукописью XVII в., обнаруженной в Отделе рукописей Государственного исторического музея (г. Москва). Это — карело-русский словарь-разговорник, входящий в состав рукописного сборника, составленного в 1668 г. «чёрным дьяконом» Прохором Коломятином в Ростово-Ярославских землях. Собственно, подготовка введения этого памятника в научный оборот и побудила обратиться к обзору известных на сегодняшний день карельских рукописей, с тем чтобы обозначить его место в этом континууме.

Карельский язык XIII века?

Историю карельских памятников принято начинать с берестяных грамот XIII в. Наиболее известная из более чем десятка новгородских грамот с карельскими сюжетами — грамота 292 — представляет собой единый текст, записанный примерно 50 знаками на трёх строках (Рис. 1). Она неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, из ранних работ наиболее известны [Елисеев, 1959: 65–72; Haavio, 1964: 1–17; Хелимский, 1986: 252–259]. Менее востребованы в отечественной исследовательской

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 А.

традиции зарубежные исследования конца XX века [Vermeer, 1991. P. 315–369; Winkler, 1998: 23–29; Laakso, 1999: 531–555]. Традиционно считалось, что это карельский заговор от молнии, при этом интерпретация отдельных деталей демонстрирует значительную разницу. К примеру, там, где в первом ряду одни видят «*к* десятиричное», которое расшифровывается как *10* (имен), другие полагают, что оно образует единый комплекс с последующими знаками и прочитывается как **in(h)imiže(n)* или **ine(h)miže(n)*, что сопоставимо с кар. *inehmine*, эст. *inimene*, вепс. *inehmoi* ‘человек’. В конце наиболее сложной для интерпретации второй строки Ю. Елисеев видит сочетание местоимения *ома* — *ома* ‘свой’ и дательного падежа рус. *Бог* — *Богу*, Е. Хелимский же, кажется, ближе к истине, предлагая вычленять последовательность знаков *омобоу* (скорее, все же, *омьбоу, чем *ам^абу у Е. Хелимского с нехарактерной для данной позиции эпентезой) — орфографически оправданный вид прибалтийско-финского **ambu* ‘стреляй, выстрели’. Активную дискуссию вызвала также вычленяемая в конце третьей строки последовательность знаков *(n)охови*. Исследователи склонны видеть в ней историческую форму презенса 3 л. ед. ч. **johtavi* глагола *johtaa* ‘управлять, возглавлять; вести’ (Ю. Елисеев), при этом, однако, никак не комментируя отсутствие *t* в записи грамоты, или соответствующую форму глагола *ohjata* ‘править, управлять’ (Е. Хелимский). Последняя интерпретация тоже некорректна, поскольку не учитывает исторический облик основы (**ohjata- ~ *ohjada-*), с согласным *t*, который должен был оставить какой-то след в записи [Laakso, 1999: 538, 540]. Ближе к истине, видимо, Вермеер, предложивший иное членение текста и выделивший последовательность *похови*, которая корректно возводится к приб.-фин. **pahovi* ← *pahoa* (**pahodak*) ‘осуждать, говорить негативно о чем-либо’, дающую возможность несколько иного прочтения всей фразы [Vermeer, 1991].

ЮМОЛАНУОЛИИНИМИЖИ
НОУЛИРЪХАНОЛИОМОБОУ
ЮМОЛАСОУДЬНИПОХОВИ

Рис. 1. Берестяная грамота 292

В своё время Ю. Елисеев, обосновывая карельский язык памятника, ссылаясь, прежде всего, на дифтонг *-uo-* в слове *нуоли* / *nioli* ‘стрела’, являющийся дифференцирующей финско-карельской особенностью на фоне других прибалтийско-финских языков. Однако этот критерий, как показали более поздние исследования, не столь однозначен, ибо, во-первых, в тексте слово написано три раза по-разному (*нуоли*, *ноули*, *ноли*), во-вторых, образование восходящих дифтонгов из долгих гласных — поздний процесс, происходивший ещё в XVI в. [Häkkinen, 2002: 76]. Кроме того, в действительности *-uo-* может здесь, как и ряде других текстов грамот, быть зеркальным отражением диграфа *ou*, который, в свою очередь, может соответствовать прибалтийско-финским *u*, *uo*, *õ* [Vermeer, 1991: 373]. Этот ряд особенно актуален с учётом того, что приб.-фин. *nioli* исторически имело вид **nõle*, т.е.

на месте дифтонга выступала долгая гласная. Столь же ненадёжен и второй предлагаемый маркер — предпоследний знак *ж* в первой строке, отражающий прибалт.-фин. *ž* < *s. Он интерпретируется убедительнее в вепском, чем в карельском контексте. С другой стороны, новые интерпретации позволяют довольно убедительно утверждать, что в языке грамоты отсутствовала такая маркирующая особенность карельского языка как чередование ступеней согласных; по этому признаку он, скорее, вновь близок вепскому. Впрочем, вепские параллели маркируют здесь, скорее, некую угаснувшую восточную разновидность прибалтийско-финского языка, бытовавшую в XIII в. в окрестностях Новгорода [Laakso, 1999: 550]; возможно, речь может идти о «чуждом» языке, оставившем заметный след в местной топонимии [Rahkonen, 2011].

Помимо известной грамоты определённые языковые вкрапления известны из ряда других записей. Среди них — грамота 403 XIII века, которая включает в себя небольшой русско-прибалтийско-финский глоссарий, который, исходя из характера включённых в него слов, был составлен русским новгородцем для взыскания долгов с жителей Кирияжского погоста [Хелимский, 1986: 254–255]. Исследователи, обращавшиеся к этому материалу, не ставили вопроса о конкретной языковой принадлежности шести слов глоссария, хотя, если исходить из привязки их к Кирияжскому погосту, располагавшемуся в северном Приладжье — исконной территории карельского этноса, логично видеть в нем именно карельский язык. Однако фрагментарность материала, а также его непоследовательность (например, в отражении глухости — звонкости согласных) и даже возможные ошибки в записи, вызванные тем, что её автор не владел свободно языком, не дают однозначного ответа.

Более доказателен на этом фоне топонимический и антропонимический материал берестяных грамот. Он, особенно антропонимия, многократно становился объектом анализа, начиная с конца 1940-х годов (А.И. Попов, А.А. Мещерский, Ю. Мягисте, А.Л. Шилов, В.Б. Крысько). Наиболее полные обзоры представлены Е. Хелимским (27 имён) и Я. Саарикиви (более 50 антропонимов) [Saarikivi, 2009]. Многие из них содержат убедительные карельские фонетические признаки (*Кюлолакша*, *Ваяжин*, *Мелич*). Видимо, на карельские истоки указывает также конечная огласовка *-ой* или *-уй* в *Гьмуй*, *Ви́гуй*, *Мундуй*, *Кокой*, *Тадуй* и др., которую Е. Хелимский считает русским суффиксом, хотя более аргументировано выглядит позиция Я. Саарикиви, идентифицировавшего её с диминутивным формантом, характерным для антропонимических систем восточных прибалтийско-финских языков, в частности, карельского [Saarikivi, 2009: 243]. Кроме того, карельские истоки подтверждаются и самой географией тех мест, к которым относятся документы. Так, целый ряд грамот связан с территорией упоминавшегося выше Кирияжского погоста и его исторического центра Кюлолакши. Показательный пример — грамота 130 из Кюлолакши рубежа XIV–XV вв., в которой упомянуты *Вигарь*, *Валит*, *Ваивас* и *Мелит*. Все они имеют убедительную прибалтийско-финскую (а в контексте территории бытования — карельскую) интерпретацию [Хелимский, 1986: 256–258; Saarikivi, 2009: 212–213, 222–223, 237].

Следующий этап (XV–XVI вв.) тоже представлен главным образом карельскими топонимами и антропонимами, в изобилии встречающимися на страницах исторических документов новгородского и шведского происхождения, относящихся к Позднему Средневековью. Среди них материалы писцового дела, государственные и частные акты. «Карельская» антропонимия этих источников подробно проанализирована в работах финляндских и российских исследователей. Традиция заложена Й.В. Ронимусом, обратившим внимание на карельскую антропонимию в писцовой книге Водской пятины 1500 года [Ronimus, 1906]. Впоследствии материал писцовых книг Обонежской и Водской пятины для реконструкции карельского именослова активно привлекал основоположник финской ономастики В. Ниссиля [Nissilä, 1967; Nissilä, 1975]. Материал продолжает оставаться и в поле зрения современной финляндской ономастики [Raunata, 2020]. В российской ономастике внимание к карельской топонимии и антропонимии писцовых книг Обонежской пятины привлёк А.И. Попов [Попов, 1949], карельский именник новгородских и шведских документов нашёл отражение в работах И.А. Кюршуновой [из наиболее известных: Кюршунова, 2010]. В наибольшей степени убедительные результаты на обширном материале получены Д.В. Кузьминым [Kuzmin, 2014, Кузьмин, 2020]. Показано, что в источниках сохранились как некалендарные имена карелов, входившие в общий прибалтийско-финский именник, так и карельские народные варианты русских календарных имён.

Памятники XVII — начала XVIII вв.

XVII век был во многом определяющим как для истории карельского этноса, так и формирования карельской диалектной карты. В результате многовекового российско-шведского противостояния исконно карельские земли в Приладжье отошли Швеции, что привело к массовой миграции карелов на территорию российского Северо-Запада. Именно в это время образуются большие карельские анклавы в верхнем Поволжье (тверские, валдайские, тихвинские карелы), активно осваивается территория современной Карелии, а в южных её пределах происходит формирование двух карельских наречий (ливвиковского и людиковского) — как результат карелизации местного вепсского населения.

Именно к этому времени относится появление нескольких значимых для истории карельского языка рукописей, что, конечно, сопряжено с выходом карелов на авансцену российской жизни.

Первый по времени памятник — это рукописное собрание заговоров «Олонецкий сборник» второй четверти XVII века, включающее 125 заговорных текстов, среди которых 9 финноязычных. Рукопись была найдена учителем Петрозаводской духовной семинарии Л.Л. Малиновским и частично опубликована в 1876 г. В 1913 г. В.И. Срезневский издал большую подборку из 87 текстов, а также привёл инципиты всех текстов, включая и финноязычные. Полное издание всех текстов Олонецкого сборника осуществлено в 2010 г. А.Л. Топорковым [Топорков, 2010]. В этом издании приведены подробные комментарии к карельским заговорным текстам, осуществленные С.А. Мызниковым, а также история их языковой атрибуции.

Известный финский лингвист Э.Н. Сетяля, которого В.И. Срезневский привлёк для атрибуции языка тестов, полагал, что записи сделаны на «весьском», т.е. вепсском языке. В.В. Пименов в своей известной книге о вепсах предположил, опираясь на изыскания языковедов-вепсологов, что язык заговоров «ныне исчезнувший, занимает, возможно, промежуточное положение между собственно вепсским и людиковским диалектом карельского языка» [Пименов, 1965: 185–186]. Наиболее полное исследование языковых особенностей финноязычной части памятника, а также публикация текстов с их переводом была осуществлена в 1980-е годы А.П. Баранцевым. Он пришёл к заключению, что заговоры записаны на людиковском наречии карельского языка, обратив при этом внимание на то, что часть текстов ближе к вепсскому, а другие — к собственно карельскому языку. Более того, он предположил также, что тексты заговоров были записаны в Прионежье двумя жителями деревни Андриевская Ялгубской волости Шуйского погоста Григорием Меркульевым и его племянником Кузьмой Федоровым, родоначальниками ялгубских обельных крестьян [Баранцев, 1984; Баранцев, 1987]. Людиковские языковые истоки текстов оспорил С.А. Мызников, который предложил осторожно именовать их «карельско-вепскими», а местом записи считать в общем плане Обонежье [Мызников, 2010]. Очевидно, этой разноголосицы в интерпретации языкового материала можно избежать и перевести её в терминологическую плоскость, если иметь в виду языковую ситуацию начальных десятилетий XVII века, когда в силу известных исторических обстоятельств происходил активный отток собственно карельского населения из Приладожья в Прионежье, на исторически вепские в языковом отношении территории. Людиковские говоры, и сейчас характеризующиеся значительной пестротой, в XVII веке ещё только формировались, поэтому оправдана отмеченная А.П. Баранцевым неоднородность текстов в плане соотношения карельских и вепских элементов. Однако в них уже присутствуют дифференцирующие людиковские признаки, потому их людиковская атрибуция представляется наиболее близкой к истине. Среди них, в частности, людиковская глагольная парадигма или почему-то оставшаяся незамеченной исследователями явная тенденция к употреблению знака **ћ** на месте карельского дифтонга *ie*, который является отличительным признаком людиковского на фоне вепсского, использующего в соответствующей позиции *e*: мћзь [miez'] ‘человек, мужчина’, тћдян [tiedän] ‘знаю’, лћнеп [lieneb] (во фразе *и кен лћнеп тегну сен паца(н)* ‘и кто сделает это зло...’) — вспомогательный глагол с семантикой действия, которое может произойти в будущем, мћлен [mielen] ‘разум’. В связи с этим, кажется, требуют пересмотра слова *тидяи* ‘знающий’ (*tiedäi), в котором следовало бы ожидать в первом слоге **ћ**, и *тћкия* ‘делать’, т.е. возводимое интерпретаторами к приб.-фин. *teke-*, с кратким звуком *e* [Мызников, 2010: 294–295]. Но это значит, что пересмотра требует и вся фраза свадебного оберега 38 *Ни тидяи тћкия нитуизнеи тукони, махтаи махтћкага* ‘Не знающий делать из лугового (сена) связку, умеющий пусть умеет’, которая действительно сложна для восприятия и, видимо, для её интерпретации ещё не все возможности исчерпаны. Не исключено, что она делилась на слова несколько иначе, и в ней речь шла о нити или нитях (niitid) — уместный в контексте

свадебного оберега образ, начало фразы могло выглядеть как *нитид яй* (niitid äi) ‘нитей много’. В этом случае с ними, а не с луговым сеном (niitty ‘луг, покос’) может быть связана и следующая далее по тексту словоформа *нитуизнеи* ‘из нитей’. Заговорные тексты и в силу специфики жанра, и несовершенства записи, и по причине малой изученности образного мира и поэтики карельской заговорной традиции очень сложны для интерпретии. К примеру, вряд ли стоит в тексте заговора на удачу на охоте (текст 118) реконструировать образ «госпожи ели Малдин» [Мызников, 2010: 301]. Скорее, следует принять во внимание принцип повторяемости, свойственный карельской заговорной традиции, и сопоставить *тули рухнас малдин кузи вастгаин* ‘попалась госпожа ель Малдин навстречу’ (в переводе С. А. Мызникова) с ранее в тексте записанной фразой *тули куивъ кузи* ‘попалась (навстречу) сухая ель’. В этом ряду есть возможность возвести *рухнас малдин* к карельскому *ruhnasmaldini ‘с наростами, с шероховатой поверхностью’, реконструирующемуся по карельской модели *sem/maldini* ‘такого-то вида, качества, подобный тому’ [см. словарную статью *maltine* в KKS] и семантически однородному с *куивъ кузи* (kuiv kuuzi) ‘сухая ель’.

Один из наиболее важных для истории карельского языка источник — это карельско-русские словарные записи XVII века, обнаруженные в библиотеке Соловецкого монастыря в конце XIX века. Они сохранились в одном из списков т. н. «Азбучного (Алфавитного) патерика» [Соловецкое собр. РНБ, № 648/706]. Вывезенная в Казань в середине XIX в., рукопись была описана профессором И. Я. Порфирьевым [Описание, 1885]. Позднее к ней дважды обращался известный финский славист Й. Миккола, сделавший расшифровку документа и обративший внимание на две особенности карельского говора, отражённого в списке: обусловленная позиционно дистрибуция свистящего *s* и шипящего *š*, а также отсутствие палатализации перед *i* [Mikkola, 1901; Mikkola, 1932]. Рукопись также привлекла внимание Н. А. Мещерского, который выправил некоторые погрешности предшественников, а также высказал свои соображения об авторстве и времени создания рукописи [Мещерский, 1961: 16–22]. Новое обращение к рукописи, принятое в последние годы, позволило установить автора рукописи, уточнить время её написания, а также верифицировать карельскую диалектную основу списка [Муллонен, Панченко, 2013].

Автором списка оказался святогорский архимандрит Феофан, который приехал в Москву в июле 1663 г. с тайной дипломатической миссией встретиться с опальным патриархом Никоном для выражения ему поддержки. По ложному доносу Феофан был обвинен в шпионаже в пользу Польши, выслан сначала в Кирилло-Белозерский, а затем в декабре 1665 г. на Белое море в Соловецкий монастырь. Проведя два года в соловецкой тюрьме, Феофан решился бежать. Зная, что на материке ему придётся иметь дело с карелами, он составил небольшой русско-карельский словник, записав его на переплётных листах патерика. Записи сделаны в 1668 г. В ночь на 1 октября 1668 г. Феофан с сокамерниками решился на побег, однако карбас попал в шторм и беглецы утонули.

Список включает примерно 80 карельских слов и словосочетаний с их переводом на русский, в целом отражающих общекарельский лексический фонд, в котором отсутствуют яркие диалектные маркеры. При этом в нём присутствует некоторое количество утраченных карельскими говорами слов, во всяком случае, не зафиксированных в словарях. В целом слова могут быть сгруппированы в несколько тематических групп: названия предметов домашней утвари, одежды, животных, рыб, формулы общения. В них явно отражаются реалии тюремного быта.

Записи хранят характерные особенности, свойственные т. н. собственно карельским говорам, бытующим в Поморье и квалифицируемым как южные (тунгозерский) или переходные (подужемский). В них проявляются основные характерные особенности этих говоров: звонкость взрывных согласных *g, b, d*, дистрибуция *s // š* и *z // ž*, твердость звука *r* в позиции перед *i*, а также последовательное чередование ступеней согласных.

Эти особенности свидетельствуют о том, что тот собственно карельский говор, который отражён в записях архимандрита Феофана, сделанных в 60-е годы XVII века, исключительно близок по фонетическим позициям к современному состоянию. За прошедшие 350 лет изменения минимальны. В целом этот вывод не нов для истории карельского языка. Он подтверждается близостью собственно карельских говоров Карелии и Верхнего Поволжья, которые сформировались на основе карельского миграционного потока XVII века. Последний распространялся из Приладожья, с одной стороны, на северо-восток — в Карелию, с другой, на юг — в Верхневолжье. Утратив возможности для непосредственного общения уже несколько столетий назад, языковые коллективы сохранили, тем не менее, значительное языковое единство.

Отдельного замечания заслуживает довольно точная транскрипция Феофаном карельских слов с помощью средств кириллического алфавита, в том числе звуков, не имеющих аналогов в русской фонетической системе. К примеру, он сумел корректно передать различие карельских согласных [h] и [g] при помощи двух различных букв *г*, входивших в азбуку церковнославянского языка. Письмо фиксирует закономерности восприятия звучания карельских оригиналов. Показательно в этом плане, что в документе выбраны стратегии, аналогичные тем, что использованы на устном уровне интеграции карельских лексем и топонимов в русские говоры.

К тому же времени относится другой рукописный словарь-разговорник, обнаруженный Н.В. Савельевой в коллекции 2803 Музейского собрания ГИМ [Савельева, 2019]. В составе сборника («Цветник»), созданного «чёрным дяконом» Прохором Коломнятином в 1668 г., сохранилось три словаря — карельский, зырянский и тюркский, отражающие живую речь XVII века. Карельский словарь, озаглавленный «Сказание о преведении корѣльскаго речения на слове(н)ский», содержит около 600 слов, объединённых в 20 тематических групп: от небесных тел, времён года, дней недели, названий животных и растений до родственных отношений, пищи, названий рабочих инструментов и др. (рис. 2.). Нигде в тексте нет прямых указаний на место записи карельских слов. Однако исходя из косвенных данных,

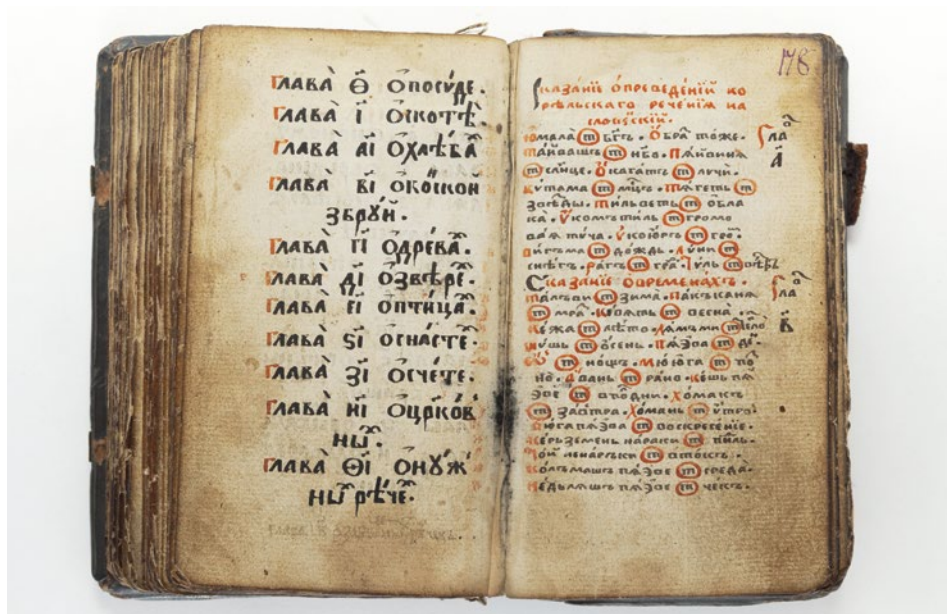

Рис. 2. Фрагмент карельского словаря Прохора Коломнятина (1668 г.)

связанных с биографией самого Прохора Коломнятина, с упоминанием в тексте сборника некоторых событий, происходивших в Верхнем Поволжье, а также с тем, что рукопись использовалась там же, можно полагать её поволжское происхождение. Эти данные согласуются в целом с языковыми особенностями карельского словника, который может быть квалифицирован как представляющий южный диалект собственно карельского наречия, т.е. тот, который бытует у тверских карелов. В частности, получили отражение дифтонги и долгие гласные (правда, с учётом интеграции в русское написание), геминация и альтернация согласных. Кроме того, последовательно отражается довольно сложная система сибилантов тверских говоров — в том варианте, который свойственен т. н. толстоязычным говорам, с преобладанием шипящих *š* и *ž* [см. публикацию материалов словаря и лингвистические комментарии к нему: *Савельева и др.*, 2021]. Однако с этой, в целом однозначно карельской языковой ситуацией, вступает в противоречие облик взрывных согласных, переданных в одних словах как звонкие *b*, *g*, *d*, а в других — как их глухие варианты *p*, *k*, *t*: Пайда (карел. *paida*) — рубѧха, Яльга (карел. *jalga* ‘нога’) — нѧги, Пудро (карел. *puδρο*) — кѧша, но Майто (карел. *maidо*) — млеко, Папу (карел. *pabu* ‘боб’) — бѧбы, Шелька (карел. *šelgä*) — спѧна. Это противостояние не может быть обусловлено карельской языковой ситуацией, поскольку звонкие взрывные свойственны всем южно-карельским говорам и являются в них древнекарельским наследием. За ним не может стоять и русская фонетическая система, в которой действует четкая оппозиция звонких и глухих. Остается предполагать, что в словаре наряду с карельской лексикой представлена финская, поскольку для финских говоров как раз свойственна глухость взрывных. Это предположение находит

поддержку и в отдельных представленных в словаре лексемах, не свойственных карельскому языку, но известных финскому, напр., *Оменать* (фин. *omenat* Pl. ← *omena* ‘яблоко’) — ‘яблakai, *Пахькене пү* (фин. *pähkinäruu*) — ‘орѣшникъ, *Пёръень така* — фин. *perjantak* ‘пятница’. В этом же контексте стоит обратить внимание на завершающие карельский словарь два коротких фрагмента, озаглавленные **Жёрска(й) языкъ в той (же) полестинѣ** и **Чу-ханьскай в той же полестинѣ**. В первом случае имеется в виду ижорский язык, во втором — чухонский, т.е. тот, на котором говорили финны-ингерманландцы. Ключевым здесь является слово *палестина*, которое в языке XVII века значило ‘местность, край’ [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 14, 132]. Карельский, таким образом, был распространён в одной «палестине» или местности с ижорским и финским. Таким местом был, скорее, Карельский перешеек, территория Приладожья, чем Верхнее Поволжье. Иначе говоря, теоретически словарь может отражать те южные собственно карельские говоры, которые бытовали в Приладожье — там, откуда в XVII в. вследствие русско-шведского противостояния происходил отток карельского населения в тверские земли. В середине XVII века язык тверских карелов, надо полагать, был ещё идентичен приладожскому. Так что с точки зрения собственно языковой характеристики записи могли производиться как в Приладожье, так и в тверских землях. Собственно, и за последующие три с половиной столетия изменения очень незначительны, что подтверждает сравнение свода словаря с данными современных тверских говоров. Об этом свидетельствует и упоминавшаяся выше значительная близость южных собственно карельских говоров Верхневолжья и Карелии.

Замыкает список рукописных памятников карельского языка русско-карельская словарная запись начала XVIII века, включающая 116 словарных пар, в том числе несколько словосочетаний и выражений. Словарь размещён на 4 страницах рукописного сборника из бывшего собрания П. П. Вяземского, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В своё время рукопись привлекла внимание известного исследователя древнерусской литературы В. Н. Перетца, охарактеризовавшего её как сборник текстов «преимущественно календарного и справочного характера», который писался и переписывался в старообрядческой среде [Перетц, 1903]. На листах, приклеенных к переплету сборника, помещены записи торгового характера, указывающие на то, что владельцем, а возможно, и составителем сборника был достаточно зажиточный торговец, ведущий торговые операции в Карелии. Именно для этого ему понадобился словарь самых необходимых карельских слов и выражений. Словарь был опубликован в статье в орфографии подлинника и дополнен финскими параллелями.

В 1960-е годы словарные записи привлекли внимание Н. А. Мещерского [Мещерский, 1961], который остановился на их графической и палеографической стороне, обратив особое внимание на закономерности передачи специфических карельских звуков средствами русского письма: согласный *h* последовательно передаётся с помощью буквы *г*; долгие гласные сокращаются; гласные переднего ряда *ä*, *ö*, *y* пишутся как *a*, *o*, *y*, хотя в отдельных случаях есть попытка отразить их специфику специальными значками

над гласными звуками. В целом автор статьи приходит к выводу, что писавший был русским грамотным человеком, однако не знал карельского языка. Кроме того, есть указания на то, что текст прошёл через руки нескольких переписчиков, причем, из старообрядческой среды. В статье помещён весь текст словаря, при этом исправлены погрешности, допущенные в предшествующем издании.

Авторы названных выше публикаций оставили, однако, без ответа наиболее важный для карельского языка вопроса: какое карельское наречие или диалект представлен в словаре? В. Н. Перец вскользь упоминает о том, что словарные записи были вызваны необходимостью вести торговые операции на севере, в Карелии. Н. А. Мещерский добавляет, что старообрядческий фон записей вызван существовавшим на территории Карелии в конце XVII — начале XVIII вв. одного из важнейших центров «поморского согласия» — Выго-Лексинского скита, который играл значительную роль в экономической жизни близлежащих карельских районов. В пользу одного из карельских диалектов нынешней Карелии косвенно свидетельствует, кажется, и сам список лексем, который помимо лексики основного словарного фонда включает названия пушных зверей: *белка* — *орава*, *бобр* — *мая[ва]*, *выдра* — *сарва*, *горносталь* — *пордымо*, *рысь* — *илвес*, а также выразительный ландшафтный термин *вара* [voara, vuara] — *гора*, маркирующий как раз собственно карельские говоры Карелии. С другой стороны, заметки торгового характера, включающие, в частности, расчёты провоза товаров по водным путям, явно указывают на пути, соединяющие Петербург с Нижним Новгородом, т.е. проходящие через карельское Поволжье. Кроме того, стоит учитывать, что старообрядчество характеризовало не только Карелию, но и Поволжье — территорию бытования тихвинских, тверских и новгородских говоров, а ценность лексических особенностей для диалектной дифференциации относительна. Наиболее показательны фонетико-морфологические критерии, однако они дают неоднозначный результат. С точки зрения таких принципиально важных маркеров как альтернация согласных или предствительство конечных гласных, а также облика местоименных форм это несомненный южный собственно карельский диалект. Однако наличие свистящих согласных на месте собственно карельских шипящих усложняет решение задачи. Шипящие *š* и *ž* — отличительный признак всех собственно карельских говоров. И хотя они, видимо, отсутствовали в фонетической системе древнекарельского языка [Virtaranta, 1984: 260], их раннее появление засвидетельствовано уже в берестяной грамоте XIII в. (см. выше), а также писцовыми документами рубежа XV–XVI вв. Они, безусловно, существовали во время массового переселения карелов XVII в., что надёжно подтверждается их присутствием в карельских говорах, с одной стороны, центральной Карелии, с другой — Поволжья, т.е. шипящие были принесены в ходе миграции с исторической карельской в этноязыковом отношении территории Приладожья. Об этом же наглядно свидетельствуют русско-карельские записи 1667 года, сделанные в Соловецком монастыре, а также карело-русский разговорник 1668 года (см. выше). Наименьшим представительством шипящих в собственно карельском наречии характеризуются южные собственно карельские говоры приграничной Карелии (Суоярви, Суйстамо, Корписелья), бытовавшие

до второй мировой войны в северо-восточном Приладжье, а также средней Карелии (мяндусельгский, поросозерский). Однако следует иметь в виду, что в названных говорах такая ситуация сложилась, как считают исследователи, вторично, т.е. свистящий *с* пришёл на смену первоначального шипящего *š* в результате значительного воздействия территориально смежных ливвиковского и людиковского наречий карельского языка [Новак и др., 2019: 80–86]. По совокупности признаков язык памятника начала XVIII века в целом был близок (хотя не идентичен) языку названных южных собственно карельских говоров. Сказать что-то более конкретное на данном этапе исследования не представляется возможным.

Надо полагать, что до нас дошли далеко не все попытки записать прибалтийско-финскую (карельскую) речь. Так, в сочинении нидерландского путешественника XVI века Симона Ф. Салингена упоминается некий Федор Сиденов или Чудинов (в голландском подлиннике *Zydenov*) из города Кандалакши, который изобрёл письмена для карельского языка и записал ими «Отче наш» и некоторые другие тексты религиозного содержания [Алексеев, 1956: 30]. Он может быть в каком-то смысле уподоблен просветителю коми Стефану Пермскому, положившему в XIV веке начало пермской письменности. К сожалению, плоды деятельности карельского просветителя утрачены, как, возможно, и другие подобные памятники. Впрочем, история свидетельствует о том, что счастливые архивные находки возможны и сейчас, так что список — пока достаточно краткий — может ещё пополниться.

Известные на сегодняшний день рукописные памятники неоднозначны с позиций их языковой атрибуции. Из текстов XVII — начала XVIII веков лишь один — записи Феофана — локализован территориально более менее точно, остальные (как собственно карельские, так и людиковский) не имеют ареальной привязки, что осложняет их атрибуцию. Тексты памятников засвидетельствовали — пусть и пунктирно — некоторую динамику в формировании карельской диалектной карты. Рудименты языка, реконструирующегося на базе берестяной грамоты 292, указывают, скорее, не на карельский, а на «чудской», т.е. представленный в Поволхове язык (или праязык) прибалтийско-финского типа, определённые признаки которого наследуются и вепским, и карельским языком. Признаки, дифференцирующие вепские и людиковские говоры, носили в XVII веке менее отчётливый характер, чем сейчас, однако записи заговоров дают основание полагать, что в это время уже происходило формирование людиковских дистрибутирующих особенностей путём укрепления в говорах карельских дифференцирующих особенностей и размывания вепских. Что же касается собственно карельского наречия того же времени, то оно за три столетия, до середины XX века, когда начался интенсивный процесс утраты языка, подверглось минимальным изменениям, относящимся преимущественно к словарному составу. Очевидно, основные карельские признаки уже сложились к XVII веку и сохранялись в дальнейшем в разных диалектах — продолжателях древнекарельского языка.

Список литературы

Алексеев М. П. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI–XVII вв. Сб. статей акад. В. В. Виноградову, к его шестидесятилетию. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Баранцев А. П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Советское финно-угроведение. 1984. Т. 20. № 4. С. 298–303.

Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23. № 4. С. 285–294.

Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1959. Т. 18. Вып. 1. С. 65–72.

Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики 2020. Т. 17. № 2. С. 9–35.

Кюришунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. С. 286–312.

Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 16–32.

Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан / Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013.

Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Периодика, 2019.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев, П. В. Знаменский, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев и др. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

Перетц В. Н. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия // Русский филологический вестник. Варшава, 1903. № 3–4.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.–Л.: Наука, 1965.

Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46–66.

Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература, 2019. № 3. С. 54–63.

Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // *Linguistica Uralica* (2021, в печати).

Топорков А. Л. 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.

Хелимский, Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.

Haavio M. Tuohikirje n:o 292: Vanha suomalaisen muinaisuskonnon lähde // *Virittäjä* 1964. № 68. S. 1–17.

Häkkinen K. Suomen kielen historia. 1. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. 3. uudistettu painos. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen

kielitieteen laitoksen julkaisuja 69. Turku: Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitos, 2002.

KKS — Karjalan kielen sanakirja / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005. Osat 1–6. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI).

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014.

Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimista muistomerkeistä // Virittäjä. 1999, № 4. S. 531–555.

Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta // Virittäjä. 1901. S. 101–102.

Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. S. 101–104.

Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Vammalan Kirjapaino Oy, 1975.

Rahkonen P. Finno-Ugrian hydronyms of the river Volkhov and Luga catchment areals // Journal de Societe Finno-Ouriennne 93. Helsinki, 2011. P. 205–266.

Raunama J. The Distribution of Village Names Based on Pre-Christian Finnic Personal Names in the Baltic Sea Area // Finnisch-Ugrische Forschungen 65, 2020. P. 98–152.

Ronimus J. V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v.1500 ja Karjalan silloinen asutus. Kirjoittanut J. V. Ronimus, 129–133 Historiallinen arkisto XX. Ensimmäinen vihko. Joensuu, 1906. S. 1–135.

Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Juhani Nuorluoto (ed.). Slavica Helsingiensia 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Vermeer W. Aspects of the oldest Finnic poem and some related texts (Novgorod birchbark documents 292, 56 and 403) // Studies in West Slavic and Baltic Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics. Edit.by A.A. Barentsen, B.M. Groen, R. Sprenger. Amsterdam, 1991. P. 315–369.

Virtaranta P. Über das s im Karelischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest, 1984.

Winkler E. Anmerkungen zu zwei Sprachdenkmälern der ostseefinnischen Sprachen // Linguistica Uralica 1998, 34. P. 23–29.

Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века*

А. С. Усачёв

Аннотация: Статья посвящена изучению внутренних миграций в России XVI в. Они исследуются путём проведения сравнительного анализа мест происхождения и работы писцов. В целом ряде случаев они не совпадали. Автором рассматриваются биографии переписчиков различного, чаще всего, невысокого статуса — представителей белого и чёрного духовенства, слуг монастырей и светских лиц, пушкарей и иных. Устанавливается, что от 15,7% до 18,2% переписчиков являлись мигрантами. Несколько менее половины из них работало относительно неподалеку от соответствующих населенных пунктов. Большинство же писцов-мигрантов, судя по всему, прибывало издалека. Как правило, речь шла о выходцах из крупных городов (Москвы, Новгорода, Твери, Ярославля, Устюга Великого и др.), переселившихся на сотни и даже тысячи километров. К числу наиболее заметных маршрутов относятся два: «регионы — Москва» и «прочие регионы — Поморье». Итоги проведённого исследования позволяют на новом материале обратиться к изучению целого ряда проблем социально-экономической и политической истории России раннего Нового времени.

В основу исследования положены тексты 734 выходных записей русских рукописных книг 1500–1600 гг., введённые в научный оборот автором статьи в 2018 г., прочие записи на манускриптах XII–XVI вв., монастырская документация и некоторые иные источники.

Ключевые слова: история России, XVI век, раннее Новое время, рукописная книга, записи на книгах, книжная культура, социальная история, демография, внутренние миграции.

Приступая к рассмотрению вопроса о масштабах горизонтальной мобильности населения в России XVI в., под которой мы понимаем перемещения более или менее значительных групп лиц по территории страны, обратим внимание на некоторые общеизвестные факты:

В этот период ежегодно во многие десятки населённых пунктов отправлялись назначаемые из столицы наместники, волостели и воеводы, которых сопровождало какое-то число слуг. Очевидно, что речь шла о сотнях лиц¹.

В целях защиты от набегов татар основные силы русской армии, ядро которой составляла поместная конница, ежегодно выставлялись на южной границе. Счёт служилым людям, располагавшим владениями в различных уездах страны, а также их боевым холопам шёл на десятки тысяч².

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20–18–00218).

¹ Наиболее полный перечень лиц соответствующего статуса см.: [Пащикова, 2000; Синелобов, 2014].

² По подсчётам С. Б. Веселовского, в XVI в. число «детей боярских» способных к «полковой службе» составляло ок. 35 тыс., еще ок. 10 тыс. были годны для «осадной службы» [Веселовский, 1990: 99]. В другой работе этот историк численность «класса служилых землевладельцев» к началу XVI в. определяет примерно в 20 тыс. [Веселовский, 1969: 32]. Подробнее о численности русской армии в XVI в. см.: [Kastanov, 1995; Лобин, 2009; Крам, 2002; Крам 2009; Курбатов, 2009; Пенской, 2009; Пенской, 2018: 69–93].

Регулярно, вероятно, также ежегодно, в столице собирались члены Освященного собора — главного института управления Русской церковью [Усачев, 2015]. В Москву из различных епархий съезжались десятки епископов, настоятелей монастырей, в ряде случаев представителей белого духовенства, а также какое-то более или менее значительное число сопровождавших их лиц³.

Не менее регулярно по стране циркулировало и какое-то число купцов, а также их помощников.

Фиксируя эти факты, обратим внимание на важное обстоятельство. В большинстве случаев речь шла о наиболее активном и мобильном слое общества — представителях политической и церковной элиты и их ближайшем окружении. Десятки тысяч лиц — безусловно, весьма значительная цифра для военной и политической истории эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Однако с демографической точки зрения она выглядит достаточно скромно — по подсчётам историков, применительно к XVI в. речь может идти о нескольких миллионах жителей страны⁴. Неизбежен вопрос: каков был уровень горизонтальной мобильности основной массы населения? Актуальность этого вопроса связана с тем, что за редким исключением⁵ исследователи основное внимание уделяли перемещению населения в более поздний период⁶.

Специалисты в области народонаселения России раннего Нового времени до появления ревизских сказок традиционно базировались на материалах писцовых описаний⁷. От XVI в. их сохранилось несравнимо меньше, нежели от следующего столетия. В рассматриваемый период показания этих источников отрывочны: они покрывают далеко не все периоды и регионы страны. Этим, в частности, обусловлена высокая степень гипотетичности представленных в историографии выводов относительно численности населения страны в интересующее нас столетие⁸.

В целях расширения источниковой базы мы привлекли иной вид массовых источников — датированные выходные записи на рукописных книгах. Для изучения проблем исторической демографии и внутренних миграций, в частности, ранее они ещё не привлекались. До недавнего времени это было связано с очевидными сложностями: 734 привлеченные нами записи выполнены на манускриптах, которые в настоящее время хранятся в 44 архивохранилищах, расположенных более чем в двух десятках городов⁹. Недавно выполненная нами публикация текстов этих источников [Уса-

³ О составе Освященного собора см.: [Назаров, 1990; Усачев, 2017а].

⁴ Подробнее о численности населения в России XVI в. см.: [Копанев, 1959; Водарский, 1973: 26–27; Kastanov, 1995: 330–331].

⁵ Обзор основных работ, посвященных миграциям населения в XVI в. см.: [Горская, 2006: 30–35, 40–41, 45–46].

⁶ Например, см.: [Червяков, 1970; Колесников, 1970; Козлова, 1983; Башинин, 2019].

⁷ Обзор основной литературы см.: [Горская, 1994; Горская, 2006].

⁸ Так, представленная в литературе численность населения России — до 11 млн к концу XVI в. — вызвала, в частности, возражения С.М. Каштанова, снижающего ее до 2,5–2,9 млн. Ср.: [Копанев, 1959: 254; Kastanov, 1995].

⁹ Характеристику данной источниковой базы см.: [Усачев, 2018а: 19–58].

чев, 2018б: № 1–733, 324а]¹⁰ даёт возможность привлечь их для изучения не только проблем книжной культуры, но и внутренних миграций.

Значение выходных записей для изучения проблем социальной истории и демографии обуславливается тем, что в их текстах упоминаются имена, статус, места проживания и работы многих сотен лиц. Речь, прежде всего, идёт о заказчиках и писцах. Если среди первых преобладают руководители Церкви и представители служилой знати [Усачев, 2018а: 326–446], то статус вторых был существенно ниже. Подавляющее большинство переписчиков составляли клирики сельских и городских церквей, иноки, слуги представителей знати и монастырей, пушкарки, а также прочие светские лица сравнительно невысокого статуса [Усачев, 2018а: 200–324, 444–445]. В ряде случаев они сообщают место своего рождения или длительного проживания. Оно далеко не всегда совпадало с местом переписки книг. Чаще всего переписка одной книги в России периода Средневековья и раннего Нового времени занимала несколько месяцев [Усачев, 2018а: 317–320]. Это в свою очередь даёт основания предполагать, что приводимая в записи информация о месте работы писца указывает, пусть и косвенно, на то, что он более или менее длительное время проживал в соответствующем населённом пункте¹¹. Систематизация этих сведений даст новый материал для изучения перемещения грамотных лиц относительно невысокого статуса по территории России рассматриваемого периода. Но прежде сделаем некоторые замечания методического характера.

Предварительные замечания

В основу нашего исследования положены тексты 734 выходных записей рукописных книг, переписанных в России в 1500–1600 гг. Среди прочего они сообщают имена писцов, а также сведения об их происхождении. Интерпретация последних представляет определённые трудности. Конечно, если писец сообщает о том, что он «рождение имея от града Можайска» (№ 59), происходил «из старейшего града Ростова» (№ 462) или «естеством же родом влекомо от предел царствующего града в славном градци Радонежа» (№ 546), проблем нет. Трудно сомневаться, что писцы происходили соответственно из Можайска, Ростова и Радонежа. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с иными вариантами указания на происхождение. Чаще всего записи сообщают о «володжанах», «москвитинах», «новгородцах», «ярославцах» и прочих. Речь могла идти как о личных антропонимах, так и о катойконимах.

Н. М. Тупиков отдал предпочтение первому варианту. «Вологжан», «карогопольцев», «москвитин», «новгородцев», «псковитин», «тверитин» и «ярославцев» он в своём словаре поместил среди личных прозвищ [Тупиков, 2005: 148, 230, 313, 336, 381, 444, 514]. В большинстве случаев их носителей исследователь фиксировал в XVII в. в Нижнем Поволжье или Сибири. Трудно сомневаться в том, что речь шла о мигрантах из Центральной России.

¹⁰ Далее при ссылках на записи их номера будут приводиться в основном тексте в круглых скобках.

¹¹ Случаи работы над книгами в двух населённых пунктах известны, но крайне малочисленны [Усачев, 2018б: № 130, 153, 175, 187, 428, 558, 598].

А. М. Селищев склонялся к иному варианту, полагая, что речь идёт об обозначении той территории или населённого пункта, с которым было связано происхождение соответствующих лиц [Селищев, 1968: 98–99, 112]. Его мнение поддержал В. К. Чичагов [Чичагов, 1959: 10, 32–33]. Он, в частности, заключил, что «прозвища по месту происхождения возникали, разумеется, не как прозвища, а как дополнительный знак описания того или иного человека, как указание на прямое место происхождения. Очень легко принять такие указания за прозвища. В тексте документов они часто следуют непосредственно за личным именем, и издатели документов без достаточных оснований выделяют их заглавными буквами, указывая тем самым, что эти слова являются прозвищами». Считая этот вопрос в полной мере нерешаемым, исследователь склонялся к тому, что в большинстве случаев речь шла о катойконимах [Чичагов, 1959: 33]¹².

Гораздо более определенную позицию занял крупнейший специалист по генеалогии эпохи Средневековья и раннего Нового времени С. Б. Веселовский. Будучи хорошо знаком с проблемами социальной истории XV–XVII вв., в своей монографии, посвящённой ономастике, «вологжан», «москвитин», «новгородцев», «павловцев», «псковитин», «тверитин», «тотмян» и прочих он среди личных прозвищ не фиксирует [Веселовский, 1974]. Анализируя несколько ранее упоминаемые в писцовых книгах XVI в. личные имена Н. Д. Чечулин соответствующие лексемы в свой перечень также не включил [Чечулин, 1890: 73–84].

Сложность вопроса об отнесении той или иной лексемы к числу катойконимов или личных антропонимов оказала влияние на неоднозначность их трактовки в книговедческих работах. Так, Л. В. Столярова, комментируя запись писца рубежа XII–XIII вв. Моисея Киянина, антропоним «Киянин» (исследовательница воспроизводит это слово с прописной буквы¹³) связала с киевским происхождением переписчика [Столярова, 2000: 105]. Сходным образом исследовательница опубликовала и прокомментировала записи писцов Луки Смолянина 1396 г. и Михея Новоторжца [Столярова, 2000: 380–381 (№ 380), 409 (№ 452)].

Современные публикаторы хозяйственных документов «костромитин», «угличан», «устюжан», «кашинцев», «москвитин» и прочих чаще всего, хотя и далеко не всегда, рассматривают в качестве катойконимов¹⁴.

Очевидно, что провести четкую грань между катойконимами и образованными на их основе антропонимами вряд ли возможно¹⁵. Однако, независимо от того, шла ли речь о катойкониме или антропониме, большинство учёных согласно с тем, что в рассматриваемый период происхождение соответствующих лексем в подавляющем большинстве случаев обуславливалось

¹² В монографии 2018 г., приводя в публикации соответствующие лексемы со строчной буквы, мы отдали предпочтение варианту, к которому склонялся В. К. Чичагов [Усачев, 2018б].

¹³ См.: «А Моиси псалъ грѣшныи, Киянинъ...» [Столярова, 2000: 103 (№ 96)].

¹⁴ Например, см.: [Кистерев, 2007: 337–340; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1987: 197, 208, 241 и др.; Алексеев, 2010: 43, 53–60 и др.; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 2013: 40–44, 47–49, 51–53, 61, 285 и др.].

¹⁵ О размытости этой границы, например, см.: [Унбегаун, 1995: 105–117; Смольников, 2005: 168–169; Юринунова, 2010: 14–15, 43, 97–98, 205, 297–298, 350, 417, 464–465, 554, 559 и др.].

связью (происхождением или длительным проживанием) соответствующего лица с тем или иным населенным пунктом (или территорией)¹⁶. В силу этого «воложан», «москвитин»¹⁷, «новгородцев» и прочих далее мы будем рассматривать как лиц, скорее всего, либо родившихся, либо какое-то более или менее значительное время проживавших в Вологде, Москве, Новгороде или их округе. Сходным образом мы будем интерпретировать и прозвища, специально отделяемые писцами от имён¹⁸.

Для удобства изложения материала выходных записей и некоторых иных источников представим сведения о писцах-мигрантах по группам. С известной долей условности ниже мы выделим представителей чёрного, белого духовенства, прочих лиц, а также тех, чей статус нам определить не удалось.

Иноки

Самую многочисленную группу писцов, происхождение которых так или иначе устанавливается, составляют представители чёрного духовенства — как рядовые иноки, так и руководители Русской церкви (настоятели монастырей и архиереи). Выходные записи и некоторые другие источники содержат сведения о местах их рождения или длительного проживания, а также в ряде случаев информацию о местах их пострижения.

Сравнительная многочисленность данной группы писцов на фоне прочих связана с состоянием сохранившихся источников. Во-первых, хотя в XVI в. книг, переписанных в городах и в сельской местности, вероятно, было произведено не меньше, чем в обителях¹⁹, манускриптов, имеющих монастырское происхождение, в настоящее время сохранилось существенно больше²⁰.

Во-вторых, уровень сохранности архивов обителей (особенно крупных и средних) гораздо выше. В них дошли акты, описи имущества, вкладные, приходо-расходные и кормовые книги, а также некоторые другие источники, позволяющие уточнить статус писцов. В подавляющем большинстве случаев состояние имеющейся источниковой базы не дает возможности изучить биографии городских или сельских переписчиков.

Приступая к рассмотрению происхождения писцов, которых мы отнесли к данной группе, сразу оговорим, что все без исключения иноки

¹⁶ С этим, в частности, Б.-О. Унбегаун связывает происхождение фамилий, которые образованы от имён, данных тем или иным лицам в связи с местом их рождения или длительного проживания [Унбегаун, 1995: 105].

¹⁷ В России «москвитинами» именовали выходцев из Москвы (например, см.: [Кюришнова, 2010: 350]). «Москвитинами» также могли именоваться и жители Московской Руси в целом. Однако это делалось за её пределами.

¹⁸ Например, см.: «...черница Васианища по реклом Двинянина...» (№ 467), «...инок Исяя по реклу Каргополець» (№ 427), «...дичка Семейки Лукоянова сына по реклом Белозерца...» (№ 686).

¹⁹ На это, в частности, указывает состав библиотек сельских приходов (в большинстве из них находилось от 4 до 6 книг), а также их число в России XVI в. Хотя точно оно неизвестно, очевидно, что счет шел на тысячи. Подробнее об этом см.: [Усачев, 2018а: 440–443].

²⁰ С той или иной степенью гипотетичности с монастырями может быть связано происхождение 270 известных нам датированных книг 1500–1600 гг. из 477 локализованных (т.е. ок. 56,3% от общего числа) [Усачев, 2018а: 197].

до своего пострига родились и проживали в населённых пунктах, которые отстояли на более или менее значительном расстоянии от соответствующих монастырей. Это их отличает от всех прочих категорий писцов, которые могли происходить непосредственно из тех населённых пунктов, где они занимались книгописанием. Правда, следует иметь в виду, что, судя по всему, основная часть иноков принимала постриг в обителях, находящихся относительно неподалеку от их места жительства. Общеизвестно, что ядро насельников Иосифо-Волоколамского монастыря составляли служилые люди Волоколамского и Рузского уездов [Зимин, 1977; Dykstra, 2006; Дайкстра, 2007], Троице-Сергиева монастыря — жители Москвы, Подмосковья, а также расположенного неподалеку Переславского уезда [Черкасова, 1996; Черкасова, 2004; Николаева, 2009], Кирилло-Белозерского монастыря — жители с территории, примыкающей к Белому озеру [Никольский, 1897–1910; Дмитриева, 2018], Соловецкого монастыря и вологодских обителей — выходцы с территории Поморья [Лобакова, 2001; Крушельницкая, Тутова, 2001; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря, 2013] и Северо-Востока [Шамина, 2003; Черкасова, 2012]. Несмотря на это, зафиксируем, что, строго говоря, все писцы-иноки, являлись мигрантами. Ниже своё внимание мы сосредоточим на тех из них, кто указал на своё происхождение — место рождения (более или менее длительного проживания) или пострижения.

1. Рукопись 1499/1500 г., содержащую Толкования на Евангелия от Матфея и Марка Феофилакта Болгарского (№ 1), в Валаамском монастыре переписал Фёдор Сеннянский. Согласно А. А. Зализняку, он мог быть родом из Сенной Губы (из Сенногубского погоста на Большом Климецком острове Онежского озера) [Зализняк, 2014: 45]. Не соглашаясь с исследователем, Н. А. Охотина-Линд предположила, что Фёдор являлся выходцем из Троицкого Сенного монастыря, расположенного на Ладожском озере. Факт перехода инока из одной обители в другую, по её мнению, указывает на связь этих монастырей [Охотина-Линд, 1996б: 457–458]. В любом случае очевидно, что писец происходил примерно из того же региона, на территории которого располагался Валаамский монастырь.

2. Арсений (Сахарусов) — писец Евангелия-апракос 1505–1506 гг. (№ 23) — происходил из столичного рода, в XV–XVI вв. служащего митрополитам [Веселовский, 1947: 422–423; Романенко, Сальников, Петрова, 2001; Кузьмин, 2015: 103]. В молодости он принял постриг в находящемся неподалеку от столицы Троице-Сергиевом монастыре. Евангелие он переписал для прихожан Никольской церкви, расположенной на территории Комельской волости Вологодского уезда (по-видимому, рукопись предназначалась упоминаемой в документах Вологодского архиерейского дома под 1628–1703 гг. Никольской церкви [Приходо-расходные денежные книги 2016: 354, 487, 521, 579, 673, 711]). Окончательно покинув Троицу после кратковременного игуменства в ней (1525–1527 гг.), Арсений на территории Комельской волости основал Арсениево-Комельский монастырь, первым настоятелем которого он стал (1529–1550 гг.). Как видим, появление москвича в Комельской волости в конце 1520-х гг. было неслучайно — с ней он был так или иначе связан, по крайней мере, с 1505–1506 гг.

3. Долгой и насыщенной переходами из одного монастыря в другой была жизнь Закхей²¹. Он, по-видимому, являлся сыном игумена Никольского Островского монастыря Сергия и некоторое время проживал в Валаамском монастыре. В нём он переписал ряд рукописей (в 1475 г. — сборник Слов Григория Богослова, в 1495 г. — Евангелие-апракос и некоторые другие, которые точной даты не имеют). Позднее — между 1495 и 1505 гг. — он стал игуменом Спасо-Хутынского монастыря²². Покинув его, Закхей в 1506/07 г. переписал Евангелие-апракос (№ 27) уже в Кириллове Селезневом монастыре, в который он ушёл на покой, по-видимому, в 1506 г. или в 1507 г. (подробнее см.: [Усачев, 2018а: 209–210]). Позднее Закхей перебрался в другую обитель: в 1523 г. в Рождественском Коневском монастыре он выполнил список Евангелия-апракос (№ 156).

4. Место рождения или пострижения переписчика списка Восследования к Псалтири 1520 г. (№ 130) Гурия точно не установлено. Однако известно, что он проживал и работал, по крайней мере, в двух монастырях. В первом — Николо-Угрешском — он начал работу над данной рукописью (вероятно, не позднее 1517 г.), во втором — Дионисиево-Глушицком — её закончил.

5. В 1520 г. Иоасаф Хохолек переписал Лествицу (№ 129) в Филимоновом скиту, который поддерживал контакты как с Кирилло-Белозерским, так и с Ферапонтовым монастырями. Писец был связан, по крайней мере, с первым. Известно, что Иоасаф переписанные им манускрипты вкладывал в Кириллов. Так, в 1517/18 г. он вложил в него точно недатированный Сборник слов Исаака Сирина, который, вероятно, незадолго до этого переписал «живучи в отходе»²³. Учитывая упоминание места «отхода», в котором была переписана Лествица 1520 г. («в отходе старца Филимона»), можно полагать, что и Сборник сочинений Исаака Сирина мог писаться там же. С той или иной степенью гипотетичности с именем Иоасафа можно связывать происхождение ещё, по крайней мере, двух книг — Сборников 1512/13 г. (№ 67) и 1513/14 г. (№ 75). В их выходных записях кирилловского игумена он именует своего «господином» [Усачев, 2018а: 232–233]. Как видим, что перед нами инок Кирилло-Белозерского монастыря, который на момент работы над рукописями проживает в находящемся неподалеку от него Филимоновом скиту.

6. Фотий Старый (ум. 9 марта 1554 г.) принадлежал к числу самых известных писцов Иосифо-Волоколамского монастыря первой половины — середины XVI в. Выходная запись единственной выявленной нами переписанной им датированной книги — Сборника 1519 г. (№ 116) — о его происхождении не упоминает. Однако из Жития Фотия, составленного его учеником Вассианом Кошкой, мы узнаем, что Фотий (в миру — Федор) происходил из Киева, судя по всему, из среды мелких или средних служилых

²¹ О нём и связанных с ним рукописях подробнее см.: [Охотина-Линд, 1996а: 118, 121–125, 127–132, 141–146; Турилов, 2008: 576–578; Турилов, 2017: 141–146].

²² В перечне игуменов этой обители П. М. Строева Закхей в этот период не упоминается [Строев, 1877: 49].

²³ ОР РНБ. Ф. 351 (Собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 78/203. Л. 1–1 об. (полууставная вкладная запись выполнена почерком писца основного текста рукописи).

людей («от благородных родителей»). Некоторое время он проживал в Путивле, находясь на службе у путивльского князя Богдана (одно время Федор являлся воспитателем его сына Владимира). После присоединения Путивля к России в 1500 г. и последовавшей за этим кратковременной службы великому князю московскому ок. 1509 г. Федор принял постриг в обители Иосифа [Древнерусские патерики 1999: 223–226, 453–456]²⁴.

7. К числу самых известных писцов первой половины XVI в. принадлежал Исаак Собака (Бирев)²⁵. Вероятно, являясь постриженником Корнилия Комельского [Синицына, 1977: 63; Сергеев, 2008: 481], скорее всего, в 40-е гг. XVI в. (не позднее 1549 г.) он был архимандритом сначала Симонова, а потом Чудова монастырей. Судя по имеющимся данным, он был связан с целым рядом книжных центров (Симоновым, Кирилло-Белозерским, Нил-Сорским, Чудовым, Троице-Сергиевым, Никольским Волосковым и другими монастырями). Имя Исаака Собаки в качестве писца упоминается в выходной записи Евангелия учительного 1523/24 г. (№ 158). Оно было переписано в Троице по поручению её настоятеля Порфирия. На основе палеографического анализа исследователи атрибутируют Исааку целый ряд других манускриптов. К их числу Н. В. Синицына, в частности, относит список Скитского патерика, переписанного в Кириллове в 1501 г. (№ 7) [Синицына, 1973: 155]. Общее число кодексов первой половины XVI в., происхождение которых в литературе связывается с Исааком Собакой, составляет более двух десятков. Как видим, он в разное время проживал и работал во владимирских, вологодских, белозерских, московских и подмосковных обителях.

8–9. Список Миней служебной на январь 1528/29 г. (№ 190) был выполнен в стенах Кирилло-Белозерского монастыря двумя лицами: «почал писати диак Деряга, иже пострижеся на Угреше и наречен бысть Иасаф, сын Игната, попа покровьского», а закончил работу дьяк Юшко Мисюрьевский (в иночестве Герасим). Очевидно, что Деряга принял постриг в Николо-Угрешском монастыре. Прозвище второго писца — Юшки — даёт основания предполагать, что он мог происходить из населённого пункта Мисюрово [Усачев, 2018б: 113]. Речь могла идти о селе Мисюрово Клинского уезда, входившем в состав владений Иосифо-Волоколамского монастыря [Книга ключей 1948: 28, 34 и др.; АФЗХ 1956: 185 (№ 183)]. Впрочем, несмотря на то что данный топоним встречается нечасто, настаивать на том, что писец происходил именно из этого села, вряд ли возможно.

10. Работавший в калязинском Макарьевом монастыре переписчик Евангелия-тетр 1533 г. (№ 233) отметил, что работу осуществил дьякон Афанасий, «белозерец, ферапонтовский постриженник». Очевидно, что он принял постриг в обители, находящейся в том регионе, где он проживал, а затем перебрался в центр страны.

11. С именем инока Вассиана Дракулы связано происхождение, по крайней мере, двух датированных рукописей. Первая — 1537/38 г. — содержит

²⁴ О Фотии Старом и его книгописной деятельности см.: [Дмитриева, 1989б: 484–486; Дайкстра, 2007: 294; Баранкова, 2011: 71–74].

²⁵ Подробнее об Исааке Собаке и атрибутируемых ему манускриптах см.: [Дмитриева, 1988; Турилов, 2011: 9–11; Шевченко, 2013: 350–361].

список Хронографа 1512 г. (№ 267). Этот памятник, как установили А. Д. Седельников и подтвердивший его выводы Б. М. Клосс, составлялся в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1516–1522 гг. под руководством известного книжника первой половины XVI в. — племянника Иосифа Волоцкого Досифея (Топоркова) [Седельников 1929; Клосс 1980: 157–169]. Он же и выступил в роли заказчика кодекса 1537/38 г. Таким образом, работа Вассиана Дракулы в стенах этой обители возможна. Также вероятно переписка книги и в тверском Саввине (Саватьеве) монастыре, в который её вложил Досифей, некоторое время проживавший в этой обители. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность переписки списка Хронографа в Москве: как показал Б. М. Клосс, в 20–30-е гг. XVI в. в столице при Всероссийской кафедре книгописные работы осуществляли волоколамские писцы [Клосс, 1972; Клосс, 1974; Клосс, 1980: 81–87]. Таким образом, вопрос о месте переписки данного списка Хронографа редакции 1512 г. и, соответственно, месте работы Вассиана Дракулы в 1537/38 г. на данном этапе следует считать открытым [Усачев, 2018а: 224–226].

Более определенные сведения о месте работе писца и его происхождении содержит выходная запись рукописи из Музейского собрания ГИМ, содержащей список Топографии Козьмы Индикоплова 1552/53 г. (№ 398). Она сообщает о том, что её переписал в Николо-Песношском монастыре по заказу его игумена Варсонофия «чернец клирик Васиан, глушицкой постриженик, а по реклу Дракула». Как прямо следует из текста источника, Вассиан принял постриг в Дионисиево-Глушицком монастыре. Очевидно, через некоторое время после переписки списка Русского Хронографа Вассиан перебрался в Николо-Песношский монастырь. Вероятно, переход Вассиана, выполнявшего поручения одного из самых известных волоколамских иноков, в Николо-Песношский монастырь следует рассматривать в контексте весьма тесных контактов между этими двумя обителями в данный период [Усачев, 2018а: 226, 337–338].

12. Как сообщает выходная запись списка Миней четъей на июль 1538 г. из Софийского комплекта Великих Миней Четъих (№ 270), работу осуществил «инок Аркадец, Пафнутиева монастыря постриженик». Работа над Софийским комплектом велась в Новгороде по поручению архиепископа Макария (1526–1542 гг.). Он принял постриг в Пафнутьево-Боровском монастыре, в стенах которого провел около трёх десятилетий. Связь с ним он сохранил и после ухода из него. Вероятно, Аркадец был одним из иноков боровской обители, которые сопровождали Макария в Новгород.

13. В роли писца, переписанного в Троице-Сергиевом монастыре Торжественника 1540/41 г. (№ 286), выступил Тит — постриженик вологодского Николо-Озерского монастыря. Акцентная система данной рукописи близка к манускриптам, происхождение которых, так или иначе, было связано с Вологодским краем [Аксенова, 1981: 76; Зализняк, 2014: 69]. Это побуждает думать, что Тит, скорее всего, родился в этом регионе (или, по крайней мере, длительное время там проживал до пострига). Не позднее 1547/48 г. Тит перебрался в Кирилло-Белозерский монастырь. В его стенах он переписал толковое Евангелие от Иоанна 1547/48 г. (№ 340) и от Луки 1548/49 г. (№ 354). Вкладная книга Кириллова позволяет уточнить некоторые факты

биографии Тита и последующую судьбу его книг. Этот источник сообщает, что Тит являлся клириком («крылошанином») и данные рукописи поступили в библиотеку обители²⁶.

14. Весьма насыщенная событиями биография знаменитого старца Артемия, постриженника Корнилия Комельского, демонстрирует связи, установившиеся между иноками обителей Северо-Востока и Подмосковья²⁷. В находящейся неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря Порфирьевой пустыни в 1542/43 г. Артемий переписал Сборник поучений Василия Великого (№ 302). Вероятно, Артемий некоторое время жил в ней. Покинув её, он около 1543–1550 гг. проживал в Псково-Печерском монастыре. В 1551–1553 гг. Артемий являлся игуменом Троице-Сергиева монастыря. После осуждения на зимнем Соборе 1553–1554 гг. Артемий был сослан на Соловки, откуда ему удалось бежать в Великое княжество Литовское.

15. В роли писца списка Псалтири 1543 г. (№ 306) выступил Игнатий (Курачев), работавший, по-видимому, в Троице. Указание на статус и происхождение писца отсутствует в тексте записи. Однако его принадлежность к братии несомненна. Точно известно, что, по крайней мере, в 50-е гг. XVI в. Игнатий проживал в Троице. Об этом сообщают материалы суда над старцем Артемием (конец 1553 — начало 1554 г.). На нём Игнатий выступил одним из обвинителей [ААЭ 1836: 252 (№ 239)]. На факт длительного проживания в Троице указывает и упоминание писца Иваном IV в числе троицких иноков (правда, без привязки к конкретной дате) в своём послании в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.). Этот источник сообщает сведения и о происхождении Игнатия. Первый русский царь в своём послании пишет: «...А и перед нашим очима Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе...» [Послания Ивана Грозного, 1951: 180]. Как видим, Игнатий происходил с территории, примыкающей к Белому озеру, и лишь позднее поселился в Троице, в которой скончался в 1559 г. [Список погребённых, 1880: 72 (№ 790)]. Судя по всему, он принадлежал к роду белозерских землевладельцев Курачевых: в актах второй четверти XVI в. упоминаются Сидор и его сын Иван (о них см.: [Грязнов, 2019: 295, 297, 303, 315]). Трудно сказать, где именно он принял постриг. Вполне возможно, речь могла идти об одной из белозерских обителей. Во всяком случае, факт связи Игнатия и его родственников, по крайней мере, с Кирилловым несомненен. Его вкладная книга упоминает достаточно крупные вклады (50 и 19 руб.) Сидора Курачева и его сына Ивана. Этот источник фиксирует и вклад самого Игнатия — 5 руб. — в Кириллов «по брате своем» (вероятно, по Сидоре или Иване). Известно, что владения Курачевых (часть их была заложена обители Кирилла) располагались по р. Шексне [Алексеев, 2010: 49, 52, 76; Грязнов, 2019: 303, 315].

16. Список Псалтири 1543 г. (№ 309) выполнил в Николо-Угрешском монастыре чёрный дьякон Левкий, «родом серпоховитин».

17. Богородичник 1543/44 г. (№ 310) был списан по поручению волоколамского игумена Гурия (Руготина) иноком Германом (Садыревым-Полевым).

²⁶ Алексеев А. И. Первая редакция... С. 52.

²⁷ Основные факты биографии Артемия см.: [Калугин, 2001].

Герман происходил из связанного с обителью Иосифа рода землевладельцев Волоколамского уезда. Есть определенные основания предполагать, что в свою бытность архимандритом свияжского Успенского монастыря (1555–1564 гг.) до поставления на казанскую кафедру Герман мог заниматься в этой обители перепиской книг [Чечулин, 1888: 375–376; Усачев, 2018а: 205–206].

18. В роли писца и заказчика ряда манускриптов выступил инок, позднее келарь Троице-Сергиева монастыря Адриан (Ангелов) (ум. не ранее 1563/64 г.)²⁸. Наиболее ранней известной нам переписанной им книгой является богато иллюминированное Евангелие-тетр 1547/48 г. (№ 341). Оно было переписано в Троице, как и Псалтирь 1551/52 г. (№ 387). В случае с Минеей четьей на май 1557/58 г. (№ 452) Адриан выступил уже в роли заказчика. Вероятно, писец к 1547/48 г. уже имел значительный монастырский «стаж» и, соответственно, был немолод. Так, судя по всему, между 1538 и 1548 гг. он некоторое время проживал в Корнильево-Комельском монастыре, где встречался со старцем Артемием [ААЭ, 1836: 252 (№ 239)]. До прихода в Троицу Адриан мог проживать и в Кириллове. Так, его вкладная книга упоминает следующий вклад: «По Несфире Андрияновиче, ученик Ангелова, дали 3 рубли, и в сенаник написан». Публикатор, комментируя эту запись, высказал мнение о том, что речь идет об ученике троицкого келаря [Алексеев, 2010: 52, 77]. В принципе возможны два варианта: либо ученик Адриана был воспитан в Кириллове, либо, приняв постриг в Троице, он перебрался в белозерскую обитель. В пользу первого варианта говорит факт нахождения имущества Адриана в Кириллове. Так, Опись имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. фиксирует «Псалтырь Андреяна Ангелова в полдесть писменую» [Опись строений, 1998: 125]²⁹. Последняя могла быть переписана либо непосредственно в Кириллове, либо в Троице. Возможно, связь Адриана с расположенной на северо-востоке России обителью была обусловлена его происхождением. Адриан являлся сыном потомка византийских императоров Микулы Ангелова, который переехал на Русь ко двору Ивана III и Софьи Палеолог в последней четверти XV в. [Флоря, 1982: 126–127]. По матери он происходил из рода крупнейших костромских вотчинников Сабуровых — потомков боярина XIV в. Дмитрия Зерно. Его отец Микула Ангелов женился на дочери Дмитрия Семеновича Пешкова-Сабурова, троюродной сестре великой княгини Соломонии Сабуровой [Кучкин, 2004: 141]. Вероятно, с родственными связями Адриана и стоит связывать его весьма вероятные контакты с Кирилловым.

Таким образом, можно полагать, что Адриан, несомненно, занимался перепиской книг в Троице и вполне вероятно в Корнильево-Комельском и Кирилло-Белозерском монастырях.

19. Евангелие-тетр 1551 г. (№ 386) на Соловках переписал Иоасаф (Белобаев). Судя по тексту Сказания о соборе на Матвея Башкина, которое

²⁸ Основные сведения об Адриане см.: [Клосс, 1998а: 137–138; Кучкин, 2004; Макарий (Веретенников), 1995; Адриан (Ангелов), 2000].

²⁹ Отметив это известие, Макарий (Веретенников) в то же время указал на то, что имя Адриана отсутствовало в кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря [Макарий (Веретенников), 1995: 126].

составлялось через некоторое время после Собора 1553–1554 гг., Иоасаф вскоре после Собора скончался. Значительную часть своей жизни писец провел в других обителях. Так, его вызвали с Соловков для дачи показаний на Соборе конца 1553 — начала 1554 гг., осудившем старца Артемия. Учитывая то, что в материалах Собора Иоасаф упоминается как «свой старец» рязанского владыки Кассиана [Московские соборы на еретиков, 1847: 1], можно предположить, что он был каким-то образом связан с этим иерархом, который незадолго до смерти перебрался в Кириллов. С известной долей гипотетичности можно допустить, что эта связь могла быть установлена в период пребывания обоих в северных обителях. Так, известно, что какое-то время Иоасаф вместе со старцем Артемием и некоторыми другими иноками проживал в Порфирьевой пустыни, находящейся неподалеку от Кириллова [Курбский, 2015: 192]. Таким образом, скорее всего, писцовые навыки Иоасаф (Белобаев) получил в белозёрских обителях.

20. Происхождение ряда рукописей связано с фигурой писца Иоакима, постриженника суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. Самый ранний из известных нам манускриптов, переписанных Иоакимом, содержит список Кормчей 1553 г. (№ 405). Учитывая то, что в роли заказчика выступил архимандрит волоколамского Возмицкого монастыря Иона (Гнильевский), можно предполагать, что Кормчая переписывалась в стенах этой обители. Во всяком случае, заказчика писец именует «господином отцом». При этом, конечно, заказ Ионы мог быть выполнен и в находящемся неподалеку от Возмицкого монастыря Иосифо-Волоколамском³⁰. Происхождение всех остальных известных рукописей Иоакима было связано с последним. К их числу относятся Церковный устав 1553 г. (№ 401), Торжественник 1553/54 г. (№ 410) и рукопись 1557/58 г., содержащая список Геннадиевской Библии (№ 444).

Появление Иоакима в волоколамской обители можно связывать с фактами биографии одного из постриженников обители Иосифа — Трифона (Ступишина). В 1542–1544 гг. он являлся игуменом тесно связанного с иосифлянами в этот период Николо-Песношского монастыря. В 1544 г. Трифон перебрался в столицу, став симоновским архимандритом. 10 марта 1549 г. он был поставлен на Суздальскую кафедру. В 1551 г. ввиду «немощи» Трифон оставил её, вернувшись в Иосифо-Волоколамский монастырь (позднее — в 1563–1566 гг. — вероятно, оправившись от болезни, он был вторично поставлен на кафедру, на этот раз на Полоцкую) (о биографии Трифона см.: [Давиденко, 2016: 17–32]). Как видим, дата возвращения Трифона

³⁰ Точные даты окончания работ над Кормчей (30 октября 1553 г.) и Церковным уставом (30 января 1553 г.) не вносят ясности в вопрос о месте переписки Кормчей. Хотя Церковный устав (как и последующие рукописи Иоакима) создавался в Иосифо-Волоколамском монастыре, это не исключает возможности приглашения положительно зарекомендовавшего себя писца в находящийся неподалеку монастырь вскоре после переписки Церковного устава. Судя по дате переписки в стенах обители Иосифа Торжественника — 1553/54 г. — Иоаким не позднее этого времени уже проживал в её стенах. Таким образом, если Иоаким проживал в Возмицком монастыре, то его пребывание там было достаточно кратковременным — с периода не ранее 30 января 1553 г. по период не ранее 30 октября того же года. Судя по тому, что в XVI в. работа над книгой, как правило, занимала несколько месяцев, можно полагать, что этот временной интервал был вполне достаточен для переписки пусть и достаточно объёмного кодекса (формат рукописи — 1°, объем — 804 л., описание см.: [Корогодина, 2017: 124–125]).

из Суздаля в обитель Иосифа близка ко времени появления в ней Иоакима³¹. Допустимо думать, что Трифон, возвращаясь в «свой» монастырь, взял с собой и инока близкого к суздальской кафедре Спасо-Евфимьева монастыря. Подобные случаи известны. Так, полоцкий архиепископ Афанасий (Палецкий), покидая Полоцк и возвращаясь в Кирилло-Белозерский монастырь в 1568 г., взял с собой Семейку (в иночестве — Леонида) Ширшова (вероятно, своего слугу), позднее игравшего весьма заметную роль в жизни этой обители [Грицевская, 2014: 201–224].

Возможно, Иоаким проживал не только в суздальских и волоколамских обителях. Известна ещё одна, правда, точно недатированная рукопись — Псалтирь. Её происхождение также было связано с фигурой Иоакима. Как сообщает владельческая запись, Псалтирь вложил в волоколамскую обитель «угрешской игумен Пимин Садыков, а письмо Якимово, постриженника Спасского Еуфимьева монастыря»³². Пимен являлся угрешским игуменом в 1561–1571 гг. До этого он был настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря (1558–1561 гг.) [Строев, 1877: 182, 205]. Где именно и в какое время Иоаким выполнил данный заказ — в Николо-Угрешском монастыре или Волоколамском — сказать сложно. В принципе оба варианта возможны.

Таким образом, Иоаким, приняв постриг в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре, позднее переписывал книги в Иосифо-Волоколамском, а также, возможно, в Возмицком и Николо-Угрешском монастырях.

21. Список Псалтири 1553/54 г. (№ 409) в Кирилло-Белозерском монастыре выполнил инок «Асафишка, бывший игумен богоявленский». Настоятелем какого именно Богоявленского монастыря ранее являлся писец, нам установить не удалось. Возможно, Иоасаф вернулся в тот монастырь, в котором ранее принял постриг. Также нельзя исключить, что он постригся в Богоявленском монастыре. Несомненно одно — занимавшийся книгописанием инок проживал, по крайней мере, в двух обителях.

22. В роли писца Евангелия-тетр 1555/56 г. (№ 422) выступил чёрный священник Симон, работавший в Смоленске «при владыце Симеоне». С определённой долей гипотетичности можно предполагать, что позднее писец удалился в Кириллов, из которого, по-видимому, он прибыл в Смоленск. Упомянутый в записи смоленский епископ Симеон был поставлен на Смоленскую кафедру 17 марта 1555 г. из настоятелей Кирилло-Белозерского монастыря, с которым он не порывал связей и в смоленский период (в частности, он давал вклады в Кириллов) [Усачев, 2018а: 78–80]. Допустимо думать, что писец, как и архиерей, являлся выходцем из Кириллова. Известно, что игуменов тех или иных обителей, которые переводились в другие обители или ставились на кафедры, сопровождали иноки из соответствующих монастырей. С ними они, судя по всему, не порывали связей. Вероятно, писца Евангелия-тетр 1555/56 г. (№ 422), который мог со своим имуществом позднее вернуться в свою Alma Mater (рукопись сохранилась

³¹ Появление Иоакима в обители Иосифа должно было состояться, по меньшей мере, за несколько месяцев до 30 января 1553 г. (даты окончания работы над Церковным уставом). Это даёт основания полагать, что писец, скорее всего, не позднее лета — осени 1552 г. уже проживал в Иосифо-Волоколамском монастыре.

³² Цит. по: [Книжные центры, 1991: 199].

в составе собрания Кирилло-Белозерского монастыря РНБ), стоит рассматривать в этом ряду.

23. Как отмечает выходная запись списка Сочинений Василия Великого 1555/56 г. (№ 427), «писал сию книгу многогрешный инок Исаия по реклу Каргополець». Работа, по-видимому, велась в Троице-Сергиевом монастыре: в роли её заказчика выступил старец этой обители Иона Зуй. После его кончины книга осталась в монастырской библиотеке. Трудно сомневаться в том, что прозвище писца указывает на его происхождение или как минимум длительное проживание в Каргополе или его округе.

24. Список Апостола 1557/58 г. (№ 443) был выполнен в Спасо-Прилуцком монастыре. Однако в роли заказчика выступил настоятель другой обители — Николо-Коряжемского монастыря — Вассиан. Работу осуществил «повелением и государя игумена Васиана... ученик игумена Васиана» инок Иов. Вероятнее всего, Иов являлся иноком Николо-Коряжемского монастыря (возможно, постриженником Вассиана) и позднее перебрался в прилуцкую обитель, при этом сохранив связь со своим наставником [Усачев, 2018а: 339].

25. Кодекс 1557/58 г., содержащий Стихирарь, Ирмологий и Октоих (№ 456), в Симоновом монастыре переписал «инок Елисей, родом вологжанин, а постриженник Николы, чудотворца угрешского». Как видим, Елисей проделал путь от Вологды до подмосковного Николо-Угрешского и столичного Симонова монастырей.

26. Прозвище переписчика Сборника поучений Феодора Студита 1558/59 г. (№ 467) кирилловского инока Вассиана — Двинянин — не оставляет сомнений в его происхождении с берегов Северной Двины.

27–29. К созданию Сборника 1562/63 г. (№ 488) находящийся на покое в Иосифо-Волоколамском монастыре новгородский владыка Феодосий в качестве помощников привлёк своих учеников — Иеремию и Евфимия (Туркова). Если вся иноческая жизнь выходца из рода служилых землевладельцев Новгородской земли Евфимия после пострига была связана с обителью Иосифа [Клосс, Кузьмин, 2008], то биографии Феодосия и Иеремии были более насыщенными. Связанный со столичной политической элитой волоколамский постриженник Феодосий (в миру он был слугой боярина С.И. Воронцова) некоторое время являлся игуменом новгородского Спасо-Хутынского монастыря (1531–1542 гг.), а позднее новгородским владыкой (1542–1551 г.). На склоне лет он вернулся в свою прежнюю обитель. Иеремия в 1564–1565 гг. являлся архимандритом свияжского монастыря Успения Богородицы, в 1567–1576 гг. — казанского Спасо-Преображенского монастыря, а в 1576–1581 гг. занимал Казанскую кафедру. Прямых данных об участии Феодосия и Иеремии в книгописных работах, которые велись соответственно в Новгороде и Казани, нет. Однако и исключать полностью её мы не можем. В любом случае известно, что в новгородский период Феодосий написал ряд посланий [Филишкин, 2000; Макарий (Веретенников), 2006; Смирнова, 2016; Копанева (Смирнова), 2021].

30. Работа над списком Псалтири 1565 г. (№ 502) осуществлялась в вологодском Григориев Пельшемском Лопотовом монастыре рукой «чернца, бывшего игумена Каменского и Богоявленского, постриженника Кирилова монастыря» (в силу ряда утрат в тексте записи, выполненное тайнописью

имя писца нам расшифровать не удалось). Как видим, писец за свою жизнь жил, по крайней мере, в четырёх обителях: приняв постриг в Кириллове, некоторое время он являлся настоятелем вологодского Спасо-Каменного и не-установленного Богоявленского монастырей, а на склоне лет ушёл на покой в Лопотов.

31. Чёрный дьякон новгородец Герасим в 1567/68 г. выполнил список Миней четьей на январь (№ 524). Если справедливо предположение Е. М. Юхименко о том, что в роли антиграфа выступила Миней на соответствующий месяц из Софийского комплекта Великих Миней Четых [Юхименко, 2002: 100–101], то можно предполагать, что работа, скорее всего, велась в Новгороде или его округе.

32. Работавший по поручению игумена Николо-Угрешского монастыря Пимена (Садыкова) писец Апостола 1570 г. указал на своё происхождение: клирик угрешской обители Симеон (Голыгин) являлся постриженником обители Иосифова, а «естеством же родом влеком от предел царствующаго града в славном градци Радонежа»³³. Появление Симеона в угрешской обители, по-видимому, было связано с тем, что Пимен (Садыков) ранее являлся волоколамским игуменом. Скорее всего, Симеона он взял с собой.

33. На Соловках «инок Феоктист, москвитин, постриженник Соловецкаго же монастыря», в 1572/73 г. выполнил список Евангелия-тетр (№ 550).

34. В роли писца списка Евангелие-тетр 1575–1576 гг. (№ 558) выступил инок Макарий. Работу он начал в стенах калязинского Макарьева монастыря по поручению старца Кирилла, а закончил её уже в другой обители — Александро-Свирской. Судя по всему, Макарий перебрался в неё не один. На это указывает выполненная по нижнему полю л. 1–8 кодекса вкладная запись старца Арсения, постриженника калязинского Макарьева монастыря, в другой северный монастырь — Антониево-Сийский. Вероятно, Арсений некоторое время являлся владельцем книги. Скорее всего, он вместе с Макарием, место пострижения которого точно неизвестно, перебрался из калязинской обители на Север [Усачев, 2018а: 94].

35. В роли переписчика списка Октоиха на крюковых нотах 1576–1580/81 гг. выступил инок Герасим, «постриженник Макарьевы пустыни в Козельску». Точное место переписки Октоиха нам установить не удалось. Очевидно лишь, что речь идёт о Северо-Западе страны (в качестве правящего архиерея выходная запись упоминает новгородского владыку). Исходя из упоминания имени строителя обители (Макария), в которой велась работа, мы высказали предположение о том, что речь могла идти о находящемся неподалеку от Порхова Демянском Рождественском монастыре (в нём в близкий период фиксируется строитель с таким именем)³⁴.

36. Кирилловский постриженник Боголеп Губа в стенах этой обители в 1584–1587/88 гг. выполнил список Апостола (№ 605). Позднее Боголеп перебрался на Соловки: его имя фигурирует в выходной записи переписанного

³³ Вероятно, инок принадлежал к роду служилых людей Голыгиных, которые, судя по данным топонимики, располагали владениями к югу от Радонежа. О месте расположения села Голыгино см.: [Чернов, 2000: 656].

³⁴ Подробнее о датировке и возможном месте переписки книги см.: [Усачев, 2018а: 101–102].

в обители Зосимы и Савватия сборника Слов Григория Богослова 1591/92 г. (№ 643). Не позднее 1599/1600 г. Боголеп вместе с другими соловецкими иноками перебрался в подмосковную Троицу (как будет показано ниже, на рубеже XVI-XVII вв. в обитель Сергия перешла группа соловецких иноков). В её стенах в 1599/1600 г. он переписал Торжественник постный (№ 711). В общей сложности с этим книжником было связано происхождение и бытование не менее 21 рукописной книги [Усачев, 2018а: 222–224; Левичкин, 2020].

37. Работу над списком Псалтири 1586/87 г. (№ 598) инок Евстафий начал в Ростове «по благословению государя моего отца Варлаама [Рогова. — А. У.], архиепископа ростовского», а завершил в Кириллове (ранее Варлаам являлся его настоятелем). Точное место пострижения и проживания писца неизвестны. Однако ввиду того, что он бывшего кирилловского игумена именует своим «государем», а работу заканчивает в Кириллове, эта обитель выглядит предпочтительнее. Вероятно, Евстафий отправился вслед за своим игуменом в Ростов, а через некоторое время после его поставления на кафедру вернулся в белозерскую обитель [Усачев, 2018а: 228–229].

38. Выходец из Старицы Мисаил (Гневашев) принадлежал к кругу писцов патриарха Иова, выполняя его заказы, вероятно, в столице (Служебник 1587/88 г. (№ 608) и др.). Появление в Москве Мисаила может быть связано с происхождением Иова. В 60–70-е гг. XVI в. он являлся настоятелем старницкого Успенского монастыря [Строев, 1877: 460].

39. К числу писцов круга патриарха Иова принадлежал перебравшийся в Россию в 1560-е гг. инок Исайя, являвшийся уроженцем Каменца Подольского. В России в 1590 г. он переписал рукопись, содержащую Толкования на Евангелия от Матфея и Марка Феофилакта Болгарского (№ 632) (о нём см.: [Каган, 1988; Пидгайко, 2011]).

40. В соловецкой обители Даниил — постриженник вологодского Спасо-Евфимьева Сянженского монастыря — в 1590/91 г. переписал Евангелие-тетр (№ 633).

41. В 1591 г. по поручению вологодского архиепископа Ионы (Думина) в стенах находящегося на территории подвластной ему епархии Павлова-Обнорского монастыря Арсений переписал список Апокалипсиса и Жития Иоанна Богослова (№ 637). Ранее писец являлся игуменом калязинского Макарьево монастыря.

42. Постриженник Соловецкого монастыря Стахий в его стенах в 1588 г. переписал Сборник (№ 617). Выходная запись другой переписанной им книги — Торжественника 1599/1600 г. (№ 712) — этого писца фиксирует уже в Троице (впрочем, книга предназначалась соловецкой обители). В троицких документах под 1609 г. упоминается «костромитин» инок Стахий [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, 1987: 199]. Если речь действительно идёт о нём (данное имя крайне редко встречается в русском иноческом именослове³⁵), то можно думать, что до своего пострижения на Соловках Стахий проживал в Костроме.

³⁵ О степени широты распространения в России XVI в. данного имени свидетельствует то, что оно не фигурирует в новейшем обзоре имён русских иноков эпохи Средневековья [Успенский Б.А., Успенский Ф.Б., 2017].

43. Выходная запись Стихираря на крюковых нотах 1593/94 г. (№ 67) в роли писца фиксирует постриженника переславского Мирзина монастыря Герасима в вологодском Павлов-Обнорском монастыре.

44. Некий митрополит Лука в 1594 г. в Москве переписал Каноник (№ 674). О происхождении писца трудно сказать что-либо определенное. По-видимому, речь шла об иерархе, который прибыл в Россию с Балкан (возможно, это был известный каллиграф Лука Бозеу, русские автографы которого, правда, пока не выявлены) [Усачев, 2018а: 212].

45. Кодекс 1600 г., содержащий памятники, посвящённые Зосиме и Саватию Соловецким (№ 731), переписал соловецкий инок клирик Леонид. В 1611 г. выходная запись переписанной, по-видимому, им же книги фиксирует его уже в другой обители Русского Севера — во Введенском монастыре Соли Вычегодской [Усачев, 2018а: 236].

Оценивая масштабы миграции иноков-писцов, отметим, что рассмотренными лицами их перечень не ограничивался. Известны имена целого ряда других книжников — порой весьма заметных — имена которых, однако, не фигурируют в текстах датированных выходных записей. При этом привлечение целого ряда других источников позволяет зафиксировать факты их присутствия в 2–3, а иногда и большем числе населённых пунктов (прежде всего, в городах и монастырях). Приведём сведения лишь о некоторых из них.

Судя по тексту Жития Иосифа Волоцкого и иным источникам, уделявший немалое внимание книгописанию выходец из рода служилых земледельцев Волоколамского уезда Саниных до основания знаменитой обители Иосиф последовательно проживал в тверском Саввином (Савватьевом), Пафнутьево-Боровском и Кирилло-Белозерском монастырях [Алексеев, Басова, Шевченко, 2010: 560–561]. Не меньшей активностью отличался его племянник Досифей (Топорков). В разное время он жил в Иосифо-Волоколамском, тверском Саввином, Пафнутьево-Боровском, столичном Симоновом монастырях, а также Новгороде [Кузьмин, Макарий (Веретенников), 2004]. Источники фиксируют факты пребывания знаменитого старца Максима Грека в Греции, на островах Эгейского моря, в Италии, на Афоне, в Москве, в Иосифо-Волоколамском, тверском Отрочь и Троице-Сергиевом монастырях [Синицына, 1977]. Другой весьма заметный выходец с Балкан первой трети XVI в. — Лев Филолог — в различные периоды своей весьма насыщенной переездами биографии проживал и творил в Сербии, на Афоне, а также в России [Лихачев, 1970; Дмитриева, 1987].

Самым активным из известных нам русских иноков-мигрантов второй половины XVI — начала XVII в. являлся Иона Соловецкий. Его биография во многом уникальна. О своих многочисленных переездах Иона сообщил в своей не имеющей аналогов автобиографии. Она описывает 35-летний период его странствований по различным монастырям, расположенным главным образом на территории Русского Севера [Морозов, 2001: 450–453]. Иона более или менее длительное время проживал: в Соловецком, Александро-Свирском, Спасо-Хутынском, Тихвинском Успенском, Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом, московском Чудовом монастырях, на московском подворье Кириллова, в Зеленецкой пустыни, в Петровском монастырьке, в Рождественском Коневском монастыре и иных населённых

пунктах³⁶. Отдавая должное энергии Ионы, вместе с тем отметим, что о его многочисленных переездах известно благодаря автобиографии. Иные писцы после себя подобных источников не оставили. В свете представленного выше материала трудно сомневаться в том, что Ионий круг активно перемещавшихся по Восточной Европе русских иноков не ограничивался.

Есть данные о переездах по территории *Slavia orthodoxa* книжников и в более раннее время. К числу наиболее известных среди них принадлежал самый плодовитый агиограф эпохи русского Средневековья — Пахомий Серб. Он являлся иноком одного из афонских монастырей. О его жизни до приезда на Русь почти ничего неизвестно. Принимая во внимание его прозвище, допустимо думать, что до своего прихода на Русь он мог проживать не в одной обители и не только на Афоне. В 30-е гг. XV в. Пахомий прибыл на Русь, где провел почти полстолетия. В разное время он жил и творил, по крайней мере, в Новгороде, Москве, Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях³⁷.

Конечно, Пахомия Серба, Досифея (Топоркова) или Иону Соловецкого трудно отнести к числу типичных монахов. Однако, рассматривая их на фоне активных перемещений целого ряда других известных книжников и деятелей Церкви, можно думать, что переходы между различными подчас весьма удалёнными друг от друга населёнными пунктами (пусть и не столь активные как у них) были вполне обычным делом для русского монашества эпохи Средневековья и раннего Нового времени. На это, в частности, указывают случаи перемещения целых групп иноков, многие из которых оставили заметный след в истории книжной культуры.

Общеизвестно, что вслед за Иосифом шесть иноков, некоторые из которых являлись известными книжниками (Вассиан (Санин), Герасим Черный), покинули боровскую обитель и в 1479 г. основали монастырь под Волоколамском. Последний в XVI в. стал одним из самых крупных книжных центров страны. В 1520-е гг. группа иноков этого монастыря последовала в столицу за своим игуменом Даниилом, возведённым на Всероссийскую кафедру. Как уже отмечалось выше, в Москве они приняли активное участие в воплощении его литературных замыслов (в составлении Никоновской летописи и некоторых иных памятников). Не менее шести иноков Спасо-Андроникова и Николо-Песношского монастырей в 1555 г. последовали за постриженным первым и настоятелем второго Варсонофием в Казань, где вместе с ним они основали Спасо-Преображенский монастырь [Усачев, 2018а: 336–339]. Около десятка соловецких иноков в конце XVI в. переехали в Троице-Сергиев монастырь [Панченко, 2004; Французова, 2010]. В его стенах выходцы из поморской обители не только играли заметную роль в управлении (келари Авраамий (Палицын) и Александр (Булатников)), но и занимались перепиской книг (Стахий и Боголеп Губа). Вслед за переходом в Москву настоятеля старицкого Успенского монастыря Иова в столицу перебралось и несколько писцов из Старицы (Мисаил (Гневашев) и, вероятно, другие) [Костюхина, 1999: 31–32].

³⁶ О перемещениях Ионы подробнее см.: [Морозов, 1997].

³⁷ Обзор основных фактов биографии Пахомия и его сочинений см.: [Яблонский, 1908; Прохоров, 1989].

Практику перехода — в ряде случаев, возможно, временного — иноков из одной обители в другую в рассматриваемый период среди прочего фиксируют хозяйственные книги монастырей. Например, приходо-расходные книги, акты и иные источники фиксируют достаточно широкий ареал поездок иноков и слуг соловецкой обители по различным монастырским делам³⁸. Он, по сути, охватывал весь Русский Север [Савич, 1927; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря, 2013]. Судя по перечню подворий Кирилло-Белозерского монастыря, география разъездов его иноков был ничуть не уже: во второй половине XV — XVI вв. помимо Москвы у этого монастыря были дворы в Вологде, Дмитрове, Белозерске, Кашине, Угличе, Твери, Великом Новгороде, Пскове, Каргополе, Турчасовском посаде, двинской волости Умбе [Черкасова, 2006]. Основываясь на материале приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI в., М. В. Кукушкина показала, что «месяцами жили в монастыре “служебники” и крылошане из Соловецкого, Свяжского, Хутынского, Сийского и других монастырей, которые за деньги и иное вознаграждение могли заниматься и перепиской книг» [Кукушкина, 1999: 118–119]. На регулярные поездки в столицу иноков монастырей (порой весьма удалённых от неё) указывают как хозяйственные книги этих обителей, так и факт существования в Москве целого ряда монастырских подворий. В период Средневековья и раннего Нового времени на её территории находились подворья не менее 11 монастырей (Кирилло-Белозерского, Владимирского Рождественского, Троице-Сергиева, Николо-Угрешского и др.) [Щенкова, 1998; Панова, 2006].

Приведённые выше случаи переходов иноков из одной обители в другую перед историком Церкви неизбежно ставят вопрос: как согласовывались перемещения иноков с монашеской дисциплиной? Речь шла о переходах иноков, в ряде случаев проживавших в монастырях одних епархий, в обители, находящиеся на территории иных (т.е. в другой церковной юрисдикции). Известно, что Стоглав запрещал «скитаться» по городам и селам «чернецам и черницам». Этот свод церковных правил предписывал их всех собрать, переписать и распределить по общим монастырям [Емченко, 2000: 373, 376].

В полной мере ответить на вопрос о степени соответствия канонам перемещений иноков из одной обители в другую не представляется возможным. Очевидно, что решение этого вопроса потребует специального изучения норм канонического права. В данной работе мы рассматриваем не каноническую норму, а существовавшую в XVI в. практику. Изучение степени соответствия последней первой требует особого исследования, выходящего за рамки стоящих перед нами задач.

Исходя из имеющихся данных, можно полагать, что, по крайней мере, в ряде случаев иноки следовали за своим наставником или игуменом:

Иоасаф Хохолек из Кириллова удалился в находящийся неподалеку Филимонов скит, вероятно, вслед за своим наставником Филимоном;

³⁸ Так, в 1553 г. в этой обители был составлен «Устав о монастырском платье», в котором фиксируется одежда, выдаваемая монастырем инокам, регулярно выезжавшим из обители по различным делам [Лобакова, 2001].

Вассиан Дракула, выполнявший заказы известного волоколамского инокка Досифея (Топоркова), перешёл в тесно связанный с обителью Иосифа Николо-Песношский монастырь. Нельзя исключить, что он следовал за кем-то из волоколамских иноков (например, за Гурием (Заболоцким) или Трифоном (Ступишиным), в разное время возглавлявших дмитровскую обитель);

Трудно сомневаться в том, что появление писца Софийского комплекта Великих Миней Четых Аркадия, постриженника Пафнутьево-Боровского монастыря, было связано с поставлением на Новгородскую кафедру выходца из боровской обители Макария;

Вероятно, появление постриженника суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакима в волоколамской обители было связано с возвращением в неё суздальского епископа Трифона (Ступишина). Нельзя исключить факт пребывания в Николо-Угрешском монастыре волоколамского писца Иоакима, который мог последовать в эту обитель вслед за перебравшимся в неё волоколамским игуменом Пименом (Садыковым);

Переход волоколамского постриженника Симеона (Голыгина) в угрешскую обитель, скорее всего, был связан с переводом в неё Пимена (Садыкова);

Вероятно, кирилловский старец Симон последовал в Смоленск за кирилловским игуменом Симеоном, занявшим Смоленскую кафедру;

Появление в Казани Иеремии и некоторых других волоколамских иноков было обусловлено поставлением на Казанскую кафедру выходца из обители Иосифа Гурия (Руготина), некоторое время бывшего ее настоятелем;

Появление кирилловского инокка Евстафия в Ростове было связано с поставлением кирилловского игумена Варлаама (Рогова) на соответствующую кафедру;

Переход в столицу старицкого писца Мисаила (Гневашева) был обусловлен переездом в Москву игумена старицкого Успенского монастыря Иова, позднее занявшего Всероссийскую кафедру.

Возможно, за своими наставниками следовали и некоторые другие инокки³⁹. Учитывая, что выходные записи в большинстве случаев не указывают место пострижения монахов, допустимо думать, что какая-то их часть, достигнув преклонного возраста, возвращалась в тот монастырь, в котором они приняли постриг. В рассматриваемый период постриженники обителей, даже покинув их стены, так или иначе, поддерживали с ними связи, порой возвращаясь в них «на покой». Для иерархов Церкви возвращение в «свой» монастырь на склоне лет было весьма распространенной практикой (об этом, например, см.: [Усачев, 2017б: 104, 111]). Нет сомнений в том, что и какая-то часть прочих иноков также в них возвращалась. Пример связи рядового инокка со своим монастырем представляет переписчик Апосто-

³⁹ Например, среди многочисленных переходов Ионы Соловецкого обращает на себя внимание переход в Троице-Сергиев монастырь. Учитывая его многочисленные перемещения почти исключительно по территории Русского Севера, переход в подмосковный монастырь, на первый взгляд, выглядит несколько неожиданно. Однако следует иметь в виду, что несколько ранее — летом 1593 г. — с Соловков в Троицу перебрался наставник Ионы — бывший рязанский епископ Филофей (1562–1569 гг.; ум. 4 января 1594 г.). После ухода с кафедры он длительное время проживал в Соловецком монастыре [Морозов, 2004: 177–181; Усачев, 2016: 75].

ла 1557/58 г. (№ 443) Иов. Работа велась в Спасо-Прилуцком монастыре, но по заказу игумена Николо-Коряжемского монастыря, из которого Иов, по-видимому, и происходил. Соловецкий пострижник Стахий даже после перехода в Троицу продолжал переписывать книги для поморской обители (№ 712). В этом же ряду стоит рассматривать и кирилловского инока Евстафия, в 1586/87 г. выполнившего список Псалтири (№ 598). Вслед за своим игуменом Варлаамом (Роговым), поставленным на Ростовскую кафедру, Евстафий перебрался в Ростов. Однако затем он вернулся в Кириллов. К числу таких иноков можно отнести и проживавшего некоторое время в Смоленске, вероятно, кирилловского старца Симона, вернувшегося в белозерскую обитель.

Обратим внимание на ещё один аспект церковной истории — связи между обителями. В историографии контакты иноков некоторых монастырей — Кириллова и Симонова, Иосифо-Волоколамского и Пафнутьево-Боровского, Иосифо-Волоколамского и Николо-Песношского, Соловецкого и Троице-Сергиева и др. — хорошо изучены. Представленный выше материал позволяет пролить свет на связи между иноками целого ряда других обителей, о которых ранее мало что было известно. Факты биографии писцов указывают на поддерживаемые на личном уровне контакты между калязинским Макарьевым монастырем и Александро-Свирским, а также Павлов-Обнорским, между подмосковной Троицей и вологодским Николо-Озерским монастырем, между волоколамскими обителями и суздальской Спасо-Евфимьевой, между козельской Макарьевой пустынью и монастырями Северо-Запада, между Дионисиево-Глушицким и Николо-Песношским монастырями, между последним и казанским Спасо-Преображенским.

Представители белого духовенства

Весьма значительным было число писцов, принадлежавших к белому духовенству. Некоторые из них сообщают сведения не только о месте переписки той или иной книги, но и о своем происхождении. К данной группе писцов ниже мы относим и «дьяков», связь которых с духовенством в ряде случаев не очевидна. Вполне возможно, что в некоторых случаях речь идёт о наиболее распространенном значении слова «дьяк» — «писец» [Усачев, 2018а: 257–258].

1. По-видимому, волоколамское происхождение имеет Сборник сочинений Петра Дамаскина и аввы Дорофея 1504 г. (№ 15). В роли писца выступил тверитин белый дьякон Стефан. Он и ранее выполнял поручения волоколамских игуменов [Клосс, 1974: 154–155, 162; Усачев, 2018а: 107–108]. Как видим, тверич служил в волоколамском монастыре, иноком которого не являлся.

2. Как сообщает выходная запись списка учительного Евангелия 1526 г. (№ 175), костромич благовещенский поп Савва Никитин сын «начало полжих книги сея в богохранимом граде Костроме... а совершишася книги сия в преименитом и богоспасаемом славном граде Москве». Обстоятельства перехода Саввы в столицу неясны: речь могла идти как об обычном визите по личным или служебным делам (Кострома находилась на территории Митрополичьей области), так и о переезде в столицу.

3. Список Пандектов Никона Черногорца 1542 г. (№ 299) по поручению ростовского архиепископа Алексея в Ростове выполнил ростовец дьяк Некраско Тельников.

4. Не приходится сомневаться в вологодском происхождении переписчика списка 1544 г. Миней служебной на декабрь (№ 316). Работу в стенах Николо-Корельского монастыря выполнил «воложанин» дьяк Пашка.

5. Список Скитского Патерика 1548 г. (№ 352) в находящемся неподалеку от Новгорода Никольском монастыре на острове Липно выполнил дьяк Никольской церкви «ладожанин» Изворотников Истома Иванов сын. Вероятно, он происходил из Ладоги. Впрочем, «ладожанами» могли именоваться и жители территории, примыкающей к Ладожскому озеру (например, см.: [Кюришунова, 2010: 297-298]).

6. Богато иллюминированное Евангелие-тетр 1555 г. (№ 421) в Москве переписал священник столичной церкви св. Варвары «Фомище Юрьев сын, а родом рушанин». Последнее указывает на происхождение писца из Старой Руссы. Появление в 50-е гг. XVI в. писца из этого города в Москве могло быть связано с поставлением на Всероссийскую кафедру новгородского архиепископа Макария. В столице он продолжил начатую в Новгороде работу над рядом крупных книжных памятников. Очевидно, что он нуждался в помощниках (Русса находилась на территории Новгородской епархии) [Усачев, 2018а: 254]. Также нельзя исключать появление в столице квалифицированного писца в связи с последствиями разрушительного пожара лета 1547 г., от которого пострадали и библиотеки Москвы. По-видимому, его весьма печальные для столицы итоги побудили власти к интенсификации книгописных работ и, возможно, ускорили начало книгопечатания [Усачев, 2017в].

7–8. Список Евангелия-тетр был выполнен в переславском Никитском монастыре в 1558 г. (№ 462). Первую половину кодекса написал дьяк Андрей Некрасов сын «из старейшего града Ростова», вторую — переяславец дьяк Богдан Иванов сын Сони́на.

9. Новгородец поп Иаковище Иванов сын в 1564 г. выполнил список Псалтири (№ 498). Судя по упоминанию в тексте выходной записи имени вологодского владыки Иоасафа, работа велась на территории соответствующей епархии.

10. В стенах серпуховского Высоцкого монастыря ростовец дьяк Трофим переписал, по крайней мере, две книги — Торжественник 1567/68 г. (№ 526) и Паренесис Ефрема Сирина с прибавлениями 1569/70 г. (№ 539)⁴⁰.

11. Клирик Никольской церкви Маигорской волости Двинского уезда новгородец Алексеец Серков попов сын в 1581 г. переписал Трефологий (№ 582). Он работал по поручению церковного старосты Никольской церкви в Панилово, расположенной на территории другой волости того же уезда — Плесской. Вероятно, писец был приглашен для выполнения работ

⁴⁰ Происхождение другого писца из Высоцкого монастыря было связано с территорией, примыкающей к Белому озеру. Список Апостола третьей четверти XVI в. выполнил «повелением архимандрита Агапия... многогрешною рукою диака Нечайко, белозерец, в той же обители в Серпухове на Высоком» (см.: ОРКиР НБ СГУ. № 16. Л. 158). Вкладная запись точной даты переписки кодекса не содержит (в силу этого в итоговой таблице сведения о Нечайке мы не приводим).

в соседнюю волость. Впрочем, нельзя полностью исключать и того, что заказ он выполнил у себя (т.е. на территории Маигорской волости).

12. Выходные записи Миней служебной на сентябрь 1588 г. (№ 614) и на февраль 1596 г. (№ 680) фиксируют тотмича дьячка Карпика Тренку Александрова сына в Шенкурске.

13. Список Миней служебной на март (№ 660) в 1593 г. выполнил священник из Устюжны Железопольской Иона. Работа велась «в монастыре у Николы на Выксе», находящемся примерно в полутора сотнях километров к северо-востоку от Устюжны. Скорее всего, Иона книгу переписал не непосредственно в стенах обители (в XVI в. монастырь был женским), а где-то неподалеку.

14. Дьяк Семейка Лукьянов сын «по реклом Белозерец» в 1597 г. переписал Трефологий (№ 686) в Кириллове. Семейка мог являться братом писца Триоди постной 1595–1596 гг. (№ 678) Гришки Лукьянова сына (о нём см. ниже).

15. Евангелие-тетр 1599–1605 гг. (№ 733) в Старице переписал священник местной церкви Георгий Иванов сын Тулупова. Его последующая книгописная деятельность развернулась уже в Троице-Сергиевом монастыре в его бытность иноком этой обители.

Как видим, в ряде случаев речь идёт о писцах, которые происходили с примерно той же территории, на которой они осуществляли переписку манускриптов. Впрочем, порой писцы перемещались существенно далее: ростовец работал в стенах серпуховской обители, новгородец — на территории одной из волостей Двинского уезда, выходцев из Костромы и Старой Русы мы находим в столице, выходца из Тотьмы — в Шенкурске. По крайней мере, в одном случае перемещение писца было связано с принятием пострига в обители, находящейся в другом регионе.

Прочие лица

Ряд писцов, сообщивших сведения о своём происхождении и месте работы, не принадлежал к белому или черному духовенству. Приведем сведения о них.

1. Толковое Евангелие 1516 г. (№ 96) переписал «Василий Остафьев сын Наугородов, государя великого князя пушечник на Иване городе». Работа велась по поручению наместника этого города И. Н. Бутурлина. Имя писца побуждает думать, что он являлся переселенцем из Новгорода (например, см.: [Кюриунова, 2010: 378]). Судя по прозвищам, основную часть населения Ивангорода на рубеже XV–XVI вв. составляли мигранты из других городов (Новгорода, Пскова, Москвы и др.) (например, см.: [Чибисов, 2016]).

2. Выходная запись списка служебного Шестоднева 1523 г. (№ 153) фиксирует писца Памво сначала в Николо-Подольном монастыре (там работа началась), затем в Нило-Сорском скиту (в нём книга была дописана). Статус писца неясен. С одной стороны, имя «Памво», как правило, использовалось иноками [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017: 200–201], и работа велась в обителях. С другой, писец иноком себя не именует. Возможно, речь шла о монастырском слуге или послушнике.

3. В Москве по поручению В.М. Тучкова-Морозова была переписана рукопись 1544/45 г., содержащая Беседы Иоанна Златоуста (№ 319). В роли писца выступил слуга («паробок») заказчика — ростовец Богданец Якимов сын.

4. Происхождение списка Церковного устава (№ 427) связано с двумя обителями. В Николо-Песношском монастыре в 1553/53 г. работа над ним началась, в 1555/56 г. в стенах только что основанного казанского Спасо-Преображенского монастыря завершилась. В роли писца последних тетрадей кодекса выступил ярославец Никифор. Его статус неизвестен. Судя по тому интересу, который он проявил к основанию казанской обители (выходная запись перечисляет её первых насельников), речь могла идти о монастырском слуге или послушнике. В любом случае, очевидно, что писцовые навыки Никифор получил либо в Ярославле, либо в Николо-Песношском монастыре, постриженники которого составили ядро насельников казанской обители⁴¹.

5. Зависимым от Иосифо-Волоколамского монастыря лицом являлся переписчик списка Торжественника 1566 г. (№ 512) — Митька Кульпа. По-видимому, именно он под 1569 г. фигурирует в числе крестьян, принадлежавшего обители Иосифа села Покровского Сестринского стана Рузского уезда (в источнике упомянут Дмитрий Кульпа) [АФЗХ, 1956: 373 (№ 347)]. Как видим, к работе волоколамский игумен Леонид (Протасов) привлёк крестьянина, проживавшего на территории владений монастыря.

6. В Волоколамске в 1566/67 г. «полоцкий полоняник» Иван выполнил список Псалтири (№ 516). Его происхождение и статус до плена (1563 г.) не известны. Очевидно лишь, что писцовые навыки Иван получил на территории Великого княжества Литовского.

7. Слуга русского посла в Данию А.Г. Давыдова-Минчакова Шерапка Евдокимов 2 мая 1579 г. в Копенгагене закончил переписку списка Евангелия-тетр (№ 571). Учитывая наиболее распространённые сроки переписки книг в XVI в. (несколько месяцев), можно предположить, что начало работе над рукописью было положено ещё в России.

Помимо Шерапки известны и другие русские писцы, работавшие за пределами страны. Так, список Евангелия-тетр 1528/29 г. был выполнен рукой «Юрия Костентинова сына и со сподарьства московского ис под великого князя Василья Ивановича, царя и государя всея Руси, родомъ ис Великого Новгорода, а стяжанием из Великого Пскова»⁴². Судя по тексту записи, речь идёт о новгородце, который, вероятно, проживал в Пскове. Непосредственно работа над Евангелием, скорее всего, велась на территории Саноцкой земли (южная Польша) по поручению местного жителя⁴³. В силу того, что книга переписывалась за пределами страны по поручению иностранца, ниже данного писца мы рассматривать не будем.

⁴¹ О происхождении рукописи см.: [Николаев, 2002: 181–182; Усачев, 2018а: 336–338].

⁴² National Széchényi Library. Cod. Slav. 4. Л. 260, 261 (с рукописью de visu мы не знакомились; текст записи воспроизводим по имеющейся в нашем распоряжении фотографии).

⁴³ Благодарю за консультацию о происхождении рукописи С.Ю. Темчина.

8. Сборник слов и поучений (№ 696) в 1597–1598 гг. в Астрахани переписал пушкарь Владимир Иосифов сын. Он отметил, что по своему происхождению является казанцем. Он мог либо родиться в Казани после её присоединения к России (т.е. после 1552 г.), либо до переезда в Астрахань длительное время нести службу в ней.

Минею служебную на ноябрь в 1516/17 г. (№ 98) переписал перешедший на русскую службу в 1508 г. кн. Д. М. Жижемский, происходивший из рода смоленских князей. Он родился и вырос в Великом княжестве Литовском. Несомненно, там же он обучался грамоте. В силу того, что точное место его работы неизвестно⁴⁴, в отличие от полоцкого полоняника Ивана, митрополита Луки и Исаии Каменчанина специально его в данной работе мы не рассматриваем.

Лица, статус которых не определён

Социальный статус более чем трети известных нам по выходным записям книг XVI в. писцов установить не удалось. Судя по всему, в подавляющем большинстве случаев речь шла о светских лицах сравнительно невысокого статуса. Некоторые из них, по-видимому, являлись профессиональными писцами⁴⁵. Приведём данные о тех из них, о происхождении которых мы располагаем более или менее полными сведениями.

1. К числу самых известных писцов конца XV — первой трети XVI в. принадлежал Михаил Яковлевич Медоварцев. В посвящённой ему литературе отмечалось, что речь идёт о профессиональном писце, выполнявшем заказы светских и духовных лиц в различных регионах страны. С его именем связывают происхождение не менее 20 манускриптов⁴⁶. К числу датированных книг XVI в., переписанных при личном участии Михаила Медоварцева, относятся Минея служебная на сентябрь 1505 г. (№ 18), Евангелие-тетр 1507 г. (№ 30) и Триодь цветная 1525 г. (№ 169). Вслед за Н. В. Синеицкой нельзя исключать возможность причастности книжника и к переписке Сборника житий 1522 г. (№ 146) [Синеицына, 1972: 309–310]. Как сообщает сам Михаил в тексте выходной записи Минеи 1505 г. (№ 18), он являлся «новоградцем». Исследовательница обратила внимание на упоминание Медоварцевых (вероятно, родственников писца) в XV в. среди землевладельцев Обонежской пятины Новгородской земли [Синеицына, 1972: 287]. Судя по тексту выходной записи служебной Минеи 1499 г., Михаил перебрался в столичный монастырь Николы Старого не позднее конца XV в. [Синеицына, 2016: 447]. Происхождение известных датированных манускриптов М. Я. Медоварцева связано с этой обителью. Прочие атрибутируемые ему рукописи могли быть переписаны в других крупных книгописных центрах [Синеицына, 2016: 447–449].

⁴⁴ Известно, что в момент переписки книги он находился в заключении, вероятно, по делу своего патрона князя М. Л. Глинского. Подробнее о кн. Д. М. Жижемском см.: [Усачев, 2018а: 278–280].

⁴⁵ Подробнее о данной группе писцов см.: [Усачев, 2018а: 282–304].

⁴⁶ О нем и связанных с ним манускриптах см.: [Синеицына, 1972; Синеицына, 1974; Синеицына, 2016; Дмитриева, 1989а; Сиренов, 2015].

2. Для своего отца — инокa Спасо-Каменного монастыря Герасима — вычегжанин Васюк попов сын Гаврилов Кылдашев в 1517 г. переписал Псалтирь (№ 100) «у великого чудотворца Никиты на Лене, на Вычегде» (т.е. на территории погоста Лена, который в XVII в. в административном отношении входил в состав Яренского уезда). Список 1511/12 г. Кормчей (№ 56) Васюк выполнил уже «у великого чудотворца Николы на Лале». Речь идёт о Никольском Лальском посаде, который фигурирует в источниках, правда, несколько более позднего времени (в XVII в. он находился на территории Сольвычегодского уезда). Вероятно, там же Васюк выполнил и список Кормчей 1510 г. (№ 49).

3. Работавший в Устюге Великом или его округе (в тексте выходной записи упоминается устюжский наместник) писец Октоиха 1518 г. (№ 104) Иванко попов сын Матвеев счёл необходимым уточнить, что он является устюжанином.

4. Поручение игумена костромского Иаково-Железоборовского монастыря по переписке списка служебной Миней на сентябрь в 1535 г. (№ 245) выполнил галичанин Евтихий Иванов сын. Заказчик — игумен данной обители Нифонт Иванов сын Дюдков — также происходил из Галича Мерьского, находящегося примерно в 40 км к востоку от монастыря. Скорее всего, игумен пригласил для работы знакомого ему писца.

5. Не совсем ясно происхождение (или место проживания) переписчика Трефология 1536/37 г. (№ 261). В роли заказчика выступил служилый землевладелец Волоколамского уезда Иван Андреевич Белеутов-Рябчиков. Работа велась «на Волоце, внутри городе» (т.е. непосредственно в Волоколамске). В роли писца выступил «Офонька Гридинь сын из Дермина». Этот населённый пункт нам локализовать не удалось. С известной долей гипотетичности можно предполагать, что речь могла идти об окрестностях Волоколамска.

6. Угличанин Ерофей Лукьянов сын попов в 1556 г. переписал книгу, содержащую текст Азбучно-Иерусалимского патерика (№ 430). Учитывая происхождение писца, а также её владельца и продавца в XVI в. («угличанин Ондрей Ефимов»), упоминание ростовского владыки Никандра (Углич находился на территории подвластной ему епархии), можно предполагать, что писец работал либо в самом Угличе, либо в его округе [Усачев, 2018а: 84].

7. Выходная запись Триоди постной 1557 г. (№ 440) сообщает об её переписке на территории Городишенской волости (в XVII в. она входила в состав Устюжского уезда) «рукою многогрешнаго и неключимаго раба Климца Дмитриева сынишка с Лальского». По-видимому, писец являлся жителем Никольского Лальского посада, находившегося относительно неподалеку от Городишенской волости⁴⁷.

8. Вологжанин Архипко Карпов сын Пчелина в стенах Соловецкого монастыря по заказу его игумена Филиппа (Колычева) в 1560 г. переписал Октоих (№ 473).

⁴⁷ Подробнее о локализации рукописи см.: [Усачев, 2018а: 168].

9. Тотмич Васька Федоров сын Комаров в 1560 г. переписал Служебник (№ 475). Работа велась по поручению священника Никольской церкви села Нюгча, которая под 1576/77 г. фиксируется на территории Заонежской десятины Новгородской епархии [Приходная книга новгородского дома Святой Софии, 2011: 45, 74].

10. На посаде Гороховца в 1575/76 г. был выполнен список толковой Палеи. Работу осуществил Алексей Михайлов сын, «павловец». Трудно сказать, откуда именно он происходил. Речь могла идти о населённом пункте с названием «Павлово», «Павловка», «Павлов». С известной долей гипотетичности можно предположить, что он мог находиться где-то неподалеку от Гороховца. Речь могла идти о Павловом Остроге (ныне — г. Павлово в Нижегородской обл.), находящемся примерно в 30 км к юго-востоку от Гороховца. Первое известное нам упоминание этого населенного пункта — в XVI в. еще дворцового села — источники фиксируют под 1566 г. Очевидно, что населённый пункт возник ранее (вероятно, в XV в.). Его жителей в старину называли «павловцами» [Спиридонов, Миронов, Ивакин, Перцев, 1991: 6–7; Морохин, 2007: 101–102].

11. Меняли место жительства и работы известные писцы последней четверти XVI — первой трети XVII в. братья Басовы (их точное происхождение неизвестно)⁴⁸. Среди них можно выделить Гавриила Сергеева сына. Согласно текстам выходных записей переписанных им манускриптов, он работал, по крайней мере, в двух местах. В 1585/86 г. в Москве Гавриил переписал Псалтирь (№ 592). Вероятно, на момент её переписки он был ещё достаточно молод: последнее известное упоминание Гавриила относится к 1631 г. В этом году уже после принятия пострига в Троице он переписал сентябрьскую половину Пролога [Клосс, 1998б: 6–9].

12. Происхождение целого ряда манускриптов связано с фигурой писца Федотца Иванова сына Прыткого. Он указывает место переписки одной из них — Минеи служебной на ноябрь (№ 581). В 1581 г. она была переписана в Каргополе для находящейся примерно в 40 км к югу от него (за оз. Лаче) Георгиевской церкви в Хотеновской волости. Учитывая сделанное Н.В. Савельевой наблюдение о вкладах Федотца в каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Строкину пустынь) [Памятники книжной старины Русского Севера, 2010: 160], можно полагать, что писец либо происходил из этого города, либо, по крайней мере, длительное время проживал в нем [Усачев, 2018а: 67–68].

13. Москвитин Захарий Тимофеев сын Гладнев в 1588 г. выполнил список Пролога (№ 613) в относительно недавно основанном вологодском Агапитовом Маркушевском монастыре.

Для удобства последующего анализа представленного выше материала обобщим его в виде таблицы⁴⁹.

⁴⁸ О них и переписанных ими рукописях см.: [Клосс, 1998б: 6–9; Анисимова, 2006; Анисимова, 2010].

⁴⁹ Принятые сокращения: вол. — волость, еп. — епархия, мон. — монах, м-рь — монастырь, неопр. — не определен, о. — остров, оз. — озеро, пог. — погост, пуст. — пустынь, р. — река, с. — село, свящ. — священник, сл. — слуга, ст. — стан, тер. — территория, у. — уезд.

№№	Имя писца	Статус ⁵⁰	Место рождения/ длительного проживания ⁵¹	Место пострига	Место работы
1	Федор Сеннянский	мон.	Сенногубский пог. или Троицкий Сенной м-рь		Валаамский м-рь
2	Арсений (Сахарусов)	мон.	Москва*	Троице-Сергиев м-рь	Комельская вол. Вологодского у.
3	Закхей	мон.			Валаамский, Кириллов на Селезневе, Рождественский Коневский м-ри
4	Гурий	мон.			Николо-Угрешский, Дионисиено- Глушицкий м-ри
5	Иоваф Хохолек	мон.	Кирилло-Белозерский м-рь		Филимонов скит
6	Фотий Старый	мон.	Киев, Путивль*	Иосифо-Волоколамский м-рь	Иосифо-Волоколамский м-рь
7	Исаак Собака (Бирев)	мон.	Симонов, Чудов, Никольский Волосов м-ри, Нило-Сорская пуст.	Корнильев-Комельский м-рь	Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев и др. м-ри
8	Деряга (Иосиф)	мон.		Николо-Угрешский м-рь	Кирилло-Белозерский м-рь
9	Юшко (Герасим)	мон.	С. Мисторово Клинского у. (?)	Кирилло-Белозерский м-рь	Кирилло-Белозерский м-рь
10	Афанасий	мон.	Белое оз.	Ферапонтов м-рь	Калязинский Макарьев м-рь
11	Вассиан Дракула	мон.		Дионисиено-Глушицкий м-рь	Николо-Песношский м-рь
12	Аркадий	мон.		Пафнутьево-Боровский м-рь	Новгород
13	Тит	мон.		Николо-Озерский м-рь	Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский м-ри

⁵⁰ Статус указывается на момент работы писца над рукописью.

⁵¹ Знаком «*» отмечаются те случаи, когда писец в тексте выходной записи не указал на своё происхождение, и оно устанавливается исходя из сведений иных источников.

№№	Имя писца	Статус	Место рождения/ длительного проживания	Место пострига	Место работы
14	Артемий	мон.	Пеково-Печерский, Троице-Сергиев, Соловецкий м-ри, Великое княжество Литовское	Корнильев-Комельский м-рь	Порфирьева пуст.
15	Игнатий (Курачев)	мон.	Белое оз. *		Троице-Сергиев м-рь
16	Левкий	мон.	Серпухов		Николо-Угренский м-рь
17	Герман (Садьрев-Полев)	мон.	Волоколамский у. (?) *	Иосифо-Волоколамский м-рь	Иосифо-Волоколамский, Свяжский Успенский (?) м-ри
18	Адриан (Ангелов)	мон.	Корнильев-Комельский, Кирилло-Белозерский (?) м-ри		Троице-Сергиев м-рь
19	Иоасаф (Белобав)	мон.	Порфирьева пуст.		Соловецкий м-рь
20	Иоаким	мон.		Суздальский Спасо-Евфимьев м-рь	Иосифо-Волоколамский, Возницкий (?), Николо-Угренский (?) м-ри
21	Иоасаф	мон.	Богоявленский м-рь		Кирилло-Белозерский м-рь
22	Симон	мон.	Кирилло-Белозерский м-рь (?)		Смоленск
23	Исайя	мон.	Каргополь		Троице-Сергиев м-рь
24	Иов	мон.	Николо-Коряжемский м-рь (?)		Спасо-Прилуцкий м-рь
25	Елисей	мон.	Вологда	Николо-Угренский м-рь	Симонов м-рь
26	Вассиан	мон.	Тер., прилегающая к р. Северной Двине		Кирилло-Белозерский м-рь
27	Феодосий	мон.	Спасо-Хутынский м-рь, Новгород	Иосифо-Волоколамский м-рь	Иосифо-Волоколамский м-рь
28	Евфимий (Турков)	мон.	Тер. Новгородской земли (?) *	Иосифо-Волоколамский м-рь	Иосифо-Волоколамский м-рь
29	Иеремия	мон.	Свяжский Успенский, Казанский Спасо-Преображенский м-ри	Иосифо-Волоколамский м-рь	Иосифо-Волоколамский м-рь
30	[Имя не сохранилось]	мон.	Спасо-Каменный, Богоявленский м-ри	Кирилло-Белозерский м-рь	Григорьев Пельшемский Лопотов м-рь

№№	Имя писца	Статус	Место рождения/ длительного проживания	Место пострига	Место работы
31	Герасим	мон.	Новгород		Новгород (?)
32	Симеон (Гольгин)	мон.	Радонеж	Иосифо-Волоколамский м-рь	Николо-Угрешский м-рь
33	Феоктист	мон.	Москва	Соловецкий м-рь	Соловецкий м-рь
34	Макарий	мон.			Калязинский Макарьев, Александро-Свирский м-ри
35	Герасим	мон.		Козельская Макарьева пуст.	Демьянский Рождественский м-рь, неподалеку от Порхова (?)
36	Боголеп Губа	мон.		Кирилло-Белозерский м-рь	Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Троице-Сергиев м-ри
37	Евфимий	мон.	Кирилло-Белозерский м-рь (?)		Ростов, Кирилло-Белозерский м-рь
38	Мисаил (Гневашев)	мон.	Старица		Москва
39	Исайя	мон.	Каменец Подольский		Москва
40	Даниил	мон.		Спасо-Евфимьев Сяженский м-рь	Соловецкий м-рь
41	Арсений	мон.	Калязинский Макарьев м-рь		Павло-Обнорский м-рь
42	Стахий	мон.	Кострома (?)*	Соловецкий м-рь	Соловецкий, Троице-Сергиев м-ри
43	Герасим	мон.		Переславский Мирзин м-рь	Павло-Обнорский м-рь
44	Лука	митрополит	Балканы (?)*		Москва
45	Леонид	мон.		Соловецкий м-рь	Соловецкий, Введенский Соли Вычегодской (?) м-ри
46	Стефан	дьякон	Тверь		Иосифо-Волоколамский м-рь
47	Савва Никитин сын	свящ.	Кострома		Кострома, Москва

№№	Имя писца	Статус	Место рождения/ длительного проживания	Место пострига	Место работы
48	Некраско Тельников	дьяк	Ростов		Ростов
49	Пашка	дьяк	Вологда		Николо-Корельский м-рь
50	Изворотников Истома Иванов сын	дьяк	Ладoga или тер., примыкающая к Ладожскому оз.		Новгородский Никольский м-рь на о. Липно
51	Фома Юрьев сын	свящ.	Старая Русса		Москва
52	Андрей Некрасов сын	дьяк	Ростов		Переславский Никитский м-рь
53	Богдан Иванов сын Сонина	дьяк	Переславль		Переславский Никитский м-рь
54	Иаков Иванов сын	свящ.	Новгород		Тер. Вологодской еп.
55	Трофим	дьяк	Ростов		Серпуховской Высоцкий м-рь
56	Алексей Серков попов сын	клирик	Новгород, Магурская вол. Двинского у.		Плесская вол. Двинского у. (?)
57	Карпик Тренка Александров сын	дьячок	Тотьма		Шенкурск
58	Иона	свящ.	Устюжна Железопольская		М-рь Николы на Выксе
59	Семейка Лукьянов сын	дьяк	Белое оз.		Кирилло-Белозерский м-рь
60	Георгий Иванов сын Тулупова	свящ.	Старица		Старица, Троице-Сергиев м-рь
61	Василий Остафьев сын Новгородов	пушкарь	Новгород (?)		Ивангород
62	Памво	Сл. или послушник			Николо-Подольный м-рь, Нило- Сорский скит
63	Богдан Якимов сын	Сл. В. М. Тучкова- Морозова	Ростов		Москва
64	Никифор	Сл. казанского Спасо- Преображенского м-ря	Ярославль		Казанский Спасо-Преображенский м-рь

№№	Имя писца	Статус	Место рождения/ длительного проживания	Место пострига	Место работы
65	Митька Кульпа	Сл. Иосифо-Волоколамского м-ря	С. Покровское Сестринского ст. Рузского у.*		Иосифо-Волоколамский м-рь
66	Иван	пленный	Полоцк		Волоколамск
67	Шерапка Евдокимов	Сл. А. Г. Давыдова-Минчакова			Копенгаген
68	Владимир Иосифов сын	пушкарь	Казань		Астрахань
69	М. Я. Медоварцев	неопр.	Новгород		М-рь Николы Старого
70	Васюк попов сын Гаврилов Кылдашев	неопр.	Тер., прилегающая к р. Вычегде		Пог. Лена Яренского у., Никольский Лальский посад
71	Иванко попов сын Матвеев	неопр.	Устюг Великий		Устюг Великий или его округа
72	Евтихий Иванов сын	неопр.	Галич Мерьский		Иаково-Железноборовский м-рь
73	Офонька Гридин сын	неопр.	Дермин (?)		Волоколамск
74	Ерофей Лукьянов сын	неопр.	Углич		Углич или его округа (?)
75	Климец Дмитриев сын	неопр.	Никольский Лальский посад (?)		Городищенская вол. Устюжского у.
76	Архипко Карпов сын Пчелина	неопр.	Вологда		Соловецкий м-рь
77	Васька Федоров сын Комаков	неопр.	Тотьма		С. Нютча Заонежской десятины Новгородской еп.
78	Алексей Михайлов сын	неопр.	Павлов Острог (?)		Гороховец
79	Гавриил Сергеев сын Басов	неопр.			Москва, Троице-Сергиев м-рь
80	Федотец Иванов сын Прыткого	неопр.	Каргополь (?)		Каргополь
81	Захарий Тимофеев сын Гладнев	неопр.	Москва		Агапитов Маркушевский м-рь

**Писцы, сообщившие о происхождении,
но не указавшие место работы**

Чтобы составить более полное представление о числе возможных писцов-мигрантов, приведём сведения о тех переписчиках, которые, указав на своё происхождение, не сообщили точных сведений о месте работы.

1. Рукопись 1512 г., содержащая Вопросы и ответы Сильвестра, папы римского (№ 59), была переписана «рукою многогрешного в иноцех Феодоса сына Никитина Домосытова рожения имея от града Можайска».

2. Писец списка Триоди цветной 1529 г. (№ 194) — Яков — счёл необходимым отметить, что он «москвитин».

3. На своё московское происхождение (или длительное проживание) обращает внимание читателя в выходной записи списка Пролога 1530 г. (№ 201) и Якуш Кузьмин сын.

4. Как отметил писец списка Пролога 1536 г. (№ 254), работу осуществил «Сидор Филипиев сын, а родом ярославец».

5. Писец Сборника 1548 г. (№ 353) — Иван Епифанов сын Бузина — счёл необходимым сообщить в записи о своей связи с Муромом («муромець родом»).

6. Сборник 1550/51 г. (№ 374) переписал переславец Анофрей Иванов сын.

7. Согласно тексту выходной записи Октоиха 1551 г. (№ 377), его переписал «псковитин» Иванище Андреев сын.

8. Дьяк Ушан Васильев сын — писец списка праздничной Минеи 1556 г. (№ 432) — упомянул, что он является «тверитином».

9. В 1567 г. по поручению Третьяка Михайлова сына Висковатого (брата знаменитого дьяка Посольского приказа И. М. Висковатого) переславец Проня Федоров сын Мыльников переписал Евангелие-тетр (№ 513).

10. Москвитин Путилко Иванов сын по поручению кн. И. Д. Булгакова-Куракина в 1567 г. выполнил список Кормчей (№ 522).

11. Переписчик сборников Слов Григория Богослова 1588 г. (№ 615) и 1589/90 г. (№ 627) — инок Иосиф — указал на своё новгородское происхождение.

12. В выходной записи Триоди постной 1595–1596 гг. (№ 478) Гришка Лукьянов сын («белозерец») указал на свою связь с Белым озером. Как уже отмечалось выше, возможно, он являлся братом другого писца с Белого озера — Семейки Лукьянова сына, работавшего в Кириллове.

Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев — в 11 из 12 — речь идёт о выходцах из крупнейших городов России XVI в. — Москвы, Новгорода, Пскова, Твери, Переславля, Ярославля, Можайска и Мурома. Судя по всему, из относительно небольшого населённого пункта, находящегося на территории, примыкающей к Белому озеру, происходил лишь один писец.

Определяя возможные места работы этих писцов, отметим следующее. Как будет показано ниже, подавляющее большинство переписчиков, указавших на своё происхождение («москвитинов», «новгородцев», «ростовцев» и прочих), работали за пределами соответствующих населённых

пунктов⁵². Это даёт основания предполагать, что какая-то более или менее значительная часть (возможно, все) из рассматриваемых 12 писцов, скорее всего, работала за пределами «своего» населённого пункта. Вероятнее всего, они все или, по крайней мере, какая-то их значительная часть являлись мигрантами.

Итоги

Результаты анализа представленных выше данных дают основания для ряда выводов.

1. Писцы крайне редко указывали своё происхождение в тех случаях, когда они работали в том же городе. К числу редких исключений из этого правила можно отнести новгородца Герасима, ростовца Некраса Тельникова, переславца Богдана Иванова сына Сони́на, устюжанина Иванко попова сына Матвеева, каргопольца Федота Прыткого и, вероятно, угличанина Ерофея Лукьянова сына⁵³. Речь идёт о 6 писцах из 81 (т.е. ок. 7,4%), имена которых приведены выше. Как правило, происхождение или место длительного проживания отмечалось в тех случаях, когда работа велась за его пределами. По-видимому, принадлежность и тому или иному городу или территории была важной (возможно, главной) составляющей идентичности писца, отличающей его от прочих жителей того или иного населённого пункта, которые для него не в полной мере являлись «своими» (об этом см. ниже). Это в свою очередь даёт основания предполагать, что большинство (возможно, все) из тех 12 писцов, которые, указав на свое происхождение, не сообщили о месте своей работы, также работали за пределами того населённого пункта, из которого они происходили.

2. С учётом последней группы писцов можно полагать, что за пределами «своего» населённого пункта работали от 75 до 87 переписчиков из 477, имена которых фиксируют известные нам выходные записи. Как видим, речь шла о достаточно значительной части писцов — мигрантов среди них могло быть примерно от 15,7% до 18,2%. Учитывая то, что далеко не все писцы в текстах выходных записей сообщили о своем происхождении⁵⁴, можно полагать, что в реальности их было больше.

3. Отсутствие указания на происхождение писца может косвенно указывать на то, что он работал в «своём» населённом пункте. Хотя выше было приведено несколько исключений из данного правила, очевидно, что в подавляющем большинстве случаев жителю того или иного города, работающему в нем, не было нужды указывать на место своего происхождения или длительного проживания. Живущему и переписывающему манускрипты в своем

⁵² Возможный брат белозерца Гришки Лукьянова сына Семейка вёл переписку книг при Кирилло-Белозерском монастыре. Известны и некоторые другие случаи работы связанных родственными узами писцов примерно на одной территории (например, см.: [Усачев, 2018а: 264, 282–286, 294]). Это, конечно, даёт определённые основания предполагать, что Гришка также мог проживать и работать в районе Белого озера. Однако приведённые выше десятки случаев перехода писцов в иные населённые пункты побуждают осторожно относиться к такому варианту решения вопроса о месте работы Гришки. Он вполне вероятен, но не более того.

⁵³ Сведения о своей связи с Каргополом Федотец Прыткий в записях переписанных им книг не приводит.

⁵⁴ Так, о происхождении Арсения (Сахарусова), Фотия Старого, Игнатия (Курачева), Евфимия (Туркова), Митьки Кульпы и Стахия мы узнаем не из текстов выходных записей переписанных ими книг, а из других источников.

городе жителю Вологды не было нужды пояснять, что он «володжанин», жителю Ростова — что он «ростовец», жителю Серпухова — что он «серпуховитин» и т.д. Соответствующие пояснения, как правило, требовались для самоидентификации за пределами «своего» города. Это, конечно, не касалось представителей элиты. Члену Боярской думы или Государева двора в целом не было нужды пояснять своё происхождение. Трудно себе представить «еписанца» князя Мстиславского, «одоевца» князя Воротынского, «суздальца» князя Шуйского, «ярославца» князя Сицкого, «костромитинов» Сабурова или Годунова⁵⁵. Очевидно, что географическая самоидентификация отличала представителей слоёв, далёких от вершины русского общества XVI в. К ним принадлежало подавляющее большинство писцов.

4. Судя по имеющимся данным, среди писцов-мигрантов профессиональных книгописцев было относительно немного. К их числу можно отнести Михаила Медоварцева, братьев Басовых и, вероятно, некоторых других. Подавляющее большинство рассмотренных выше переписчиков представляли различные слои русского общества. Среди них мы находим руководителей Русской церкви (8)⁵⁶, прочих иноков (37), представителей белого духовенства (15), иных лиц относительно невысокого статуса (8), а также тех, чей статус нам не удалось определить (13) (вероятно, он также был не слишком высок). Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев мигрантами являлись лица сравнительно невысокого статуса.

Очевидно, что рассмотренные выше случаи перемещения писцов дают представления о перемещении не столько узкого круга профессионалов в области книжного дела (их, судя по всему, было немного), сколько более многочисленных представителей различных слоев населения, которые в свободное от основных занятий (церковная и воинская служба, выполнение хозяйственных поручений и т.д.) время среди прочего занимались и перепиской книг.

5. Сообщая о своем происхождении, писцы в подавляющем большинстве случаев указывали города. Среди них записи фиксируют жителей (уроженцев) Новгорода (4)⁵⁷, Ростова (4)⁵⁸, Вологды (3)⁵⁹, Москвы (2)⁶⁰, Костромы (2)⁶¹, Старицы (2)⁶², Тотьмы (2)⁶³, Ярославля (1)⁶⁴, Ладоги (1)⁶⁵,

⁵⁵ Разрядные книги и прочие официальные источники, перечисляющие представителей уездных корпораций служилых людей, не отражают самосознание упоминаемых в них лиц.

⁵⁶ В их число мы включили иноков, позднее ставших настоятелями или архиереями, а также находящихся на покое руководителей Церкви.

⁵⁷ Инок Герасим, священник Иаков Иванов сын, клирик Алексей Серков сын, вероятно, пушкарь Василий Остафьев сын.

⁵⁸ Дьяк Некраско Тельников, дьяк Андрей Некрасов сын, дьяк Трофим, слуга В.М. Тучкова-Морозова Богдан Якимов сын.

⁵⁹ Инок Елисей, дьяк Пашка, Архипко Карпов сын Пчелина.

⁶⁰ Инок Феоктист, Захарий Тимофеев сын Гладнев.

⁶¹ Вероятно, инок Стахий, священник Савва Никитин сын.

⁶² Инок Мисаил (Гневашев), священник Георгий Иванов сын Тулупова.

⁶³ Дьячок Карпик Тренка Александров сын, Васька Федоров сын Комаров.

⁶⁴ Слуга казанского Спасо-Преображенского монастыря Никифор.

⁶⁵ Дьяк Истома Иванов сын Изворотников. Как отмечалось выше, нельзя полностью исключать его происхождение и с территории, примыкающей к Ладожскому озеру.

Старой Руссы (1)⁶⁶, Серпухова (1)⁶⁷, Радонежа (1)⁶⁸, Переславля (1)⁶⁹, Каргополя (1)⁷⁰, Казани (1)⁷¹, Твери (1)⁷², Углича (1)⁷³, Галича Мерьского (1)⁷⁴, Устюга Великого (1)⁷⁵, Устюжны Железопольской (1)⁷⁶. Сюда же можно отнести и выходцев из Каменца Подольского (1)⁷⁷ и Полоцка (1)⁷⁸. Конечно, судя по текстам записей, среди писцов встречались выходцы и из более мелких населённых пунктов: Сенной Губы или Сенногубского погоста (1)⁷⁹, сёл Мисюрово (?) (1)⁸⁰, Дермино (?) (1)⁸¹, Никольского Лальского посада (1)⁸² и, возможно, Павлова Острога (1)⁸³. К их числу, вероятно, можно отнести и писцов, которые указали на местность, с которой они происходят — территории, прилегающие к Белому озеру (2)⁸⁴, Вычегде (1)⁸⁵ и Северной Двине (1)⁸⁶. По-видимому, речь шла об относительно небольших населённых пунктах. Нетрудно заметить, что этих писцов существенно меньше: если, согласно данным выходных записей и иным источникам, выходцев из городов 38⁸⁷, то из прочих населённых пунктов — 10⁸⁸. Безусловно, преобладают «горожане» и среди тех переписчиков, кто, указав

---

⁶⁶ Священник Фома Юрьев сын.

⁶⁷ Инок Левкий.

⁶⁸ Инок Симеон (Голыгин).

⁶⁹ Дьяк Богдан Иванов сын Сони́на.

⁷⁰ Инок Исая.

⁷¹ Пушкарь Владимир Иосифов сын.

⁷² Дьякон Стефан.

⁷³ Ерофей Лукьянов сын.

⁷⁴ Евтихий Иванов сын.

⁷⁵ Иванко попов сын Матвеев.

⁷⁶ Священник Иона.

⁷⁷ Инок Исая Каменчанин.

⁷⁸ Пленный Иван.

⁷⁹ Инок Федор Сеннянский.

⁸⁰ Инок Юшко (Герасим).

⁸¹ Офонька Гридин сын.

⁸² Климец Дмитриев сын.

⁸³ Алексей Михайлов сын.

⁸⁴ Инок Афанасий, дьяк Семейка Лукьянов сын.

⁸⁵ Васюк Кылдашев.

⁸⁶ Инок Вассиан. К выходцам из относительно небольших населённых пунктов, вероятно, можно отнести и некоторых других писцов (Евфимия (Туркова), Митьку Кульпу и др.). Однако, об их происхождении мы узнаем не из записей на книгах, а из других источников. Сами они себя жителями соответствующих населённых пунктов или регионов не именуют.

⁸⁷ Данные приводим с учётом «ладожанина» Истомы Иванова сына Изворотникова. Как отмечалось выше, речь могла идти об уроженце как Ладоги, так и территории, примыкающей к Ладожскому озеру.

⁸⁸ Сюда мы не включили сведения о месте пострижения иноков. Очевидно, что далеко не все принимали постриг в том регионе, из которого происходили.

на своё происхождение, не сообщил о месте своей работы: из 12 писцов их 11 (т.е. ок. 91,6%)⁸⁹.

6. Приведённый выше материал не оставляет сомнений в том, что большинство писцов предпочитало идентифицировать себя либо с каким-то крупным населённым пунктом, либо с более или менее значительной территорией. Очевидно, что указания на более мелкие населённые пункты носят характер исключений. С чем это могло быть связано?

а) Фрагментарно сохранившиеся источники дают основания полагать, что основная часть рассмотренных выше писцов происходила из крупнейших городов России XVI в. (Москва, Новгород, Ростов, Вологда, Ярославль, Тверь, Переславль, Устюг Великий, Углич, Каргополь и др.), являвшихся важными центрами не только ремесла и торговли, но и культуры⁹⁰. Хотя точными данными применительно к рассматриваемому периоду мы не располагаем, очевидно, что уровень грамотности среди горожан был существенно выше, чем среди селян⁹¹. С определённой долей гипотетичности можно предположить, что и уровень мобильности горожан был несколько выше.

б) Нельзя исключать, что писцы, именуя себя «новгородцами», «москвитинами» или «ростовцами», стремились подчеркнуть свой относительно высокий статус. Вероятно, происхождение из более или менее крупного города в аграрной стране, какой была Россия в раннее Новое время, являясь достаточно редким, воспринималось как предмет особой гордости писцов, даже перешедших в какой-либо относительно небольшой населённый пункт. Трудно сомневаться в том, что указание на городское происхождение занимало далеко не последнее место в их самоидентификации.

7. Итоги сравнительного анализа мест происхождения и мест работы писцов побуждают обратить внимание на две особенности в распределении писцов с точки зрения их происхождения и мест переписки книг.

а) Судя по всему, в целом ряде случаев для работы привлекали переписчиков, проживавших в округе (порой в радиусе до нескольких десятков километров)⁹². Скорее всего, подавляющее большинство писцов известных нам

⁸⁹ Яков, Якуш Кузьмин сын, Путилко Иванов сын (все трое — Москва), Онуфрий Иванов сын, Проня Федоров сын Мыльников (оба — Переславль), Феодос сын Никитин Домосытова (Можайск), Сидор Филиппов сын (Ярославль), Иван Епифанов сын Бузина (Муром), Иван Андреев сын (Псков), Ушан Васильев сын (Тверь), Иосиф (Новгород), Гришка Лукьянов сын (Белое озеро).

⁹⁰ Подробнее о городах России в рассматриваемое столетие см.: [Чечулин, 1889; Зимин, 1955; Тихомиров, 1962; Носов, 1972].

⁹¹ О распространении грамотности и значительного числа книг (как рукописных, так и печатных) в русских городах в раннее Новое время, например, см.: [Чечулин, 1888: 350–363; Слуховский 1968: 26–29, 67–80, 86–110; Слуховский, 1973: 48–54; Рогов, 1977: 249–261; Рабинович, 1978: 269–280]. На распространение грамотности среди горожан, в частности, указывает совет Сильвестра сыну Анфиму учить грамоте не только детей, но и слуг [ПЛДР, 1985: 166]. На относительно высокий уровень обеспеченности горожан книгами, в частности, указывают и результаты проведенных нами подсчетов числа тех дошедших датированных манускриптов, которые удалось локализовать. Около ¼ из них было переписано в городах (без учета книг, переписанные в городских обителях) [Усачев, 2018а: 62–89, 197].

⁹² Сразу оговорим, что географические рамки «округи» размыты. Ниже приводятся сведения о писцах, как работающих явно неподалеку от мест происхождения/длительного проживания, так и о тех, кто занимался книгописанием в 100 и более км от соответствующего населённого пункта. Это обстоятельство определяет значительную степень условности подразделения переписчиков на выделяемые ниже группы и, соответственно, результатов приводимых ниже подсчётов.

датированных манускриптов XVI в., не указавших своего происхождения, являлись местными жителями — клириками сельских и городских церквей, монастырскими слугами и т.д. [Усачев, 2018а: 200–325]. Среди писцов-мигрантов таких тоже немало. Значительная часть из них, так или иначе, была связана с соответствующим регионом. Это касается как светских лиц, так и представителей духовенства — белого и чёрного. Как уже отмечалось выше, значительную часть насельников обителей составляли жители более или менее отдаленной округи.

Помимо уже приведённых выше примеров работы писцов в своём населённом пункте укажем и некоторые иные такие случаи. Например, очевидно, что писец Валаамского монастыря Федор Сеннянский, независимо от того, происходил он из Сенной Губы или ладожского Троицкого Сennen монастыря, работал примерно в том регионе, где он родился или длительное время проживал. Выходцы с Белого озера, так или иначе, были связаны с белозерскими обителями (ферапонтовский пострижник Афанасий, кирилловский писец Семейка Лукьянов сын). Каргополец Федотец Прыткий работал в этом городе по поручению прихода, который находился неподалеку. Проживавший, по-видимому, в Никольском Лальском посаде Климец Дмитриев сын переписал книгу для церкви, находящейся в Городишенской волости Устюжского уезда. В монастырь Николы на Выксе пригласили писца из Устюжны Железопольской. Новгородец Василий Остафьев сын перебрался в Ивангород. Из близкого к Иаково-Железоборовскому монастырю Галича был приглашен писец Евтихий. Митька Кульпа, проживая на территории владений волоколамской обители, выполнял поручения её игуменов. Работавший в Гороховце Алексей Михайлов сын, вероятно, происходил из находящегося неподалеку Павлова Острога. Учитывая сказанное выше, а также известный нам материал о происхождении других писцов (чаще всего клириков или иноков тех или иных церквей и обителей), допустимо думать, что-либо непосредственно в соответствующем населённом пункте, либо в его округе проживало большинство переписчиков.

б) Какая-то более или менее значительная часть писцов-мигрантов происходила и из других регионов, порой весьма отдалённых от мест переписки книг. Это касалось как светских лиц, так и представителей белого и черного духовенства⁹³. Москвич Арсений (Сахарусов), приняв постриг в подмосковной Троице, позднее основал обитель на территории Комельской волости Вологодского уезда. Деряга (Иосиф), приняв постриг в Николо-Угрешском монастыре, позже перебрался в Кириллов. Ферапонтовского пострижника Афанасия выходная запись фиксирует в калязинском Макарьевом монастыре. Глушицкий пострижник Вассиан Дракула работал, по меньшей мере, в Николо-Песношском монастыре, выходец из Пафнутьево-Боровского монастыря Аркадий — в Новгороде. Пострижник вологодского

⁹³ На это, в частности, указывают монастырские документы, в которых среди насельников, слуг и прочих связанных с обителями лиц фиксируются «москвитины», «воложане», «важане», «новгородцы», «переславцы», «костромитины», «каргопольцы», «кореляне», «муромцы», «кемляне», «колмогорцы/холмогорцы», «устюжане», «белозерцы», «выгозерцы», «двиняне», «онежане», «галичане» и иные. Например, см.: [Тихомиров, Флоря, 1968; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, 1987; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря, 2013].

Николо-Озерского монастыря Тит перебрался в Троицу, а позднее — в Кириллов. Белозерца Игнатия (Курачева) источники фиксируют в подмосковной Троице, старца Артемия — в целом ряде обителей Центра, Северо-Востока страны и Поморья. Несомненна связь с белозерскими обителями (по крайней мере, с Порфирьевой пустыней) соловецкого инока Иоасафа (Белобаева). С обителями Северо-Востока был связан и троицкий келарь Адриан (Ангелов). Постриженника суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакима источники фиксируют в волоколамских обителях. Вероятно, выходцем из Кириллова являлся смоленский писец Симон. Из Каргополя происходил троицкий писец Исая. Новгородец Алексей Серков сын работал на территории Маггорской или Плесской волости Двинского уезда. Владимир Иосифов сын перебрался из Казани в Астрахань. Выше были приведены и иные подобные примеры. В общей сложности с достаточно удалёнными от мест переписки книг населёнными пунктами был связан, по крайней мере, 51 писец из 81, имена которых приведены выше (т.е. примерно 63%)⁹⁴. Вероятно, к ним стоит добавить и какую-то более или менее значительную часть (возможно, большинство или даже всех) из 12 переписчиков, сообщивших о своём происхождении, но умолчавших о месте работы. Очевидно, что среди писцов-мигрантов преобладали те, кто работал на значительном удалении от места рождения или длительного проживания.

8. Отрывочность имеющихся источников не позволяет очертить наиболее часто встречающиеся маршруты переписчиков. Можно выявить лишь три тенденции, отличавшие их перемещения.

а) Важным, возможно, главным вектором миграций был путь писцов из регионов в столицу и в обратном направлении. Из 29 писцов, согласно выходным записям, работавших в XVI в. в Москве (включая находящихся непосредственно на её территории обители), не менее 8 (т.е. около 27,6%) являлись мигрантами⁹⁵. Выходные записи в столице фиксируют выходцев из Новгорода⁹⁶, Вологды⁹⁷, Старицы⁹⁸, Каменца Подольского⁹⁹, Костромы¹⁰⁰, Старой Руссы¹⁰¹, Ростова¹⁰² и, вероятно, с Балкан¹⁰³. В свою очередь «москвитин» мы встречаем в различных уголках страны: в подмосковной

⁹⁴ Принимая во внимание отмеченную выше условность подразделения писцов на данные группы, можно полагать, что приводимые цифры дают лишь самое приблизительное представление об их соотношении.

⁹⁵ Наличие значительного числа писцов-мигрантов в столице хорошо согласуется с накопленными в научной литературе данными антропологии и ономастики о гетерогенности населения Москвы в XV–XVII вв. [Алексеева, Захарова, 1997; Добровольская, 2018: 132].

⁹⁶ Михаил Медоварцев.

⁹⁷ Инок Елисей.

⁹⁸ Инок Мисаил (Гневашев).

⁹⁹ Инок Исая Каменчанин.

¹⁰⁰ Священник Савва Никитин сын.

¹⁰¹ Священник Фома Юрьев сын.

¹⁰² Слуга В. М. Тучкова-Морозова Богдан Якимов сын.

¹⁰³ Митрополит Лука.

Троице, Комельской волости Вологодского уезда¹⁰⁴, в Соловецком¹⁰⁵ и Агапитовом Маркушевском монастырях¹⁰⁶.

б) При несомненной значимости вектора «столица — регионы» / «регионы — столица» перемещения писцов им не ограничивались. Инок подмосковного Николо-Угрешского монастыря Гурий фиксируется в вологодском Дионисиево-Глушицком, киевлянин Федор (Фотий) перебрался в Иосифо-Волоколамский монастырь, постриженник Николо-Угрешского монастыря Деряга (Иосиф) перешёл в Кириллов, белозерец Афанасий, приняв постриг в Ферапонтове, переселился в обитель Макария Калязинского, постриженник Дионисиево-Глушицкого монастыря Вассиан Дракула спустя какое-то время проживал, по меньшей мере, в Николо-Песношском монастыре, инок боровской обители Аркадий перешёл в Новгород, постриженник вологодского Николо-Озерского монастыря Тит сначала перебрался в Троицу, а позднее в Кириллов, белозерец Игнатий (Курачев) фиксируется в Троице, выходец из Серпухова Левкий занимался книгописанием в Николо-Угрешском монастыре, вологжанин Елисей постригся в Николо-Угрешском монастыре, житель Радонежа Симеон (Голыгин) принял постриг в обители Иосифа, позднее переселившись в Николо-Угрешскую, инок калязинской обители Макарий перебрался в свирскую, постриженника козельского монастыря Герасима мы находим на Северо-Западе, путь Боголепа Губы пролегал от Кириллова к Соловкам и Троице, ярославец Никифор занимался перепиской книг в Казани, казанец Владимир Иосифов сын перебрался в Астрахань.

в) Помимо перехода в столицу к числу наиболее явных маршрутов можно отнести ещё один. Ряд писцов, работавших в Поморье во второй половине XVI в., происходил из Новгорода (Алексей Серков сын — работал на территории Магурской или Плесской волости Двинского уезда), Тотьмы (Карпик Тренка Александров сын — Шенкурск, Васья Федоров сын Комаров — село Нюгча Заонежской десятины Новгородской епархии), Вологды (Архипко Карпов сын Пчелина — Соловецкий монастырь), т.е. являлись мигрантами. Это хорошо согласуется с давно установленным в историографии фактом — Поморье особенно интенсивно заселялось именно во второй половине XVI в. выходцами с Северо-Запада и Северо-Востока страны [Аграрная история, 1978: 138–139; Колесников, 1976: 82–85; История северного крестьянства, 1984: 98–101]. Это было связано с различными факторами. Во-первых, с хозяйственным разорением Центра, Северо-Запада и Северо-Востока страны, которое было обусловлено эпидемиями, разорительным походом крымского хана в 1571 г., неурожаями и голодом. Во-вторых, со становлением главной торговой артерии России XVI–XVII вв. — Сухоно-Двинского пути, в функционирование которого были вовлечены десятки тысяч жителей Поморья и Северо-Востока¹⁰⁷. Конечно,

¹⁰⁴ Инок Арсений (Сахарусов).

¹⁰⁵ Инок Феоктист.

¹⁰⁶ Захарий Тимофеев сын Гладнев.

¹⁰⁷ Подробнее о связи между событиями в сфере социально-экономической истории и динамикой переписки книг в России XVI в. в отдельные периоды в различных регионах см.: [Усачев, 2019].

нельзя исключить и иные маршруты массовой миграции (в т.ч. и писцов). Однако, известные нам выходные записи их не фиксируют¹⁰⁸.

9. Итоги рассмотрения доступных нам источников побуждают зафиксировать особое место Новгорода с точки зрения происхождения работавших в нем переписчиков. Если новгородских писцов мы фиксируем в различных регионах страны — в Москве¹⁰⁹, Поморье¹¹⁰, на Северо-Востоке¹¹¹ и в иных городах Северо-Запада¹¹² — то в самом Новгороде (без пригородных обителей) за исключением, очевидно, приглашённого Макарием боровского инок Аркадия мигрантов нам выявить не удалось. И это при том, что в этом городе датированные выходные записи XVI в. фиксируют весьма значительное число писцов — 15. Конечно, порой для выполнения очень значительных объёмов работы в Новгород приглашали писцов из других городов¹¹³. Однако известные нам датированные выходные записи их имена не фиксируют. Данная особенность в происхождении писцов резко отличает Новгород от Москвы, в которой, как отмечалось выше, было немало переписчиков-мигрантов. В чем причина? Отмечая очевидную отрывочность материала, вместе с тем зафиксируем следующее.

а) Число дошедших новгородских рукописей сравнительно велико (особенно много их отложилось в собраниях Софийского собора РНБ и Архива Синода РГИА). Их сохранилось существенно больше, нежели тверских, вологодских, псковских, ярославских или смоленских манускриптов.

б) Общеизвестно, что, по крайней мере, до начала 70-х гг. XVI в. богатейший русский город эпохи Средневековья занимал особое место в истории отечественной культуры (в т.ч. и книжной). Это, в частности, проявилось в том, что именно из Новгорода были приглашены иконописцы для восстановления репертуара икон в столице, пострадавшей от разрушительного пожара лета 1547 г. На протяжении интересующего нас столетия Новгород оставался главным центром производства серебряных и ювелирных изделий (подробнее см.: [Декоративно-прикладное искусство, 2008]). Лишь опричный разгром зимы 1569/70 г., а также хозяйственный кризис Северо-Запада в последней трети XVI в. подорвали демографический, экономический и культурный потенциал Новгорода. В полной мере он не был восстановлен

¹⁰⁸ Наряду с Поморьем в последние два десятилетия XVI в. шло активное освоение Центрального Черноземья [Загоровский, 1991: 188–236; Папков, 2004: 88–110; Зенченко, 2008]. Однако по историческим причинам книг, переписанных в этом регионе, сохранилось относительно немного [Усачев, 2018а: 196]. Также следует иметь в виду и то, что значительная (возможно, основная) часть книг, бытовавших на территории южных уездов, могла быть произведена в других регионах страны и поступить на Юг в составе имущества переселенцев.

¹⁰⁹ Михаил Медоварцев (монастырь Николы Старого).

¹¹⁰ Клирик Алексей Серков попов сын (Плесская или Маигорская волость Двинского уезда).

¹¹¹ Священник Иаков Иванов сын (территория Вологодской епархии).

¹¹² Пушкарь Василий Остафьев сын (Ивангород).

¹¹³ Так, согласно наблюдениям В.И. Охотниковой, на рубеже 40–50-х гг. XVI в. к созданию Царского списка Великих Миней Четких, основной объём работы которой выполняли около полусотни переписчиков в Новгороде, привлекли псковских писцов [Охотникова, 2001]. Фиксируя этот несомненный факт, не следует забывать и о другом: речь шла о создании самого масштабного по своему объёму и содержанию памятника за всю историю древнерусской книжности. Другие факты привлечения к работе одновременно 50 и более писцов в России эпохи Средневековья и раннего Нового времени нам неизвестны.

и к началу XVII в. (например, см.: [Аграрная история, 1978: 136–137; *Сорокатый*, 2003: 259–260]).

в) Фиксируемые источниками потоки миграций, по крайней мере, во второй половине интересующего нас столетия вели не в Новгород, а в обратном направлении. Выходцы с Северо-Запада активно осваивали Поморье и иные регионы. Далеко не всегда миграции носили добровольный характер. Так, судя по всему, в 60–70 гг. XVI в. из Новгорода в принудительном порядке был переселен целый ряд квалифицированных ремесленников (их в городе было немало)¹¹⁴. Массовые переселения в Новгород в этот период источники не фиксируют.

Существенное ослабление потенциала Новгорода (и всего Северо-Запада в целом) наряду с прочим было связано с тем, что в XVI в. он выступал в качестве донора для других регионов. Другой ведущий центр книжной культуры — Москва — благодаря своему столичному статусу выступал в роли как донора, так и реципиента. Во многом с этим, на наш взгляд, и стоит связывать то, что доля известных нам датированных книг, переписанных на Северо-Западе, на протяжении XVI в. существенно упала — если в 1500-е гг. их было ок. 32,2% от общего числа, то в 1590-е — лишь 11,6%. Доля Центра страны (прежде всего, Москвы и Подмосковья) за столетие возросла с 38,2% до 46,4% [Усачев, 2019: 193].

10. Очевидно, что зафиксированными авторами выходных записей и учтенными нами случаями число писцов-мигрантов не исчерпывается. Это в свою очередь дает основания для выводов, которые могут представлять определённый интерес для книговедов и отчасти лингвистов.

а) Переписка книги в том или ином книгописном центре или на той или иной территории далеко не всегда отражала те особенности работы книжников, которые были характерны для соответствующего скриптория или территории. Работу мог выполнить мигрант, получивший писцовые и иные навыки в другом населённом пункте, находящемся порой за сотни и даже тысячи км. Например, трудно сомневаться в том, что писцы из Николо-Песношского или Иосифо-Волоколамского монастырей, перейдя в Казань в середине XVI в., привнесли методы работы, характерные для Центра страны¹¹⁵.

б) Сказанное выше следует принимать во внимание и лингвистам, фиксирующим региональные особенности говоров. В свете приведённого выше материала вряд ли можно утверждать, что рукопись, например,

¹¹⁴ Б.Н. Флоря обратил внимание на то, что в писцовом описании Новгорода 1580-х гг. содержится целый ряд записей о «взятии к Москве» в 1564–1565, 1567–1573 и 1577–1578 гг. ряда квалифицированных специалистов (портных, серебряных дел и иконных мастеров и др.) [Флоря, 1992: 71]. Согласно мнению историка, речь шла о постоянной практике вывода в столицу нужных государю профессионалов из регионов. Трудно сомневаться в том, что на вывод ремесленников из Новгорода в рассматриваемый период оказал влияние их нехваток (по-видимому, катастрофический) в Центре страны (прежде всего, в Москве и Подмосковье), который потерял значительную часть населения в результате эпидемий рубежа 60–70 гг. XVI в. и похода крымского хана на Москву 1571 г.

¹¹⁵ Это, в частности, иллюстрируют наблюдения М.В. Кукушкиной над манускриптами, происходящими из книгописных центров Поморья. Отметив огромное влияние на их писцов традиций Москвы и Новгорода, исследовательница заключила, что «XVI век не дал на Русском Севере выдающихся книжников, которые смогли бы создать книгописные школы с характерными для данного района особенностями в письме и оформлении» [Кукушкина, 1977: 124].

переписанная в Вологде, будет обязательно отражать особенности говора Северо-Востока. Писец вполне мог переселиться в Вологду из Новгорода или из Москвы. Конечно, переход относительно молодого человека в тот или иной крупный книгописный центр мог способствовать постепенному стиранию у него региональных диалектных особенностей¹¹⁶. Однако, безусловно, какая-то более или менее значительная часть писцов мигрировала уже в достаточно зрелом возрасте.

Очевидно, что к наиболее надежным выводам книговеды и лингвисты придут в том случае, если они будут опираться на материал, содержащий информацию не только о месте работы, но и о происхождении писцов. Так, в случае переписки манускрипта в Николо-Угрешском монастыре уроженцем Радонежа, принявшим постриг в обители Иосифа, трудно сомневаться в том, что речь идёт о языковых и прочих особенностях характерных для Центра страны.

Заключая, ещё раз подчеркнём, что ограниченный по своему объёму материал выходных записей¹¹⁷ не даёт достаточно веских оснований категорично определять масштабы и наиболее часто встречающиеся маршруты миграции более или менее значительных групп населения. В то же время информация колофонов, упоминающих многие сотни лиц, принадлежащих к различным социальным группам, позволяет существенно дополнить сведения актов и писцовых книг, на отрывочность данных которых применительно к XVI в. неоднократно сетуют историки.

Итоги проведённого исследования, в частности, побуждают вновь обратиться к изучению тех мотивов, которыми руководствовались власти, с конца XV в. последовательно проводя политику, направленную на ограничение перемещения тяглого населения (прежде всего, сельского)¹¹⁸. Тема данной работы и её последующая разработка могут представлять интерес и для исследователя Смутного времени. Трудно сомневаться в том, что горизонтальная мобильность представителей наиболее многочисленных слоев населения, по сути, пронизывала огромную территорию не подпадающими учёту неформальными социальными связями. Вероятно, они оказали своё, пока ещё в полной мере неопределённое, влияние на главный итог Смуты: несмотря на политические катаклизмы начала XVII в. лишь относительно недавно объединённая страна сохранила свою целостность.

¹¹⁶ Например, А. А. Зализняк показал, что в рукописях, которые атрибутируются происходившему из Рязани волоколамскому иноку, позднее игумену и митрополиту Даниилу Рязанцу, фиксируются не рязанские диалектные особенности, а книжные нормы характерные для прочих писцов обители Иосифа. Исследователь это связал с тем, что Даниил принял постриг в относительно раннем возрасте и сформировался как книжник не в Рязани, а в обители Иосифа [Зализняк, 2014: 53].

¹¹⁷ Впрочем, скудость привлечённых нами источников не стоит переоценивать. С одной стороны, мы оперируем сведениями о нескольких десятках писцов. Конечно, речь идёт лишь о небольшой части от общего числа переписчиков, работавших в России XVI в. С другой, следует отметить, что масштабы книгописных работ в не самой богатой стране Европы раннего Нового времени не стоит преувеличивать. Даже очень крупные книгописные центры (Чудов и Иосифо-Волоколамский монастыри, скрипторий при Александровой слободе и др.), как правило, ограничивались привлечением одного – двух десятков писцов. В подавляющем большинстве случаев для удовлетворения потребностей небольшого монастыря или сельского прихода было достаточно 1–3 переписчиков. Подробнее о численности писцов в России XVI в. см.: [Усачев, 2018а: 307–316].

¹¹⁸ Последний их обзор см.: [Аракчеев, 2014: 282–332].

* * *

Ознакомившись с текстом работы, читатель вправе задать вопрос: можно ли говорить о фиксируемых нами явлениях в истории книжной культуры и социальной истории XVI в. применительно к более раннему времени?

Писцов-мигрантов фиксируют источники и в XII–XV вв. Моисей Киянин на рубеже XII–XIII вв. работал, вероятно, в Новгороде [Столярова, 2000: № 96]. В этом же городе в 1398 г. Минею служебную на апрель переписал Григор Ярославец. В 1456 г. еще один ярославец — черный дякон Игнат — также в Новгороде переписал Церковный устав. Список толкового Евангелия 1456 г. в Троице-Сергиевом монастыре выполнил переславец поп Алексей. В роли писца псковского списка Евангелия-апракос 1463 г. выступил «тферитин» дяк Борис. Еще один тверич — дяк Андрей — в 1474 г. в стенах Киево-Печерского монастыря переписал Златоструй. Вероятно, мигрантом являлся и писец Лествицы 1436 г. — «священноник Феодор, ростовлянин родом» [Гальченко, 2003: 76 (№ 16), 82 (№ 31), 86 (№ 36), 93 (№ 58), 139–140 (№ 169)]. Как видим, речь идет об отдельных казусах. Представить их в виде целостной картины вряд ли возможно. Имеющиеся отрывочные данные позволяют лишь пунктиром и с весьма высокой долей гипотетичности наметить некоторые из рассмотренных выше тенденций.

Это обусловлено очевидным фактом: хотя приведенный выше перечень и не претендует на полноту, трудно сомневаться в том, что источниковая база по XI–XV вв. намного уступает материалу XVI в., не говоря уже об источниках XVII–XVIII вв.¹¹⁹ Это, впрочем, не удивительно. Если от XVI в., по самим приблизительным оценкам, дошло около 12–14 тыс. манускриптов [Кукушкина, 1999: 94; Усачев, 2010], то счет сохранившимся рукописным книгам XI-го, XII-го, XIII-го и XIV-го столетий идет на сотни [Сводный каталог XI–XIII вв., 1984; Сводный каталог XIV век, 2002]; от XV в. их дошло около 3,5 тыс. [Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., 1986; Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в.», 1993]. Датированные выходные записи содержит лишь около 5–10% от их общего числа¹²⁰. Нетрудно заметить, что на фоне 734 выходных записей XVI в. общее число колофонов всех предшествующих пяти веков несопоставимо ниже. Едва ли по отношению к ним можно использовать термин «массовый источник», а также проводить какие-либо подсчеты относительно мест переписки, статуса, происхождения писцов и заказчиков.

В этом, на наш взгляд, и состоит одно из важнейших преимуществ — возможно, главное — исследуемых нами источников. В отличие от записей на книгах более раннего времени применительно к XVI в. мы можем с ними работать как с массовыми источниками, позволяющими по целому ряду проблем существенно дополнить материал актов и писцовых описаний.

¹¹⁹ Подробнее о числе, видах и информационном потенциале записей на рукописных и особенно старопечатных книгах XVII–XVIII вв., счет которым идет, по крайней мере, на многие десятки тысяч, например, см.: [Бакланова, 1963; Пушкарев, 2001; Киселева, 2004; Богданов, 2011; Богданов, 2017].

¹²⁰ См. собранные А. А. Туриловым данные по рукописям XI–XV вв., а также наши наблюдения относительно числа датированных книг XVI в.: [Турилов, 2004: 285; Усачев, 2018а: 8–9].

Несопоставимо лучше сохранившийся от рассматриваемого периода массив данных дает возможность предложить ответы на те вопросы, которые материал более раннего времени позволяет лишь поставить. Таким образом, с источниковедческой точки зрения исследуемое нами столетие предстает в виде связующей нити между сравнительно небогатыми источниками Средневековья и несопоставимо лучше обеспеченными документами Новым временем.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.011

Список литературы

- ААЭ. Т. 1. СПб., 1836.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.
- Адриан (Ангелов) // ПЭ. Т. 1. М., 2000. С. 314–315.
- Аксенова Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 66–77.
- Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 17–117.
- Алексеев А. И., Басова М. В., Шевченко Э. В. Иосиф (Санин) // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 559–585.
- Алексеева Т. И., Захарова Н. В. Древнее население Москвы по данным антропологии и ономастики // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 14–22.
- Анисимова Т. В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е гг. XVI в. — нач. XVII в.) // От Средневековья к Новому времени: сб. ст. в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 587–608.
- Анисимова Т. В. О вновь найденных рукописях строгановских писцов братьев Басовых // История библиотек. Исследования, материалы, документы. СПб., 2010. Вып. 8. С. 264–277.
- Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014.
- АФЗХ. Ч. 2. М., 1956.
- Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источник для истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 197–205.
- Баранкова Г. С. Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 61–74.
- Башнин Н. В. «Сшел в Сибирь»: миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в. // Российская история. 2019. № 1. С. 127–145.
- Богданов В. П. Создание базы данных «Записи на экземплярах старопечатной кириллицы XVI–XVIII вв.»: первые результаты // Федоровские чтения. 2011. М., 2012. С. 67–76.
- Богданов В. П. Записи на книгах старопечатной кириллицы в свете генеалогии и социальной истории // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 262–274.
- Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.–Л., 1947.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

- Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.
- Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Водарский Я. Е. Население России за 400 лет: (XVI — начало XX вв.). М., 1973.
- Гальченко М. Г. Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. (из архива М. Г. Гальченко) // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. 11. P. 68–141.
- Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.
- Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.
- Грицевская И. М. Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 201–224.
- Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.
- Давиденко Д. Г. Представители рода Ступишиных в церковной жизни России XVI в. // Российская генеалогия. М., 2016. Вып. 1. С. 9–55.
- Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 238–298.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XVI–XVII веков: [сборник]. М., 2008.
- Дмитриева З. В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 238–255.
- Дмитриева Р. П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 64–68.
- Дмитриева Р. П. Исаак (Исак) Собака // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 442–443.
- Дмитриева Р. П. Медоварцев Михаил // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989а. С. 109–113.
- Дмитриева Р. П. Фотий // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989б. С. 484–486.
- Добровольская М. В. Московская знать по антропологическим материалам некрополя Чудова монастыря // Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. М., 2018. С. 130–137.
- Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993.
- Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик) / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999.
- Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
- Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
- Зализняк А. А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М., 2014.
- Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в.: опыт государственного строительства. М., 2008.
- Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 336–347.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
- История северного крестьянства. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984.
- Каган М. Д. Исайя Каменчанин // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 445–448.
- Калугин В. В. Артемий // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 458–462.

Киселева Л. И. Записи на рукописных и редких печатных книгах как исторический источник и их использование в базе данных // Археографический ежегодник за 2003 г. М., 2004. С. 57–63.

Кистерев С. Н. Приходо-расходная книга Вологодской службы Соловецкого монастыря 1583–1585 гг. // Очерки феодальной России. М.–СПб., 2007. Вып. 11. С. 309–362.

Клосс Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20–30-х годах XVI века // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. [Сб. 1]. С. 318–337.

Клосс Б. М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 107–125.

Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150–167.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998а.

Клосс Б. М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры XV–XVII вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1998б. С. 6–9.

Клосс Б. М., Кузьмин А. В. Евфимий Турков // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 420–422.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.–Л., 1948.

Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983.

Колесников П. А. Миграция северного крестьянства в XVI — нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 353–374.

Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976.

Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 64. С. 233–254.

Копанева (Смирнова) Д. Д. Книги и вклады архиепископа Великого Новгорода и Пскова Феодосия (1491–1563) как исторический источник // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1(83). С. 46–55.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 2: Описание редакций. М.–СПб., 2017.

Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999.

Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 67–82.

Кром М. М. Еще раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А. Н. Лобина) // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 79–90.

Крушельницкая Е. В., Гутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 3–145.

Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 2. М., 2015.

Кузьмин А. В., Макарий (Веретенников). Вассиан (Топорков) // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 258–259.

Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера XVI–XVII вв. Очерки по истории книжной культуры. Л., 1977.

Кукушкина М.В. Книга в России в XVI в. СПб., 1999.

Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2 (5–6). С. 104–119.

Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Подг. К.Ю. Ерусалимский. М., 2015.

Кучкин В.А. Завещание С.Д. Пешкова-Сабурова и Евангелие Андриана Ангелова // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 139–145.

Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

Левочкин А.Н. Книжник Кирилло-Белозерского монастыря Боголеп Губа // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 303–375.

Лихачев Д.С. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог // Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E.M. Hill. Cambridge, 1970. P. 215–219.

Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычова) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 320–341.

Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2 (5–6). С. 45–78.

Макарий (Веретенников), архим. Келарь Троице-Сергиевой обители — старец Адриан Ангелов // Альфа и Омега. М., 1995. № 2 (5). С. 117–128.

Макарий (Веретенников). Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551; † 1563) // Макарий (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 186–215.

Морозов Б.Н. Странствия книжника Ионы Соловецкого по Онежскому и Ладожскому озерам в конце XVI — начале XVII веков // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1997. С. 105–118.

Морозов Б.Н. Автобиография Ионы Соловецкого (1561–1621) // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 450–453.

Морозов Б.Н. Соловецкий след в рукописях Ионы Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 177–181.

Морохин Н.В. Наши реки, города и села. Н. Новгород, 2007.

Московские соборы на еретиков XVI-го века. Сказание вкратце на соборе на Матвея на Башкина на еретика, и о епископе Касьяне Рязанском // ЧОИДР. 1847. № 3. С. I–IV, 1–30.

Назаров В.Д. К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296–303.

Николаев Г.А. Русские рукописные книги XIV–XVII вв. в хранилищах Казани // В кругу учеников, коллег, друзей. К 70-летию И.П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 179–184.

Николаева С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVII в.: вклады, вкладчики, состав монашествующей братии. Сергиев Посад, 2009.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, вып. 1–2. СПб., 1897–1910.

Носов Н. Е. Русский город в XVI столетии // Россия и Италия. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900–1914 гг. Мат. IV конф. советских и итальянских историков. Рим. 1969. М., 1972. С. 41–68.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Охотина-Линд Н. А. «Сказание о Валаамском монастыре». СПб., 1996а.

Охотина-Линд Н. А. 1. Рукописное наследие Валаамского монастыря XV — начала XVII вв. // ТОДРЛ. СПб., 1996б. Т. 49. С. 440–470.

Охотникова В. И. Псковские писцы Царского списка Великих Четий Миней // Псков. 2001. № 14. С. 39–43.

Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия. СПб., 2010.

Панова Т. Д. Подворья в составе владений Русской церкви в Московском Кремле XIV–XVI веков // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России: сб. ст. М., 2006. С. 292–301.

Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 488–507.

Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000.

Пенской В. В. Некоторые соображения по поводу статьи А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 91–103.

Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в. М., 2018.

Пидгайко В. Г. Исаия Каменчанин // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 152–154.

ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985.

Послания Ивана Грозного. М., 1951.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

Приходная книга новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.—СПб., 2011.

Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии XVII — начало XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.—СПб., 2016.

Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М.—СПб., 2013.

Прохоров Г. М. Пахомий Серб // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 167–177.

Пушкарёв Л. Н. Записи на книгах как источник по истории культуры (на материалах книг Симеона Полоцкого) // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 115–128.

Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 249–261.

Романенко Е. В., Сальников А. К., Петрова Т. Г. Арсений Комельский // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 431–433.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV-XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. М., 1984.

Седельников А.Д. Досифей Топорков и Хронограф // Изв. АН СССР. Л., 1929. Сер. 7: Отд-ние гуманитар. наук. № 9. С. 755–773.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 97–128.

Сергеев А. Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 477–492.

Синелобов А. П. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI–XVII вв. М., 2014.

Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 286–317.

Синицына Н. В. [Рец.] // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 153–156. Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971.

Синицына Н. В. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 145–149.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

Синицына Н. В. Медоварцев Михаил Яковлевич // ПЭ. Т. 44. М., 2016. С. 447–449.

Сиренов А. В. Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.–СПб., 2015. С. 235–347.

Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. Из истории книжного просвещения. М., 1968.

Слуховский М. И. Русская библиотека XVI–XVII вв. М., 1973.

Смирнова Д. Д. Новгородский архиепископ Феодосий — видный постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). С. 66–74.

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. Функциональные категории и модальные отношения. СПб., 2005.

Сорокатый В. М. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине — второй половине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. М., 2003. С. 237–267.

Спиридонов Г. В., Миронов Н. К., Ивакин С. А., Перцев Б. Н. Павлово-на-Оке. 1566–1991: К 425-летию города. Н. Новгород, 1991.

Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 331–383.

Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен: с прил. / Подг. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского. М., 2005.

Турилов А. А. Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // Glagoljica i hrvatski glagolizam / Zb. radova sa Međunarodnog znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta. Zagreb; Krk, 2004. S. 285–294.

Турилов А. А. Закхей // ПЭ. Т. 19. М., 2008. С. 576–578.

Турилов А. А. Исаак Собака // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 9–11.

Турилов А. А. Два запоздалых комментария к каталогу лицевых рукописей Третьяковской галереи // Лицевые рукописи XI–XVII веков: проблемы и аспекты изучения: мат. науч. конф. М., 2017. С. 139–152.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995.

Усачев А. С. О количестве сохранившихся славяно-русских рукописных книг XVI в. // Румянцевские чтения — 2010. Ч. 2: Мат. междунар. науч. конф. (20–22 апр. 2010). М., 2010. С. 186–189.

Усачев А. С. Как часто собирались церковные соборы в России XVI в.? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 120–121.

Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 5. С. 66–81.

Усачев А. С. О составе Освященного собора в 1566 г. // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV — середина XVII в. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 2017а. С. 101–117.

Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017б. № 5. С. 97–113.

Усачев А. С. О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // Canadian-American Slavic Studies. 2017в. Vol. 51, № 2–3. P. 229–247.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.—СПб., 2018а.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.—СПб., 2018б.

Усачев А. С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // Российская история. 2019. № 6. С. 180–201.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.—СПб., 2017.

Филлюшкин А. И. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 327–346.

Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начале XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни врзски през средновековието София, 1982. С. 122–138.

Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.

Французова Е. Б. Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI — начале XVII века // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 255–270.

Червяков В. П. Миграция населения в Русском государстве в XVII — первая четверть XVIII века (по материалам Соликамского уезда) // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 90–108.

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.

Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.

Черкасова М.С. Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря в XV — начале XVIII века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 7–19.

Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 655–707.

Чечулин Н.Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI веке // Библиограф. 1888. № 11. С. 350–363 (начало); № 12. С. 373–379 (окончание).

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Чечулин Н.Д. Личные имена в писцовых книгах XVI в., не встречающиеся в православных святцах // Библиограф. 1890. № 7–8. С. 73–84.

Чибисов Б.И. Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 годов // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3. С. 103–114.

Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141–154.

Шевченко Е.Э. Исаак Бирев (Собака) — профессиональный книгописец первой половины XVI в. // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: мат. междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февр. 2013 г. М., 2013. С. 350–361.

Щенкова О.П. Монастырские и архиерейские подворья Москвы (по материалам конца XVI — XVIII в.) // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 50–62.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002.

Яблонский В.П. Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и биографически-литературный очерк. СПб., 1908.

Dykstra T.E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006.

Kastanov S.M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher fur Gechichte Osteuropas. Wiesbaden, 1995. Bd. 43, Hf. 3. S. 321–346.

Поиски Беловодья в казачьих дневниках

Е. С. Данилко

Аннотация: В истории старообрядчества особое место занимала утопическая легенда о Беловодье — стране, где сохраняется «истинное священство», не затронутое церковной реформой. Располагалось оно якобы где-то далеко на востоке, в восточных странах. Вера в существование Беловодья побуждала старообрядцев к активным его поискам. Одна из экспедиций по поиску легендарной страны, спровоцированная целым рядом обстоятельств, была предпринята тремя уральскими казаками в конце XIX в. Двое из них вели путевые дневники. В статье анализируются тексты этих дневников.

Ключевые слова: старообрядчество, легенда о Беловодье, утопические легенды, уральские казаки, травелог, путевой дневник.

Старообрядчество, образовавшееся в результате церковной реформы второй половины XVII столетия, изначально характеризовалось внутренней неоднородностью, связанной с отсутствием полной церковной иерархии. Это порождало различные стратегии её восстановления и поиска «истинного», то есть не затронутого разрушительными переменами, священства. Такие поиски обращались, как правило, на восток, в восточные страны. Легендарно-историческое обоснование представлений о том, что на востоке сохраняется истинное благочестие, старообрядцы черпали в древней христианской литературе, в трудах известных богословов Черногорца Храбра, Феодорита Кирского и весьма почитаемого Ефрема Сирина, обосновывающих древность сирийской церкви, возникновение в её недрах монашеского служения. Кроме того, известное влияние на ситуацию оказывали знания о несторианском учении, распространившемся после гонений на его адептов из Антиохии в Среднюю Азию, Индию и Китай [Криничная, 2019: 178–180].

Большой популярностью в старообрядческой среде уже с конца XVIII в. пользовалось письменное сочинение, приписываемое некому Марку Топозерскому, в котором описывалась прекрасная страна Беловодье с совершенным общественным строем и всяческим изобилием, а самое главное, с «истинным священством, избежавшим никоновских ересей». Сочинение представляло собой своеобразное описание маршрута в эту страну и имело хождение среди старообрядцев, в том числе и среди уральского крестьянства и казачества, под названием «Путешественник» (а у казаков ещё и «Маршрут»). Согласно сохранившимся текстам «Путешественников», Беловодье располагалось далеко за морем, на 70 и более островах. Нередко в качестве таковых выступали острова «Опоньские» (искажённое от «Японские») [Чистов, 2011: 400–413]. Вообще мотив удалённости и отграниченности счастливых земель — один из определяющих во всех утопиях. А противопоставление земной и небесной жизни в средневековой системе мышления, согласно Ю.М. Лотману, позволяло сопоставлять географическую

удалённость с более праведными, чистыми, далёкими от людской повседневности пространствами [Лотман, 1997: 158].

Вера в существование Беловодья побуждала старообрядцев к активным его поискам и немало способствовала освоению пустующих пространств Сибири, решению задач внутренней колонизации. В зависимости от множества исторических обстоятельств и происходящих в старообрядческом мире событий интерес к идее поиска священства на востоке и, соответственно, к легенде о Беловодье то затухал в старообрядческой среде, то разгорался вновь. Так, самым тесным образом актуализировало этот интерес образование белокрыницкой иерархии, отношение к которой было совсем не однозначным, особенно среди часовенных. В течение всей второй половины XIX столетия в Константинополь неоднократно отправлялись старообрядческие посольства для прояснения некоторых вопросов относительно личности митрополита Амвросия Босно-Сараевского, от присоединения которого к старообрядчеству ведёт отчёт так называемая белокрыницкая иерархия [Герд, 2002].

Сомнения в белокрыницком священстве вновь обратили взгляды старообрядцев на восток. На соборах уральских часовенных идея поиска священства в восточных странах становится одним из предметов острых дискуссий в конце XIX века [Описание деяний..., 1999: 339]. Непосредственное влияние на остроту этих дискуссий оказывало и появление в уральских краях некоего Аркадия, заявлявшего, что прибыл он напрямую из Беловодья, в качестве архиепископа всея Руси и Сибири, ставленника патриарха Беловодского, Камбайского, Индостанского и проч., Мелетия. Новоявленный архиепископ, в миру сын коллежского асессора Антон Семенович Пикульский, разъезжал по городам и весям, рассказывая старообрядцам об истинном священстве, сохранившемся далеко на Востоке и демонстрируя в качестве подтверждения «настоящую ставленую грамоту» на свое имя. Постепенно вокруг него сложилось сообщество последователей и даже появились священники нового «беловодского согласия». Такие имелись в Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Самарской губерниях, а также на территории Уральского казачьего войска [Данилко, 2011, 2016]. Таким образом, иррациональная идея о чудесной стране неожиданно обрела чёткие очертания и институализировалась, предоставив интересный материал для размышлений о природе народного утопизма и религиозного самозванства. Одним из результатов стало новое и самое далёкое путешествие в Беловодье, осуществлённое тремя уральскими казаками в 1898 году.

22 мая 1898 г. трое уральских казаков выехали поездом из Уралья и, добравшись до Одессы, отправились оттуда южными морями вокруг всего континента. Казаки побывали в Константинополе, где попытались разузнать подробности о белокрыницком митрополите, в Солониках и Измире (древней Смирне), попробовали себя в роли паломников на Святой земле. Затем они проплыли недавно открывшимся Суэцким каналом до острова Цейлона (Шри-Ланки) и города Сингапура и дальше до Сайгона, Гонконга и Шанхая. Конечным пунктом путешествия стал японский порт Нагасаки. Обратный, уже сухопутный, маршрут по России занял столько же времени,

что и морской по востоку — из Владивостока и Хабаровска через всю Сибирь, где поездом, где речным транспортом, где на ямщицких тройках до уральских краёв. Домой казаки прибыли уже поздней осенью, 25 октября.

Двое из участников экспедиции — Григорий Терентьевич Хохлов и Нифонт Данилович Максимычев — вели дневники, в которых описывали события, происходившие с ними во время пути. Эти дневники были опубликованы в малотиражных изданиях, на этом я остановлюсь подробнее ниже. Вместе с тем проблема малой доступности казачьих дневников как для исследователей, так и для широкой публики, не была до сих пор решена. Все это и определило наше, с коллегой из Санкт-Петербурга Николаем Юрьевичем Бубновым, решение опубликовать их под одной обложкой, снабдив их комментариями и научно-справочным аппаратом. Книга вышла в свет в 2021 г., и все дальнейшие цитаты из этих сочинений в настоящей статье будут делаться по ней [По Уралу и вокруг света..., 2021].

Об этой удивительной казачьей одиссее стало известно благодаря писателю Владимиру Галактионовичу Короленко. Проезжая Кирсановскую станицу летом 1900 г. и уже наслышанный о казачьих поисках Беловодья, Короленко познакомился с одним из участников похода, Григорием Терентьевичем Хохловым. Тот оказался «казаком средних лет с густо загорелым лицом и умными чёрными глазами». Внимание гостей из Петербурга его не обрадовало, боясь быть обвинённым в распространении раскола, он пришёл на встречу неохотно и глядел пытливо, но настороженно. Однако узнав о намерениях писателя послушать рассказ о путешествии, Хохлов успокоился и сходил за своей записной книжкой. «Книжка видала виды. Раскрыв ее, — писал Короленко, — я увидел, что вся она вдоль и поперёк убористо исписана старинным полууставом, со словотитлами и сокращениями. Владелец бережно относился к ней, следя за нею глазами, как за дорогой, хрупкой вещью, попавшею в чужие руки» [Короленко, 1914: 176]. Короленко убедил Григория Терентьевича переписать текст гражданским шрифтом и опубликовать в Санкт-Петербурге, и в 1903 г. «Повесть о путешествии казаков в Беловодское царство» Г.Т. Хохлова с обширным предисловием самого В.Г. Короленко вышла в свет в Записках Императорского Русского географического общества [Хохлов, 1903].

Короленко было известно о существовании и другой повести, написанной урядником Нифонтом Даниловичем Максимычевым, опубликованной сначала в газете «Уральский листок» [Максимычев, 1898; 1899], а затем изданной отдельной брошюрой, которую «жадно покупало казачье население». Он сокрушался, что не смог достать ни одного экземпляра этой брошюры, ставшей к тому времени (1900 г.) библиографической редкостью.

Оба дневника, безусловно ориентированные на местную старообрядческую аудиторию, были призваны представлять своеобразный отчёт о путешествии. Первый номер газеты с текстом Максимычева появился уже через месяц после возвращения уральцев на родину. Неизвестно, почему тогда же не был напечатан и дневник Хохлова. Возможно, казаки (редакторы? сам автор?) сочли излишним публиковать оба отчёта с близким содержанием. А возможно, дело было в изначальной договорённости, и именно Максимычев получил поручение от казачьего съезда вести дневник. По крайней

мере, упоминание о путевых заметках имеется только у него: «...забрав свою походную канцелярию, вышел [я] на вершину крутой горы, покрытой частым березняком; устроил себе из поленницы письменный стол, расположил свою канцелярию и стал описывать своё горемычное путешествие» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 463]. Как бы то ни было, дневник Н. Д. Максимычева нашёл своих читателей, для которых был предназначен, но «потерялся» для последующих поколений. Дневник же Г. Т. Хохлова, изданный почти через пять лет после путешествия в Петербурге, оказался малодоступным для казачьей среды. Лишь спустя сто лет он вернулся к «своим», будучи переизданным в Уральске в 2003 г. [Хохлов, 2003]. Кстати, книга Хохлова, как в своё время брошюра Максимычева, жадно раскупалась казачьим населением и очень скоро стала библиографической редкостью. Приехав в Уральск в 2005 г., я не смогла достать ни одного экземпляра.

В целом, с исследовательским вниманием больше повезло сочинению Г. Т. Хохлова. Хотя, надо заметить, далеко не сразу после выхода в свет. Впервые его обстоятельный анализ был сделан известным учёным, исследователем русской народной утопии Кириллом Васильевичем Чистовым в его фундаментальной монографии, вышедшей в 1967 г. [Чистов, 1967]¹. Можно посчитать этот момент новым открытием сочинения. С тех пор его активно использовали религиоведы и историки, прежде всего, занимающиеся исследованиями старообрядчества. Главным образом учёные привлекали текст при анализе феномена русской утопии, народного мировоззрения [Клибанов, 1977; Геллер, Нике, 2003], а также роли Беловодской легенды в процессах колонизации [Мамсик, 1987; Дутчак, 2007]. К тексту обращались не только российские исследователи. Так, японский славист Накамура отмечал, что первыми староверами, достигшими берегов Японии, были как раз уральские казаки [Чистов, 2011: 421]. В 1996 г. книга Хохлова была переведена на французский язык и издана в Париже с комментариями и введением слависта Мишеля Нике [Khokhlov, 1996].

Наличие двух дневников одного путешествия, несомненно, большая удача как для историков, так и для литературоведов. Тексты объединены сюжетной линией, но их сопоставление позволяет, *во-первых*, полнее реконструировать событийную канву путешествия, дополнить деталями рассказ одного и другого автора, а *во-вторых*, как бы «проявить», обнаружить их самих, их индивидуальность, черты характера и темперамент. И, *наконец*, самый важный, на мой взгляд, момент — такое сопоставление призвано не столько выявить различия, сколько представить общее, то есть то, что объединяет эти рассказы помимо фактической информации.

Как известно, далеко не все увиденное в путешествии включается в рассказ о нём и, мало того, далеко не всё, *что могло бы быть увиденным*, оказывается таковым для разных путешественников. При ближайшем рассмотрении, как пишут исследователи травелогов, оказывается, что помимо личного опыта, приобретённого автором во время поездки, её описание отражает и те представления, которые он имел накануне, или изначальные

¹ Книга дважды переиздавалась, в 2003 и 2011 гг., издательством «Дмитрий Буланин» в Санкт-Петербурге. В тексте используются ссылки на последнее издание книги 2011 г.

и не всегда осознаваемые им самим культурные установки [Куприянов, 2004: 74]. Эти установки, направляя взгляд путешественника, служат своеобразной линзой, преломляющей фрагменты реальности, высвечивая важное и отсеивая «недостойное» быть увиденным, тем более зафиксированным в последующем тексте.

Нельзя не заметить, что значительный объём в сочинениях Г. Т. Хохлова и Н. Д. Максимычева занимают цитаты из богословских трудов или апокрифов, которыми подкрепляются параллели между наблюдаемыми явлениями и событиями из Священной истории. Проплывая Суэцким каналом или описанным в Библии Чермным морем, уральцы ожидают увидеть тех самых фараонов, которых поглотило море во времена ветхозаветного пророка Моисея. Не сомневаются они, что на дерево, растущее во дворе гостиницы Русского Палестинского общества в Иерихоне, влезал когда-то евангельский Закхей. Они ищут в ручье рыбок с ожаренным боком, что соскользнули с блюда императора Константина, и сокрушаются об «увезённой англичанами» соляной Лотовой жене. То есть писания священных отцов и стародавние предания и являются для казаков-старообрядцев упомянутой линзой, сквозь которую они видят окружающий мир. С их помощью они объясняют окружающее, к ним обращаются для подтверждения собственного мнения и укрепления духа: «Однако, возверзли печаль свою на Господа, и Той нас утешит, и Той нас спасет» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 361].

Брайан Сток, изучавший средневековые еретические движения в Европе, ввёл понятие «текстуальные сообщества». Социальная активность и взаимодействие в таких сообществах сосредоточены вокруг текстов, *смысл* которых понимается *одинаково* всеми членами группы. Все они должны, пишет Сток, «быть способными к герменевтическому прыжку от того, что текст говорит, к тому, что они думают, что он значит» [Stock, 1983]. Это понятие в определённой степени применимо и к старообрядцам с их развитой книжной культурой. Письменные тексты, не обязательно прочитанные лично, но одинаково понятые, позволяют старообрядцам объяснять окружающую реальность и объяснять её определённым образом.

Инструментами социальной концептуализации для старообрядцев, как известно, служат эсхатологические категории, когда всё происходящее интерпретируется ими как примета приближения последних времён, причиной чему служит отступление от истинной веры и утрата традиции — «старины». Неслучайно уральцы подробно описывают эпизоды путешествия, красноречиво свидетельствующие об оскудении веры у оппонентов-греков, — священник, курящий трубку, венчание молодых в пост, собака в алтаре, служба, на которой греки в присутствии архиерея стоят в фесках, и даже внешне их трудно отличить от мусульман-турок. Особенно ранит уральцев, что «Всемогущий Бог попустил обладать святыми местами неверным народам» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 205], в этом они винят собственные «злодеяния». Все вокруг представляется утратившим прежний правильный облик, храмы и крепости превратились в руины, преданы забвению. Даже фараоны, вылезающие из моря со своими колесницами, совсем не те, что были прежде, и их осталось мало, лишь троих удалось заметить нашим

путникам на берегу. «Если кто пойдет этими местами после нас, — пишет Максимычев, — тот, вероятно, и этих не увидит, потому что они убежали в пески и едва ли вернутся» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 422].

При этом казаки, участвовавшие в своё время в военных походах, повидавшие мир, неплохо знакомы и с гражданской историей. Например, когда пароход проплывает мимо Сан-Стефано, Хохлов напоминает читателям, что здесь в 1878 г. был подписан мирный договор между Россией и Османской империей. Вообще, своё повествование оба автора непременно включают в исторический контекст. Так, описание турецкого Измира, бывшей древней Смирны, Хохлов начинает с обширного введения: «Смирна числится очень древним городом; первоначально ионическая колония, разрушена за 6000 лет до Рождества Христова лидийцами и впоследствии вновь выстроена Антигоном» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 209–210]. А Максимычев, отмечая в дневнике острова Греческого архипелага, приводит выдержки о содержании языческой религии. О риторических преимуществах такого приема, часто используемого в литературе путешествий, пишет Андреас Шенле: «Сочетание травелога с историей особенно удобно для взаимодействия прошлого и настоящего, что приносит двойную выгоду: знание прошлого обогащает опыт настоящего, и, наоборот, понимание настоящего позволяет лучше оценить прошлое» [Шенле, 2004: 135].

Информация для исторических описаний, очевидно, заимствуется казаками из популярных туристических путеводителей или брошюр, составляемых для русских паломников, с характерным для такого рода текстов стилем изложения: «Бывший собор св. Софии красуется на первом из семи холмов Константинополя; это величественнейшее, изящнейшее произведение Византии, это — венец художественного искусства, это — канон церковной архитектуры и бывшая колыбель русской религии...» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 373]. Особенно многочисленны подобные заимствования при описании путешествия по Святой земле, где уральцы в полной мере ощущали себя паломниками, пройдя весь маршрут, организованный для приезжающих в Иерусалим Палестинским обществом.

Надо отдать должное тому, насколько органично авторы вплетают в повествование переписанные сюжеты с рассказами о собственных впечатлениях и переживаниях, создавая для будущих читателей иллюзию цельного авторского текста, передающего достоверную информацию, представленную очевидцами. Например, лишь сопоставление двух сочинений позволило обнаружить, что первоисточником красочного рассказа Г.Т. Хохлова о процессе изготовления чая в Китае послужила книга российского ботаника и географа А.Н. Краснова [Краснов, 1897–1898]. Описание «неэстетичности» этого процесса, сделанное Красновым, становится для уральского казака способом выражения своего отношения к напитку, входящему у старообрядцев в разряд запрещённых. Кроме того, этот рассказ имел целью рассеять некоторые заблуждения, распространённые в уральской среде. «Между нашим народом, — писал Хохлов, — распространён слух, будто бы китайцы при упаковке чая в коробья, во-первых, приносят по-своему жертву и кропят чай змеиным салом, после чего упаковывают в ящики. Об этом мы в точности дознать не могли. В Ханькове живут русские купцы,

из коих один, Семен Васильевич Литвинов, в Китае находится уже 22 года. Мы спрашивали его об этой скверности, и Литвинов признает это неправдой» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 301].

Вообще, уральцы охотно примеряли на себя роли просветителей, приводя множество сведений естественно-географического и этнографического характера — о природе, климате, растениях и животных стран, где им довелось побывать, об образе жизни, занятиях и обычаях аборигенов. Одновременно казаки уточняли информацию, распространённую в их родных краях. Они с удивлением обнаруживали для себя и считали необходимым донести до своего сообщества знания об искусственном происхождении росного ладана, о сроках плодоношения финикового дерева или о расстоянии до Афона, о котором на Урале думают, что он «на краю света, тогда как от Одессы на пароходе — до него трое суток расстояния» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 375].

Инструментами познания чужих культур становились для путешественников элементы знакомого, *своего* культурного текста, к которым подбирались аналогии в чужом. Характерный для литературы путешествий приём, вписывающийся в просветительскую парадигму. Так, описывая финиковое дерево, уральцы сравнивают его корни с кустом камыша, а буддийские догматы называют «десятью заповедями». Порой взгляд уральцев на местных жителей направлен сверху вниз. Собираясь посмотреть военный парад в Стамбуле, они задаются вопросом, удалось ли России за время войн «хоть сколько-нибудь образовать некрещеных» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 365]; они иронизируют по поводу одежды сингапурского купца, состоящей из одной повязки: «Смотри, товарищ, купец богачейший, на нём драгоценная одежда никогда не изотлеет» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 273]. И уж «совершенными зверями» представляются им жители Сайгона.

Впрочем, и сами путешественники вынуждены оказаться здесь в роли экзотической диковины, «чудовищ», за которыми ходят толпами местные подростки, стараясь разглядеть что-то под их большими бородами — уж не второй ли рот. Из описания этого эпизода у Г. Т. Хохлова невольно напрашивается аналогия из «Хожения Афанасия Никитина»: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку» [Никитин, 2013: 15]. Положение чужаков усугубляется их безъязыкостью, вынужденной немотой, необходимостью прибегать к помощи переводчиков, «облупающих за работу чуть не до мяса», или «рассказывать мимикой».

Возможность соединения в сочинении о путешествии множества дискурсов — исторического, лингвистического, этнографического и, конечно, географического — определяет и синкретический язык повествования. Исследователи обозначают место травелога на границе литературы и истории. Травелог питается жизненным опытом автора, что сближает его с романом, хотя реальность в нём призвана взять верх над вымыслом [Майга, 2014: 257]. Сочинения уральцев, задуманные как точная хроника путешествия или путевой дневник, даже отчёт о поездке, должны были, в конце концов, облекаться в литературную форму, потому что изначально предполагали адресата. Кроме того, логика изложения определялась самим пространством, географическим ландшафтом, с которым путешественники имели

дело. «Движение путешественника, — пишет Д. Н. Замятин, — происходит одновременно в реальном и образном пространствах. Чем интенсивнее его движение, тем более взаимосвязанными становятся эти пространства. Вершина, идеал путешествия — отождествление реального и образного пространства, рождение образа самого путешествия» [Замятин, 2003: 12].

Начитанные не только по части богословия казаки имели перед собой множество образцов, помогавших им олитературить собственные произведения, ввести их в русло изящной словесности. Порой они используют известный риторический приём — обращение к будущим читателям, призывая их самих рассудить о положении дел. А иногда и прямо интригуют их, оставив некоторые моменты без объяснения. Например, мы так и не узнали, каким образом казакам удалось провести турецких таможенников в Салониках и сохранить свои пистолеты. Избранная авторами форма путевого дневника поддерживается обозначениями дат, иногда точных часов и минут, прибытия и отбытия в очередной пункт путешествия, но существует ещё сквозная сюжетная линия, которая сшивает разрозненные фрагменты впечатлений, заставляя читателя следовать за рассказом. Это собственно история их поиска, сопровождающаяся эмоциональными подъёмами и падениями — от надежды к разочарованию и снова к надежде. Колокольный звон на пристани Гонконга — не православная ли там церковь? Изменившийся цвет воды в океане — не это ли место называют Беловодией? Долгожданные Опоньские острова и горечь поражения...

По мере того, как путешествие приближалось к концу, росло и разочарование наших уральцев, но надежда не покидала их до последнего, они всё ещё возлагали её на Японские острова. Вот показались вершины скалистых, с редкой растительностью, гор. «Тут билось наше ретивое, — пишет Максимычев в своем дневнике. — Так и хотелось лететь птицей в то место, где находится столько благочестия, войти на вершину самой высокой горы взглянуть хотя бы одним глазом, а тогда бы — хоть и умереть!..» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 445]. И лишь после четырёх дней, проведённых в Нагасаки, во время которых уральцы много ходили по городу и расспрашивали торговых людей и местных жителей, надежда их покинула, «повесили головы, как переспелые огурцы; ревность охладела, охота исчезла, ослабив дух бодрости» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 320]. Григорий Хохлов описывает встречу с русским консулом и разговор с пароходным агентом, продавшим им билеты до Владивостока, и тот и другой удивлялись наивности казаков, проделавших столь долгий путь в погоне за неосуществимой мечтой. Подробно описывать увиденное в Нагасаки казакам, очевидно, уже не хотелось, но, следуя уже заведенной привычке, Хохлов всё же оставляет краткую этнографическую заметку о местных жителях: «Японцы невысокого роста, плотного телосложения, гладко стриженная голова, белые не застегнутые пиджаки надевают на голое тело; на ногах деревянные, тонко выделанные колодки, (подвязанные) с помощью ремня. Идёт по улице, под ногами у него хлобыстают колодки. Женщины также небольшого роста, замечательно убранные гладко головы, ничем не покрытые, на ногах носят такие же сандалии, как и мужчины» [По Уралу и вокруг света..., 2021: 447].

Оба сочинения разделены на две главы, неизвестно — авторами или редакторами, но это и не важно, потому что такое разделение логически вытекает как из содержания — две части пути, — так и из манеры изложения. Вторые главы описывают дорогу домой, которая занимает почти столько же времени, что и путь в Беловодье, — около двух с половиной месяцев. Но эти главы гораздо меньше по объёму, в начале их тексты ещё включают описания мест и событий — встреча с земляками, общение со случайными знакомыми, исторические пассажи и интересные ситуации, но ближе к концу те всё более превращаются в сухие отчёты, сводящиеся к перечислению мест и дат. Путешествие завершается, рассказывать больше нечего.

Сравнительный анализ позволяет выявить множество фактических различий в произведениях Г.Т. Хохлова и Н.Д. Максимычева — в именах случайных попутчиков, последовательности эпизодов, датах. Но наибольшее различие между текстами, пожалуй, в том, что у Хохлова эксперименты с литературной формой и границами жанров оказались смелее. Если Максимычев начинает свой рассказ как дневник с первого дня поездки, то Хохлов предваряет его зачином, предысторией путешествия в Беловодье. В середине у него имеется обширное отступление с детскими воспоминаниями о некоем казаке Изюмникове, который подобно Аркадию Беловодскому обманывал легковверных старообрядцев. Этот сюжет не имеет непосредственного отношения к путешествию, но автор явно видит свою задачу шире, чем написать отчёт о поездке, — он пытается рассуждать о природе самого явления, раскрыть причины, побуждающие разных людей поступать таким образом. В заключение, уже завершив рассказ о путешествии, Хохлов приводит письма от секретаря Константинопольского патриархата, в которых нет ответов на вопросы старообрядцев. Черта не подведена, точка не поставлена. Открытый конец, в лучших традициях приключенческого романа...

О дальнейшей судьбе и вообще жизненном пути участников экспедиции известно мало. Современному уральскому исследователю Николаю Щербанову удалось записать воспоминания их родственников и односельчан. По рассказам, Нифонт Максимычев был человеком состоятельным, имел большую семью и воспитывал приёмную дочь. Ещё он занимался живописью и писал иконы, а также участвовал в разработке учебников для церковно-приходских школ. Одна из его картин, якобы понравившаяся цесаревичу Николаю во время поездки по стране, была увезена им в Петербург. Григория Хохлова односельчане называли вторым Ермаком. Судьба его оборвалась трагически, в 1919 г. он был расстрелян большевиками за участие в казачьем съезде [Щербанов, 2009: 280]. Меньше всего информации сохранилось о третьем, самом старшем из путешественников, Анисиме Барышникове. Можно только, вслед за В.Г. Короленко, предположить, что он приходился сыном (родственником?) руководителю первой казачьей экспедиции в Беловодье Варсонофию Барышникову.

Поиски Беловодья на этом не закончились. Согласно исследованиям В.В. Кобко, ещё одна поездка состоялась в начале XX в., участвовали в ней несколько дальневосточных казаков, переселенцев из Самарской губернии. В воспоминаниях их потомков упоминается село Чёрный Ключ [Кобко, 2006: 87], в котором находился один из приходов, образованных в своё время

Аркадием Беловодским. Поэтому, надо полагать, местным старообрядцам было известно о поездке уральских казаков в Японию. К тому же наши уральцы описывали в своих дневниках неоднократные встречи с земляками во время путешествия. Неудача этого мероприятия, как видим, не остановила новых искателей Беловодья, а рассказы о далёкой благодатной земле, сохранившей истинное благочестие, до сих пор актуальны для старообрядческой среды. Это неудивительно, учитывая легкость метафоризации географического пространства, тесно связанного с общей картиной мира [Лотман, 2000: 303].

Казачья Одиссея в поисках Беловодья завершилась, оставив после себя уникальные литературные свидетельства, в которых, по словам Мишеля Нике, создана атмосфера чудесного, наивного, сюрреалистического мира, напоминающего сюжет популярной сказки, когда трое героев отправляются на поиски сокровища, а им противостоит злой обманщик [Khokhlov, 1996: 22]. Сквозная для обоих сочинений тема поиска неведомой земли мотивирует интерес читателей, увлекает причастностью к универсальной мечте о совершенстве, остающейся недостижимым горизонтом для человечества.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.012

Список литературы

- Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003.
- Герд Л. А. Старообрядческое посольство 1892 года // Славянский альманах. М., 2002. С. 198–216.
- Данилко Е. С. «Смиренный архиепископ Аркадий...»: некоторые страницы из истории Беловодской иерархии // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.: история и современность: Сб. науч. тр. и мат. Вып. 5. Киев; Винница, 2011. С. 369–391.
- Данилко Е. С. Архиепископ из загадочной страны // Родина. № 10. Октябрь. 2016. С. 114–117.
- Дутчак Е. Е. Из «Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007.
- Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Культурное пространство путешествий: Материалы научного форума. 8–10 апреля 2003 г. СПб.: СПбГУ (Центр изучения культуры философского факультета), 2003. С. 10–13.
- Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.
- Кобко В. Беловодье — страна древнего благочестия // Словесница искусств. 2006. № 18. С. 82–88.
- Короленко В. Г. У казаков (Из летней поездки по Уралу) // Полное собр. соч. Т. 6. СПб., 1914. С. 130–258.
- Краснов А. Н. «Чайные округа субтропических областей Азии (Культургеографические очерки Дальнего Востока). Отчет Главному управлению уделов профессора А. Н. Краснова. Вып. II. Китай. Индия и Цейлон. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1897–1898.
- Криничная Н. А. Русская мифология. Человек на перепутье миров. М., 2019.
- Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX в.: парадоксы литературности // Историк и художник. М., 2004. № 2. С. 59–74.

Лотман М. Ю. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство–СПб., 2000.

Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. №9. М., 1997. С. 157–169.

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. №3 (37). С. 254–259.

Максимычев Н. Д. Путешествие уральских казаков вокруг света в 1898 году // Уральский листок. 1898. №97–99, 100.

Максимычев Н. Д. Путешествие старообрядцев Уральской области на запад и восток // Уральский листок. 1898. №102; 1899. №1–7, 9.

Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири, 2-я четв. XIX в. Новосибирск, 1987.

Никитин А. Хождение за три моря с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века. М., 2013.

Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII — XX вв. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск, 1999.

По Уралу и вокруг света в поисках «истинного священства» (история беловодской иерархии в исследованиях и документах). Авт.-сост. Е. С. Данилко, Н. Ю. Бубнов. М., 2021.

Хохлов Г. Т. Повесть о путешествии казаков в Беловодское царство // Записки Императорского Русского географического общества. Т. XXVIII. Вып. 1. СПб., 1903.

Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство. Репринтное издание. Раздел: Первоисточники. К юбилею выхода книги в дореволюционной России. Уральск, 2003.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011.

Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. [пер. с англ. Д. Соловьева]. СПб., 2004.

Щербанов Н. Казачья одиссея // Гостиный двор: Литературно-художественный альманах. 2009. №26. С. 272–281.

Khokhlov G. T. Le voyage de trois cosaques de L'Oral au royaume des Eaux Blanches / Presentation, traduction et notes de Michel Niqueux. Paris: L'Inventaire, 1996.

Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11th and 12th Centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983.

Османский Коран из коллекции Оренбургского Губернаторского историко-краеведческого музея¹

И. В. Зайцев

Аннотация: Статья рассказывает о судьбе рукописного *джуза* (одной тридцатой части текста Корана), переписанного в первой половине 1730-х годов в Османской империи выдающимся каллиграфом Сейидом Мехмедом б. Абд ар-Рахманом Шекер-заде (скончался в 1166/1753 г.). Рукопись принадлежала *вакфу* известного османского политического и военного деятеля XVIII в. Яхьи-паши. После того как последний, будучи комендантом Очакова, попал в 1737 г. в русский плен, рукопись оказалась в России. Судя по пометке на одном из листов, манускрипт хранился в конце XIX — начале XX вв. у муллы городка Атбасар в Казахстане, откуда, видимо, и попал в Оренбург, где ныне хранится в Оренбургском губернаторском историко-краеведческом музее.

Ключевые слова: арабские рукописи, османская каллиграфия, русско-турецкие войны.

В коллекции Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея среди нескольких рукописей на арабском и тюрки хранится рукопись пятого *джуза* Корана² (КП 14124). Размер манускрипта — 22,7 х 31,0 см, объём — 21 лист. Чернила — чёрные, текст — в золотой рамке. На л. 1 об. — роскошный *унван* в синих с золотом тонах с названием *джуза* белыми чернилами (рис. 1). *Айаты* разделены значком в виде золотого кружка, разбитого на 6 частей-секторов. На л. 1 на полях золотыми чернилами указание на вакуфную принадлежность списка. На полях золотыми чернилами указано разделение *джуза* на *хизбы* (1/60 часть текста). Начало текста: 24 *айат суры* 4 («Женщины»)³.

Почерк каллиграфический *наسخ*, 9 строк на странице, *хафизы* (*кустоды*). На листах имеются следы разлиновки *мистаром* (транспарантом). Нижние края листов пострадали от воды.

¹ Мой приятный долг — выразить благодарность за возможность ознакомиться с рукописным собранием Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея директору А. М. Ушакову и заведующей фондами — Л. Д. Нелюбовой.

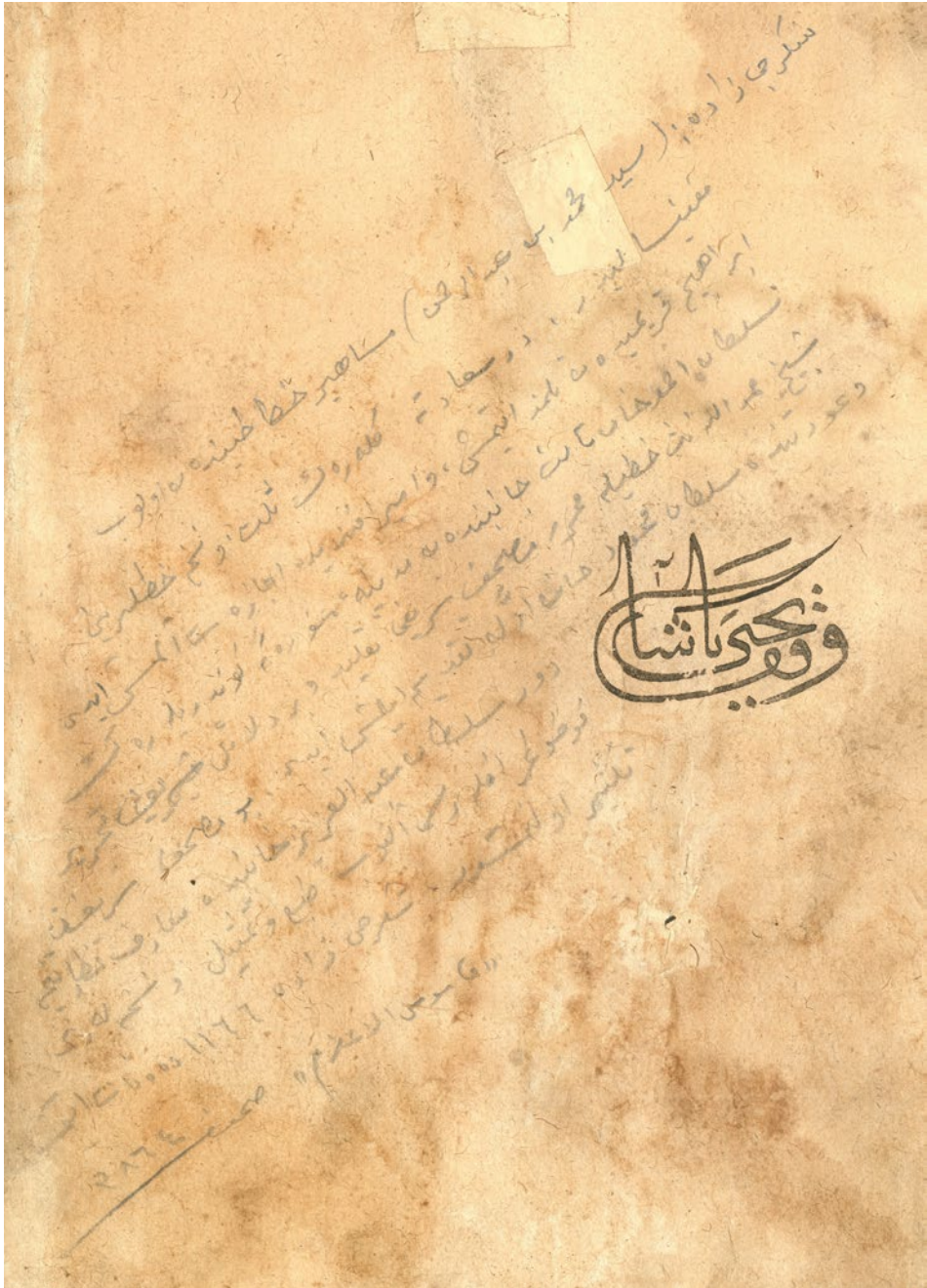
² 1/30 часть текста Священной книги — для удобства чтения по дням месяца.

³ «И замужние женщины запретны для вас, если только ими не овладели ваши десницы. Таково предписание Аллаха для вас. Вам дозволены все остальные женщины, если вы добываетесь их посредством своего имущества, соблюдая целомудрие и не распутничая. А за то удовольствие, которое вы получаете от них, давайте им установленное вознаграждение. На вас не будет греха, если вы придёте к обоюдному согласию после того, как определите обязательное вознаграждение. Воистину, Аллах — Знающий, Мудрый» (пер. Э. Кулиева).

Рис. 1. Рукопись пятого джуза Корана. Унван. Османская империя, 1730-е годы. Оренбургский Губернаторский историко-краеведческий музей (КП 14124)

Рис. 2. Пометка о принадлежности рукописи вакфу Яхьи-паши (Османская империя, 1730-е годы) и выписка из словаря Ш. Сами о каллиграфе Сейид Мехмеде Шекер-заде (конец XIX — начало XX в.)

Рукопись, судя по пометке на л. 20 черными чернилами в виде стилизованной тугры — وقف يحيى پاشا, видимо, принадлежала *вакфу*⁴ известного османского деятеля XVIII в. Яхьи-паши (рис. 2). Он был сыном хатипа (проповедника) стамбульской мечети Эюба Мустафы-эфенди (отчего иногда упоминается в источниках как Хатип-заде). Добился расположения везира Али-паши Хекимоглу и стал его зятем и кетхудой (управляющим). В мае 1732 г. Яхья был назначен кетхудой Садарета (канцелярии великого везира Османской империи). В 1733 г. стал первым мирахором (*мирахор-и-аввал* — дословно «первый конюший»), затем был последовательно *вали* (губернатором) в Реване, Трабзоне и Ози (Очакове). В мухарраме 1150 г. (мае 1737 г.) паша попал в русский плен [Süreyya, 1996: 1675].

Русские источники датируют пленение Яхьи-паши («Сераскир Иягья-паша, шталмейстер султана, о трех бунчуках») 2 июля 1737 г. [Журнал, 1904: 27–28]. Это произошло после удачного для русских штурма Очакова, когда после взрыва главного порохового склада, город был объят пламенем, и турки потеряли возможность сопротивляться. Сразу после взятия крепости Б. К. Миних фактически вынудил Яхья-пашу проехать вдоль парадного строя своей армии, после чего выслушал восторженные оценки турка о выучке русских войск [Познахирев, 2019: 80].

Вскоре паша был интернирован в Санкт-Петербург через Новгород Великий (водным путём), о чем осталось письменное повеление императрицы Анны Иоанновны новгородскому губернатору [Познахирев, 2019: 95–96]. Для сопровождения Яхьи-паши был определен пристав в чине капитан-поручика. Паша попал в плен не один: его сопровождало около 100 человек свиты и близких. Их содержание обходилось примерно в 600 рублей ежемесячно и покрывалось примерно в равных долях турецкой стороной и российским правительством (в виде займов, которые потом паша вернул) [Познахирев, 2019: 106–107]. 26 июля 1737 г. в день тезоименитства императрицы Анны Иоанновны в Петербурге состоялся торжественный обед, на котором присутствовал сам Яхья-паша и некоторые члены его свиты [Познахирев, 2019: 80].

В России очаковский сераскир оставил о себе добрую память: в русских делопроизводственных документах Яхья-паша оценивается исключительно положительно: «человек разумный, благонравный и собою статный», «человек суть такой, который поступает открытым сердцем» [Познахирев, 2019: 59]. Впрочем, Колчак-паша, который был пленён позднее (1739 г.), характеризовал Яхью не очень лестно. По словам Колчак-паши, переданным императрице Б. К. Минихом, он (т.е. Колчак) «у великого султана более кредита имеет, нежели прежде взятый Яхья-паша, и обнадеживает ежели ему писать позволено будет, скорее Порту к миру склонить, ибо по его объявлению три бунчука достал он чрез свою саблю, а Яхья-паша чрез женитьбу на везирьской дочери» [Познахирев, 2019: 72]. Действительно, как мы знаем, Яхья был зятем везира Али-паши Хекимоглу. Впрочем, эта оценка могла быть вызвана желанием устранить соперника в возможном посредничестве при ведении русско-турецких мирных переговоров.

⁴ Вакф — неотчуждаемое имущество, переданное на богоугодные цели — во владение мечети, медресе и т.д.

За безупречное поведение в плену паша в 1740 г. был удостоен подарка императрицы — соболиной шубы, покрытой парчой [Познахирев, 2019: 137].

Три года спустя, когда война закончилась, Яхья-паша был освобождён из плена и был назначен губернатором Бурсы, а потом и Египта, стал адмиралом (*капудан-и дерья*). С 1743 г. он занимал должности коменданта (*мухадфыз*) Белграда, *вали* (губернатор) Румелии, Айдына, Мосула, в декабре 1748 г. был переведён в Дийарбакыр. Затем снова стал губернатором Румелии, Янины и Тырхалы. Скончался Яхья-паша в августе 1755 г. Он построил множество общественных сооружений в местах службы, в частности фонтан за воротами «Меховщиков» («Кюркчюкапысы») в Стамбуле [Süreyya, 1996: 1676].

Нахождение сераскира Яхьи-паши в русском плену в 1737–1740 гг. и стало, видимо, причиной того, что рукопись из его личной библиотеки оказалась в России. Вполне вероятно, что рукопись (1 часть тридцатитомного набора) осталась в нашей стране благодаря одному из членов многочисленной свиты паши. Об этом сейчас можно только гадать.

Но не только этим интересна рукопись. Поверх вакфной печати на л. 20 карандашом выполнена выписка из словаря Шемсеттина Сами (Фрашери) «Камус-и Алам»⁵, в которой говорится о переписчике манускрипта — выдающемся османском каллиграфе Сейид Мехмеде б. Абд ар-Рахмане Шекер-заде, который жил в эпоху османского султана Ахмеда III (1703–1730) и скончался в 1166 г.х. (1753 г.). Это был незаурядный мастер, родом из Манисы (он происходил из семьи торговцев сладостями, отчего и получил своё прозвище — «сын кондитера»). Учился в Стамбуле у известных каллиграфов: сначала у Ибрахима Кырыми, а затем у Сейида Абдуллы Йедикуле-ли, получив у них *иджазу* (разрешение-диплом) на переписку рукописей почерками *наسخ* и *сульс*. Шекер-заде давал уроки каллиграфии всем желающим рядом со стамбульской мечетью Святой Софии и таким образом воспитал многих каллиграфов. Похоронен на кладбище Караджаахмет рядом с могилой Шейха Хамдуллы-эфенди.

Шекер-заде, который был непревзойденным мастером в использовании разных стилей письма, по приказу султана Ахмеда III был направлен в Медину для переписки манускрипта Корана (*мусхаф*) в подражание *мусхафу*, который принадлежал перу Шейха Хамдуллы и находился в вакфе Рауды (т.н. «Пречистого сада» в Мечети Пророка в Медине). Шекер-заде, оставаясь в Медине в течение года после хаджа, выполнил приказ и переписал *мусхаф*, а также создал список известнейшего сборника молитв ал-Джазули «Делаил ал-Хайрат». Новый *мусхаф* был вызолочен и переплетён по возвращении мастера в Стамбул уже при новом османском султани Махмуде I, который и получил рукопись. Султан, который был очень доволен этим, поместил *мусхаф* в свою библиотеку и приказал Шекер-заде создать ещё один список. Шекер-заде, создав ещё один *мусхаф*, вскоре получил благодарность султана и в середине 1143 г.х. (1730 г.) ему было

⁵ Шемсеттин Сами (1850–1904) — албанский и турецкий просветитель, писатель, философ, учёный и драматург. Его шеститомный «Энциклопедический Словарь» выходил на староосманском языке в Стамбуле в 1306–1316 гг. (1888–1898 гг.).

присвоено звание *ибтида-и-харидж* и должность придворного наставника каллиграфии (в т.н. «Бостаниян-и-Хасса» во дворце Топкапы). Коран, написанный Шекер-заде в Медине, хранится теперь в стамбульской библиотеке Сулеймания.

В 1874 г., во время правления султана Абдулазиза, с этого *мусхафа* Шекер-заде османским Министерством образования были напечатаны копии тиражом 70 экземпляров на особой глянцевой бумаге. Они предназначались в качестве подарка выдающимся людям. Мусхаф был напечатан настолько красиво, что был неотличим от оригинала, он является первым Кораном, официально напечатанным при османах [Serin, 2010: 489].

Таким образом, датировать Оренбургский *джуз* можно временем между 1720 г. (когда каллиграф достиг совершеннолетия) и 1737 г., когда его владелец попал в русский плен⁶. Во всяком случае, перед нами ранний образец творчества Шекер-заде.

Наконец, рассмотрим ещё одну пометку на рукописи (л. 1), которая гласит, что владелец получил книгу в подарок от сына покойного имама Атбасара (اطباسار) по имени муллы Юсуф Тимкай (يوسف تيمكاي) (рис. 3).

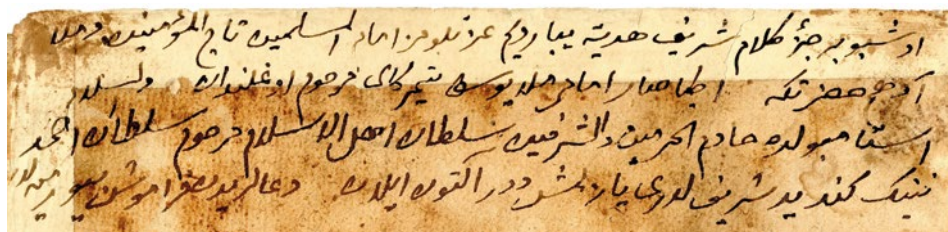

Рис. 3. Владельческая пометка о дарении рукописи имамом г. Атбасар

Найти подробные данные об этом человеке мне не удалось, однако, ясно, что в этой пометке речь идёт о современном казахском городе Атбасар.

По мысли автора заметки, *джуз* был переписан собственноручно «хранителем двух запретных городов» (т.е. Мекки и Медины) «покойным султаном народа Ислама султаном Ахмедом».

История исламской общины Атбасара, насколько мне известно, ещё не написана. Но очевидно, что она была тесно связана с выходцами из Волго-Уральского региона. Так, из истории деревни Новые Тинчали (автор Касим Биккулов, 1926 г.) мы знаем, что в Атбасаре умер один из уроженцев этого села, выпускник казанского медресе Марджани по имени Мевлюд-мулла. Старая татарская мечеть сохранилась в городе Атбасар и поныне.

Таким образом, пометки на рукописи Оренбургского музея позволили нам установить, что переписан *джуз* был выдающимся османским каллиграфом Сейидом Мехмедом Шекер-заде (ум. в 1753 г.), находился в вакуфной библиотеке его современника — видного османского сановника и очаковского сераскира Яхьи-паши (ум. в 1755 г.). Видимо, вследствие

⁶ Видимо, даже раньше: до момента назначения Яхьи-паши комендантом Очакова, куда он, видимо, и привёз *джуз*.

пребывания последнего в русском плену в 1737–1740 гг. книга попала в Россию, где каким-то неизвестным нам образом оказалась у имама казахского города Атбасар, а затем в Оренбургском губернаторском музее...

Образцы каллиграфии Шекер-заде хранятся в лучших мировых коллекциях исламского искусства [Shady, 2015; Derman, 1998: 85–86]. Оренбургская рукопись — первый и, насколько мне известно, единственный в России образец творчества великого османского каллиграфа.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.013

Список литературы

Журнал, веденный при Главной армии Ее императорского величества императрицы Анны Иоанновны во время кампании 1737 года и Инструкция для действия войск против турок (Архив графа Стенбок-Фермор в замке Нитау) / Пер. с нем. под ред. М. Г. Крюденера. СПб., 1904 (Сб. военно-исторических материалов. Вып. 15).

Познахирев В. В. Турецкие генералы и адмиралы в русском плену (XVIII–XX вв.). СПб.: Нестор-История, 2019.

Derman M. *Uğur*. Letters in Gold: Ottoman Calligraphy from the Sakıp Sabancı Collection. İstanbul, 1998.

Shady Eid. Hattat Şeker-zâde Mehmed Efendi. Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2015.

Serin Muhittin. Şekerzâde Seyyid Mehmed // TDV İslâm Ansiklopedisi. 38. Cild. İstanbul, 2010.

Süreyya Mehmed. Sicill-i Osmanî. Cilt 5. Yayına hazırlayan Nuri Akbayar. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1996.

Часть 3

Из истории науки

Научное наследие С. М. Соловьёва в исторической науке России: К 200-летию историка

Л. А. Сидорова

Аннотация: Раскрываются особенности восприятия российскими историками конца XIX — начала XXI вв. научного наследия С. М. Соловьёва в контексте смены исследовательских парадигм и поколений историков.

Ключевые слова: С. М. Соловьёв, М. Н. Покровский, Н. Л. Рубинштейн, историческая наука, генерации историков, идеология, научность, источники, цивилизационный подход, интеллектуальная история, историческая антропология.

Научное наследие выдающегося отечественного историка С. М. Соловьёва (1820–1879) чрезвычайно обширно. Его перу принадлежит свыше 300 научных работ, центральное место среди которых занимают 29 томов его главного фундаментального труда — «Истории России с древнейших времен».

Томы «Истории» выходили в свет по мере их написания автором с 1851 по 1879 гг. В них, опираясь на достижения современной ему европейской и российской исторической науки, философской мысли, используя обширный фактический материал, среди которого было множество новых исторических источников, С. М. Соловьёв представил многомерную, глубокую и целостную картину исторического пути России. В этом состоял, по всеобщему признанию, научный подвиг историка.

Как писал В. О. Ключевский, «Соловьёв рано стал и до конца жизни оставался учёным», вся жизнь которого была «разделена между архивами, университетской аудиторией и письменным столом его кабинета» [Ключевский, 2000: 289]. Именно эта одержимость историей, безграничная преданность своей профессии могли дать такой весомый научный результат.

В своих трудах С. М. Соловьёв проводил идею органического, внутренне обусловленного и поступательно-прогрессивного хода исторического развития всех народов. В её основе лежали усвоенные ещё в студенческие годы положения диалектики Гегеля. В истории каждого народа С. М. Соловьёв выделял два этапа, ассоциируя первый из них с юностью, второй — со зрелостью, и высшей формой исторического развития полагал государственный строй. Особое внимание Сергей Михайлович обратил на фактор природной среды в его взаимосвязи с ментальностью народа и внешними событиями и влияниями на исторические судьбы народов.

Центральное место в творчестве историка заняла проблема государства, народа и личности в истории. Государство выступало как цель и смысл общественного развития, выразитель всех проявлений народной жизни, как высшее назначение народа и его историческое призвание.

С.М. Соловьёв стал ярчайшим представителем государственной школы русской историографии. Д.И. Иловайский вспоминал о С.М. Соловьёве: «...Он был решительный государственный. Сколько мне известно из его сочинений и устного обмена мыслей, вне государственного быта он не признавал исторической жизни и национального развития... Сергей Михайлович не делал никаких уступок по этой части» [Иловайский, 2000: 339–340].

Все историки, — современники С.М. Соловьёва, единодушно отмечали, что высказанные им идеи, введённый фактический материал во многом определили характер развития исторической науки России второй половины XIX — начала XX в. В своей статье, посвящённой памяти С.М. Соловьёва, В.О. Ключевский подчеркнул, что «с 1845 года, когда появилось его первое исследование по русской истории, и до последней строки, им написанной незадолго до смерти, он работал в одном направлении, которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы» [Ключевский, 2000: 289].

Определяя значение трудов С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелин писал, что хаос, господствовавший в русской исторической литературе первой половины XIX в., уступил место стройной системе взглядов на общественный процесс, основанной на идеях органического, поступательного, исключаящего резкие скачки развития [Шаханов, 1996: 205].

Методологическая новизна научных построений С.М. Соловьёва сразу же обратила на себя внимание исторического сообщества. С середины XIX в. за концепцией, которую он отстаивал по линии исторической, а его единомышленники — историки права К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич и др. по линии юридической, утвердилось название «историко-юридическая школа» [Шаханов, 1996: 203].

О научном авторитете С.М. Соловьёва, востребованности его сочинений можно судить даже по такому ещё не использовавшемуся в XIX–XX вв. в России, но, тем не менее, объективно существовавшему показателю, как цитируемость. Для примера достаточно взять фундаментальный труд В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» [Иконников, 1908: 64], в котором были обобщены результаты отечественной исторической науки, достигнутые к началу XX в. Указатель личных имён, завершающий это издание, наглядно демонстрирует это обстоятельство. Количество ссылок на работы С.М. Соловьёва сопоставимо только со ссылками на труды Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и др. выдающихся отечественных историков.

Революционные события 1917 г. в России положили начало разделению отечественных историков на «старую» и «красную» профессию, а самой исторической науки на буржуазную — объективистскую и пролетарскую-марксистскую. Вполне понятно, что они не изменили отношения к С.М. Соловьёву историков «старой школы», тогда как представителям формировавшейся советской марксистской исторической науки предстояло

выработать свой взгляд на научное наследие одного из самых авторитетных дореволюционных историков.

Хотя, надо сразу же сказать, и трудам С.М. Соловьёва, и ему самому было отведено особое место в ряду домарксистской исторической литературы. Его заслуги как историка публично признал лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский. В мае 1923 г., читая лекции перед слушателями Коммунистического университета им. Г. Зиновьева, он достаточно подробно остановился на характеристике научного наследия С.М. Соловьёва.

Эти лекции М.Н. Покровского имели двоякую цель. Во-первых, в них ставилась задача ознакомить студентов новых комвузов и факультетов общественных наук старых университетов с отечественной историографией. Во-вторых, они должны были предостеречь пролетарское студенчество «от образчиков известной идеологии» [Покровский, 1923: 9]. К последним лидер советских историков-марксистов причислил труды Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского и др. историков. В своём изложении их исторических взглядов он не скупился на подчас уничижительные характеристики. Однако, С.М. Соловьёв, оставаясь в этом ряду, стоял в нём особняком и был назван М.Н. Покровским «величайшим русским историком XIX столетия».

Чертой, выделившей С.М. Соловьёва из всех русских историков, т.е. историков, занимавшихся отечественной историей, он считал его «громадную историческую образованность». Нигилистически отзываясь о профессорах русской истории, упрекая их в изолированности от европейской науки — «русские историки в истории других стран обыкновенно большие невежды», — М.Н. Покровский противопоставил им С.М. Соловьёва, который «был в курсе всего, что писалось по истории на всех языках» [Покровский, 1923: 59–60].

Оставив в стороне вопрос, справедлив или несправедлив и насколько был М.Н. Покровский по отношению к русским историкам — современникам и младшим коллегам С.М. Соловьёва, следует констатировать, что в своей оценке самого Сергея Михайловича он был, безусловно, прав.

Обособив С.М. Соловьёва от прочих буржуазных историков, М.Н. Покровский подвёл под свое решение методологическое основание. Он принял попытку вписать научное наследие С.М. Соловьёва в контекст марксистского прочтения истории. Для этого М.Н. Покровский использовал следующий посыл: «...Как в конце XVIII и в начале XIX века каждый умный человек был по природе якобинцем, так во второй половине XIX века каждый умный человек по природе немножко марксист, сознает он это или нет» [Покровский, 1923: 60].

Поясняя свой тезис слушателям, М.Н. Покровский говорил: «Мы встречаем у Соловьёва ряд таких объяснений русской истории, которые очень напоминают, по крайней мере, “экономический” материализм». Под высказанные С.М. Соловьёвым мысли о значении речных путей в русской истории, их роли в собирании русской территории, в возникновении Москвы и возвышении Московского княжества оставалось, по М.Н. Покровскому, «только подвести ... настоящий экономический базис» [Покровский, 1923: 60].

Таким образом, в научном наследии С.М. Соловьёва М.Н. Покровский видел все-таки «буржуазный, но своеобразный» подход к русской истории, обнаруживая в самом историке «инстинктивного, бессознательного марксиста» [Покровский, 1923: 62]. Такое «своеобразие» дистанцировало С.М. Соловьёва от других буржуазных историков, служило основанием для более активного обращения к его историческим трудам.

Однако уже со второй половины 1920-х гг. положение дел начало меняться. Становление и укрепление советской марксистской исторической науки должно было, по мнению М.Н. Покровского, обесценить научное наследие С.М. Соловьёва. Эти ожидания и расчёты находились в русле общей политики развития исторической науки и высшего образования в стране победившей пролетарской революции.

Историческое образование подлежало кардинальной перестройке. Нарком просвещения А.В. Луначарский, в сентябре 1918 г. выступая перед слушателями Педагогических курсов в Петрограде, буржуазной системе преподавания истории противопоставил новую, коммунистическую. Развенчивая «старую школу», А.В. Луначарский сослался на тезис Ф. Ницше, в котором философ утверждал, что человек «так парализован» историческим сознанием, что «не обладает революционной отвагой в деле строительства» [Луначарский, 1918: 3].

А.В. Луначарский, разделяя положение Г. Гегеля о прогрессе человечества и его объективности, которое в трудах С.М. Соловьёва явилось одним из ключевых методологических положений, задался вопросом: «Поскольку мы приучаем человека мыслить исторически, даём ему очень большое количество знаний о человеческом прошлом, да ещё к тому же внушаем ему мысль о закономерности развития, — не делаем ли мы его рабом этого прошлого?» [Луначарский, 1918: 4]. По мнению наркома, назрело требование отмены «старой школы», в которой преподавалась «мертвая история» [Луначарский, 1918: 5]. При таком угле зрения наследие С.М. Соловьёва также подпадало под ярлык «мертвой истории».

Самые рьяные критики С.М. Соловьёва обнаружили, между тем, в рядах молодых историков-марксистов — слушателей Института красной профессуры, причём многие из них вышли из семинара самого М.Н. Покровского. Так, в сборнике их статей, озаглавленном «Русская историческая литература в классовом освещении», который был издан в 1927 г. под редакцией М.Н. Покровского, присутствовала статья З.Б. Лозинского «Историк великодержавной России С.М. Соловьёв». В ней автор предпринял попытку доказать, что С.М. Соловьёв смотрел на процесс образования Русского государства глазами «националиста-великорусса» [Лозинский, 1927: 243], хотя, по мнению петербургского историка В.С. Брачева, в целом статья не была лишена пиетета к выдающемуся историку [Брачев, 2015: 22].

Сборнику была предпослана вступительная статья М.Н. Покровского. В ней в условиях всё более явно ощущавшегося наступающего перелома в развитии отечественной историографии 1928 г. [Сидоров, 1998: 156–189] он сместил акценты в оценке трудов С.М. Соловьёва. Его позиция по отношению к научному наследию историка стала много жёстче, чем та, которую он демонстрировал в начале 1920-х гг. М.Н. Покровский предрёк, что «лет

через пятнадцать-двадцать читать Соловьёва и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина» [Покровский, 1927: 8].

Прогноз главы историков-марксистов, казалось бы, начинал сбываться. Критика отдельных сторон исторической концепции С.М. Соловьёва молодыми «красными» профессорами становилась всё более резкой. Главной мишенью стал национальный вопрос в России в представлениях историка. Например, С.А. Пионтковский в своей книге «Буржуазная историческая наука в России», изданной в 1931 г., утверждал, что «Соловьёв и Чичерин и их ученики вплоть до Ключевского стояли на великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях» [Пионтковский, 1931: 19], хотя и признавал значение научного вклада С.М. Соловьёва и Б.Н. Чичерина для 1850-х гг. [Пионтковский, 1931: 21].

Но пессимистический вывод М.Н. Покровского не пережил своего творца. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. определило смену идеологических вех в советской исторической науке. Отказ от социологизирования и переход к изучению гражданской истории, преодоление нигилистического отношения к исторической науке и, прежде всего, к её дореволюционному этапу, начавшаяся критика школы М.Н. Покровского — все это создавало новые условия для развития советской исторической науки.

Уже со второй половины 1930-х гг. наследие русских историков-классиков, С.М. Соловьёва в первую очередь, прочно вошло в научно-образовательный процесс, хотя и с известными классовыми оговорками. Более того. В промежуток времени между развенчанием наследия М.Н. Покровского и созданием новых марксистских учебных курсов именно по «Истории» С.М. Соловьёва студенты и аспиранты исторических факультетов вузов изучали отечественную историю.

В 1941 г. была издана «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна, которая на годы вперёд определила отношение советской исторической науки к научному наследию С.М. Соловьёва. Творчеству историка была посвящена 19 глава. В ней была представлена оценка С.М. Соловьёва в предшествовавшей историографии, показан процесс формирования его исторических воззрений и мировоззрения. Особое внимание было уделено анализу его теории органического развития и концепции государственной школы. Н.Л. Рубинштейн подробно остановился на предложенной С.М. Соловьёвым периодизации русской истории, изложенной историком в Предисловии к первому тому «Истории России», теории родового быта, его трактовке истории Северо-Восточной Руси и Петровских преобразований.

Определяющей чертой в отношении Н.Л. Рубинштейна к научному наследию С.М. Соловьёва было стремление абсолютизировать особенное в его исторической концепции, обособить историка от государственной школы. В современной историографии А.Н. Шахановым было высказано достаточно аргументированное предположение, что Н.Л. Рубинштейн «в своё время намеренно отделил имя С.М. Соловьёва от “скомпрометировавших” себя в борьбе против революционной демократии К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина». Тем самым, полагает А.Н. Шаханов, Н.Л. Рубинштейн «как бы получал индульгенцию на право углубленного изучения творчества

своего предшественника, в пользу чего говорит тот факт, что в неопубликованном курсе лекций Н.Л. Рубинштейна 1937–1938 гг. в ИФЛИ анализ научного наследия всех трёх учёных-государственников осуществлялся в рамках одной школы» [Шаханов, 1996: 208].

Предложенный в «Русской историографии» подход созвучен позиции М.Н. Покровского начала 1920-х гг., о которой говорилось выше. «Правильная оценка исторического значения работ Соловьёва требует как раз выяснения особенностей взглядов Соловьёва, отделяющих его от государственной школы», — писал Н.Л. Рубинштейн. Его дальнейшая фраза — «Отождествление с последней [государственной школой. — Л. С.] только заслонило от последующих историков его наиболее прогрессивные и ценные стороны» [Рубинштейн, 1941: 314] — введена, полагаю, для извинения суждений наиболее рьяных марксистских критиков С.М. Соловьёва. Нельзя не отметить, что список основной историографической литературы, который был дан Н.Л. Рубинштейном в главе о С.М. Соловьёве, не включал статей историков-марксистов — учеников М.Н. Покровского.

Конечно, в «Русской историографии» уже нет попыток открыть в историке «бессознательного» марксиста, чтобы актуализировать научный авторитет концепции русской истории С.М. Соловьёва. Согласно Н.Л. Рубинштейну, «сила Соловьёва была в том, что теория органического развития, историзм, всё-таки брали в нём верх над условной схемой государственной теории» [Рубинштейн, 1941: 342]. «Произведения Соловьёва сохраняют значение именно своим историзмом» [Рубинштейн, 1941: 342], — писал Н.Л. Рубинштейн, однако далее сделал ряд оговорок.

Раскрывая понятие историзма, Н.Л. Рубинштейн привёл ссылку на «Философские тетради» В.И. Ленина. «Рассмотрение исторической действительности во всей её конкретности, основанное на исключительном чувстве живой исторической действительности, “живая жизнь”», — процитировал он В.И. Ленина в заключительной части своей главы о С.М. Соловьёве и далее связал возможность «полного обоснования и раскрытия» историзма с «твёрдым основанием научной методологии исторического материализма» [Рубинштейн, 1941: 342].

И всё же историзм научного наследия С.М. Соловьёва, пусть и «неполный» без опоры на исторический материализм, был оценён Н.Л. Рубинштейном чрезвычайно высоко. «В рамках буржуазной исторической науки Соловьёв ближе всех подошёл к его реализации на всём протяжении изученного им периода. В таких крупнейших исторических вопросах, как история возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV, как преобразовательная деятельность Петра I, — труд Соловьёва является, в известной мере, последним словом буржуазной исторической науки» [Рубинштейн, 1941: 342].

Историзм создателя многотомной «Истории России» Н.Л. Рубинштейн видел также во включении им в научный оборот огромного «научно проверенного исторического материала», который прочно вошёл в научный обиход исследователей. Одновременно он выступил против одностороннего представления о С.М. Соловьёве как преимущественно фактологе. «... Нельзя же серьёзно противопоставлять в Соловьёве историка-собираателя

историку-учёному» [Рубинштейн, 1941: 342], — подвёл итог Н.Л. Рубинштейн. Этот вывод исследователя, бесспорно, справедливый по своей сути, как нельзя более соответствовал возникшему в советской исторической науке с конца 1930-х гг. интересу к эмпирической составляющей труда историка.

Несколько отклоняясь от основной линии повествования, нельзя не сказать, что на примере научного творчества С.М. Соловьёва Н.Л. Рубинштейн затронул важнейшую для историков проблему соотношения теории и факта в исследовании. Его заключение отразило историографическую ситуацию тех лет, в которой продолжали сосуществовать и противостоять друг другу, хотя и не в столь резкой форме, как на рубеже 1920–1930-х гг., два подхода к названной проблеме. Для историков-марксистов приоритетными были теоретические построения, для историков «старой» школы — факты как необходимая основа для любых обобщений.

Как нельзя более точно описывает это состояние советской исторической науки довольно краткое, но чрезвычайно ёмкое и запоминающееся свидетельство М.А. Алпатова, относящееся как раз ко времени появления «Русской историографии». «Я вспоминаю, — говорил М.А. Алпатов, — что когда Р.Ю. Виппер в 1941 году вернулся в Москву¹, я у него оказался единственным курируемым. Он начал меня допрашивать, входить в обстановку, выяснять, что представляет собой современный молодой человек. Он говорил, я знаю старого студента, а советского студента не знаю. Он говорил, как старается подойти к марксизму, и всё тужил: у студента получается, а у меня, профессора, ни черта не получается. Правда, студенту ничего не мешает, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в свое время — мешок с фактами» [Сидорова, 1997: 173].

В таких условиях сделанный Н.Л. Рубинштейном вывод о С.М. Соловьёве как учёном, не только собравшем исторические факты, но и предложившем их интерпретацию, хотя и не марксистскую, был важен для преодоления одностороннего восприятия его творчества молодой генерацией историков России.

Научное наследие С.М. Соловьёва избежало критики в ходе борьбы с буржуазным объективизмом на рубеже 1940–1950-х гг., как это случилось, например, с трудами А.С. Лаппо-Данилевского [Черепнин, 1949: 30–51] или А.Е. Преснякова [Черепнин, 1950. Т. 33: 201–233]. Этому немало способствовала, конечно, национально-государственная направленность трудов историка.

Надо сказать, что и «оттепель» в советской исторической науке, как начавшийся процесс её десталинизации, не внесла серьёзных изменений в трактовку значения исторической концепции С.М. Соловьёва. В этом отношении наиболее показательным является осуществленное в тот период времени (с 1955 по 1966 гг.) фундаментальное историографическое издание, которое было призвано по-новому представить путь, пройденный отечественной исторической наукой к середине XX века, — «Очерки истории исторической науки в СССР» (Т. I–IV).

¹ В 1924 г. Р.Ю. Виппер эмигрировал в Латвию, где до 1941 г. был профессором университета в Риге.

В изданном в 1955 г. первом томе «Очерков» автором раздела, посвящённого С. М. Соловьёву, вновь выступил Н. Л. Рубинштейн. В нём он в основных чертах повторил свои оценки наследия С. М. Соловьёва, данные им прежде в «Русской историографии». Характеризуя историка как «наиболее выдающегося представителя русской буржуазной исторической науки периода её подъёма», Н. Л. Рубинштейн подкрепил свой вывод ссылкой на высказывание Н. Г. Чернышевского. Он привёл его слова о том, что в лице С. М. Соловьёва «мы встречаем строго учёный взгляд новой исторической школы», противостоящей истории Н. М. Карамзина, а также «скептической школе» и Н. А. Полевому [Очерки истории исторической науки в СССР, 1955. Т. I: 347–348].

Одновременно Н. Л. Рубинштейн отметил буржуазную ограниченность построений С. М. Соловьёва, особенно в пореформенный период, противопоставив историческую концепцию историка революционно-демократическому направлению [Очерки..., 1955. Т. I: 348]. Почти дословно Н. Л. Рубинштейн воспроизвёл и данную им в «Русской историографии» оценку историзма трудов историка [Очерки..., 1955. Т. I: 365].

Изменения коснулись вопроса об общности взглядов С. М. Соловьёва и историков государственной школы в целом. Н. Л. Рубинштейн ещё в большей степени обособил представления об истории С. М. Соловьёва от взглядов К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина.

Если в «Русской историографии» С. М. Соловьёв был назван в числе трёх крупнейших представителей государственной школы на первом этапе её деятельности [Рубинштейн, 1941: 291], то в «Очерках» Н. Л. Рубинштейн в этой связи лишь единожды упомянул С. М. Соловьёва, и вот в каком контексте: «Первая работа Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» появилась в 1846 г., одновременно с первыми работами Соловьёва и в ряде положений близко примыкала к исторической концепции последнего» [Очерки..., 1955. Т. I: 346].

Сопоставляя взгляды С. М. Соловьёва со взглядами К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина и даже отмечая в них совпадения, Н. Л. Рубинштейн всё же отделял их друг от друга. Так, например, говоря о самодовлеющем характере государства у С. М. Соловьёва, о растворении истории народа в истории государства, он ограничился фразой, что «такие утверждения Соловьёва характерны и для “государственной школы” Кавелина и Чичерина» [Очерки..., 1955. Т. I: 364], как бы выводя С. М. Соловьёва за её рамки.

Такое подчеркнутое дистанцирование исторической концепции С. М. Соловьёва можно рассматривать как определенную реакцию на усиление в советской исторической науке негативного отношения к государственной школе русской истории. Раздел, ей посвящённый, был озаглавлен в «Очерках» как «Так называемое государственное направление в русской историографии».

Любопытно заметить, что во втором томе «Очерков», изданном в 1960 г., тенденция противопоставить С. М. Соловьёва прочим историкам второй половины XIX в. привела даже к некоторым натяжкам. Рассматривая содержание написанного С. М. Соловьёвым учебника «Учебная книга по русской истории», который был достаточно популярен и выдержал

в дореволюционный период 13 изданий, В.Е. Иллерицкий утверждал, что в качестве автора гимназических учебников либерал С.М. Соловьёв был вынужден подчиняться требованиям официальных программ и излагать историю России с позиции охранителей [Очерки..., 1960. Т. II: 102].

Тезис о «вынужденности» транслировавшихся в данном учебном пособии представлений об истории России полностью согласуется со стремлением выделить С.М. Соловьёва из числа историков государственной школы. Это обособление, тем не менее, предпринималось при сохранении ряда оговорок, которые его в значительной степени нивелировали. «Хотя в воззрениях Соловьёва было много черт, сближавших его с государственниками, он всё же занимал особое место в государственной школе», — писал В.Е. Иллерицкий о научной позиции историка.

Далее он указал на характерные для С.М. Соловьёва как историка на протяжении всей его научной деятельности черты — «признание исторического процесса закономерным, внутренне обусловленным, тяготение к конкретному материалу, часто не укладывавшемуся в абстрактные формулы государственной школы». Исходя из этого, он делал вывод, что «его работы в меньшей мере носили на себе отпечаток той формально-юридической трактовки исторических проблем, который так отчетлив в сочинениях историков-юристов Чичерина и Кавелина». Однако, завершая раздел, посвящённый государственной школе, В.Е. Иллерицкий сделал окончательное заключение: «Особенности взглядов Соловьёва не дают все же оснований для выделения его из государственной школы. Они имеют второстепенное значение» [Очерки..., 1960. Т. II: 121].

Оценки научного наследия С.М. Соловьёва, его места в отечественной исторической науке, данные Н.Л. Рубинштейном в «Русской историографии» и первом томе «Очерков» и В.Е. Иллерицким — во втором, были восприняты многими отечественными исследователями и транслировались ими в дальнейшем. Среди них — Л.В. Черепнин, С.С. Дмитриев, А.М. Сахаров, которые абсолютизировали особенное в научной концепции историка, подчеркивали её самостоятельное место в русской либеральной историографии [Шаханов, 1996: 208].

Вместе с тем, ряд не менее авторитетных историков — М.В. Нечкина, А.Н. Цамутали, Н.И. Цимбаев, В.И. Дурновцев и другие справедливо полагали, что преувеличивать расхождения С.М. Соловьёва с Б.Н. Чичериным, а особенно с К.Д. Кавелиным, нет оснований [Шаханов, 1996: 209].

Вопрос о принадлежности С.М. Соловьёва к государственной школе в русской историографии оставался в советской историографии дискуссионным. Но большинство советских историков, писал впоследствии В.Е. Иллерицкий в посвящённой историку монографии, относили его к государственникам, отмечая и черты своеобразия воззрений С.М. Соловьёва, и его особое место в этой школе [Иллерицкий, 1980: 174–175]. Однако обе группы историков были едины в высокой оценке научного творчества С.М. Соловьёва.

Интерес к трудам С.М. Соловьёва, их востребованность в исследовательской и преподавательской деятельности проявился в публикации «Истории России с древнейших времён», осуществлённой в 1959–1966 гг.

Произведения С.М. Соловьёва составили важнейшую часть научного фундамента, на котором формировалось и воспитывалось послевоенное поколение советских историков, впитывая опыт своих выдающихся предшественников.

Обращение к трудам классиков дореволюционной исторической науки способствовало преодолению значительного перекоса в историческом образовании и исследовательской деятельности 1920–1930-х гг., который проявился в преимущественном изучении революционных событий новейшей истории в ущерб другим темам и эпохам.

Академик А.М. Панкратова вспоминала, как они, «ученики Покровского, в течение многих лет изучали не весь ход исторического развития, а те эпохи, которые ... считали наиболее актуальными: революции 1905 г., 1917 г., историю гражданской войны и т.п.». Последствия не заставили себя ждать: «вырастали и выходили из ИКП люди, не знавшие фактов, не изучавшие фактической истории в целом. Наш ИКП нередко выпускал таких историков, которые приезжали в провинцию, им нужно было читать исторический курс, и они не могли читать его, т.к. истории они не знали, цельного исторического мирозерцания не выработали, зная отдельные кусочки “истории”» [Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова, 2000: 208].

Изучение научного наследия С.М. Соловьёва способствовало формированию общего взгляда на исторический процесс, освоению большого комплекса исторических источников, усилению внимания к историческим фактам, хотя его приемы отбора и работы с источниками имели свои особенности и уязвимые стороны. Характеризуя методы работы С.М. Соловьёва с источниками, Н.И. Цимбаев выделил стремление историка руководствоваться в их отборе полнотой и представительностью, а также отметил его убежденность в том, что право критиковать источник в равной степени принадлежит и автору, и читателю исторического сочинения [Цимбаев, 1990: 273].

Переломный этап в отечественной историографии, произошедший на рубеже XX и XXI вв., был так же, как и в годы «оттепели», ознаменован повышенным вниманием к научному наследию историка. В 1988–2000 гг. было предпринято издание «Сочинений» С.М. Соловьёва в XXIII книгах. Богатство источниковой базы исследований С.М. Соловьёва, плодотворность многих предложенных историком исследовательских подходов как нельзя более отвечали главному содержанию того этапа — стремлению объективно, без идеологизации, на основе фактов осветить историческое прошлое России.

Пересмотру подлежали и устоявшиеся в советской историографии принципы анализа научных позиций многих русских и советских историков, в которых превалировала социально-политическая составляющая. В издании «Историки России. XVIII — начало XX века», увидевшем свет в конце 1996 г., была поставлена цель освободить оценки историков от заданности, идеологизмов и предвзятости. В этом ключе написан очерк А.Н. Цамутали о С.М. Соловьёве, в котором автор, отказавшись от классово-идеологической характеристики творчества историка, сосредоточил своё внимание

на неугасающем профессиональном и общественном интересе к его идеям и мыслям.

Возвращение к творческому наследию С. М. Соловьёва в целом воспринималось как залог дальнейшего поступательного развития отечественной исторической науки. В послесловии А. Л. Юрганова к дополнительной, XX книге «Сочинений» С. М. Соловьёва, опубликованной в том же 1996 г., было сказано, что С. М. Соловьёв «впервые научно, всесторонне обосновал» историю России, «создал современную проблематику исторической науки, определив целые направления её развития» [Юрганов, 1996: 558].

Центральное место в предложенном в конце прошлого века взгляде на вклад великого русского историка в отечественную историографию и культуру России в целом занимало положение о цивилизационном подходе в изучении истории. В упомянутой выше работе А. Л. Юрганов высказал мысль о том, что «С. М. Соловьёв впервые в русской исторической науке выработал цивилизационный подход, с помощью которого он смог отличить русскую историю от западноевропейской и одновременно включить её в мировой исторический процесс» [Юрганов, 1996: 557]. Эти слова в тексте послесловия были напечатаны курсивом. Вывод А. Л. Юрганова был поддержан М. Ю. Лачаевой, которая включила его в раздел о С. М. Соловьёве в учебнике для вузов «Историография истории России до 1917 года» [Историография истории России до 1917 года, 2003. Т. 1: 341].

Большое место С. М. Соловьёву, его месту в отечественной историографии уделено в монографии А. Н. Шаханова «Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты» (2003). Искключительное место, которое занимает творческое наследие С. М. Соловьёва в исторической науке России, автор объясняет целым рядом причин. Оно логически развивало и завершало существовавшую со времён летописания государственническую и москвоцентристскую традицию освещения российского исторического процесса, заключало в себе основное содержание гегельянского периода русской историографии, пришедшегося на третью четверть XIX в.

С. М. Соловьёву, считает исследователь, на основе новой методологии удалось воссоздать целостную картину генезиса общественных отношений восточного славянства с IX по XIX вв. Содержавшиеся в его философии истории элементы позитивизма обусловили постановку историком ряда проблем социально-экономических отношений, роли географического фактора и др., которые стали центром исследовательских интересов историков последующих поколений. Труды С. М. Соловьёва, заключил А. Н. Шаханов, подготовили почву для современной интерпретации многих проблем истории России [Шаханов, 2003: 12].

Всё это вместе взятое свидетельствует о непреходящем научном и общественном значении сочинений С. М. Соловьёва, его «Истории России с древнейших времён», которые стали неотъемлемой частью отечественной науки и культуры. Ученики и младшие коллеги по историческому цеху прямо называли великого историка «одним из основоположников современной русской исторической науки» [Рождественский, 1920. Кн. 1: 303].

Оценка вклада С.М. Соловьёва, данная С.В. Рождественским 100 лет назад, сохраняет свою справедливость и сегодня, в год 200-летнего юбилея историка. В каком-то смысле роль С.М. Соловьёва в развитии исторической науки России сопоставима со значением А.С. Пушкина в развитии отечественной литературы. Произведения обоих великих мастеров по-прежнему сохраняют свою актуальность и практически лишены налёта архаики, органически входя в современные пласты науки и культуры России.

Нельзя не согласиться со словами Василия Осиповича Ключевского, который предрёк долгую жизнь научному наследию историка в исторической науке России. «Есть и будут десятки трудолюбивых исследователей русского прошедшего, которые останавливаются и будут останавливаться на том или другом факте больше Соловьёва, изучают и будут изучать то или другое явление подробнее, чем изучал он; но каждый из них, чтобы идти прямо и твёрдо в своей работе, должен начинать с того, чем кончил Соловьёв свою речь о том же, и он, как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для тех, кто далеко разойдётся с ним в своих последних выводах» [Ключевский, 2000: 290].

Организованная Российским историческим обществом, Институтом российской истории РАН и Государственным историческим музеем Всероссийская научная конференция с международным участием, приуроченная к 200-летию юбилею С.М. Соловьёва, стала ещё одним свидетельством правоты слов В.О. Ключевского. В прозвучавших на ней докладах, посвящённых творчеству великого русского историка и истории России его времени, говорилось, что собранный им документальный материал и сделанные обобщения и выводы послужили отправной точкой в современных исследованиях.

Было обращено внимание на присущую С.М. Соловьёву-исследователю научную интуицию: в его научном наследии исследователи продолжают обнаруживать предположения, актуальность которых подтверждается документами, которыми С.М. Соловьёв в своё время не располагал. Так, петербургский историк М.М. Сафонов, опираясь на источники, с которыми С.М. Соловьёв не был знаком, подтвердил догадку великого историка о подлинной роли Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. Он пришёл к выводу, что «автор многотомной истории России, основываясь не только на глубоком анализе противоречивых источников, но и на своей потрясающей интуиции, необыкновенной прозорливости и поразительном историкомоведческом чутье», «почти пророчески предугадал» [Сафонов, 2020: 168] суть важной миссии Е.Р. Дашковой в событиях 1762 г.

Расширение проблемного поля, отличающее историческую науку России на современном этапе, содержит потенциал для более углубленного исследования творческого наследия историков прошлого, социокультурной атмосферы, в которой оно создавалось. Например, историко-антропологический и генерационный подходы, методы интеллектуальной истории позволяют формулировать новые вопросы в изучении жизни и деятельности российских историков, их научного творчества [Репина, 2009; Корзун, 2011; Сидорова, 2002: 29–42; Сидорова, 2017].

В этой связи следует отметить появление исследований, в которых на первом плане оказываются, например, не только и не столько сами научные труды и деятельность как таковая самого С. М. Соловьёва, сколько внутрэнный склад его профессорской семьи, давшей отечественной культуре самобытного и глубокого философа Вл. Соловьёва, автора исторических романов Вс. Соловьёва. Такой подход открывает новые грани С. М. Соловьёва как человека, показывает его напряжённую духовную жизнь во взаимосвязи с окружающим его миром. На упоминавшейся выше научной конференции был затронут сюжет, связанный с влиянием личности С. М. Соловьёва на судьбы и жизненный выбор его детей. Было убедительно показано, что они стали продолжением творческой сути своего отца и «ещё одной творческой удачей Сергея Михайловича Соловьёва» [Лобанова, 2020: 180].

Обращение к научному наследию С. М. Соловьёва в сочетании с интересом к индивидуальности историка как создателя исторических текстов, профессора и ректора Московского университета, гражданина своей страны позволяет полнее понять и оценить его труды.

Проследивая основные вехи освоения и восприятия научного наследия великого историка России последующими поколениями историков, следует подчеркнуть главное — труды С. М. Соловьёва на протяжении более полутора столетий остаются в активном исследовательском багаже, несмотря на неоднократную смену исследовательских парадигм. Богатейший фактический материал, методы его интерпретации, сделанные выводы и высказанные С. М. Соловьёвым предположения сохраняют свой эвристический потенциал для историка XXI в.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.014

Список литературы

- Брачев В. С. Историк Залман Борисович Лозинский (1898–1936) // Общество. Среда. Развитие (*Terra Humana*). 2015. № 4 (37).
- Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2.
- Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М., 1980.
- Иловайский Д. И. Памяти С. М. Соловьёва // *Соловьёв С. М. Сочинения*. В 18 кн. Кн. XXIII. М., 2000.
- Историк и время. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М., 2000.
- Историки России. XVIII — начало XX века. Отв. ред. Сахаров А. Н. М., 1996.
- Историография истории России до 1917 года. В двух томах. Под ред. М. Ю. Лачаевой. Т. 1. М., 2003.
- Ключевский В. О. С. М. Соловьёв. Некролог // *Соловьёв С. М. Сочинения*. В 18 кн. Кн. XXIII. М., 2000.
- Корзун В. П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011.
- Лобанова И. В. Влияние личности С. М. Соловьёва на судьбы и жизненный выбор его детей // С. М. Соловьёв и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка. Сб. ст. М., 2020. С. 170–180.
- Лозинский З. Б. Историк великодержавной России С. М. Соловьёв // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. под ред. М. Н. Покровского. Т. 1. М., 1927.

Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочитанная на сентябрьских Педагогических курсах в Петербурге, 1918 г. На правах рукописи. СПб., 1918.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955; т. II. М., 1960.

Пионтовский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.

Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева 3–7 мая 1923 г. Пг., 1923.

Покровский М. Н. Предисловие // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. под ред. М. Н. Покровского. Т. I. М., 1927.

Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

Рождественский С. В. Памяти Сергея Михайловича Соловьёва. 5 мая 1820 г. — 4 октября 1879 г. (К столетию со дня рождения) // Дела и дни. Кн. I. Петербург, 1920.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Сафонов М. М. С. М. Соловьёв, Е. Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года // С. М. Соловьёв и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка. Сб. ст. М., 2020.

Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998.

Сидорова Л. А. Советские историки: Духовный и научный облик. М.–СПб., 2017.

Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послевоенного десятилетия. М., 1997.

Сидорова Л. А. Проблема «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002.

Цимбаев Н. И. Сергей Соловьёв. М., 1990.

Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8.

Черепнин Л. В. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Исторические записки. Т. 33. М., 1950.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; переиздано: М., 2019.

Шаханов А. Н. Становление ученого // С. М. Соловьёв. Первые научные труды. Письма. М., 1996.

Юрганов А. Л. Наследие С. М. Соловьёва как явление русской культуры // С. М. Соловьёв. Сочинения. В 18 кн. Кн. XX. М., 1996.

Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX — начала XX вв.

А. И. Алиева, И. Б. Мунаев

Аннотация: В статье впервые в истории отечественного кавказоведения охарактеризована вся совокупность работ российских учёных (в том числе представителей чеченского народа) XIX — начала XX вв., посвящённых фиксации, публикации и исследованию фольклора и этнографии одного из древнейших автохтонных народов Восточного Кавказа — чеченского народа, бережно сохранившего до наших дней лучшие традиции, созданные предками.

Ключевые слова: фольклор, этнография, чеченцы, российская наука.

Широкое и систематическое привлечение произведений фольклора, сведений по этнографии и религии чеченцев отличает публикации российских авторов, вошедших в книгу «История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв.», — А. П. Берже, А. П. Ипполитова, Н. Ф. Дубровина, Н. С. Семёнова, В. Ф. Миллера, Е. Д. Максимова, Н. С. Иваненкова, «природных чеченцев» Умалата Лаудаева и Таштемира Эльдерханова. Они содержат комплексное освещение проблем генезиса этого самого многочисленного на Северном Кавказе этнического образования, его исторических судеб, взаимоотношений с ближайшими соседями, отношений внутри чеченского общества, религиозных представлений, быта и нравов, традиционной культуры.

Начиная с А. П. Берже, все названные выше авторы, не имевшие никаких документальных свидетельств о чеченском народе, широко привлекали его «неписаную» историю — народные предания, в которых стремились обнаружить связь с различными событиями в истории Чечни, истории отдельных тейпов и обществ, истории отдельных аулов и даже особенных традиций в каждом из них. Именно в народных преданиях чеченцев они находили отражение и религиозных представлений чеченцев — от древнейших языческих верований, их суеверий и предрассудков до утверждения ислама в Чечне.

Наряду с пересказом текстов того или другого предания (с разной степенью точности и полноты), эти авторы включали в них и образцы текстов разных произведений чеченского фольклора в переводах на русский язык, выполненных с разной степенью точности¹.

А. П. Берже, например, привёл в своем исследовании «Чечня и чеченцы» в очень близком к оригиналу перевод песни, «...сильно выражающей жизнь удалцов, страстно привязанных к своей отчизне и независимости»² о первопредке чеченцев Турпале Нахчуо.

¹ История Чечни в российских научных изданиях второй половины XIX — начала XX вв. / Сост., комм. А. И. Алиевой. Отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Литрес, 2020.

² Берже А. П. Чечня и чеченцы, сочинение А. П. Берже, правителя дел Кавказского Отд. Импер. Рус. Геогр. Об-ва. Тифлис, 1859. С. 86.

Произведения разных жанров чеченского фольклора — топонимическое предание «Причина вырастания леса» и «Усар», эпическое сказание «Соски-Сослан», вариант песни, впервые опубликованной А.П. Берже о Турпале Нахчуо, песнь о гибели знаменитого абрека Вары, две девичьи песни о любви и басня — были напечатаны в очерке П.И. Головинского «Чечня и чеченцы»³.

Переводы (или пересказы) произведений чеченского фольклора включают исследования многих авторов, писавших о Чечне в XIX — начале XX вв. С этой точки зрения будет справедливо особо выделить, во-первых, сочинение «природного чеченца» Умалата Лаудаева «Чеченское племя», в котором его характеристика происхождения чеченцев, их расселения в горах и на плоскости, истории ряда чеченских тейпов, общественного быта чеченцев, принятия ими ислама и пережитков у них языческих и христианских религиозных представлений и даже характеристика отношений отдельных чеченских обществ между собою подкрепляется текстами народных преданий, а в некоторых случаях — текстами анекдотов, которые разные чеченские общества рассказывают «одно про другое» (чаще всего — про ауховцев).

Здесь произведения фольклора, зафиксированные У. Лаудаевым в разных чеченских обществах, приводятся в максимально точном переводе автора на русский язык. Исследователи имеют все основания считать опубликованные У. Лаудаевым тексты чеченского фольклора русским адекватом чеченских оригиналов⁴.

Второй случай, не вызывающий сомнений относительно точности представления текстов чеченского фольклора в русском переводе, — сочинение А.П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа»⁵. Известно, что его автор прекрасно знал чеченский язык и в своих публикациях о Чечне неоднократно подчеркивал своё стремление максимально точно не только фиксировать чеченские тексты на языке оригинала, но и передавать их содержание в переводе на русский язык. Вот почему включённые в текст его исследования образцы чеченского фольклора — песни «Высохнет земля на могиле моей», «Песня о Хамзате», «Песня об Эль-Мурзе», «Сказка о пророке Соломоне» и «Басня о медведице»⁶ — представляют интерес как документальные свидетельства состояния фольклорной традиции в Чечне во второй половине XIX века.

Что касается других названных выше авторов, как правило, пользовавшихся помощью переводчиков, здесь мы можем говорить о качестве их передачи произведений чеченского фольклора не всегда уверенно.

³ Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах: 1. Чеченцы / Из записок П. И. Головинского // Сборник сведений о Терской обл. / Изд. Терск. обл. стат. ком. под ред. и.д. секретаря комитета Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1878. Вып. 1. С. 256–261.

⁴ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. С. 1–62.

⁵ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1868. Вып. I. С. 1–52.

⁶ Ипполитов А. П. Указ. соч. С. 26–43.

В данной статье впервые будет охарактеризована *вся совокупность* образцов чеченского фольклора, опубликованных на протяжении XIX — начала XX вв. в российских научных изданиях на чеченском языке, с русским или немецким переводом и комментариями, а также тексты, напечатанные только в русском переводе — но лишь в тех случаях, когда они были зафиксированы и подготовлены людьми, имевшими соответствующую научную подготовку, либо при участии таких людей.

Честь первого представления текстов чеченского фольклора на чеченском языке принадлежит *первым российским* исследователям чеченского языка — академику Петербургской академии наук А. А. Шифнеру и члену-корреспонденту той же академии П. К. Услару.

Здесь необходимо краткое отступление от обсуждения проблем публикации текстов чеченского фольклора на языке оригинала к истории изучения в России языков Западного и Восточного Кавказа в XIX в. в связи с тем, что именно фольклорные тексты стали одним из главных источников для изучения бесписьменных ранее (или имевших письменность на арабской графической основе) народов Кавказа, в том числе чеченского. Подчеркнём ещё раз: именно в первых исследованиях чеченского языка А. А. Шифнера и П. К. Услара образцы чеченского фольклора впервые были приведены на языке оригинала.

Справедливости ради следует заметить, что европейские авторы, писавшие о Кавказе, делали робкие попытки изучения языков Северного и Западного Кавказа. Как подчеркнул «...автор ряда работ по языкам Кавказа и разным вопросам кавказоведения» Л. П. Загурский (1827–1891), почти полвека прослуживший в системе народного образования на Кавказе⁷: «Ещё <...> в прошлом <XVIII> столетии академиком Гюльденшtedтом и знаменитым Палласом составлялись с этнологической целью сборники слов кавказских наречий. В начале текущего века Юлий Клапрот записывал, кроме слов, и фразы. Названные учёные, на основании столь скудного и притом дурно записанного материала, делали попытки распределения кавказских языков на группы, а Клапрот в своей "Asia polyglotta" (изд. в 1823 г.) объяснял генетическое их происхождение. Более солидное изучение кавказских языков начинается с 30-х годов XIX века»⁸, и добавим, прежде всего, сотрудниками Петербургской Академии наук.

Академик М. И. Броссе занялся основательным исследованием грузинского и армянского языков, академик А. М. Шёгрэн опубликовал первую грамматику осетинского языка, служивший на Черноморском побережье француз Л. Люлье — исследование черкесского/адыгейского языка.

До пятидесятых годов XIX века оставались совершенно неизвестными науке языки восточной группы кавказских народов — чеченский и целый ряд языков народов Дагестана.

⁷ Загурский Л. П. // Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. III. С. 174.

⁸ Загурский Л. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1881. Вып. X. С. XXIII.

Общепризнанно, что начало изучению языков Восточного Кавказа положил известный российский ориенталист, экстраординарный академик Петербургской академии наук Антон Антонович Шифнер (Franz Anton Schiefner, 1817–1879)⁹.

Современники Шифнера единодушно отмечали его «обширную память, неутомимую настойчивость»¹⁰, которые позволили учёному внести серьёзный вклад в изучение проблем буддизма, санскритского, тибетского, монгольского, целого ряда палеоазиатских и финно-угорских языков.

Особую заслугу А. А. Шифнера составляют исследования языков кавказских горцев — тушинского, аварского, удинского, чеченского.

В отличие от своих предшественников в изучении кавказских языков — М. И. Броссе, А. М. Шёгрена, Л. Я. Люлье — А. А. Шифнер ни разу не выезжал на Кавказ и ни один язык не изучал «методом погружения» в среду его носителей. Возможно, в известной мере это было обусловлено тем, что материалы по языкам разных народов Кавказа словно «сами находили его», но совсем не случайно. В Петербургской академии наук была традиция щедро делиться и материалами, и даже идеями с коллегами, причём такие случаи с Шифнером случались не однажды. Первый раз, в 1853 году, когда упоминавшийся выше академик Петербургской академии наук М. И. Броссе (Brosset Marie-Félicité, 1802–1880) — востоковед, армяновед, грузиновед — передал ему материалы по тушинскому языку, полученные им во время археологической экспедиции в Грузию от «природного тушинца» Иова Цискарова, к тому времени уже известного читающей публике по ряду публикаций о тушинах и их фольклоре в знаменитой тифлисской газете «Кавказ»¹¹ и повести о трагической любви тушинских юноши и девушки — тушинских Ромео и Джульетты, в основу которой было положено одно из популярных тушинских преданий¹².

В своей самой первой публикации, посвящённой языку тушин, в газете «Кавказ» А. А. Шифнер подробно описал всё, что вручил ему М. И. Броссе: «Пересмотренные мною материалы, относящиеся до тушинского языка и привезённые из путешествия г. Броссе, состоят: 1) из перевода изданной Плюшаром в 1839 году на русском языке “Священной истории” Нового Завета Сасси; 2) списка слов, составленных по грузино-французско-русскому словарю, изданному в 1839 году в Петербурге Сулхановым; 3) из многих тушинских песен на грузинском языке, с буквальным переводом на тушинский; 4) нескольких образцов духовного содержания, и, наконец, из грамматики тушинского языка, составленной по образцу краткой русской грамматики Греча.

Всеми этими материалами обязаны мы инспектору приходского училища в Тионетах, Цискарову, написавшему почти всё, им доставленное,

⁹ Шифнер Антон Антонович // Русский биографический словарь. Шебанов-Шютц. СПб., 1911. С. 308–310.

¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹ Цискаров И. Дикло и Шанако // Кавказ. 1846. № 27; *Его же*. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 7, 8, 10–13; *Его же*. Тушинские песни // Кавказ. 1848. № 48.

¹² Цискаров И. Лозы любви // Журна. Закавказский альманах. Изд. Е. А. Вердеревского. Тифлис: В Тип. Канц. Наместника Кавказского, 1855. С. 155–174.

на грузинском языке, исключая списка слов, при составлении коего употреблена русская азбука. Но оба эти языка были недостаточны для точного обозначения всех тушинских звуков. Более удовлетворительные сведения относительно этого предмета сообщены мне были братом его, Георгием Цискаровым, студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии»¹³.

Свидетельство А. А. Шифнера о том, что среди материалов Цискарова были тексты «из перевода изданной Плюшаром в 1839 году на русском языке “Священной истории Нового Завета Сасси”» для нас чрезвычайно важно для характеристики раздела «Образцы речи» в его труде «*Versuch über die Thush-Sprache...*» — о нём речь пойдет дальше.

Во «Введении», предпосланном исследованию «*Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien*»¹⁴, А. А. Шифнер более подробно описал получение им материалов Иова Цискарова от М. И. Броссе, свои занятия тушинским языком с младшим братом Иова Георгием — студентом Духовной Академии в Петербурге, прекрасно знавшим и русский, и грузинский языки (Тушетия входила в состав Грузии) и несколько подзабывшим родной язык. Последнее сильно осложняло их занятия, в частности, перевод на русский язык материалов Иова Цискарова, переданных М. И. Броссе А. А. Шифнеру. В сентябре 1854 года Георгий Цискаров по причине болезни собирался вернуться на родину, но вскоре умер в Воронеже.

Однако А. А. Шифнер много успел сделать с его помощью: спустя восемь месяцев после получения материалов от М. И. Броссе им было подготовлено к печати первое научное сочинение о языке тушин, опубликованное в том же 1855 году в изданиях Петербургской академии наук на немецком языке¹⁵ и в переводе на русский¹⁶.

В 1859 году был опубликован самый полный вариант труда А. А. Шифнера, посвящённого языку тушин¹⁷. Как и последующие исследования этого учёного о языках народов Кавказа, он включал разделы: «Введение», «Характеристика языка», «Образцы речи», «Словарь».

Оставляя лингвистам оценку исследования языка тушин А. А. Шифнером, остановимся на разделе «*Sprachproben*» — «Образцы речи». Его составили девять текстов: из них I–VII — рассказы об Иисусе Христе (выше говорилось, что они были представлены в материалах И. Цискарова), VIII и IX — образцы фольклора тушин.

¹³ Характеристика тушинского языка (Извлечение из рассуждения академика А. Шифнера, проверенное и дополненное примечаниями по указаниям местных знатоков тушинского наречия) // Кавказ. 1855. № 12.

¹⁴ Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien. Von A. Schiefner // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Sixième série Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX et dernier. St.-Pét., Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1859. P. I–VI.

¹⁵ Kurze Charakteristik der Thusch-Sprache // Bulletin de la classe des Sciences Historiques, Philologiques et politiques de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. T. III. № 10–11. S. 170–174.

¹⁶ Шифнер А. А. Краткая характеристика тушского языка // Ученые записки Академии наук по 1 и 3 отделениям. СПб., 1855. Т. III. С. 71–93.

¹⁷ Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische mundart in Thuschetien von A. Schiefner (Eingereicht den 25. Januar 1856 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philologie. St.-Petersbourg, Imprimerie de l'Académie Imperiale des Sciences, 1859. S. 1–160.

Заметим кстати, что сам А. А. Шифнер сожалел о том, что ему не удалось привести в «Образцах речи» все тексты на тушинском языке. В своем «Предисловии» к «Versuch über die Thusch-Sprache...» он подчеркнул: «Наконец, что касается “Образцов речи”, это, конечно, очень прискорбно, что я мог привести только часть, которая переведена с русского, потому что надежда перевести с оригинала тексты казалась мне невыполнимой»¹⁸, таким образом, ещё раз подтвердив, что это были тексты, представленные И. Цискаровым.

В контексте рассказа о работе А. А. Шифнера над исследованием языка тушин важно акцентировать внимание ещё на одном факте, свидетельствующем о творческом сотрудничестве российских кавказоведов в XIX веке.

Напомним, что в заглавии публикации в газете «Кавказ» труда А. А. Шифнера о тушинском языке подчёркнуто, что публикуется не полное сочинение уважаемого академика, а «извлечение из рассуждения академика А. Шифнера, проверенное и дополненное по указаниям местных знатоков тушинского наречия»¹⁹. Однако не было названо имя ни переводчика труда Шифнера, писавшего и публиковавшего свои работы только по-немецки, ни того, кто его «проверил и дополнил».

В уже цитировавшемся «Введении» к исследованию «Versuch über Die Thusch-Sprache oder die Khistische Mundart in Thuschetien» А. А. Шифнер сообщил, что перевод его статьи на русский язык выполнен А. П. Берже, с помощью носителей тушинского языка, также проверившего материалы, вошедшие в неё, и дополнившего её комментариями²⁰.

Это свидетельство А. А. Шифнера чрезвычайно важно: именно с подготовки публикации его работы в газете «Кавказ» началось творческое сотрудничество знаменитого академика с начинающим исследователем народов Кавказа А. П. Берже (1828–1886). Будущий выдающийся российский кавказовед второй половины XIX века, один из первых исследователей истории, этнографии традиционной культуры народов Северного Кавказа, прежде всего чеченцев²¹, основоположник кавказской археографии А. П. Берже на протяжении всей жизни был щедрым помощником своих коллег, занимавшихся исследованием Кавказа. Он помог А. А. Шифнеру не только в подготовке публикации в газете «Кавказ» его работы о языке тушинов, но и в подготовке исследований, посвящённых аварскому²² и удинскому²³

¹⁸ «Schiefner A.» Einleitung || Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien // Mémoires de l'Académie Impériale... S. 6.

¹⁹ Характеристика тушинского языка (Извлечение из рассуждения академика А. Шифнера, проверенное и дополненное примечаниями по указаниям местных знатоков тушинского наречия // Кавказ. 1855. № 12.

²⁰ Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien von A. Schiefner // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX et dernier. SPb., Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1859. P. IV.

²¹ Чечня и чеченцы. Соч. А. П. Берже, Правителя дел Кавк. Отд. Импер. Рус. Геогр. Об-ва. Тифлис, 1859.

²² Versuch über Awarische. Von A. Schiefner, Mitglieder der Akademie // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VII série. T. V. № 8. St.-Petersbourg, 1862.

²³ Versuch über die Sprache der Uden. Von A. Schiefner, Mitglieder der Akademie // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VII Série. T. VI. № 1. St.-Ptb., 1863.

языкам, предоставив академику собранные им самим материалы по этим языкам, как свидетельствовал П. К. Услар²⁴.

Как видим, А. А. Шифнер подготовил свои труды по тушинскому, аварскому, удинскому языкам, получив материалы от своих коллег либо полностью (как в случае с Броссе), либо частично (как с А. П. Берже), и в процессе занятий с носителями этих языков, учившимися в Петербурге (как Г. Цискаров), либо там же служивших (как двое аварцев в конвое царя). Удинов в Петербурге не нашлось, поэтому А. А. Шифнер воспользовался только материалами по удинскому языку, собранными академиком А. М. Шёгреном и «природным удином» М. Бежановым. Тем не менее, вклад академика А. А. Шифнера в российское кавказоведение невозможно переоценить: он *первым* опубликовал грамматики тушинского, аварского и удинского языков, в которых *первым* представил «образцы речи» народов — носителей этих языков, опираясь на тексты фольклора этих народов, представленные и на языке оригинала, и в переводе на другой (в случае с Шифнером — на немецкий) язык.

Традицию исследования языков народов Кавказа в сотрудничестве с их носителями, опираясь и на их живую разговорную речь, и на их помощь успешно развил на новом этапе российского кавказоведения Пётр Карлович Услар (1816–1875), за свои исследования большого ряда языков Восточного Кавказа избранный членом-корреспондентом Петербургской академии наук в 1868 году.

В отличие от А. А. Шифнера, П. К. Услар изучал кавказские языки там, где жили их носители — в Абхазии, Чечне, Дагестане.

Получив высшее военное образование, окончив Военную Академию, и дослужившись до высоких воинских чинов и званий, П. К. Услар обратился к изучению Кавказа — его истории, народов, их языков, этнографии. С 1850 года и до последних дней вся его жизнь была связана с Кавказом.

Уже в 1851 году он стал одним из «отцов-основателей» и активных сотрудников Кавказского Отдела Русского географического общества в Тифлисе и постоянным автором его изданий, составил программу этнографического изучения Кавказа (реализовать которую он один, естественно, не мог).

«... в 1858 году на Услара было возложено составление “Новейшей истории Кавказа”, но вслед за тем он получил совершенно другое поручение — исследовать горские языки, с целью введения между горцами туземной грамотности на русском основании»²⁵.

П. К. Услар занялся изучением кавказских языков ещё до того, как он получил это «поручение». Во время службы в разных регионах Кавказа он начинал изучать язык народа, который этот регион населял. Так, «с 1851 по 1853 г., состоя попеременно в распоряжении ген. Слепцова, бар. Вревского и кн. Барятинского, он исходил вдоль и поперек значительную часть Чечни»²⁶;

²⁴ Письма П. К. Услара (1857–1872) // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 33.

²⁵ Библиографическая заметка // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. гражд. частию на Кавказе, 1887. Т. IX. № 2. Приложение. С. 11.

²⁶ Загурский Л. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1881. Вып. X. С. XV–XVI.

«в конце 50-х и начале 60-х годов <XIX в.> он служил большею частью на Западном Кавказе и занялся здесь западно-кавказскими языками»²⁷ — абхазским, сванетским, черкесским, убыхским. Уже тогда он понимал важность произведений фольклора для исследования кавказских языков — он записывал образцы фольклора того народа, язык которого привлёк его внимание. Так, во время службы на Западном Кавказе он «...записал предания сванетов о сотворении мира, об Амирани, Ростоме и о царице Тамаре»²⁸.

Обращение П. К. Услара к изучению кавказских языков удачно совпало с намерением представителей русской власти заняться образованием горцев Кавказа на их родном языке и в связи с этим — созданием письменности на русской основе. Этим специально занималось «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» — конечно же, с участием и помощью представителей народов Кавказа, владевших наряду с родным, также и русским языком.

П. К. Услар имел возможность привлекать к собственным занятиям языками народов Кавказа этих лиц. Первыми его «горскими сотрудниками», как позже назвал П. К. Услар своих наставников в изучении кавказских языков в письме к начальнику Горского управления В. А. Франкини²⁹, были абхазцы. Сначала в Тифлисе, а затем в Сухуми П. К. Услар изучал абхазский с «тремя абхазами, из которых двое понимали и объяснялись довольно хорошо <по-русски>»³⁰.

П. К. Услар высоко ценил труд своих «горских сотрудников»: «Не могу не сознаться, что работа, налагаемая мною на горских сотрудников, для них весьма тягостна. Некоторые чужды всяких грамматических понятий; другие, изучившие арабскую грамматику по нелепой методе, не допускают даже существование другой грамматики и не постигают возможности особой грамматики для родного языка. Ежедневные занятия со мною в продолжение четырёх, а иногда и более часов для них, особенно сначала, — совершенное истязание, которого многие не переносят и впадают в полную апатию к делу, думая только, как бы от меня избавиться. Я вынужден бываю отсылать их и опять начинать дело с новыми, что влечёт большую потерю денег и в особенности времени. После многих хлопот мне удаётся приискать людей энергичных и смышлёных, с которыми оканчиваю дело»³¹.

В случае с абхазскими сотрудниками П. К. Услару не приходилось их менять — исследование, посвящённое абхазскому языку, было завершено, литографировано и отправлено в Петербургскую академию наук уже в 1862 году, — но об этом позже.

На первый взгляд, исследование абхазского языка П. К. Услара было построено по тому же образцу, что и работы А. А. Шифнера, посвящённые

²⁷ Там же. С. XL.

²⁸ Там же. С. XL–XLI.

²⁹ Письмо к В. А. Франкини // Магометов А. А. Петр Карлович Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1975. С. 75.

³⁰ Дамения И. Х. Россия и Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX — начале XX вв. СПб., 1994. С. 16–17.

³¹ Там же. С. 75.

тушинскому, аварскому и удинскому языкам: предисловие, абхазская азбука, характеристика частей речи (образцы абхазского языка, сборник абхазских слов, алфавитный список русских слов с указанием, где отыскать соответствующие им абхазские).

В контексте данной статьи остановимся *только на разделе* «Образцы абхазского языка». В нём П. К. Услар, во-первых, представил *только* тексты абхазского фольклора (начало сказки, басню, пословицы), записанные на абхазском языке (а не переведённые с русского на тушинский язык тексты «Священной истории» Нового завета, как это сделал А. А. Шифнер в своём исследовании тушинского языка), причём зафиксированные им «с фотографической точностью», что П. К. Услар неоднократно подчеркивал, представляя читателю образцы текстов фольклора разных народов Кавказа в собственной записи³².

Во-вторых, П. К. Услар одним из первых российских исследователей сопроводил фольклорные тексты, записанные на языке оригинала, «двойным» переводом — подстрочным (или буквальным, слово в слово с грамматическим его разбором) и литературным, и необходимыми комментариями. В исследованиях А. А. Шифнера, посвящённых кавказским языкам, как говорилось выше, за текстом оригинала следовал только литературный/смысловой перевод на немецкий язык.

Подчеркнём, что в каждом новом труде П. К. Услара, посвящённом очередному кавказскому языку, объём раздела «Образцы (...) языка» постоянно увеличивался. Если в «Абхазском языке» в нём было представлено три текста, занимавших всего 14 страниц, то в «Чеченском языке» этот раздел занимал уже 50 страниц, и в каждом следующем труде он увеличивался и в объёме, и по представлению разных жанров фольклора.

Принципиально важно, что начиная работу над серией исследований, посвящённых языкам народов Кавказа, П. К. Услар уже в первом из них убедительно охарактеризовал фольклор этих бесписьменных прежде народов как важнейший источник для изучения любого языка: «Сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надёжный, ничем посторонним не засоренный источник к изучению языка. Собрание всего изустно-живущего в народе должно составить первый письменный памятник, после создания азбуки. Это необходимо не для одних иноязычных филологов: это — насущная потребность для самого народа, выступающего на поприще письменности. Только удовлетворением этой первой потребности можно охранить письменность от вековой чахлости, которая не есть болезнь развития, а болезнь прививная, прививаемая переводами. Русские времен Петра Великого, конечно, говорили по-русски не хуже нашего, но писали по-русски как бы на малоизвестном им языке.

Так продолжалось, пока не обратились к живым источникам слова. Грамотные греки не переводили ни с египетского, ни с финикийского, прежде всего, записали они поэмы Гомеровы, которые в продолжение целых веков распевались из-за подаяния безграмотными певцами. Почти на наших глазах

³² Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. гражд. частию на Кавказе, 1896. С. 13.

создалась финская письменность: записанная со слов безграмотных певцов «Калевала» сразу выдвинула её на ступень, до которой веками и длинной околлицей едва-едва довлекалась письменность других народов»³³.

В начале 1862 года П. К. Услар, как уже было сказано, завершил работу над «Абхазским языком», в мае того же года он литографировал рукопись и отправил в Петербургскую академию наук³⁴.

Академик А. А. Шифнер, ознакомившись с трудом П. К. Услара, уже 15 мая 1863 года представил на заседании Петербургской академии наук «Ausführlicher Bericht über das General Baron Peter von Uslar Abchasische Studien» — «Обстоятельный доклад об исследовании барона Петра Услара об абхазском языке» — под таким названием сообщение А. А. Шифнера было напечатано на немецком языке в «Записках Императорской Петербургской Академии наук» в том же 1863 году³⁵. Это был первый опыт представления академиком А. А. Шифнером исследования П. К. Услара, положившего начало целой серии его работ, посвящённых языкам Кавказа.

По завершении работы над грамматикой абхазского языка П. К. Услар сразу принялся за подготовку исследования чеченского языка. С этой целью он отправился летом 1862 года в Грозный, где его «горскими сотрудниками» — наставниками в изучении чеченского языка были вызванные сюда мулла Янгулбай Хасанов, прибывший со своими учениками-муталимами, и прапорщик милиции Кеди Досов, «порядочно знавший русский язык».

За короткий срок П. К. Услар составил для чеченского языка алфавит, подготовил его исследование, литографировал и отправил в Петербургскую академию наук³⁶.

Новый труд П. К. Услара включал те же разделы, что и «Абхазский язык», и все его последующие исследования кавказских языков. Новым было только краткое «введение» «О чеченцах и месте их поселения (§ 1 и 2)³⁷ (в «Абхазском языке» такого раздела не было). К сожалению, мы не имеем возможности сопоставить раздел «Образцы чеченского языка» в литографированном издании труда П. К. Услара 1862 года и с его же изданием 1888 года в Тифлисе, подготовленном Управлением Кавказского учебного округа.

Охарактеризуем его по последнему изданию³⁸. Здесь тексты чеченского фольклора напечатаны так, как было принято в «Сборнике материалов

³³ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1887. С. 103.

³⁴ В 2002 г. в Сухуме увидело свет репринтное издание книги: П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1862.

³⁵ Ausführlicher Bericht über das General Baron Peter von Uslar Abchasische Studien. Von A. Schiefner. Der Akademie vorgelegt am 15 Mai 1863 // Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, 1863. 7 Ser. T. VI. № 12.

³⁶ П. У. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В Тип. Гл. Упр. Наместника Кавказского, 1870. Вып. 3. С. 24.

³⁷ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 1–3.

³⁸ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1888.

для описания местностей и племен Кавказа» на чеченском языке, с русским подстрочным и литературным переводом. Раздел «Образцы чеченского языка» включает: четыре чеченских пословицы, два наставления Шамиля («Шамиль говаривал своим чеченским наibaм»), два «рассказа» — «О мулле Несирите» и «О Зурабе», и три песни. Пословицы, рассказ «О мулле Несирите» и «Песня о храбром Умахане» были записаны Г. К. Властовым³⁹, «Рассказ о Зурабе» — самим П. К. Усларом от Кеди Досова. Имена исполнителя и зафиксировавшего «Диалог юноши и девушки», «Как приходит скучная старость» и «Шамиль говаривал своим чеченским наibaм» не указаны.

Впервые в истории кавказской фольклористики в труде П. К. Услара в разделе «Образцы чеченского языка» произведения чеченского фольклора не только приведены на языке оригинала с русским подстрочным и литературным переводом, с указанием имён их исполнителей и записавших, но ещё и снабжены комментариями. В одном случае П. К. Услар даёт общую характеристику песенного фольклора чеченцев: «Большая часть чеченских песен суть импровизации, без рифмы и размера, которые поются речитативом⁴⁰. Предлагаемая песенка (П. К. Услар комментирует песню-диалог юноши и девушки); вероятно, сочинена под влиянием кумыкских песен».

В другом случае учёный представляет реального персонажа, ставшего прототипом героической песни чеченцев, поэтика которой весьма своеобразна: «Умахан был знаменитый разбойник и наездник, умерший лет за 30 тому назад. Песня наполнена повторениями, которые, по-видимому, представляют особую прелесть для чеченцев; во многих местах рассказ темн; эти места я объяснил, сколько мог, пользуясь толкованиями туземцев. Никаких изменений я себе не позволял»⁴¹.

В третьем случае П. К. Услар подчеркивает, что вариант публикуемой им песни «Как приходит скучная старость» был опубликован, а приводимый им текст имеет свои особенности: «Песня эта впервые записана А. П. Берже, который поместил русский перевод её в сочинении своем: "Чечня и чеченцы" (стр. 129); французский перевод — в сочинении г. Жилия "Lettres sur le Caucase", р. 138. Мой перевод представляет некоторые варианты, которые легко объяснить»⁴².

Комментируя песню-диалог юноши и девушки, П. К. Услар отметил своеобразие художественной образности в чеченских народных песнях⁴³.

Завершив работу над «Чеченским языком», П. К. Услар также отлитографировал его и отправил в Петербургскую академию наук. Ознакомившись

³⁹ Г. К. Властов (?–1899) — русский офицер, служивший в Чечне — см. о нем: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. I. С. 362, 369. Г. К. Властов издал несколько работ о Чечне: Властов Г. Война в Большой Чечне. СПб., 1856; *G. Wlastoff*. Essai historique sur la parenté des tribus caucasiennes // *Nouvelles annales des voyages, de la géographie, de l'histoire et de l'archéologie*, 1859; *Wlastoff*. Ombres du passé. Souvenirs d'un officier du Caucase. Paris, 1899.

⁴⁰ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. С. 128.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 146.

⁴³ Там же. С. 129.

с ним, академик А. А. Шифнер уже 16 октября 1863 года выступил с докладом «Tschetschenische Studien» — «Чеченские этюды»⁴⁴.

Как видим, в заглавии этого доклада никак не обозначено, что в нём речь идёт об одноименном исследовании П.К. Услара, как в случае с докладом о труде П. К. Услара «Абхазский язык», который, как говорилось выше, назывался «Обстоятельный доклад об исследовании барона Петра Услара об абхазском языке». Подчеркнём кстати, что также как доклад А. А. Шифнера об абхазском языке, назывались и все другие его доклады, в которых представлялись работы П. К. Услара, посвящённые языкам народов Дагестана.

Но исследование «Tschetschenische Studien» А. А. Шифнера занимает особое место в его кавказоведческих трудах. Поскольку учёный уже исследовал тушинский язык, который рассматривал как «южный вариант чеченского», он планировал подготовить и сравнительное исследование тушинского и чеченского языков. Об этом мы узнаем из письма П. К. Услара к А. П. Берже 23 марта 1869 года: «Получили ли Вы "Аварскую грамматику" Шифнера? Его очень заняла моя "Чеченская грамматика", хотя кое в чём он и не согласен со мною. Теперь, как он говорит, чеченское семейство, будучи рассмотрено с юга (Тушетия) и с севера (Чечня) уже рельефно очертилось: Шифнер намерен писать об этих языках сравнительное рассуждение, которое, конечно, двинет вопрос далеко вперёд»⁴⁵.

Так и случилось, что и было подчеркнуто в «Библиографической заметке», составленной «...по поручению Кавказского Отдела Русского Географического Общества»: «"Tschetschenische Studien" акад. Шифнера <...> представляют не только лишь воспроизведение, с небольшими дополнениями, монографии Услара о чеченском языке, размещённой в другом порядке; особенную ценность в них имеют уяснения фонетических свойств чеченского языка и сближения, сделанные почтенным академиком между чеченским и цовским (тушским) языком. В этом отношении труд Шифнера может считаться самостоятельным»⁴⁶.

В приведённой цитате аргументированно объяснено, почему труд А. А. Шифнера, в котором речь идёт о «Чеченском языке» П. К. Услара, был представлен как самостоятельное исследование, а не как «реферат» последнего.

Что же касается следующих за этой оценкой работы Шифнера рассуждений автора рецензии о том, что чеченский и тушинский языки «...хотя они и сродни между собою, но, тем не менее, составляют особые, самостоятельные языки. <...> Чеченцы сами по себе, а цовцы тоже сами по себе. Цовцев никто никогда не называл чеченцами; далее, "Цовское общество" — это не территория, а собирательное название для всех цовцев, живущих главным образом в Тушетии, где они и образуют особое общество.

⁴⁴ Tschetschenische Studien. Von A. Schiefner. Gelesen den 16 Oktober 1863 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. St.-Ptb., 1864. VII Serie. T. 7. № 5.

⁴⁵ Услар П. К. Письма П. К. Услара (1857–1872 гг.) // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 21–22.

⁴⁶ Библиографическая заметка // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1887. Т. IX. № 2. Приложение. С. 1–24.

«...» Нет надобности говорить, что столько же странно было бы считать тушский язык за испорченный язык нахчий (чеченский), как считают язык нахчий за испорченный тушский. Это — то же, что считать французский язык за испорченный итальянский, или наоборот»⁴⁷.

Сегодняшний уровень исследования чеченского языка позволяет рассматривать приведённую выше цитату как показатель развития кавказского языкознания в конце XIX века. Сегодня вопрос родства чеченского и тушского языков решается однозначно: это — один язык.

Но вернёмся к работе А. А. Шифнера «Tschetschenische Studien». Поскольку, по сути, это все-таки прежде всего — реферат труда П. К. Услара «Чеченский язык», целиком повторяющий структуру последнего, сравним раздел «Образцы речи» в исследованиях этих двух учёных.

У нас есть все основания предположить, что этот раздел А. А. Шифнер целиком перенёс в свой труд из работы П. К. Услара, изданной в 1862 году, несколько сократив его, и вот почему.

В труде А. А. Шифнера «Tschetschenische Studien» и в труде П. К. Услара «Чеченский язык», опубликованном в 1888 году, полностью совпадают тексты: «Шамиль говаривал своим чеченским наибам», «рассказы» о мулле Несирите и о Зурабе, песни «Диалог юноши и девушки», «Песня о храбром Умахане» и «Что спеть вам, храбрые молодцы...». Из семнадцати пословиц, приведённых в труде Шифнера, в «Чеченском языке» Услара 1888 года приведено только четыре.

Зато в переводе на русский язык сочинения А. А. Шифнера, напечатанном в «Приложении I» к «Чеченскому языку» П. К. Услара, в разделе «Образцы чеченского языка»⁴⁸ приведены на языке оригинала и с русским литературным переводом тексты сказок и тринадцати пословиц (четыре, как говорилось выше, напечатаны в «Чеченском языке» П. К. Услара).

В «Примечании» к этому разделу сказано: «Из образцов, помещённых у А. Шифнера, здесь печатаются пословицы и один небольшой рассказ; остальные находятся у П. К. Услара или представляют отдельные фразы, в большинстве переведенные с русского языка»⁴⁹.

Есть основания предположить, что тексты, составившие разделы «Образцы речи» и «Назидания», были переведены с русского языка на чеченский либо самим А. А. Шифнером, либо кем-то из его «сотрудников».

В процессе рассказа о подготовке А. А. Шифнером и П. К. Усларом исследований, посвящённых чеченскому, мы неоднократно упоминали о тесном сотрудничестве этих учёных и друг с другом, и с А. П. Берже. Приведём ещё один показательный пример такого сотрудничества.

П. К. Услар, не отличавшийся богатырским здоровьем, к тому же подорванным неподходящим для него климатом Восточного Кавказа (учёный ряд лет занимался изучением языков народов Дагестана «методом

⁴⁷ Там же. С. 15.

⁴⁸ Чеченский язык. Перевод с немецкого сочинения академика Шифнера «Tschetschenische Studien» // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 44–46.

⁴⁹ Там же.

погружения», т.е. жил в г. Темирхан-Шуре), не торопился публиковать свои работы в типографии. Он сначала их литографировал в небольшом числе экземпляров, для чего их предстояло переписать начисто. Иначе говоря, П. К. Услар платил и своим «горским сотрудникам», и переписчикам, и литографам, а его небольшое имение не приносило больших доходов. Краткие замечания на нехватку времени и особенно денег периодически встречаются в его письмах к коллегам.

Вскоре после выхода в свет «Абхазской» и «Чеченской» грамматик П. К. Услар писал к А. А. Шифнеру: «Позвольте мне откровенно обратиться к Вашему совету: могут ли к конкурсу Демидовских премий нынешнего года, т.е. к ноябрю, поступить мои грамматики — “Абхазская” и “Чеченская”? Если могут, то как это сделать? А для меня это чрезвычайно важно, во-первых, в финансовом отношении»⁵⁰.

В письмах П. К. Услара к А. П. Берже кратко воссоздана история подготовки материалов, необходимых для представления учёных трудов на Демидовскую премию⁵¹ А. А. Шифнером, А. П. Берже и самим П. К. Усларом в установленные сроки. Автор «Абхазского» и «Чеченского языка» был удостоен половинной Демидовской премии.

Пожалуй, ни один современник, общавшийся с П. К. Усларом, не охарактеризовал бы этого человека так точно, как это сделал сам учёный в письме к А. А. Шифнеру от 26 мая 1864 года в ответ на сообщение о решении Демидовского Комитета: «Ваше письмо доставило мне весьма приятное и почти неожиданное для меня известие, что “Записки” мои удостоились половинной Демидовской премии: далее этого успеха я ничего не позволял себе ожидать, следовательно, все мои надежды вполне осуществились».

Но я осознаю, что этим успехом я обязан не столько собственным трудам, сколько счастливому положению, в котором я очутился. Кавказские языки — это *terra incognita* — кто бы ни причалил *первый* к неизвестному покуда пункту этого неизведанного берега — хотя бы даже к арчинскому или инуховскому языкам — того заслуга заметна по новизне, если даже не по достоинствам. Эту особенность моей деятельности Вы и г. Бетлинг⁵² так успешно выставили вперед, что даже первоначальные опыты мои удостоились высокого отличия со стороны Академии наук»⁵³.

Говоря о вкладе П. К. Услара в изучение чеченского языка, следует особо подчеркнуть его вклад в дело фиксации и публикации фольклора чеченцев (как и фольклора других народов Кавказа, исследованием которых он целенаправленно занимался).

⁵⁰ Услар П. К. Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. гражд. частию на Кавказе, 1890. С. 4.

⁵¹ Услар П. К. Письма П. К. Услара (1857–1872) // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 33–34.

⁵² Академик Петербургской академии наук Бетлинг Оттон (Отто) Николаевич фон (1815–1904), санскритолог, вместе с А. А. Шифнером выступил рецензентом трудов П. К. Услара, представленных на соискание Демидовской премии.

⁵³ Услар П. К. Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главного нач. гражд. частию на Кавказе, 1890. С. 30.

Присуждение П. К. Услару такой высокой награды, как Демидовская премия, было бесспорным признанием вклада этого учёного не только в исследование языков народов Кавказа, но и в изучение их фольклора, и в дело образования на Кавказе.

Именно «горские сотрудники» П. К. Услара, активно помогавшие ему в изучении и исследовании языков народов Кавказа — чеченского и ряда языков народов Дагестана, — стали первыми преподавателями родного языка и подготовили первые учебники для его изучения. Так, мулла Янгулбай Хасанов, один из наставников П. К. Услара в изучении чеченского языка, стал учителем Грозненской Горской школы. Другой его «горский сотрудник» — Кеди Досов — по совету П. К. Услара составил «Чеченский букварь», изданный литографически в 1862 году в Тифлисе.

П. К. Услару принадлежала не только идея подготовки этого «Букваря»: он хлопотал об его издании⁵⁴, а когда книга была уже в типографии, просил А. П. Берже, работавшего в Тифлисе, вычитать ее корректуру⁵⁵.

Современным чеченским филологам удалось получить из Австрии ксерокопию единственного экземпляра этого «Букваря», сохранившегося в «...личном (посмертном) архиве Гуго Шухардта в библиотеке Университета г. Грац»⁵⁶.

Нет сомнения, что под влиянием «Чеченского букваря» Кеди Досова и под влиянием труда П. К. Услара «Чеченский язык» в 1866 году членом-корреспондентом Петербургской академии наук И. А. Бартоломеем (1813–1870) был издан «Чеченский букварь»⁵⁷.

На титуле этого издания приведены важные сведения: «Предлагаемый букварь составлен мною при содействии природных чеченцев юнкера Джемал-Эддина Мустафина, Эдык Бочарова и Ахмет-хан Трамова. Первые статьи до стр. 32 переведены с русского языка, остальные же, собранные и доставленные Эдыком Бочаровым, суть народные повести и рассказы, отчасти взятые с арабского, но приспособленные к чеченской жизни. Чеченский текст со стр. 32, как изустное предание народных сказочников, без сомнения, чище и изящнее сделанных наскоро переводов с русского языка. Из большого запаса народных сказок мы старались извлекать только такие, которые по содержанию наименее вредны, а иные даже поучительны для детей»⁵⁸.

«Букварь» открывает раздел «Чеченский букварь» (т.е. «Чеченский алфавит»), затем — «Упражнение в чтении по слогам» (с. 12–14) и «Нравоучительные изречения» (с. 15–24) — И. А. Бартоломей выше пояснил, что это — переводы русских фраз на чеченский язык.

⁵⁴ В своей работе «Tschetschenische Studien» А. А. Шифнер упомянул: «Эта книга, литографированная по инициативе П. К. Услара» // Tschetschenische Studien. Von A. Schiefner... S. 4.

⁵⁵ Письма П. К. Услара (1857–1872) // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 20.

⁵⁶ Магомедов А. Г. О первом чеченском букваре // Чечен инфо. Мультипортал о Чеченской республике. Библиотека. Проза. Поэзия.

⁵⁷ Чеченский букварь. Издание Общества восстановления христианства на Кавказе. Тифлис: В Тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1866.

⁵⁸ Там же. Титул изд.

Основное место в «Букваре» И. А. Бартоломея занимают публикации фольклорных текстов: «Чеченские пословицы» (с. 24–32) и «Рассказы и повести» — рассказы о Насир-Эддине и сказки. Все тексты приведены на чеченском языке с русским литературным переводом.

«Букварь» И. А. Бартоломея — первое двуязычное издание текстов чеченского фольклора.

Новый этап ещё более активного изучения народов Кавказа в России начался в девяностые годы XIX века, сразу после V Археологического съезда в Тифлисе, состоявшегося в сентябре 1881 года.

Императорское Московское Археологическое Общество вскоре после этого съезда организовало ряд экспедиций по Западному и Северному Кавказу. Одну из первых провёл академик В. Ф. Миллер в Чечне, где он не только исследовал исторические памятники, но и записал тексты чеченских преданий — все они приведены в его научном отчёте об этой экспедиции⁵⁹.

1881 год стал знаковым и в истории российских кавказоведческих изданий: в этом году был опубликован первый выпуск «...выдающегося не только в кавказской этнографии, но и во всей дореволюционной русской этнографической литературе серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа»⁶⁰ (СМОМПК).

Управление Кавказского Учебного округа, организовавшее это издание и поддерживавшее его — и организационно, и финансово на протяжении четверти века, поставило целью этого издания «...описание главным образом ремесленной и кустарной промышленности»⁶¹ на Кавказе. И действительно, такие описания регулярно публиковались на его страницах, но со временем все большее место в нем стали занимать исследования языков, истории, этнографии, традиционной культуры народов Северного Кавказа и Закавказья.

На страницах СМОМПК, начиная с первого выпуска, публиковались образцы произведений фольклора народов Кавказа. Невозможно не обратить внимание на совпадение, которое можно рассматривать как далеко не случайное. Первый выпуск СМОМПК, как уже говорилось, увидел свет в 1881 году, одновременно с X, завершающим выпуском «Сборника сведений о кавказских горцах». Вскоре стало ясно, что новое периодическое издание не только продолжило лучшие традиции завершённого издания, но и развивало и совершенствовало важнейшие из них.

Так, именно в СМОМПК образцы фольклора народов Кавказа публиковались не только в русском переводе (как в «Сборнике сведений о кавказских горцах»), но и на языке оригинала, в сопровождении подстрочного

⁵⁹ Археологические наблюдения в области чеченцев. Всев. Миллера // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1888. Вып. I. С. 1–42. Репринт этой работы В. Ф. Миллера см.: История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. М., 2020. С. 545–598.

⁶⁰ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. III. С. 187.

⁶¹ Предисловие // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (далее: СМОМПК). Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначал. гражд. частию на Кавказе, 1889. Вып. VIII. С. I.

и литературного перевода на русский язык, с необходимыми комментариями — как это делал П. К. Услар в своих «грамматиках» языков народов Кавказа.

Правда, в I–IX выпусках СМОМПК (да и во многих следующих) печатались только русские переводы (или пересказы?) текстов фольклора разных народов Кавказа. Через десять лет после выхода в свет первого выпуска «Сборника материалов...», в 1890 году в его десятом выпуске были напечатаны тексты сванетского и мингрельского фольклора на языках оригиналов, в русском подстрочном (буквальном) и литературном переводе (СМОМПК, X, 1890). В дальнейшем на страницах «Сборника материалов...» увидели свет тексты фольклора разных народов Кавказа — адыгского (СМОМПК, XII, 1891; СМОМПК, XXVI, 1899; СМОМПК, XXVII, 1900; СМОМПК, XXXII, 1908; СМОМПК, 44, 1915); абхазского, аварского, цудахарского, кюринского фольклора (СМОМПК, XIX, 1892), кумыкского (СМОМПК, XV, 1893; XVII, 1893), мингрельского (СМОМПК, XVIII, 1894), курдского, талышинского (СМОМПК, XX, 1894), фольклора ширванских татар (СМОМПК, XXIV, 1898), удин (СМОМПК, XXXIII, 1904), трухмен (СМОМПК, XXXVIII, 1908).

Нередко в СМОМПК образцы фольклора разных народов Северного Кавказа публиковались и *только в русском* переводе. Но имена авторов этих публикаций, как правило, компетентно представлявших родной фольклор, как и строгие правила, которым следовали издатели СМОМПК, дают нам право рассматривать большинство этих публикаций как правомочный русский дубликат текстов фольклора того или другого народа Кавказа.

В совокупности публикации образцов фольклора горцев Северного Кавказа на страницах СМОМПК, как изданных на языке оригинала с «двойным» — подстрочным и литературным переводом, так и только в русском переводе без оригинала, зафиксировали и сохранили до наших дней фольклорную традицию разных народов Кавказа, как она существовала более полутора столетий назад и сегодня позволяет нам проследить и эволюцию, и трансформацию фольклорных традиций Кавказа во времени.

От выпуска к выпуску в СМОМПК печаталось всё больше образцов фольклора разных народов Кавказа (преимущественно Северного, Западного, Восточного Кавказа), и это было бесспорной заслугой многолетнего главного редактора этого издания профессора Льва Григорьевича Лопатинского (1842–1922).

Этот неутомимый труженик кавказоведения успешно сочетал ответственную работу в должности окружного инспектора Кавказского учебного округа с «внештатной», как сказали бы теперь, работой в течение 20 лет председателя Кавказского отделения Московского археологического общества в Тифлисе (с 1901 г.) и в течение 26 лет — главного редактора «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». В этом качестве Л. Г. Лопатинский вёл огромную работу, как бы теперь сказали, по организации и координации сбора фольклорного материала разных народов Кавказа, его отбору, переводу, комментированию для публикации в СМОМПК.

Естественно, не всё, что представлялось в это издание, увидело свет на страницах СМОМПК. Л. Г. Лопатинский смог сберечь эти бесценные

материалы, составлявшие архив редакции, а вскоре после его кончины Общество обследования и изучения Азербайджана в Баку, где последние годы жил и работал учёный, приобрело у его вдовы это собрание. О судьбе материалов по чеченскому фольклору, сохранившихся в нём, будет сказано дальше.

Итак, первая публикация образцов чеченского фольклора была напечатана в СМОМПК в 1897 году в XXII выпуске и принадлежала А. Н. Грену (1862–1932) — выпускнику Петербургского университета, востоковеду, кавказоведу, археологу, журналисту, издателю. В 1886–1891 гг. А. Н. Грен служил инспектором народных училищ в Тифлисской губернии и в Терской области — как видим, совсем недолго, но навсегда сохранил любовь и интерес к этому краю. Он опубликовал длинный ряд работ, посвящённых сванетскому фольклору, горским евреям, грузинскому рыцарскому роману, династии Багратидов в Армении, истории Кавказа в целом и истории Кавказского перешейка, а также, в частности, этнографии и мифологии народа коми⁶².

Первые публикации А. Н. Грена были посвящены сванетскому⁶³ и чеченскому фольклору⁶⁴. Специальный интерес представляет подготовленное им издание образцов чеченского фольклора в 1897 году в XXII выпуске СМОМПК.

Как и П. К. Услар, А. Н. Грен не только изучал чеченский язык с помощью «природного чеченца» Ибрагима Магомаева из аула Гехи, но и дал возможность своему «наставнику» самому зафиксировать тексты родного фольклора на чеченском языке, перевести их на русский и четко обозначил это в заглавии своей публикации: «Чеченские тексты, записанные и переведённые под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи».

Упоминание и имени собирателя чеченских текстов, и региона, где они были зафиксированы, было одним из первых в СМОМПК.

Данью уважения к опыту П. К. Услара было и примечание А. Н. Грена к чеченским текстам в подлиннике: «Записано алфавитом барона Услара, ради однообразия с его книгой “Чеченский язык”, изданной Управлением Кавказского Учебного округа»⁶⁵.

На чеченском языке с русским подстрочным и литературным переводом А. Н. Грен опубликовал тексты: «Первая народная песнь», «Былина о Мальсаге назрановце, одном из сподвижников Шамиля» и «Сказка о храбром Незнае» (эпизод из чеченских нартовских сказаний).

⁶² Данилов А. В., Фоменко Р. А. Исследователь Алексей Ник. Грен и его археологические разведки и раскопки на Кавказских Минеральных водах в 1902 г. // Археология и этнология Сев. Кавказа. 2015. № 4. С. 46–63.

Жеребцов И. Л., Попов А. А. А. Н. Грен и Общество изучения Коми края // Материалы к III Международным Иналиповским чтениям (Сухум, 4–6 окт. 2016 г.). Сыктывкар, 2016. В этой работе кратко охарактеризован вклад А. Н. Грена в изучение разных народов Кавказа.

⁶³ Сванетские тексты. Собрал А. Н. Грен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1890. Вып. XXII. Отд. II. С. 76–160.

⁶⁴ Грен А. Н. Чеченские тексты, запис. и перевод. под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. XXII. Отд. III. С. 1–28.

⁶⁵ Там же. С. 1.

Второй раздел — «Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе» — составили нарттовские сказания: «Куда девались нарты-эрхустойцы?», «Приключения нартов», «Путешествие нарта», «Путешествие трёх князей», три текста о персонажах языческой мифологии чеченцев — «Алмас», «Ешеп», «Царь зверей с топором на груди» и текст «исторической легенды чеченцев».

Самостоятельный интерес представляют «Лингвистические заметки» А. Н. Грена к этим текстам, свидетельствовавшие о его серьёзном знакомстве с чеченским языком, который он попытался сравнить с аварским и даже выявить их родство.

В «Предисловии» к XXII выпуску СМОМПК Л. Г. Лопатинский подробно охарактеризовал публикацию текстов чеченского фольклора: народную песню — как «не лишенную поэтических красот», «Песню о Мальсаге-Назрановце» — в сопоставлении с кумыкскими и аварскими песнями, сказку «О храбром Незнае» — с аналогичными кабардинской и аварской сказками, привёл перечень мотивов, совпадающих в этих текстах.

Сказания о нартах-эрхустойцах, как и сказания о мифологических персонажах, в публикации А. Н. Грена представленные в русском пересказе, Л. Г. Лопатинский сопоставил с аналогичными текстами, опубликованными Ч. Ахриевым и У. Лаудаевым в русском переводе в «Сборнике сведений о кавказских горцах», и с адыгскими, аварскими, грузинскими текстами, опубликованными в ряде выпусков СМОМПК.

Как видим, в небольшой по объёму публикации чеченского фольклора А. Н. Грен представил образцы текстов разных его жанров — песни, сказки, нарт-эрхустойские сказания, мифологические и исторические сказания. Участие в подготовке этой публикации Ибрагима Магомаева, по всей видимости, хорошо подготовленного к работе и со сказителем, и с фольклорным текстом, обеспечило этой публикации высокую степень доверия и читателей, и исследователей.

В 1900 году в XXVIII выпуске СМОМПК были напечатаны «Чеченские тексты», записанные учителем Грозненской горской школы Таштемиром Эльдархановым⁶⁶.

Здесь опубликованы на чеченском языке с русским подстрочным и литературным переводом пять чеченских сказок: «От баб в доме разлад», «Завет отца», «Как Наср-Эддин одурачил всех?», «Как Наср-Эддин наказал неверную жену?» и «Злая жена».

В краткой «Заметке», сопровождающей публикацию текстов, Л. Г. Лопатинский сообщил место фиксации текстов и имя исполнителя сказки «Завет отца»: «Все почти помещённые здесь сказки записаны со слов жителей аула Гехи (в 30 вёрстах к юго-западу от г. Грозного), за исключением одной — № 2 “Завет отца”, которая сообщена воспитанником Грозненской горской школы Шаханом Батукаевым, уроженцем Наура, аула над рекой Тереком»⁶⁷.

⁶⁶ Чеченские тексты, записанные Т. Эльдархановым // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, К. Козловского, 1900. Вып. XXVIII. Отд. IV. С. 1–40.

⁶⁷ Лопатинский Л. Заметка // СМОМПК. Вып. XXVIII. Отд. IV. С. 40.

Как и тексты, опубликованные А. Н. Греном, тексты Т. Эльдарханова также записаны и опубликованы «усларовским» алфавитом, от которого допущены только два «отступления» в написании отдельных букв.

Итак, тексты, изданные Т. Эльдархановым, в основном были зафиксированы в том же ауле, где собирал чеченский фольклор и А. Н. Грен с Ибрагимом Магомаевым.

Л. Г. Лопатинский в своей «Заметке» очень кратко сказал об отличиях чеченских говоров надтеречных аулов от других чеченских говоров⁶⁸.

В «Предисловии» к XXVIII выпуску СМОМПК Л. Г. Лопатинский с разной степенью полноты охарактеризовал отражение в чеченских сказках бережного отношения её создателей к традиционным семейным ценностям (напр., в сказке «От баб в доме разлад»), но основное внимание уделил анализу сюжетов и мотивов чеченских сказок в сравнении с сюжетами и мотивами сказок других народов. Так, сказку «Завещание отца» он анализирует в сопоставлении с армянскими, татарской, кабардинской и русскими на тот же сюжет, чеченские сказки о Наср-Эддине — с русскими, черкесскими, украинскими и сказками других народов, что позволяет ему наглядно выявить национальное своеобразие чеченских сказок, в которых в художественной форме отразился не только быт, нравы, но и характер чеченского народа.

Уже в следующем, XXIX выпуске, СМОМПК Т. Эльдарханов напечатал ещё одну коллекцию текстов чеченского фольклора⁶⁹.

Здесь представлены образцы и героического эпоса чеченцев — сказания «Младший из шестидесяти сыновей» и «Отцовское наследство», и сказки — «Три диковинки», «Хитрая лисица», «Лиса и куропатка», «Старая хлеб-соль не забывается».

Как и в предыдущей публикации, все тексты печатаются на чеченском языке, с русским подстрочным и литературным переводом. Судя по «Заметкам» Л. Г. Лопатинского, завершающим публикацию фольклорных текстов, главный редактор СМОМПК, тщательно изучивший исследование П. К. Услара, посвящённое чеченскому языку, не только внимательно отредактировал перевод Т. Эльдарханова, но и объяснил уточнения, внесённые им в русский подстрочный и литературный перевод чеченских текстов, сделанные собирателем.

В «Предисловии» к XXIX выпуску СМОМПК Л. Г. Лопатинский подробно охарактеризовал включённые в него тексты чеченского фольклора в записи Т. Эльдарханова в сопоставлении с текстами фольклора других народов Северного Кавказа, ранее опубликованных в СМОМПК или в «Сборнике сведений о кавказских горцах»⁷⁰.

Следует заметить, что Л. Г. Лопатинский не всегда чётко дифференцирует публикуемые в СМОМПК фольклорные произведения по жанрам (что нередко встречалось в работах и других исследователей кавказского

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Чеченские тексты. Записаны Т. Эльдархановым // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип.: Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе и К. Козловского, 1901. Вып. XXIX. Отд. IV. С. 1–33.

⁷⁰ Лопатинский Л. Г. Предисловие (с мотивами сказок и указателями имен) // Там же. С. IV–IX.

фольклора в XIX веке). Так, Лопатинский называет «сказками» эпические тексты «Младший из шестидесяти сыновей» и «Отцовское наследство», правда, подчёркивая при этом, что они принадлежат «к богатырскому эпосу чеченцев»⁷¹.

В работах конца XIX века, посвящённых фольклору народов Кавказа, такой терминологический разнобой встречался часто: только в XX веке исследователи разных версий нартского эпоса стали, во-первых, чётко дифференцировать эпос и сказку и, во-вторых, говорить о контаминации эпических и сказочных сюжетов в нартских сказаниях в пределах одного текста.

Все тексты чеченского фольклора, напечатанные в XXIX выпуске СМОМПК, Л. Г. Лопатинский, как всегда, охарактеризовал в сопоставлении с аналогичными произведениями других народов Кавказа — балкарскими, карачаевскими, кабардинскими и осетинскими нартскими сказаниями, а также со сванетскими, русскими и даже с французской сказкой «Кот в сапогах».

Образцы чеченского фольклора только однажды были напечатаны в СМОМПК без чеченского оригинала. В 1903 году второй отдел XXXII выпуска этого издания составили сказки разных народов Северного Кавказа: балкарские («горских татар»), ингушские, кабардинские, русские («терских казаков»), греческие сказки и сказания, ингилойские сказки, картвельские, имеретинские и грузинские сказания об Амиране⁷². Чеченский сказочный эпос представлен текстами животных и бытовых сказок. Об исполнителях сказок, месте их записи никаких сведений не приводится — сообщаются только имена лиц, представивших тексты в редакцию СМОМПК. Это были Измаил-бей Магомед Мутушев (он записал сказки «У кого и на гору везет, а у другого и под гору не двигается» и «Долг платежом красен»), и писатель, журналист и фольклорист Е. З. Баранов (1869–1934), в начале XX века публиковавший в разных российских, в том числе кавказских, изданиях сказки и легенды разных народов Северного Кавказа⁷³ — он представил тексты сказок «Лисица и журавль», «Волк и баран», «Вор и князь», «Человек, у которого нет мозгов в голове».

Выше было упомянуто о судьбе материалов по фольклору народов Кавказа, не вошедших в изданные тома СМОМПК, — их перечень был опубликован⁷⁴. Общество обследования и изучения Азербайджана, в 1926 году приобретшее архив Л. Г. Лопатинского, уже с осени 1927 года приступило к подготовке издания этих материалов, которые и увидели свет в 1930 году. Но прежде было напечатано описание материалов по фольклору разных

⁷¹ Там же. С. IV.

⁷² [Сказки народов Кавказа] // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе и К. Козловского, 1903. Вып. XXXII. Отд. II. С. 55–71.

⁷³ Хаджиева Т. М. Е. З. Баранов и его публикации русского и кавказского фольклора в конце XIX — начале XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (78). Ч. 4. С. 54–57.

⁷⁴ Субханвердиханов А. Перечень и краткое изложение материалов по фольклору Азербайджана и прилегающих стран из наследия Л. Г. Лопатинского // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку: Тип. «Красный Восток», 1927. № 4. С. 223–241.

народов Северного Кавказа, составивших этот архив; в нём был приведён перечень текстов чеченских сказок и песен, не вошедших в готовящееся издание⁷⁵.

В разделе «Чеченские сказки и песни» приведены названия шести сказок («Сказка о мудром Зикре» (с подстрочным переводом), «Сказка о мыши и о воробье», «Сказка о семи братьях», «Мачеха и три её пасынка», «Золотая рыбка и княжеская дочь», «Младший сын хана и чудовище») и перечислены тексты чеченских песен: «Песня 1-я», «Песня 2-я», «Народные песни 1, 2, 3» и «Песни»⁷⁶.

В 1930 году Общество обследования и изучения Азербайджана выпустило в свет три тома издания «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран»⁷⁷. Они были напечатаны на пишущей машинке и, видимо, копированы. Нельзя не назвать чудом сам факт, что экземпляр этого издания сохранился в Российской государственной библиотеке (бывшая «Библиотека им. В. И. Ленина»).

В первом томе этого издания напечатаны в русском переводе: сказка «Мудрый Закир/Зирк. Сказка о богатом хане» (в сноске указано: «Чеченская сказка, записанная Т. Эльдархановым. Из материалов Л. Г. Лопатинского»)⁷⁸ и «О хане Гаммалте» (в сноске: «Чеченская сказка из собрания Л. Г. Лопатинского»)⁷⁹. Других сведений о публикуемых текстах не приводится.

В третьем томе того же издания опубликована «Сказка о трусливом сыне» (в сноске указано: «Чеченская сказка, записанная учителем Грозненской горской школы Таштемиром Эльдархановым. Из материалов Л. Г. Лопатинского»)⁸⁰. Здесь же напечатаны и «Чеченские песни» — тексты двух песен с примечанием в сноске: «Из материалов Л. Г. Лопатинского. В материалах имеется и чеченский подлинник.

Но, как было сказано выше, наряду с публикацией образцов чеченского фольклора в научных изданиях, а «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» — признанное *научное* издание материалов о разных сторонах жизни кавказских горцев — на рубеже XIX–XX вв. в российском обществе интерес к народам Кавказа был так велик, что пристальный интерес российской читающей публики вызывали и «популярные» издания и сочинений о народах Кавказа, и образцов кавказского фольклора.

Наглядное тому подтверждение — публикации уже упоминавшегося выше Н. С. Семёнова произведений чеченского фольклора, фиксацией которого он занимался на протяжении всех лет службы на Кавказе.

Материалы по фольклору чеченцев, зафиксированные Н. С. Семёновым, особенно важны ещё и потому, что эти публикации вызывают большое доверие у читателя не только уважительным тоном, с которым этот

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 229.

⁷⁷ Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Баку: Изд-во Азерб. госуд. научно-исслед. ин-та, 1930 / Под ред. проф. А. В. Багрия. Т. 1–3.

⁷⁸ Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Т. 1. С. 154–159.

⁷⁹ Там же. С. 159–165.

⁸⁰ Там же.

исследователь пишет о народе, среди которого прошла большая часть его жизни, но и очень ответственным отношением к его традициям, нравам, обычаям.

Из всех публикаций текстов чеченского фольклора, увидевших свет в российских научных изданиях в конце XIX — начале XX вв., собранная Н. С. Семёновым, пожалуй, самая обширна не только по объёму, но и по полноте представления жанров чеченского фольклора.

Начнём с краткой характеристики изданий Н. С. Семёнова по чеченскому фольклору. В 1882 году вышла из печати его первая книга — «Сказки и легенды чеченцев»⁸¹. Её составили тексты произведений чеченского фольклора, собранные автором на протяжении почти двух десятилетий и опубликованные в газете «Терские ведомости» в 1880 и 1881 гг.

Книга получила широкое признание читателей, и в 1895 году Н. С. Семёнов опубликовал свою вторую книгу, которую составили его работы, посвящённые не только чеченцам, но и кумыкам (им этот исследователь посвятил большое число публикаций), и ногайцам⁸².

В предисловии к изданию 1895 года автор сообщил, что из первого издания им были выбраны только некоторые тексты чеченского фольклора, «показавшиеся <...> более характерными в том или другом отношении»⁸³ и добавлена «Песня о юном Астемире», записанная им «...ещё в шестидесятых годах <XIX века> в чеченском ауле Атаги, но по разным причинам оставшаяся нигде не напечатанною»⁸⁴.

Одним из первых среди собирателей и исследователей чеченского фольклора Н. С. Семёнов рассказал, как он занимался фиксацией его образцов: «Легенды и сказки собирались и записывались мною без всякой системы, случайно, во время разъездов по чеченским селениям по разным надобностям. Само собою, разумеется, что многое из слышанного мною осталось вовсе не записанным — за недосугом, за неимением под рукою письменных принадлежностей, или потому, что записывание в присутствии рассказчика и слушателей-чеченцев оказывается делом неловким и способным возбудить недоумение или прямо неудовольствие»⁸⁵.

Последнее замечание автора выделим особо: оно — свидетельство большого уважения к народу, среди которого он жил и работал, к его традициям и обычаям.

Особое внимание Н. С. Семёнов уделил краткой характеристике сюжетного состава чеченских сказок; он выделил тексты на так называемые «международные» сюжеты, бытующие в фольклоре разных народов мира (исследователь называет русские, арабские, персидские и турецкие сказки)

⁸¹ Сказки и легенды чеченцев. Собраны и переведены Н. Семёновым. С предисловием и примечаниями собирателя. Владикавказ. В тип. Терск. обл. правления, 1882.

⁸² Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногаях и образцы поэзии этих народов). СПб.: Тип. А. Хомского и К^о, 1895.

⁸³ Там же. С. XI.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Семёнов Н. С. Образцы чеченских народных сказаний, сказок и песен // Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа... С. 103.

и одновременно — сказки и сказания, в основе которых — чеченские национальные сюжеты. Н.С. Семёнов отнёс к их числу «героические и волшебные сказки (не заимствованные), по всей вероятности, суть памятники прежних религиозных верований, фигурирующих теперь в сознании народа, как суеверие»⁸⁶. Если учесть, что приведённые наблюдения над сюжетным составом чеченских сказок были высказаны задолго до всестороннего исследования проблем сказки, получившего активное развитие только в начале XX столетия (а Н.С. Семёнов не был ни фольклористом, ни филологом), их надо признать поистине провидческими.

Ещё одно ценное наблюдение Н.С. Семёнова над чеченскими сказками — утверждение, что среди них есть тексты «общечеченские», а есть — «региональные», бытующие на территории отдельных чеченских «обществ»:

«Печатаемые героические сказки и легенды принадлежат ичкеринцам и неизвестны в плоскостной Чечне, где их заменяют другие. Остальные сказки не принадлежат ни одному обществу в отдельности, а рассказываются в разных местах Чечни, куда, надо полагать, они были занесены извне и где, окрашенные в местный колорит, приобрели право гражданства. Интерес этих сказок заключается именно в их окраске, в тех чертах быта чеченцев и в тех оттенках склада народного ума, которые естественно должны прибавляться сквозь фабулу рассказов»⁸⁷.

Далее Н.С. Семёнов переходит к совершенно недопустимой, с точки зрения не только лингвистов, характеристике чеченского языка, чтобы сказать о сложности передачи «поэтической фактуры» чеченских сказок средствами другого языка. Оправдать её можно только признанием, что Н.С. Семёнов знал чеченский язык (или стремился его изучить), пытался сам переводить тексты фольклора с чеченского языка на русский и стремился найти средства максимально адекватной передачи текстов чеченского фольклора на русском языке.

Наконец, Н.С. Семёнов, конечно, совершенно интуитивно охарактеризовал и одну из важных черт поэтики чеченских сказок — стабильность лексического состава традиционных формул или «общих мест» в сказках чеченцев: «Различные эпизоды, имеющие некоторое сходство между собою, он <исполнитель сказки> передаёт одними и теми же словами и оборотами, причем каждый эпизод рассказывает кратко, не заботясь и о связи рассказываемого с предыдущим и последующим»⁸⁸.

Охарактеризовав, таким образом, некоторые особенности поэтики чеченских сказок, Н.С. Семёнов сформулировал принципы их перевода на русский язык, которым он следовал: «...Фабулы сказок и легенд (сказаний) сохранены мною во всей неприкосновенности, характерные выражения рассказчиков, по возможности, переведены точно; только в сказках в некоторых случаях выпущены эпизоды, или, очевидно ненужные, или циничные»⁸⁹.

⁸⁶ Там же. С. 104.

⁸⁷ Там же. С. 104–105.

⁸⁸ Там же. С. 106.

⁸⁹ Там же. С. 106.

Такой подробной характеристики принципов сбора, подготовки к изданию, перевода на русский язык нам не встретилось ни в одной публикации произведений фольклора народов Кавказа в российских изданиях XIX — начала XX вв.

Н. С. Семёнов сгруппировал собранные им тексты в два раздела: «Сказания о великанах и великаншах и о богатырях» и «Сказки». Первый раздел составили пять сказаний: четыре — «о великанах и великаншах» (1-е — без названия, 2-е — «Колдуньи-великанши», 3-е — «Хорачоевское сказание», 4-е — «Ялхой-Мохское сказание»), и одно топонимическое («Сказание об образовании озера Эдень-ал»). Во второй раздел — «Сказки» — вошли «Сказка о трёх братьях», «Сказка о том, как ханский сын Шейх-Исмаил в погоне за одною обманщицей приобрёл себе трёх жен», «Сказка о том, как простой андиец Карнай, благодаря своей холопке Задай, женился на княжеской дочери», «Хитрый кадий» и «Песня о юном Астемире»⁹⁰.

Н. С. Семёнов чётко обозначил место бытования и записи этих текстов — Ичкерия, в некоторых случаях — аулы в Ичкерии («Хорачоевское сказание» — в ауле Хорачой, Ялхой-Мохское — в ауле Ялхой-Мохк, в Аухе, в ауле Атаги). Только одна — «Сказка о том, как простой андиец Карнай, благодаря своей холопке Задай, женился на княжеской дочери», была записана в Галгаевском обществе.

Имя исполнителя публикуемых текстов указано только однажды: отрывки из шуточной сказки про муллу Насыр-Эддина «были зафиксированы собирателем со слов жителя аула Дарго, в Ичкерии, Хаталиа»⁹¹.

Как видим, публикация Н. Семёнова занимает особое место в истории издания текстов чеченского фольклора во второй половине XIX века. По тщательности фиксации текстов, по точности передачи их в русском переводе она может быть поставлена в один ряд с научными изданиями образцов чеченского фольклора в трудах П. К. Услара и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Тексты чеченских сказок, включенных в книгу, опубликованные упоминавшимся выше Е. З. Барановым⁹², хотя и не отличаются такой ответственностью, с какой были подготовлены к изданию тексты Н. С. Семёнова, представляют интерес, прежде всего, для характеристики сюжетного состава чеченского сказочного эпоса, как и сказочные тексты, опубликованные В. Светловым⁹³. В начале XX века они с интересом были восприняты русскоязычным читателем, всегда относившимся к народам Кавказа, к их обычаям, нравам, традиционной культуре с большим интересом.

Произведения чеченского фольклора не только широко привлекались исследователями истории, этнографии, религиозных представлений, фольклора

⁹⁰ Семёнов Н. С. Образцы чеченских народных сказаний, сказок и песен // Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах и образцы поэзии этих народов. СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895. С. 103–160.

⁹¹ Там же. С. 147.

⁹² Баранов Е. <Чеченские сказки> // Баранов Е. Сказки кавказских горцев. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1913. С. 37–58; 169–191.

⁹³ Два мудрых совета. Чеченское сказание // Светлов В. Кавказские предания и легенды. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1895. С. 143–161.

чеченцев, но и публиковались в российских научных изданиях XIX — начала XX вв., причём на языке оригинала — одними из первых на Северном и Восточном Кавказе (напомним, что академик А. А. Шифнер издал образцы фольклора тушин уже в 1859 году). Публикации текстов фольклора чеченцев нередко сопровождалась хотя бы самой краткой характеристикой произведений того или иного жанра — преданий, похоронных причитаний, песен, сказок, нарт-эпоса, пословиц и поговорок, анекдотов. Только тексты чеченских героико-исторических песен — илли, напечатанные в русском переводе в сочинениях А. П. Ипполитова⁹⁴ и Н. С. Семёнова⁹⁵, на чеченском языке — в публикации образцов чеченского фольклора, изданной А. Н. Гренем⁹⁶ не получили даже самой краткой характеристики. Правда, Н. С. Семёнову принадлежит первое научное описание творческого акта исполнения илли об абреке Варе, преданном его другом⁹⁷. В этом описании детально и впечатляюще запечатлены все особенности традиционной манеры сказывания чеченскими певцами народной эпической поэмы, реакции слушателей на её содержание и роли её музыкального сопровождения.

К сожалению, это — единственная характеристика *только одной* — хотя и очень важной — составляющей бытования на рубеже XIX–XX вв. такого значительного жанра в жанровой системе чеченского фольклора, как поздний героический эпос — чеченские героико-исторические илли. И хотя их образцы — как и тексты других жанров чеченского фольклора, как говорилось выше, были зафиксированы и опубликованы ещё во второй половине XIX века, их *систематическая* публикация во всём объёме началась только в первой половине XX века⁹⁸, а всестороннее их исследование — ещё позже⁹⁹.

Во второй половине XX — начале XXI вв. жанр илли был основательно исследован и, наконец, занял своё место в истории чеченского фольклора¹⁰⁰.

⁹⁴ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах // Тифлис: Тип. Гл. Упр. Наместника Кавказского, 1868. Вып. I. С. 31–36.

⁹⁵ Семёнов Н. С. День в ауле (Рассказ) // Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах, образцы поэзии этих народов). СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895. С. 66–71.

⁹⁶ Грен А. Н. Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. XXII. Отд. III. С. 2–4.

⁹⁷ Н. С. Семёнов. День в ауле... С. 66–71.

⁹⁸ См.: *Нажаев А., Ибриев С.* «Нохчийн иллеш» (Чеченские илли). Грозный, 1926; *Нажаев А.* «Нохчийн иллеш, хабарш, кицанаш» (Чеченские илли, рассказы и пословицы). Владикавказ, 1927; «Нохчийн иллеш, эшарш» (Чеченские илли и лирические песни) / Сост. З. Джамалханов и С. Эльмурзаев. Грозный, 1959 и др.

⁹⁹ *Ошаев Х. Д.* К истории возникновения чеченских героико-исторических песен // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории и языка. Грозный, 1960. Т. I. Вып. 1. С. 81–94; *Мальсагов З. К.* Чеченский народный стих // Мальсагов З. К. Избранное. Пьесы и статьи. Предисловие В. Б. Корзуна. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 55–79; *Ваганов Я. С.* Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-исторических песнях // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и литературы. Грозный, 1968. Т. V. Вып. 3. Литературоведение. С. 95–116.

¹⁰⁰ Подробный перечень исследований, посвященных илли, см.: *Мунаев И.* Чеченские героико-исторические илли — поздний героический эпос // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2014. С. 94–113.

В истории записи, публикаций и изучения чеченского фольклора особое место занимает статья П. К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев».

Впервые она была напечатана в 1868 году в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах»¹⁰¹ — издания, где именно благодаря хлопотам этого учёного был создан постоянный «отдел» «Народные сказания кавказских горцев», перед издателями которого он многократно ходатайствовал о публикации произведений фольклора народов Кавказа не только в переводах на русский язык, но вместе с их оригиналами, и где он регулярно печатал свои работы.

Наконец, сам факт публикации статьи П. К. Услара, посвящённой фольклору кавказских горцев, как бы «открывал» его страницы для любителей и знатоков устной народной поэзии разных народов Кавказа.

В замечательной статье П. К. Услара¹⁰² разные жанры горского фольклора, в том числе чеченского, охарактеризованы в постоянном соотношении с историей создавших их народов, в сопоставлении с их нравами, обычаями, традициями, что позволило учёному охарактеризовать не только духовный мир горцев, но и их представления о чести и достоинстве человека, сформировавшегося в условиях неповторимо прекрасного, но такого непростого для жизни в горах Кавказа!

В заключение подчеркнём, что невозможно переоценить значение материалов по фольклору чеченского народа, опубликованных в российских научных изданиях XIX–XX вв. Они «с фотографической точностью» (как говорил о собственных записях горского фольклора П. К. Услар) зафиксировали жизнь, быт, нравы, традиционную культуру, наконец, характер этого самобытного и талантливого народа.

На протяжении XIX — начала XX вв. российские учёные много сделали и для изучения этнографии чеченцев.

Следует заметить, что самые первые, иногда совсем краткие, сведения о разных сторонах быта, нравов, обычаев чеченцев, ингушей, кистов содержатся в сочинениях европейских путешественников, с разными целями проезжавших через Кавказ ещё во второй половине XVIII века, и европейцев, находившихся на русской службе в конце XVIII — начале XIX вв., прежде всего, в Императорской Петербургской академии наук¹⁰³.

¹⁰¹ П. Услар. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1868. Вып. I. Отд. V. С. 1–42.

¹⁰² Первая републикация статьи П. К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» была представлена в книге: Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1888. Приложение III. С. 1–43.

¹⁰³ Краткий обзор этих работ см.: Берже А. П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879; Дубровин Н. Библиографический указатель источников... // Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. уделов, 1871. Т. I. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. III. Библиографический указатель источников к первым двум книгам: Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: 1-я Тип. Сахелгами, 1935; Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830. Тбилиси: Тип. «Заря Востока», 1946; Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. I. С. 265–374; То же // Там же, 1958. II. С. 139–274; То же // Там же, 1962. III. С. 158–281 и др.

Понятно, что, следуя по разным регионам Кавказа, иностранцы в первую очередь обращали внимание на нравы и обычаи народов Кавказа, сильно отличавшиеся от их собственных. Прежде всего, европейцев привлекал обычай гостеприимства у чеченцев, которому они строго следовали, как и другие народы Кавказа, и обычай кровной мести. Одним из первых их описал медик Якоб Рейнеггс (Reineggs Chistian-Rudolf Ehlich, 1744–1793)¹⁰⁴.

Особый интерес у европейцев вызывали также разные стороны семейной жизни чеченцев (брачные обычаи, многоженство, семейная жизнь — отношения мужа и жены, положение и обязанности женщины в семье, отношения родителей и детей). Их описания находим в работах естествоиспытателя и путешественника, академика Петербургской академии наук И.-А. Гюльденштедта (Güldenstedt Johann Anton, 1741–1781)¹⁰⁵, уже упоминавшегося Я. Рейнеггса, почётного члена Петербургской академии наук И. А. Потоцкого (Jan Potocki, 1761–1815)¹⁰⁶, академика Петербургской академии наук, естествоиспытателя и путешественника Петра Симона Палласа (Peter-Simon Pallas, 1741–1811)¹⁰⁷ и др.

Среди работ европейских авторов особо следует выделить описание путешествия в 1811 году по горам Кавказа члена-корреспондента Петербургской академии наук, профессора минералогии Морица Федоровича Энгельгардта (Engelgardt von-Moritz, 1779–1842) и тогда ещё студента, будущего члена-корреспондента Петербургской академии наук Иоганна Паррота (Parrot Johan-Jacob-Friedrich-Wilhelm von, 1791–1841), в котором они не только кратко описали чеченские обычаи гостеприимства и одаривания, взаимопомощи, правила общинного землепользования, но и привели переказ предания о воинственных женщинах, обитавших в горных пещерах¹⁰⁸.

Чеченским исследователям ещё предстоит подробно охарактеризовать работы европейских авторов, в которых уже описаны разные стороны жизни чеченского народа в конце XVIII — первой половине XIX вв.

Российские учёные обратились к систематическому изучению этнографии чеченцев только во второй половине XIX века, когда в России началось активное изучение этого края.

В посвящённых истории Чечни сочинениях российских авторов, составивших книгу «История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв.», освещается целый комплекс проблем этнографии Чечни. Это — этногенез и этническая история чеченцев, их расселение, материальная, духовная и бытовая культура, образующая этнический облик народа, особенности быта и нравов чеченцев, семьи и семейно-брачных

¹⁰⁴ *Reineggs Jacob*. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, hrsggb. von Friedrich Enoch Schröder, I, mit drei Kupfern. Gotha und SPb., 1786.

¹⁰⁵ *Güldenstädt I.-A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I–II. Hrsggb. von. P.-S. Pallas. SPb., 1787–1791; *Güldenstädt I.-A.* Beschreibung der Kaukasischen Länder. Berlin, 1834.

¹⁰⁶ *Voyage dans la Russie méridionale et dans les pays du Caucase*, par le comte J. Potocki. Paris, 1798 ; *Potocki J.* Voyage dans les steps d'Astracan et du Caucase. Hitoire primitive des peuples, qui ont habité anciennement ces contrées, I–II. Paris, 1829.

¹⁰⁷ *Bemerkungen auf einer Reise P.S. Pallas in die südlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren, 1793 und 1794.* SPb., 1799. V. I–II, 2.

¹⁰⁸ *Engelhardt v. Mor. und Parrot Fr., doct. med.* Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin, 1815. V. I–II.

отношений, социальная организация и культурно-исторические взаимоотношения чеченцев с ближайшими соседями.

Эту задачу удалось успешно выполнить во всём объёме Н. Ф. Дубровину. В его сочинении «Чеченцы (Нахче)» с исчерпывающей полнотой охарактеризованы все или почти все названные выше проблемы чеченской этнографии¹⁰⁹.

Другие авторы, исследовавшие проблемы чеченской этнографии, как правило, описывают только некоторые из них. Так, А. П. Берже в своей работе «Чечня и чеченцы» лаконично охарактеризовал занятия чеченцев земледелием, скотоводством и меновой торговлей и их семейные отношения (обряд сватовства, отношение мужа к жене и детям, право наследства, духовное завещание и опека). Специальное внимание он уделил описанию адата и шариата, права канлы или кровомщения¹¹⁰.

В сочинении А. П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа» даётся первое описание брачного и похоронного обрядов чеченцев, проживающих в одном из округов Чечни¹¹¹. Первый охарактеризован особенно подробно — причём не только обряд, совершаемый по согласию родственников невесты, но и с «похищением» её, а также обычай «засватывать своих дочерей в малолетстве». Менее детально описан похоронный обряд¹¹².

Особенности свадебного обряда у низовых чеченцев и у представителей Галгаевского общества кратко описаны в статье П. И. Головинского «Заметки о Чечне и чеченцах»¹¹³.

Исследования, посвящённые разным проблемам чеченской этнографии, опубликованные в российских научных изданиях во второй половине XIX в., существенно дополняют её характеристику. Они написаны в разных жанрах — и «почти документальной фиксации» сведений об обычном праве чеченцев, и в жанре путевых очерков, в которых рассказ о путешествии по разным районам Чечни включает достаточно подробные сведения о нравах, обычаях, традициях, наконец, устной народной поэзии чеченского народа.

Особое место здесь занимает исследование «Адаты чеченцев (нахче)», опубликованное в 1883 году известным российским исследователем древнего славянского, русского и в особенности литовско-русского права, а также права российских «инородцев», доктором права, ординарным профессором Новороссийского университета Ф. И. Леонтовичем (1833–1911)¹¹⁴.

¹⁰⁹ Дубровин Н. Чеченцы (Нахче) // Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. I. Кавказ. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 367–496.

¹¹⁰ Берже А. П. Чечня и чеченцы. Соч. А. П. Берже, Правителя дел Кавказского Отдела Имп. Рус. Геогр. Об-ва. Тифлис, 1859.

¹¹¹ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. Упр. Наместника Кавказского, 1868. Вып. I. С. 7–12.

¹¹² Там же. С. 12–15.

¹¹³ Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах: 1. Чеченцы. Из записок П. И. Головинского // Сборник сведений о Терской обл. Изд. Терского Обл. Стат. Комитета под ред. и. д. Секретаря комитета, Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терск. обл. правления, 1878. Вып. I. С. 241–261.

¹¹⁴ Тарановский Ф. В. Ф. И. Леонтович. Библиографический и научно-литературный очерк // Юридические записки, изд. Демидовским юрид. лицеем. Ярославль, 1911. Вып. I. С. 139–153.

«Адаты чеченцев» — только часть материалов по обычному праву — адатам народов Северного Кавказа, изданных Ф. И. Леонтовичем, имеющих непростую историю их фиксации и изучения представителями российской науки в XIX веке.

Эту историю очень подробно воссоздал проф. М. О. Косвен¹¹⁵, справедливо подчеркнувший, что запись и изучение адатов кавказских горцев были вызваны «...прямой необходимостью применяться к местному, обычному праву»¹¹⁶, что позволило почти с документальной точностью зафиксировать в первой половине XIX века адаты чеченцев и ингушей, кумыков, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев, осетин, адыгейцев, кумыков.

Все эти материалы хранились в Ставропольском статистическом комитете; незначительная их часть была издана или привлекалась авторами некоторых публикаций, посвящённых горцам Северного Кавказа.

«В начале 80-х годов <XIX века> секретарь Ставропольского Статистического комитета И. В. Бентковский принёс в дар Одесскому (Новороссийскому) университету рукописное собрание записей кавказских адатов в виде двух объёмистых томов, в которых, в числе прочих, содержались все <перечисленные выше> сборники»¹¹⁷.

Такой поступок И. В. Бентковского (1812–1890), прекрасно знавшего Кавказ сначала по военной службе здесь с 1836 по 1848 гг., а затем по работе с 1860 г. в Ставропольском Статистическом комитете, и бывшего известным краеведом, публицистом, этнографом, опубликовавшим ряд работ о народах Кавказа¹¹⁸, легко объяснить не только традицией российских учёных щедро делиться с коллегами разными материалами¹¹⁹, но и его осведомлённостью о том, что в Новороссийском университете работает такой известный исследователь права разных народов, как профессор Ф. И. Леонтович, который, возможно, ими заинтересуется. Так и случилось: Ф. И. Леонтович полностью опубликовал их в 1882–1883 гг.¹²⁰.

«Адаты чеченцев»¹²¹ — это публикация сборника, входившего в вышеупомянутую коллекцию, переданную И. В. Бентковским Новороссийскому уни-

¹¹⁵ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. I. С. 340–345.

¹¹⁶ Там же. С. 340.

¹¹⁷ Косвен М. О. Указ. соч. С. 342–343.

¹¹⁸ Косвен М. О. <Бентковский И. В.> / Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. I // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во «Наука», 1955. С. 342.

¹¹⁹ В истории российского кавказоведения примеры щедрого обмена российских учёных собранными ими материалами с их отечественными и европейскими коллегами в XIX веке многочисленны, и они уже приводились выше. Ещё один из них — о том, как акад. В. Ф. Миллер познакомил с собранными им сведениями по истории осетин М. М. Ковалевского, а по осетинскому языку — немецкого лингвиста Г. Гюбшмана; все трое опубликовали свои исследования об осетинах, за которые В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский были удостоены Большой Золотой медали Русского географического общества — приведён в книге: В. Ф. Миллер. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования. М.: Наука, 2008. С. 41.

¹²⁰ Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Ф. И. Леонтовича, орд. проф. Имп. Новоросс. ун-та. Одесса: Тип. П. А. Зеленого (Б. Г. Ульриха), 1882. Т. 34, изд. под ред. орд. проф. А. А. Кочубинского. С. 1–32; То же (продолжение) // Там же. Т. 36–38.

¹²¹ [Леонтович Ф. И.] Адаты чеченцев // Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Ф. И. Леонтовича, орд. проф. Имп. Новоросс. ун-та. Вып. второй. Адаты осетин, чеченцев и кумыков. — Свод адатов горцев Северного Кавказа // Записки Имп. Новоросс. ун-та. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1883. Т. 38, изд. под ред. орд. проф. А. А. Кочубинского. С. 78–147.

верситету — «Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введённого Шамилем». 1843 г. Составлено капитаном Генерального штаба <В. И.> Голенищевым-Кутузовым».

«Автор этого “Описания...” Василий Иванович Голенищев-Кутузов лейб-гвардии Семёновского полка, окончил Военную академию в 1834 году; с 1836 по 1846 и служил по Генеральному штабу на Кавказе; в 1846 г., в чине полковника уволен по болезни»¹²².

Как видим, Ф.И. Леонтовичу принадлежит честь *первой публикации* бесценных материалов по обычному праву чеченцев, но материалы по чеченскому адату были зафиксированы другим человеком — В.И. Голенищевым-Кутузовым. Значение подготовленного им сборника чеченских адатов невозможно переоценить, поскольку, как справедливо заметил М. О. Косвен, его содержание «...значительно выходит за рамки не только официальной программы <описания адатов кавказских горцев>, но и темы адата, и представляет собой весьма разносторонний общетнографический очерк <...>». “Описание” Голенищева-Кутузова должно занять особое место в истории этнографического изучения Кавказа, — скажем больше, в истории русской общественной науки, — потому что мы находим здесь следующую замечательную и с точки зрения историографической, и с точки зрения конкретно этнографической, и, наконец, в плане теоретическом характеристику общественных отношений одного из горских народов Кавказа»¹²³ — чеченцев.

Материалы по обычному праву чеченцев, собранные В.И. Голенищевым-Кутузовым в первой половине XIX века, дополняют «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» будущего этнографа, историка и археолога Н.Н. Харузина (1865–1900) — в 1886 году студента юридического факультета, успешно окончившего первый курс¹²⁴ и включённого в экспедицию В.Ф. Миллера по Северному Кавказу, начавшуюся с Чечни¹²⁵, как «доброволец-помощник». Материалы по этнографии Чечни, собранные Харузиным в ходе работы в этой экспедиции, вошли в сочинения молодого учёного о чеченцах, ингушах и осетинах, опубликованные уже в 1888 году»¹²⁶.

Проблемы этнографии чеченцев исследуются в двух из них: «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» и «По горам Северного Кавказа. Путевые очерки».

В самом начале «Заметок о юридическом быте чеченцев и ингушей» будущий юрист Н.Н. Харузин сообщил, что приводимые им сведения собраны

¹²² Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955, I. С. 343.

¹²³ Косвен М. О. Указ. соч. С. 343.

¹²⁴ Миллер Всеv. Николай Николаевич Харузин // Этнографическое обозрение. М., 1900. Кн. 45. С. 2.

¹²⁵ Републикацию работы В.Ф. Миллера «Археологические наблюдения в области чеченцев» см.: История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. Сборник материалов. М.: Литера, 2020. С. 545–598.

¹²⁶ Харузин Н. Археологические экскурсии в Чечню и Осетию // Терские ведомости. 1886. № 62, 64, 66; Харузин Н. Н. О юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В.Ф. Миллера. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888. С. 115–142; Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1888. Октябрь. Кн. X. С. 483–512.

«...в чеченских обществах: Нашхойском, Галанчоджском и ингушских: Хамхинском, Цоринском и Метцхальском»¹²⁷ и подчеркнул, что «ингуши и чеченцы — два племени, не только соседские друг с другом, но и связанные между собой единством происхождения. <...> Родство обоих племён выражается не только в языке, но и в обычаях, обрядах, религиозных верованиях и т.д., которые почти тождественны у чеченцев и ингушей, если не брать некоторые частности, которыми нередко отличаются обряды не только разных аулов, но даже одного и того же селения»¹²⁸.

На протяжении всей работы Н.Н. Харузин последовательно выделяет «...подмеченные различия в частностях у обоих народов»¹²⁹, которых, кстати сказать, не так много.

В небольшой по объёму работе Н.Н. Харузин кратко, но чётко охарактеризовал круг адатов чеченцев и ингушей, определяющих специфику их социальной организации (особенно подробно — пути установления родства), семейно-брачные отношения (роль отца в семье, положение женщины — главной рабочей силы в ней, брачные обычаи и обряды, отношения мужа и жены, развод, право наследования), формы владения землей, лесами, пастбищами, решение различных тяжб и споров по адату и шарияту.

При освещении каждой из этих проблем Н.Н. Харузин обращается к работам А.П. Берже, У. Лаудаева, А.П. Ипполитова, Н.Ф. Грабовского, Н.Ф. Дубровина, Ф.И. Леонтовича.

Завершая свои «Заметки...», Н.Н. Харузин ещё раз подчеркнул «локальный» характер собранных им адатов, которые «...не могут быть приняты за адаты, существующие неизменно у всех чеченцев и ингушей, так как <...> не только каждое общество, но почти каждый аул налагает на адаты свой собственный местный отпечаток, заставляющий их в большей или меньшей степени разниться друг от друга»¹³⁰.

В «Приложении» к статье Н.Н. Харузина «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» в «Сборнике материалов по этнографии, издаваемом при Дашковском Этнографическом музее», была напечатана статья члена Географического отделения Общества любителей естествознания, археологии и этнографии В.Н. Акимова¹³¹ «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей»¹³². Редакция представила её как «дополнение» к статье Н.Н. Харузина «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей».

Эта небольшая по объёму статья содержит лаконичное и вместе с тем исчерпывающее описание всех этапов свадебного обряда чеченцев и ингушей

¹²⁷ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском Этнографическом музее... С. 115.

¹²⁸ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 115–116.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 142.

¹³¹ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. III. С. 174.

¹³² Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей. Записанные В.Н. Акимовым // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском Этнографическом музее / Под ред. В.Ф. Миллера. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888. С. 143–149.

в российской научной печати XIX — начала XX вв., где каждый из авторов, писавших о Чечне, чьи сочинения представлены в книге «История Чечни в российских научных изданиях»¹³³ и в данной книге, приводят разнообразную информацию о свадебных обычаях и обрядах чеченцев.

В.Н. Акимов не дифференцирует свадебные ритуалы двух народов, а представляет их как общие; в том случае, когда у одного из них существуют особые обычаи или обряды, они характеризуются особо: «ингуши иногда просватывают малолетних детей»¹³⁴, «существует у чеченцев обычай, по которому можно получить девушку с согласия ее брата»¹³⁵.

Но такие примеры в статье редки.

В.Н. Акимову удалось описать все этапы свадебного обряда — выбор невесты (социальный статус её семьи, вероисповедание, степень родства с семьёй жениха), согласие девушки на брак, похищение невесты, время проведения свадеб, калым, приданое невесты, её подарки жениху и членам его семьи, подарки жениха родственникам невесты, сватовство и заключение брака у муллы, привоз невесты в дом жениха, угощение в доме жениха, поведение молодых по отношению к родственникам мужа и жены, вступление молодой в новую семью.

Наряду с максимально точной, почти «документальной» публикацией материалов по чеченской этнографии, как сборник В.И. Голенищева-Кутузова, дополненной «Заметками о юридическом быте чеченцев и ингушей» Н.Н. Харузина, проблемы чеченской этнографии освещаются в контексте рассказа о путешествии их авторов по разным районам Чечни во второй половине XIX века. Это — путевые очерки того же Н.Н. Харузина «По горам Северного Кавказа»¹³⁶ и А.Е. Россиковой «Путешествие по Центральной части Горной Чечни»¹³⁷.

Их объединяет не только основательное знание их авторами работ, посвящённых чеченскому народу, но и стремление дополнить сведения, приводимые предшественниками, новыми материалами, собранными во время непосредственного общения с чеченцами, и максимально подробно описать их быт, нравы и обычаи в их конкретных проявлениях, с которыми они познакомились в процессе встреч с представителями разных слоев населения — от старшины аула до проводника, знающего все тропы в горах, где преимущественно проходили пути этих исследователей Чечни.

Как правило, оказывалось, что каждому из авторов этих путевых очерков удалось собрать и поведать читателю гораздо больше сведений о чеченском народе, чем он планировал. Так, начиная рассказ о своем путешествии по горам Кавказа, Н.Н. Харузин подчеркнул: «Главная цель

¹³³ Там же. С. 143.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 144.

¹³⁶ Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1888. Октябрь. Кн. X. С. 482–512.

¹³⁷ Россикова А. Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис: Тип. Грузинского издательского товарищества, 1896. Кн. XVIII. С. 139–228.

“очерков” — познакомить читателя с характером местности и природы в глубине гор, куда почти не проникали туристы, и представить в общих чертах характер и воззрения народов, с которыми читателю, даже бывавшему на Кавказе, приходилось сталкиваться лишь мимоходом»¹³⁸.

Читатель путевых очерков Н. Н. Харузина найдёт в них многочисленные описания красот «местности и природы» Чечни — и очень подробные и поэтичные, и лаконичные¹³⁹. В совокупности же они характеризуют не только удивительную природу Кавказа, не только сложности пути, которые приходилось преодолевать исследователям, но прежде всего — трудность жизни в этих условиях жителей Чечни, которые научились достойно жить в непростых природных условиях. Об этом свидетельствуют и описания чеченских аулов (например, аула Галантчоуж), и домов чеченцев, расположившихся рядом с остатками старинных башен, и их обычаев и традиций — почитания домашнего очага и очажной цепи, обычая взаимопомощи односельчанам при возведении ими дома и, конечно же, обычая гостеприимства, священного для любого горца. Его Н. Н. Харузин описал особенно детально — от встречи прибывших в аул членов экспедиции во дворе старшины до их торжественных проводов, когда весь аул высыпал провожать путешественников, «...а лошадь проф. <Миллера> взяли под уздцы несколько женщин, одетых в праздничные яркого цвета платья, и свели её с ближайшей горы за пределы аула»¹⁴⁰ — что было проявлением глубочайшего уважения к гостям.

Наряду с учёными мужчинами в конце XIX века по Кавказу путешествовали и учёные дамы. Подтверждение тому — путевые очерки председателя Императорского Московского археологического общества графини П. С. Уваровой, обследовавшей в течение ряда лет многие районы Северного Кавказа и Закавказья¹⁴¹, и путевые очерки А. Е. Роскиковой, прошедшей пешком значительную территорию — Центральную часть Горной Чечни¹⁴².

Об авторе очерка «По центральной части Горной Чечни» А. Е. Роскиковой известно немного: даже такой ответственный и кропотливый исследователь этнографического изучения Кавказа в русской этнографической науке, как проф. М. О. Косвен, смог сообщить только: «А. Е. Роскикова в 90-х годах <XIX в.> проживала во Владикавказе и сотрудничала с “Терскими ведедомостями” по вопросам школьного дела... Иных сведений об этом авторе

¹³⁸ Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1888. Октябрь. Кн. X. С. 482.

¹³⁹ Там же. С. 488, 503 и др.

¹⁴⁰ Там же. С. 512.

¹⁴¹ Кавказ. Путевые заметки Гр. Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887; Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. М.: Высоч. утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон. М., 1891, ч. II; Кавказ. Рача, Горийский уезд, Горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. Путевые заметки Гр. Уваровой с 18 табл. М.: Тип. Об-ва распростр. полезных книг, аренд. В. И. Вороновым, 1904, ч. III. Путевые очерки П. С. Уваровой, давно ставшие практически недоступными и для читателей, и для исследователей, были впервые переизданы в 2017 году: Алиева А. И. «Отреценненные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX — начала XX вв. Кавказоведческое наследие А. С. и П. С. Уваровых. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 192–797.

¹⁴² Роскикова А. Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки Кавказского отдела Импер. Рус. Геогр. Об-ва. Тифлис: Тип. Груз. издат. товарищества, 1896. Кн. XVIII. С. 139–228.

не найдено»¹⁴³, и назвать ещё две её работы, также описывающие её «учёные экскурсии»¹⁴⁴.

Впрочем, читатель, внимательно прочитавший путевые очерки этой неутомимой путешественницы, составит по ним достаточно полное представление об этой женщине, которая отправилась в путь, хорошо подготовившись — тщательно изучив всё, что было опубликовано о Чечне — вплоть до новейших работ сотрудников Московского археологического общества, изданных в 1888 году, т.е. незадолго до ее экспедиции.

Опираясь на работы предшественников, А. Е. Россикова задалась целью «...поделиться впечатлениями и наблюдениями, добытыми путем *личного знакомства* со страной и народом в его обыденной, будничной обстановке»¹⁴⁵. И она успешно её выполнила.

А. Е. Россикова и её спутники (к сожалению, их имена не названы — возможно, она путешествовала в сопровождении только проводников-чеченцев) прошли пешком огромную территорию: «...из укрепления Ведено по Веденскому плато, Хорочоевскому ущелью мы рассчитывали проехать на дрогах до озера Кезеной-ам; от озера Кезеной-ам начать путешествие пешком по Верхнему Чаберлою через селения Кезеной, Макажой, Буни, Босхой и перевал Хиндой-лам в селение Кери; из Кери по Шаро-Аргуну через селения Химой, Шарой, Киселой и по ущелью Харгабе-ахк к ледникам горы Дыкclos-мта и Донос-мта (по-чеченски — Харгабе-лам); от истоков реки Харгабе-ахк через селения Холундой и Киселой — к истокам реки Шаро-Аргун в селение Сантухой; из Сантухой — в истоки речки Хорочой-ахк и ущельям речки Чанты-Аргун в укрепление Евдокимовское, которым, собственно, и закончилось наше пешее путешествие по Горной Чечне».

Е. А. Россикова не только успешно прошла пешком этот край, но и впечатляюще описала и красоты кавказской природы, и трудности дорог в горах Чечни, которые приходилось преодолевать на пути к каждому чеченскому селению, где она побывала и о котором достаточно подробно поведала читателю¹⁴⁶. Как и Н. Н. Харузин, А. Е. Россикова органично сочетает описание трудностей жизни в горах Чечни с постоянным и искренним восхищением красотой этих суровых для жизни человека мест.

Но основное внимание она уделила рассказу о нравах и обычаях чеченцев. Особо следует выделить её описание гостеприимства этого народа, причём в разных его проявлениях: в отношении к путешественникам проводников и старика-старшины, который не сел на коня, а шёл вместе с ними пешком по дну глубокого ущелья, потому что встреченные им гости шли пешком; как, узнав от пастухов о приближении к аулу Кери путешественников, его старшина ночью организовал почётную встречу в лесной

¹⁴³ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской этнографической науке. III // Кавказский этнографический сборник. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. III. С. 210.

¹⁴⁴ Россикова А. Е. В горах и ущельях Куртатии и истоков реки Терека (из путевых воспоминаний о Горной Осетии // ЗКОИРГО, 16, 1894 <...> Нам известна ещё статья того же автора «По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса // Русский вестник. 1902. № 8, 10. См.: Косвен М. О. Там же.

¹⁴⁵ Россикова А. Путешествие по центральной части Горной Чечни... С. 141–142.

¹⁴⁶ Россикова А. Путешествие по центральной части Горной Чечни... С. 142, 188.

чаще, осветив им дорогу; когда путешественники покидали аул, через все наиболее значительные потоки были сделаны для них переправы из камней, а при отъезде из каждого аула им устраивали щедрые проводы¹⁴⁷.

На всем протяжении своего рассказа о путешествии по Горной Чечне А. Е. Роскикова постоянно ссылается на произведения разных жанров чеченского фольклора, а в заключение приводит несколько чеченских сказок, басен, анекдотов в русском переводе (или пересказе), к сожалению, не упомянув ни об их исполнителях, ни о месте их записи¹⁴⁸. Впрочем, в XIX веке публикации записей текстов фольклора народов Кавказа сопровождались такими данными чрезвычайно редко.

В отличие от Н. Н. Харузина и А. Е. Роскиковой, описавших свои путешествия по разным районам Чечни, автор рассказа «День в ауле» Н. С. Семёнов локализовал своё повествование в пределах одного аула, куда он прибыл по делам службы и должен был встретиться с целым рядом людей разного социального положения, разных судеб и характеров.

Рассказ о каждой из встреч с аульчанами сопровождает описание какого-нибудь обычая чеченцев: при приближении рассказчика к аулу «женщины, ещё далеко до встречи, сворачивают с дороги и идут сторонкой, а поравнявшись, останавливаются и поворачиваются к нам спиной — так требует обычай»¹⁴⁹; на предложение автора рассказа чеченцу-переводчику «махнуть рысью до аула» тот отвечает: «Вот кто-то навстречу едет — неловко так <...> при встречах следует шагом»¹⁵⁰.

Чтобы даже просто перечислить все чеченские обычаи, которые Н. С. Семёнов описывает в своем рассказе более или менее подробно, нам придется пересказать весь рассказ «День в ауле», в котором буквально каждый эпизод сопровождает ссылка на тот или иной обычай: встречи гостя во дворе старшины, отношения к старшим, поведения за праздничным столом и после завершения трапезы и многих других.

В целом же их описания в рассказе «День в ауле» характеризуют чеченцев как народ, свято соблюдающий все обычаи предков, прежде всего — гостеприимства с выполнением всех входящих в него ритуалов (вплоть до отказа хозяина от предложенной гостями платы за ночлег и угощение).

Многие авторы, писавшие в XIX веке о Чечне, упоминали о том, что чеченская женщина была главной работницей семье, в обязанности которой входило выполнение самых тяжёлых работ в доме, во дворе, в поле. Только Н. С. Семёнов подчеркнул, что её жизнь в семье нередко осложнялась ещё и необходимостью делить внимание мужа с другими его женами, которых он, как мусульманин, мог иметь несколько.

Как видим, на первый взгляд разрозненные сведения о материальной, духовной и бытовой культуре чеченцев, которые содержат работы авторов,

¹⁴⁷ Там же. С. 198.

¹⁴⁸ Там же. С. 213–228.

¹⁴⁹ Семёнов Н. День в ауле (рассказ) // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах, образцы поэзии этих народов). Спб.: Тип. А. Хомского и Ко, 1895. С. 3–72.

¹⁵⁰ Там же. С. 4.

писавших о чеченском народе в XIX веке, складываются в удивительную яркую мозаику, наглядно характеризующую лучшие черты этого народа, бережно пронесшего и сохранившего на протяжении тысячелетий лучшие традиции, созданные его предками, многим из которых они строго следуют и сегодня.

***

На протяжении XIX — начала XX вв. российскими учёными (в том числе и представителями чеченского народа) были зафиксированы и опубликованы бесценные материалы по истории, этнографии, фольклору чеченцев, очень точно характеризующие быт, нравы, традиционную культуру этого одного из древнейших автохтонных народов Восточного Кавказа. Их републикация в двух книгах, изданных в 2020 г.¹⁵¹, не только заново вводит их в научный оборот, но и позволяет новому поколению чеченцев во всем объёме познакомиться с традициями, созданными предками, и сохранить лучшие из них для следующих поколений.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.015

Список литературы

Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Ф.И. Леонтовича, орд. проф. Имп. Новоросс. ун-та. Одесса: Тип. П. А. Зеленого (Б.Г. Ульриха), 1882. Т. 34, изд. под ред. орд. проф. А. А. Кочубинского. С. 1–32.

Алиева А.И. «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX — начала XX вв. Кавказоведческое наследие А. С. и П. С. Уваровых. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 192–797.

Археологические наблюдения в области чеченцев. Всев. Миллера // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. Вып. I. С. 1–42. Репринт этой работы В.Ф. Миллера см.: История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. М., 2020. С. 545–598.

Баранов Е. <Чеченские сказки> // Баранов Е. Сказки кавказских горцев. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1913. С. 37–58; 169–191.

Берже А.П. Чечня и чеченцы. Сочинение А.П. Берже, Правителя дел Кавказского Отд. Имп. Рус. Геогр. об-ва. Тифлис, 1859.

Библиографическая заметка // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: Тип. Канц. Главн. нач. гражд. частию на Кавказе, 1887. Т. IX. № 2. Приложение.

Ваганов Я.С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-исторических песнях // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и литературы. Грозный, 1968. Т. V. Вып. 3. Литературоведение. С. 95–116.

Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах: 1. Чеченцы. Из записок П.И. Головинского // Сборник сведений о Терской обл. Изд. Терского Обл. Стат. Комитета

¹⁵¹ История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. / Сост., комм. А.И. Алиевой. Отв. ред. Я.З. Ахмадов. М.: Литрес, 2020; Фольклор и этнография Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. / Сост., в. ст., иссл. А.И. Алиевой, И.Б. Мунаева. Отв. ред. Я.З. Ахмадов. М.: Литрес, 2020.

под ред. и. д. Секретаря комитета, Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терск. обл. правления, 1878. Вып. I.

Грен А. Н. Чеченские тексты, записанные и переведённые под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. XXII. Отд. III.

Дамения И. Х. Россия и Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX — начале XX вв. СПб., 1994.

Данилов А. В., Фоменко Р. А. Исследователь Алексей Ник. Грен и его археологические разведки и раскопки на Кавказских Минеральных водах в 1902 г. // Археология и этнология Сев. Кавказа. 2015. № 4. С. 46–63.

Два мудрых совета. Чеченское сказание // Светлов В. Кавказские предания и легенды. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1895. С. 143–161.

Дубровин Н. Чеченцы (Нахче) // Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. I. Кавказ. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 367–496.

Жеребцов И. Л., Попов А. А. Грен А. Н. и Общество изучения Коми края // Материалы к III Международным Иналиповским чтениям (Сухум, 4–6 окт. 2016 г.). Сыктывкар, 2016. В этой работе кратко охарактеризован вклад А. Н. Грена в изучение разных народов Кавказа.

Загурский Л. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1881. Вып. X.

Загурский Л. П. // Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. III.

История Чечни в российских научных изданиях второй половины XIX — начала XX вв. / Сост., комм. А. И. Алиевой; отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Литрес, 2020.

Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1868. Вып. I.

Кавказ. Путевые заметки Гр. Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887.

Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. М.: Высоч. утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон. М., 1891, ч. II.

Кавказ. Рача, Горийский уезд, Горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. Путевые заметки Гр. Уваровой с 18 табл. М.: Тип. Об-ва распростр. полезных книг, аренд. В. И. Вороновым, 1904, ч. III.

Косвен М. О. <Бентковский И. В.> / Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. I // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во «Наука», 1955.

Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. III.

Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. I.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. С. 1–62.

[Леонтович Ф. И.] Адагы чеченцев // Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Ф. И. Леонтовича, орд. проф. Имп. Новоросс. ун-та. Вып. второй. Адагы осетин, чеченцев и кумыков. — Свод адатов горцев Северного Кавказа // Записки Имп. Новоросс. ун-та.

Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1883. Т. 38, изд. под ред. орд. проф. А. А. Кочубинского. С. 78–147.

Лопатинский Л. Заметка // СМОМПК. Вып. XXVIII. Отд. IV.

Лопатинский Л. Г. Предисловие (с мотивами сказок и указателями имен) // СМОМПК. Вып. XXVIII. Отд. IV.

Магомедов А. Г. О первом чеченском букваре // Чечен инфо. Мультипортал о Чеченской республике. Библиотека. Проза. Поэзия.

Магомедов А. А. Петр Карлович Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1975.

Мальсагов З. К. Чеченский народный стих // Мальсагов З. К. Избранное. Пьесы и статьи. Предисловие В. Б. Корзуна. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 55–79.

Миллер Всеv. Николай Николаевич Харузин // Этнографическое обозрение. М., 1900. Кн. 45.

Мунаев И. Чеченские героико-исторические илли — поздний героический эпос // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2014. С. 94–113.

Ошаев Х. Д. К истории возникновения чеченских героико-исторических песен // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории и языка. Грозный, 1960. Т. I. Вып. 1. С. 81–94.

Россикова А. Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис: Тип. Грузинского издательского товарищества, 1896. Кн. XVIII. С. 139–228.

Россикова А. Е. В горах и ущельях Куртатии и истоков реки Терека (из путевых воспоминаний о Горной Осетии // ЗКОИРГО, 16, 1894 <...> Нам известна ещё статья того же автора «По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса // Русский вестник. 1902. № 8, 10.

Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей. Записанные В. Н. Акимовым // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском Этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 143–149.

Сванетские тексты. Собрал А. Н. Грен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе, 1890. Вып. XXII. Отд. II. С. 76–160.

Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах и образцы поэзии этих народов). СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895.

Семёнов Н. С. День в ауле (Рассказ) // Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах, образцы поэзии этих народцев). СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895. С. 66–71.

Семёнов Н. С. Образцы чеченских народных сказаний, сказок и песен // Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах и образцы поэзии этих народов. СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895.

[Сказки народов Кавказа] // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе и К. Козловского, 1903. Вып. XXXII. Отд. II. С. 55–71.

Сказки и легенды чеченцев. Собранные и переведены Н. Семёновым. С предисловием и примечаниями собирателя. Владикавказ. В тип. Терск. обл. правления, 1882.

Субханвердиханов А. Перечень и краткое изложение материалов по фольклору Азербайджана и прилегающих стран из наследия Л. Г. Лопатинского // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку: Тип. «Красный Восток», 1927. № 4. С. 223–241.

Тарановский Ф. В. Леонтович Ф. И. Библиографический и научно-литературный очерк // Юридические записки, изд. Демидовским юрид. лицеем. Ярославль, 1911. Вып. I. С. 139–153.

Услар П. К. Письма П. К. Услара (1857–1872 гг.) // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 21–22.

Услар П. К. Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру // Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногонач. гражд. частию на Кавказе, 1890.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1887.

Услар П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, 1868. Вып. I. Отд. V. С. 1–42.

Услар П. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В Тип. Гл. Упр. Наместника Кавказского, 1870. Вып. 3. С. 24.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Баку: Изд-во Азерб. госуд. научно-исслед. ин-та, 1930 / Под ред. проф. А. В. Багрия. Т. 1–3.

Фольклор и этнография Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. / Сост., в. ст., иссл. А. И. Алиевой, И. Б. Мунаева. Отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Литрес, 2020.

Хаджиева Т. М. Е. З. Баранов и его публикации русского и кавказского фольклора в конце XIX — начале XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (78). Ч. 4. С. 54–57.

Характеристика тушинского языка (Извлечение из рассуждения академика А. Шифнера, проверенное и дополненное примечаниями по указаниям местных знатоков тушинского наречия) // Кавказ. 1855. № 12.

Харузин Н. Археологические экскурсии в Чечню и Осетию // Терские ведомости. 1886. № 62, 64, 66;

Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1888. Октябрь. Кн. X.

Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 115.

Харузин Н. Н. О юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 115–142.

Цискаров И. Дикло и Шанако // Кавказ. 1846. № 27.

Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 7, 8, 10–13.

Цискаров И. Лозы любви // Журна. Закавказский альманах. Изд. Е. А. Вердеревского. Тифлис: В Тип. Канц. Наместника Кавказского, 1855. С. 155–174.

Цискаров И. Тушинские песни // Кавказ. 1848. № 48.

Чеченские тексты, записанные Т. Эльдархановым // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе, К. Козловского, 1900. Вып. XXVIII. Отд. IV. С. 1–40.

Чеченские тексты. Записаны Т. Эльдархановым // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частию на Кавказе и К. Козловского, 1901. Вып. XXIX. Отд. IV. С. 1–33.

Чеченский букварь. Издание Общества восстановления христианства на Кавказе. Тифлис: В Тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1866.

Чеченский язык. Перевод с немецкого сочинения академика Шифнера «Tschetschenische Studien» // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. гражд. частию на Кавказе, 1888. С. 44–46.

Чечня и чеченцы. Соч. А.П. Берже, Правителя дел Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Об-ва. Тифлис, 1859.

Шифнер А.А. Краткая характеристика тушского языка // Учёные записки Академии наук по 1 и 3 отделениям. СПб., 1855. Т. III. С. 71–93.

Шифнер А.А. Русский биографический словарь. Шебанов-Шютц. СПб., 1911. С. 308–310.

Engelhardt v. Mor. und Parrot Fr., doct. med. Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin, 1815. V. I–II.

Güldenstädt I.-A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I–II. Hrsggb. von. P.-S. Pallas. SPb., 1787–1791; Güldenstädt I.-A. Beschreibung der Kaukasischen Länder. Berlin, 1834.

Reineggs Jacob. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, hrsggb. von Friedrich Enoch Schröder, I, mit drei Kupfern. Gotha und SPb., 1786.

«Schiefner A.» Einleitung // Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien // Mémoires de l'Académie Imperiale... S. 6.

Ausführlicher Bericht über das Generals Baron Peter von Uslar Abchasische Studien. Von A. Schiefner. Der Akademie vorgelegt am 15 Mai 1863 // Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, 1863. 7 Ser. T. VI. № 12.

Bemerkungen auf einer Reise P.S. Pallas in die südlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. SPb., 1799. V. I–II, 2.

Kurze Charakteristik der Thusch-Sprache // Bulletin de la classe des Sciences Historiques, Philologiques et politiques de l'Académie imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg. T. III. № 10–11. S. 170–174.

Tschetschenische Studien. Von A. Schiefner. Gelesen den 16 Oktober 1863 // Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. St.-Ptb., 1864. VII Serie. T. 7. № 5.

Versuch über Awarische. Von A. Schiefner, Mitglieder der Akademie // Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. VII série. T. V. № 8. St.-Petersbourg, 1862.

Versuch über die Sprache der Uden. Von A. Schiefner, Mitglieder der Akademie // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VII Série. T. VI. № 1. St.-Ptb., 1863.

Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien. Von A. Schiefner // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Sixième série Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX et dernier. St.-Pét., Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1859. P. I–VI.

Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische mundart in Thuschetien von A. Schiefner Eingereicht den 25 Januar 1856 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philologie. St.-Petersbourg, Imprimerie de l'Académie Imperiale des Sciences, 1859. S. 1–160.

Versuch über die Thusch-Sprache oder Die Khistische Mundart in Thuschetien von A. Schiefner // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX et dernier. SPb., Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1859. P. IV.

Voyage dans la Russie méridionale et dans les pays du Caucase, par le comte J. Potocki. Paris, 1798; Potozki J. Voyage dans les steps d'Astracan et du Caucase. Hitoire primitive des peuples, qui ont habité anciennement ces contrées, I–II. Paris, 1829.

Финно-угорские исследования в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1830-е — 1910 гг.): предварительный обзор

А.Е. Загребин

Аннотация: Императорская Академия наук стала ведущим организационным и идейным центром финно-угорских историко-филологических исследований в России. Первые опыты систематизации полевых материалов, собранных на местах компактного расселения финно-угорских народов, предприняты сотрудниками Академии наук ещё в XVIII в., целенаправленная деятельность в этом направлении велась, начиная со второй трети XIX в., силами академиков А.И. Шёгрена, П.И. Кёппена, А.Ф. Шифнера, Ф.И. Видемана и А.А. Шахматова. Тем не менее, практикуемый индивидуальный стиль работы не позволил финно-угроведению в Императорской Академии наук развиваться в полноценную научную школу или коллаборацию, оставляя широкое поле деятельности научным обществам и университетским сообществам.

Ключевые слова: финно-угорские исследования, Академия наук, экспедиции, этнография, фольклор, картография, словари и грамматики.

Пережив второе рождение, по сути, сделанных преобразований, Императорская Академия наук в ходе реформы, связанной с деятельностью графа С.С. Уварова на посту президента Академии наук, приобрела статус полноценного государственного института [Хартанович, 1999]. Рост бюджетных ассигнований позволил ей вести активную экспедиционную и издательскую политику, наполняя содержанием и усиливая кадрами новые направления исследований. Функционал Академии наук был закреплён в Уставе, а также в высочайше утвержденном целеполагании — повышении качества и практической ценности научных изысканий для государственных нужд. По-прежнему перспективной представлялась сфера этнографических и этнолингвистических поисков, частью которых было изучение культуры финно-угорских народов России.

Финно-угроведение стало своеобразной контактной областью, где сходились интересы многих отраслей знания, прежде всего, историко-филологических наук, статистики, демографии и географии [Загребин, 2014: 4]. Двигателями академических инициатив были учёные, воспитанные в разных научных и политических традициях, но соединённые идеей финно-угорского родства, прародины и свидетельств былых времён.

**Андерс Иоганн / Антти Юха / Андрей Михайлович Шёгрэн
(1794–1855)**

В 1830–1840-е гг. этнографическая и лингвистическая составляющие деятельности академических учёных вобрали в себя «финское и кавказское» направления, обозначившись в статусной позиции А.И. Шёгрена [Загребин,

2006: 206]. Роль академика Шёгрена, ставшего, по сути, связующим звеном между запросами имперской бюрократии и устремлениями финских, позже эстонских народолюбив, трудно недооценить. Его готовность вести диалог с властью решил вопрос по финансовому сопровождению «сибирской одиссеи» недавнего бедного студента М. А. Кастрена, популяризации калевальских находок уездного врача Э. Лённрота, издания словарных и грамматических трудов преподавателя гимназии Ф. И. Видемана [*Branch*, 1999: 130–136].

Начав в молодости изучать финноязычное население Ингерманландии, А. И. Шёгрэн открыл страницу локальных исследований в финно-угроведении [*Sjögren*, 1861: 541–605]. Следом за ним, по дорогам Санкт-Петербургской губернии пройдёт ещё несколько поколений учёных, подтверждая, что записи народной словесности и наблюдение крестьянского быта можно вести уже, буквально, за шлагбаумом городской заставы [*Haltsonen*, 1956: 208]. В академической среде, где внутренняя конкуренция не менее актуальна, чем выстраивание внешних коммуникаций, ему — сыну сапожника, удалось найти понимание сановных коллег, поддержавших его инициативы и кандидатуры. Примером такого сотрудничества стали взаимоотношения А. И. Шёгрена с академиками К. Э. Бэром и П. И. Кёппеном, с которыми он стоял у истоков создания Отделения этнографии Императорского Русского географического общества [*Branch*, 1973: 123].

В части систематизации своих обширных полевых материалов, А. И. Шёгрэн рассчитывал на содействие способного лингвиста Ф. И. Видемана. Сложнее было с обработкой архива путешествий рано умершего профессора М. А. Кастрена. Понимание величия цели ему помогло привлечь к работе по переводу и подготовке к печати экспедиционных собраний академика А. Ф. Шифнера [*Le Calloc'h*, 1992: 44–47]. Будучи учёным широкого спектра интересов, он способствовал развитию финно-угроведения, консультируя Э. Лённрота, а затем его ученика и преемника по кафедре финского языка и литературы Гельсингфорского университета — А. Э. Альквиста [*Загребин*, 2020: 117]. Уход из жизни А. И. Шёгрена, казалось, мог бы поставить под сомнение будущее академического финно-угроведения, но объём сделанного и начатого убеждал в необходимости продолжения. Дальнейшие шаги в изучении родственных финнам и венграм народов России были осуществлены под эгидой Академии наук П. И. Кёппеном и Ф. И. Видеманом.

Петер Иоганн фон Кёппен / Пётр Иванович Кеппен (1793–1864)

Финно-угорская проблематика вошла в сферу научных интересов П. И. Кёппена уже в зрелые годы, ко времени его возвращения из длительной командировки в Таврическую губернию и поступлению в 1837 г. на службу в Императорскую Академию наук. В начале 1840-х гг. вместе с А. И. Шёгреном он начал не только погружаться в этнографию и картографию Ингерманландии, но также знакомиться с планами масштабных научных поездок, подобных тем, что предпринимали в XVIII в. академические учёные [*Haltsonen*, 1968]. Его впечатлил замысел М. А. Кастрена изучить огромные пространства Севера, Сибири и Дальнего Востока

в надежде отыскать прародину финских народов. Не питая иллюзий в отношении поисков «традиционной культуры», он из служебного опыта знал, что народная жизнь тесно связана с отношениями власти и подчинения, общего блага и личной выгоды. В Инструкции «г-ну Кастрену» академик определил специально занимавшую его область как «политическую антропологию». Он рекомендовал обратить внимание на правовые акты и нормы, регулирующие деятельность туземного управления в качестве важного источника по этнографии и демографии, советуя фиксировать, к какому образу жизни склоняются народы изучаемого региона, выделяя, если можно так выразиться, хозяйственно-культурные типы. При этом Кёппен, допуская возможность эволюции традиционного уклада, писал, что: «...весьма легко может быть, что какой-нибудь народ с низшей ступени образования поднялся уже на высшую» [Дополнительная инструкция, 1845: 115]. Изучение топонимики и, особенно гидронимов, по мысли автора Инструкции должно внести ясность в вопросы происхождения и миграций народов.

Возвращаясь к любимому делу П. И. Кёппена — картографии, следует отметить, что, работая над этнографической картой Санкт-Петербургской губернии, он много времени и сил потратил на подготовку пояснительного документа к ней [Körpen, 1849]. В тексте записки содержатся не только сведения о численности и местах сосредоточения финноязычного населения края, но и приводятся описания традиционной культуры каждой группы [Körpen, 1867]. Некоторые из очерков переросли в самостоятельные исследования [Кёппен, 1849, 1851, 1851a]. Рассматривая в рамках выделенного региона проблемы аккультурации и межэтнических контактов, он серьёзно продвинулся в понимании текущих этнических процессов в финноязычной этносреде [Мезин, 1999: 53–54]. В части методологии Кёппен видел наибольший прогресс в совмещении максимально полного этнографического описания и приближённых к реальности цифровых данных с предельно точной фиксацией на карте выявленных данных. Попытки картографирования финно-угорских этнокультурных материалов будут неоднократно предприниматься в будущем, например, хорошим знакомым академика Кёппена, финским фольклористом Д. Е. Д. Европеусом и другими исследователями [Этноконфессиональный иллюстрированный атлас, 2017: 168]. Этот опыт, в определённой мере, можно считать предтечей создания региональных или отраслевых историко-этнографических атласов.

Способность П. И. Кёппена к систематизации была использована в работе Академической археографической комиссии при анализе собранных документов по истории «инородцев» европейской части России [Андреев, 1928: 244–245]. Под руководством академика Кёппена был подготовлен «Хронологический указатель...», информировавший читателя об изданных Академией наук народоведческих материалах. Причём, о каждой этнической группе давалась историко-этнографическая справка [Кёппен, 1861]. Из числа финно-угорских народов в этом труде нашли своё место: водь, ижора, карелы, саамы, коми, коми-пермяки, удмурты, мордва, марийцы, манси. Так, работы по этнической картографии и этностатистике П. И. Кёппена объективизировали картину финно-угорского мира.

Фердинанд Иоганн / Фердинанд Иванович Видеман (1805–1887)

Финно-угроведение в Императорской Академии наук во второй половине XIX — начале XX вв. было, преимущественно, связано с именем Ф. И. Видемана. Уроженец Эстляндии и выпускник Дерптского университета, Видеман долгое время прослужил в учебных заведениях края, одновременно совершенствуясь в сфере общего языкознания, получая вдохновляющие филологические импульсы из германских университетов [Ariste, 1971]. Зная эстонский и изучая родственные ему языки, свою первую, из получивших признание публикаций, он посвятил проблеме этногенетических и языковых контактов прибалтийско-финских народов с народами Центральной Азии [Wiedemann, 1838]. Будучи преподавателем Ревельской гимназии, Видеман обратил на себя внимание и вскоре нашёл поддержку А. И. Шёгрена. В том числе он получил возможность пользоваться полевыми собраниями академика в качестве источника для своих трудов [Laanekask, 2006: 33]. Так, при финансовой помощи Академии наук, им были изданы коми, марийская и удмуртская грамматики, составленные на основе рукописных Евангелий, привезённых в своё время Шёгренем из экспедиции по Северо-Востоку России [Wiedemann, 1847, 1847a, 1851]. Трудолюбивый и скрупулезный Видеман был избран академиком в 1857 г., став после А. И. Шёгрена во главе департамента языков и этнографии финских племён, что свидетельствовало о преэминентности в академических финно-угорских исследованиях.

Переехав в Санкт-Петербург, Ф. И. Видеман сосредоточился на анализе ливских материалов академика А. И. Шёгрена. В 1858 г. по поручению Академии наук Видеман совершил поездку в Курляндскую губернию, где в полевых условиях изучал язык и быт ливов [Blumberga, 2006: 25]. В результате он подготовил к изданию ливскую грамматику с образцами речи и ливско-немецкий/немецко-ливский словарь Шёгрена [Wiedemann, 1861]. В последующие годы он плодотворно работал среди эстонцев и кревинов (потомков воды, уведённых в XV в. в ливонский плен и расселённых Орденom на территории современной Латвии) [Wiedemann, 1876; Видеман, 1872]. Ориентируясь в реалиях жизни народов Восточной Прибалтики, поездок вглубь России, к восточным финно-уграм, Видеман не практиковал, пользуясь ранее собранными данными [Saarinen, 1990]. Систематизатор по характеру, он скромнее, чем его предшественник вникал в вопросы этнографии, хотя некоторые филологические работы сопровождал историко-этнографическими справками [Wiedemann, 1875, 1884]. Особенностью карьеры Видемана было то, что на всём протяжении научной жизни занимаясь с текстами, он, очевидно, меньше интересовался людьми и в финале не смог представить учёному сообществу преемника, оставив кафедру вакантной, каковой она пребывала вплоть до ликвидации Императорской академии наук.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920)

При всём интересе некоторых сотрудников Академии наук к истории и культуре финно-угорских народов в конце XIX — начале XX вв. не было учёного, который предметно бы занимался данной проблематикой и заместил кафедру Ф. И. Видемана [Бубрих, 1928: 16]. Решить вопрос бюрократическим путем не удалось, возможно, повлиял кризис в отношениях

между империей и финляндской автономией, обостривший подозрения властных органов ко всему «финскому» [Полвинен, 1997]. Иной путь предполагал наличие инициативных научных проектов, как правило, локального характера.

В этой области немало преуспел А.А. Шахматов. Филолог-славист, в своих работах он не упускал из виду примеры славяно-финских языковых и культурно-бытовых контактов [Шахматов, 1911]. Целенаправленно академик Шахматов занимался сбором мордовского фольклорного и этнографического материала. В итоге появился «Мордовский этнографический сборник», труд, о котором рецензент Д.К. Зеленин писал, что он «интересен не только для специалистов-финнологов, но и в не меньшей степени и для исследователей, работающих в области русской этнографии...» [Шахматов, 1910; Зеленин, 1910: 305].

Заключение

В целом, следует отметить выдающуюся роль Санкт-Петербургской Императорской академии наук в организации этнографической науки в России и как части её — этнографии финно-угорских народов. Как справедливо отмечал С.А. Токарев, «...весь «дореволюционный период» Академия наук выполняла двойную нагрузку, с одной стороны являясь главным хранителем информации о народах и культурах, с другой — инициатором новых перспективных исследований» [Токарев, 1974: 11]. Вместе с тем, трудности, связанные с многопрофильной деятельностью Академии наук не всегда позволяли ей своевременно отвечать на вызовы времени. Единичные, пусть и выдающиеся, научные открытия не могли более удовлетворить растущий общественный интерес к этнографии, следствием чего было возникновение в середине XIX — начале XX вв. сети добровольных научных обществ, имевших связь как с университетско-академической средой, так и с местными энтузиастами-любителями народоведения.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.016

Список литературы

Андреев А.И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 243–329.

Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 77–143.

Видеман Ф.И. О происхождении и языке вымерших ныне Курляндских кривичей. СПб., 1872.

Дополнительная инструкция г. Кастрену, составленная Академиком Кеппеном // Журнал министерства народного просвещения. 1845. Ч. 47. Отд. 2. С. 114–128.

Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

Загребин А.Е. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 3–8.

Загребин А. Е. Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2. С. 114–123.

Зеленин Д. К. (Рец.) Саратовская мордва. Мордовский этнографический сборник. Сост. А. А. Шахматовым. СПб., 1910 // Живая старина. 1910. Вып. 4. С. 305–312.

Кёппен П. И. Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и II Отделениям. 1849. Вып. 6. С. 112–222.

Кёппен П. И. Водь в Санкт-Петербургской губернии. Пояснительный текст к этнографической карте Санкт-Петербургской губернии Петра Кёппена. СПб., 1851. С. 3–10.

Кёппен П. И. Водь и Вотская пяттина // Журнал министерства народного просвещения. 1851а. Вып. 70. Отд. 2. Кн. 2. С. 100–146.

Кёппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Мезин П. Финно-угорский мир на карте П. И. Кёппена и в его научных исследованиях: этапы, проблемы и методы аккультурации // Финно-угроведение. 1999. № 2–3. С. 53–54.

Полвинин Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский Дом, 1997.

Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук // Советская этнография. 1974. № 4. С. 11–15.

Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999.

Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

Шахматов А. А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия Императорской Академии наук. 1911. VI серия. Т. 5. Вып. 10. С. 791–812.

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / Науч. ред. О. М. Фишман. СПб.: ИД «Инкери», 2017.

Ariste P. Ferdinand Johann Wiedemann. Tartu: Valgus, 1971.

Blumberga R. Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem. Rīga, 2006.

Branch M. A. J. Sjögren. Studies of the North. Helsinki, 1973.

Branch M. The Academy of Sciences in St. Petersburg as a Centre for the study of nationalities in the North-East Baltic // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6. P. 122–137.

Haltsonen S. A. J. Sjögren ja kansatietous // Kalevalaseuran vuosikirja. 1956. Vol. 36. S. 204–222.

Haltsonen S. Peter von Köppen suomalais-ugrilaisten kansojen tutkijana // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1968. Vol. 145. S. 1–42.

Köppen P. J. Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. St.-Petersburg, 1849.

Köppen P. J. Erklärender Text zu der ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.

Laanekask H. Support for Estonian identity-building: A. J. Sjögren's correspondence with Estonian scholars and writers, 1831–1853 // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. The 2nd A. J. Sjögren Memorial Conference. Kouvola, 2006. P. 33.

Le Calloc'h B. Franz Anton Schiefner, maître des études finno-ougriennes, caucasiennes et tibétaines // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1992. Vol. 84. P. 44–47.

Saarinen S. Ferdinand Johann Wiedemann als Erforscher der wolgaischen Sprachen // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Bd. 9. S. 93–106.

Sjögren A. J. Über die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des namens Ingermanland // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. Bd. 1. S. 541–605.

Wiedemann F.J. Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. Reval, 1838.

Wiedemann F.J. Versuch einer Grammatik der syrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangeliums Matthäi gebrauchten Dialekt. Reval, 1847.

Wiedemann F.J. Versuch einer Grammatik der Tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelien-Übersetzung v. 1821 gebrauchten Dialekte. Reval, 1847a.

Wiedemann F.J. Grammatik der Wotjakschen Sprache. Reval, 1851.

[*Wiedemann F.J.*] Livische Grammatik nebst Sprachproben. Livisch-deutsches Wörterbuch // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. Bd. 2–3.

Wiedemann F.J. Grammatik der esthnischen Sprache, zuhnächst wie sie in Mittel-Esthland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. St.-Petersburg, 1875.

Wiedemann F.J. Aus dem inneren und äusseren Leben der Esthen. St.-Petersburg, 1876.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache, mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des wotjakischen. St.-Petersburg, 1884.

**«Вот в какое время мы жили,
и замолчать этот факт я не могу...»
(Академик С. А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.)**

В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

Аннотация: В 1930 г. советские научные учреждения подверглись люстрационным кампаниям, так называемым чисткам. Сотрудники учреждений проверялись на личную лояльность режиму, рассматривалось их соответствие господствовавшим представлениям о должном «моральном облике» советского учёного. Зачастую эти кампании служили возможностью для сведения счётов или для прикрытия части персонала за счёт «сакральной жертвы». Академик С. А. Жебелёв явился такой фигурой в ГАИМК, которая подверглась «чистке» в июле 1930 г. Ему вменялись в вину как уже полузабытые «грехи» — «некорректные заимствования» при написании научно-популярных работ и учебных курсов, так и более серьёзные проступки, выходившие на уровень уголовных преступлений, — покупка за счёт казённых средств по значительно завышенной цене библиотеки покойного коллеги и друга Б. В. Фармаковского с целью помочь вдове учёного. Несмотря на тяжесть обвинений С. А. Жебелёву фактически удалось «выйти сухим из воды». Вероятно, ему была оказана помощь председателем ГАИМК Н. Я. Марром и помощником директора Эрмитажа И. А. Орбели. Этот эпизод биографии С. А. Жебелёва и деятельности ГАИМК стоит особняком в череде репрессивных кампаний, охвативших советскую науку на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: история науки, история СССР, археология, академия наук СССР, ГАИМК, «чистки», С. А. Жебелёв.

Радикальные общественные трансформации — революции Нового и Новейшего времени — неоднократно сопровождались репрессиями со стороны «победителей» в отношении «побеждённых», так называемыми чистками. Неудобных, «подозрительных» искали и «вычищали» и в ходе Великой французской революции, и в ходе, и по завершении других переворотов. Не стали исключением и русские революции 1917 г. Люстрационные акции в СССР продолжались несколько десятилетий. «Чистки» в какой-то момент стали настолько привычным элементом советской действительности 1920–1930-х гг., что в сатирическом освещении даже вошли в сюжетные линии художественной литературы (например, в роман «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова). Между тем, действительность, несмотря на привычность, была отнюдь не смешной, а жестокой и трагичной [см., например: *Ватлин, Канторович*, 2001: 123–131].

Сфера науки не стала здесь исключением. «Чисткам» подвергались архивы [*Копылова, Хорхордина*, 2018: 3–17], библиотеки [*Зеленов*, 2000: 129–141], музеи [*Соломаха*, 2016: 459–626; *Захарова, Бояркин*, 2019: 130], структуры высшего образования [*Фоминых, Шандала*, 2016: 177–182]. Эти процессы шли не только в столичных, и не только в собственно российских

научных и культурных центрах, но и вдали от них [Левченко, 2019: 175]. «Вычищались» в частности институты, работавшие в сфере археологии и искусствознания. Эта кампания проходила летом 1930 г. Некоторые архивные документы до сих пор не привлекли внимание историков¹, другие же постепенно вводятся в научный оборот.

Показательной во многих отношениях является кампания по «чистке» Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде, созданной в 1919 г. в качестве преемницы Археологической комиссии и на рубеже 1920–1930-х гг. обретшей статус наиболее влиятельного научного учреждения страны в области изучения материальной культуры [Носов, 2013]. По словам Н. И. Платоновой, «чистка и предшествующие ей увольнения резко изменили обстановку в ГАИМК. Вся прежняя структура Академии в 1929–1930 гг. оказалась сломана» [Платонова, 2010: 235], что имело самое непосредственное влияние не только на изменение кадрового состава [Носов, 2013: 111–112], но и на содержание проводившихся здесь исследований, в рамках которых археологическое источниковедение всё больше оттеснялось на задний план. Это, в свою очередь, вело к тому, что Л. С. Клейн определял как характерное для данного периода «распредмечивание археологии» и утрату ею «своего узкого вещеведческого профиля» [Клейн, 2014: 119, 108]. Материалы данного процесса хранятся в Рукописном отделе научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4) и являются ценным источником по истории отечественной науки эпохи тоталитаризма.

В рамках данного процесса в числе прочих внимание членов Комиссии по чистке привлекла фигура академика С. А. Жебелёва (1867–1941)², который как нельзя лучше подходил на роль жертвы такого судилища. Жебелёв — «фактопклонник» дореволюционной традиции, на момент проведения «чистки» — далёкий от доминирующих теорий и идеологий — был связан с ГАИМК с момента её основания. С 1919 г. он заведовал здесь архивом, возглавлял Отдел Эллады и Рима [Носов, 2013: 347], а с 1923 по 1928 гг. был товарищем председателя, что при общей занятости председателя Н. Я. Марра, обременённого рядом других должностей и регулярно уезжавшего в командировки, а также в условиях летнего экспедиционного сезона нередко делало именно Жебелёва фактическим главой учреждения. Его письма коллегам середины 1920-х гг. пестрят упоминаниями об активной административной работе в Мраморном дворце, где располагалась ГАИМК. Однако рубеж 1920–1930-х гг. стал для учёного во многом поворотным периодом.

Репутация Жебелёва в глазах властей была «запятнана» участием в издававшемся в Чехословакии сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» [Жебелёв, 1928: 1–19], во втором томе которого он поместил статью памяти академика Я. И. Смирнова. Статья содержала ряд характеристик как событий

¹ См.: Дело о проверке работы и чистке аппарата Института археологии и искусствознания (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2512 (6 июля 1930 г.)); Протоколы заседаний комиссии при Президиуме РАНИОН по проверке личного состава Научно-исследовательского института археологии и искусствознания (копии), анкеты и списки сотрудников (ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 137 (1929–1930)).

² Краткое изложение событийной канвы см.: [Носов, 2013: 166–167].

недавнего прошлого, так и отдельных лиц из числа коллег, которые, вероятно, и для самого Жебелёва имели отнюдь не проходное значение. Есть все основания считать, что он был доволен этой публикацией и стремился познакомить с ней близких коллег. Так, например, 4 ноября 1928 г. он писал своей ученице А. И. Болтуновой (Амиранишвили): «Наверное, Чубинашвили получил II т. Сборника *Seminarii Kondakoviani*. Возьмите его и прочитайте мою статью о Я. И. Смирнове» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 48 об.).

Эта публикация стала поводом к началу кампании травли учёного, который являлся членом трёх выборных комиссий на выборах в АН СССР 1928 г. Кампания находилась под личным контролем первых лиц партийно-государственного аппарата Ленинграда и Москвы [Ананьев, Бухарин, 2020 с]. В итоге Жебелёв был вынужден публично покаяться в содеянном и отречься от дружеских и коллегиальных отношений с академиком-эмигрантом М. И. Ростовцевым — своим давнишним товарищем, который ещё за год до описываемых событий принимал активное участие в продвижении кандидатуры Жебелёва в академики [см. подробнее: Тункина, 2000: 120, прим. 10 (литература по теме); Тункина, 2015: 128–134]. Всё это не могло не сказаться и на его положении в ГАИМК. Так, 18 апреля 1930 г. он имел все основания писать Болтуновой (Амиранишвили): «...моя роль в Академии материальной культуры окончилась после имевшего место в прошлом сезоне “инцидента”» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 79 об.).

Толчком к кампании «чисток» конца 1920-х — начала 1930-х гг. послужила резолюция XVI конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 г. Были, в частности, приняты постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» и «Инструкция НКРКИ по проверке и чистке советского аппарата»³. «Чистка» началась с партийных органов, затем дело дошло до наркоматов. Так, в январе 1930 г. начали «чистить» Наркомпрос⁴. К этому времени уже бушевало «Академическое дело» — репрессивный маховик, вгонявший Академию наук СССР в прокрустово ложе советизации. Началось ему в 1928 г. было положено упоминавшимся выше «делом» Жебелёва, призванным заставить АН СССР принять в свои ряды кандидатов, угодных советскому режиму.

В процессе «чистки» в ГАИМК Жебелёву было предъявлено два обвинения: покупка библиотеки коллеги и друга Б. В. Фармаковского (с 1921 г. и вплоть до смерти в 1928 г. бывшего учёным секретарем ГАИМК) в пользу ГАИМК за счёт средств учреждения по цене, по мнению проводивших «чистку», значительно превышавшей разумную, и с тем, чтобы, прежде всего, оказать услугу жене покойного товарища, и использование «некорректных заимствований» в ряде научно-популярных работ. Последнее обвинение фигурировало и активно использовалось против кандидатуры Жебелёва уже в ходе академических выборов 1927 г. [Подробнее см.: Ананьев, Бухарин, 2019].

³ Опубликовано: Правда. 1929. 2 июня. № 124. С. 4.

⁴ Перед чисткой Наркомпроса // Правда. 1929. 16 декабря. № 296. С. 2.

В момент проведения «чистки» ГАИМК возглавлял академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — историк, археолог, филолог, специалист по истории и литературам Кавказа и Закавказья, действительный член Императорской академии наук (1912), создатель «Нового учения о языке», один из основателей и председатель РАИМК (ГАИМК) в 1919–1920 и 1923–1934 гг. С 3 марта 1930 г., т.е. на момент описываемых событий, Марр был вице-президентом АН СССР [о взаимоотношениях Марра и Жебелёва см.: *Ананьев, Бухарин*, 2020а: 52–67; *Ананьев, Бухарин*, 2020b: 698–718]. С одной стороны, Марр обладал исключительным административным ресурсом, его «Новое учение о языке» было провозглашено единственно правильным новым словом марксистского языкознания, дающим ответы практически на все вопросы. С другой стороны, он, очевидно, ещё в ходе «дела» Жебелёва в 1928 г. осознал всю тяжесть угрозы, нависшей в стране над академической наукой; его реакция на обвинения в адрес Жебелёва — не только старого товарища, коллеги по академическому цеху, но и сотрудника ГАИМК — была достаточно жёсткой [см.: *Ананьев, Бухарин*, 2020b: 698–718], и ему нужно было предпринять определённые шаги с тем, чтобы репутация подведомственного ему учреждения не пострадала. При этом он всеми доступными средствами стремился обеспечить безопасность старого товарища.

Руководил «чисткой» ГАИМК председатель Комиссии по обследованию и чистке подведомственных Наркомпросу РСФСР учреждений Тихомиров. Как отмечает К. А. Кумпан, «идентифицировать этого чиновника Наркомпроса пока не удалось» [*Кумпан*, 2011: 629, прим. 376; об участии Тихомирова в «чистке» Наркомпроса: см. *Кумпан*, 2011: 542, 546, 585–586, 589, 590, 600, 609, 611, 619–620]. Тихомиров участвовал и в «чистке» Государственной публичной библиотеки [*Тихомиров*, 2007: 136–142], он же был одним из руководителей «чистки» и самого Наркомпроса [*Тихомиров*, 1930: 8].

Со стороны ГАИМК главными обвинителями выступали О.О. Крюгер, Б.Л. Богаевский и С.А. Семёнов-Зусер. Впрочем, они могли опереться на широкие ряды «общественности», и не только научной. Так, к противникам Жебелёва присоединилась сотрудник архива ГАИМК Косточкина⁵.

Отто Оскарович Крюгер (1893–1967) — историк-антиковед, папиролог, эпиграфист — в 1918 г. окончил классическое отделение историко-филологического факультета Петроградского университета, где учился у выдающихся представителей российского антиковедения — М.И. Ростовцева, С.А. Жебелёва, Г.Ф. Церетели, Ф.Ф. Зелинского, О.Ф. Вальдгауера, Б.В. Фармаковского, А.Ю. Малеина. С начала 1920-х и вплоть до конца 1930-х гг. (Крюгер будет арестован в 1937 г.) он являлся сотрудником Эрмитажа и ГАИМК. В Эрмитаже он примыкал к группе В.В. Струве [*Соломаха*, 2016: 33, прим. 85], отношения которого с Жебелёвым складывались чрезвычайно непросто и, вероятно, в глазах последнего был ярким представителем

⁵ Достоверно идентифицировать носителей фамилий Масленников, Фёдоров, Тихонов, Михайлова (вероятно, сотрудник бухгалтерии ГАИМК, выдававшая справку о сумме, потраченной на приобретение библиотеки Б.В. Фармаковского), участвовавших в процессе, не удалось. Стенографистки, фиксировавшие ход собрания, явно были не знакомы с именами участников, допускали многочисленные ошибки в их написании, а иногда и вовсе — оставляли на месте не расслышанной фамилии отточия. Позже экземпляр стенограммы, отложившийся в итоге в архиве ИИМК РАН, никем не правился.

того «немецкого засилья в Эрмитаже», с которым Жебелёв, не чуждый ксенофобских настроений, считал должным бороться. Возможно, Крюгер входил в число тех «молодых египтологов», которых, как полагал сам Жебелёв, Струве в конце 1924 г. привлёк для того, чтобы не допустить его избрание в возглавлявшийся Марром Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока [см.: *Ананьев, Бухарин*, 2020а: 507–508]. В своих обвинениях Крюгер сконцентрировался на случаях некорректных заимствований, допущенных Жебелёвым в научно-популярном двухтомнике «Введение в археологию».

Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — филолог, историк-антиковед, специалист по крито-микенской эпохе — в 1908 г. также окончил классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1916 г. защитил там же магистерскую диссертацию «Земледельческая религия Афин» и стал приват-доцентом. Впрочем, в том же году он был командирован в Пермь, где создавался местный университет, и обратно (через Томск) вернулся в 1922 г. Тогда же он поступил на службу в ГАИМК и родной университет. В первой в 1930 г. он возглавлял Разряд древних культур Средиземноморья, а во втором был проректором по учебной части. Именно тогда Жебелёв был уволен из университета, в котором преподавал с 1899 г., где был деканом, проректором и даже ректором. В период расцвета марризма Богаевский активно демонстрировал свою научную близость новому учению и пользовался весьма неоднозначной репутацией среди коллег [см.: *Копржива-Лурье*, 1987: 111–116], хотя его место и значение в истории отечественной науки всё ещё изучены недостаточно полно [*Крих*, 2020: 59–91]. Выступая с критикой Жебелёва, он не только указал на фактические ошибки последнего при расценке книг библиотеки Фармаковского, но, сохраняя формальное признание заслуг учёного в прошлом, выдвинул против него тяжёлое обвинение в том, что очень скоро будет принято называть вредительством. Подчеркнув, «постоянное пренебрежительное отношение» Жебелёва «к нашей советской действительности и к тем вашим товарищам, которые шли и с большим трудом, перерабатывая себя, стремились установить новые методы», он отметил: «По-моему, вы всё время работаете, как представитель старой науки и, защищая традиции старой науки и старые методы. В этом отношении Вы были последовательны. Вы работали в советских условиях, давая советской действительности второсортную продукцию, в то время, когда вы имеете все основания давать первосортную». Через десять лет после описываемых событий, 17 октября 1940 г., Жебелёв будет писать М. И. Максимовой: «Сегодня, беседуя в какой-то связи в секторе о покойном музее древностей, услышал замечание Ковалева: “А знаете ли Вы (я), кто — виновник закрытия Музея Древностей?”. “Не знаю”, сказал я. “Богаевский”. “Что же, сказал я, к своему крито-микенскому венку он прибавил лишний лавр”. Возражения не последовало. Sic transit gloria⁶ уж не знаю, кого или чего» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 71).

⁶ Так проходит слава (*лат.*). Частично цитируется «крылатое выражение» “Sic transit gloria mundi” — «так проходит слава мира».

Наконец, археолог и антиковед, специалист по истории скифов Семён Анатольевич Семёнов-Зусер⁷ (1887–1951) в отличие от Крюгера и Богаевского не принадлежал к числу непосредственных учеников Жебелёва по университету. В 1914 г. он окончил Петербургский археологический институт, с 1920 г. работал в Николаевском историко-археологическом музее, затем — в Одесском институте народного образования, а в 1929–1933 гг., т.е. в момент описываемых событий, был учёным-хранителем (учёным-археологом) Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Т. 1. Д. 2877). С 1930 г. он был сотрудником Сектора античных формаций ГАИМК. В 1933 г. Семёнов-Зусер сам стал жертвой “чисток” и был вынужден переехать из Ленинграда в Харьков [см. детали его биографии 1930–1940-х гг.: Кузьминых, Белозерова, 2014: 233–236, 272, 284].

Крюгер и Семёнов-Зусер год спустя будут входить и в состав Комиссии по «чистке» аппарата Эрмитажа [Соломаха, 2016: 587]. Жебелёв в письме Болтуновой (Амиранишвили) от 23 апреля 1931 г. откликнется на это следующими словами: «Слышал, что при проходившей в Эрмитаже “чистке” Крюгер, Зусер и Богаевский громили Мацулевича, Кубе, Максимову, причем о последней Богаевский высказался в том смысле, что она в научном отношении — ничтожество. Ведают бо, что творят» (СПбФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 54 об.). А ещё через год, 19 июня 1932 г., напишет тому же адресату о своей новой работе, что она «послужит той науке, которая раньше именовалась филологией, а как именуется теперь, после того как к ней прикоснулись Богаевские, Семёновы, Зусеры, Раисы Шмидт, Колобовы и им подобные, сказать не берусь. К такой трансформации филологии руку приложили и Марр, и его “подвывалы”, к числу которых принадлежит и О.М. Фрейденберг. Но грех их меньше, чем грех таких господ, как Крюгер, Кагаров⁸ и т.п., которые прошли настоящую и хорошую школу, но приносят ей теперь один срам и поношение» (СПбФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 115 об.). Обвинения, прозвучавшие в 1930 г. в ГАИМК, явно забыты не были, хотя отказ признать за Богаевским «настоящую и хорошую школу» из уст одного из его университетских учителей звучал довольно странно.

Довольно развёрнуто по делу Жебелёва выступил археолог и искусствовед Павел Николаевич Шульц (1900–1983), ученик по университету и Институту истории искусств О. Ф. Вальдгауера, у которого с Жебелёвым были более чем натянутые отношения. Аспирант ГАИМК с 1926 г., Шульц в 1930 г. стал сотрудником Сектора античных формаций, служил в Эрмитаже. Он хотя и поддержал обвинения, выдвинутые против учёного, однако постарался их смягчить, упирая на нужность Жебелёва научному сообществу.

Определенно, важную роль в развернувшемся о(б)суждении Жебелёва сыграл Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961). На момент «чистки» ГАИМК Орбели, стоявший у истоков ГАИМК, занимавший здесь несколько

⁷ В стенограмме именуется «Семенов-Зуслов».

⁸ Кагаров Евгений Георгиевич (1882–1942) — историк, филолог-антиковед, этнограф; профессор Харьковского (1914–1925) и Ленинградского (1925–1942) университетов, сотрудник МАЭ. Репрессий избежал, скончался вскоре после эвакуации из блокадного Ленинграда.

ответственных административных постов, а с 1929 г. возглавлявший Разряд средневековых культур Кавказа и Ирана, был не только членом-корреспондентом АН СССР, помощником директора Эрмитажа и заведующим кафедрой истории материальной культуры Востока университета, но и депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Его формулировки относительно Жебелёва были едва ли не самыми жёсткими, однако, при этом немало отрезвляющих слов им было сказано и в отношении обвинителей, например, Б. Л. Богаевского. Орбели был возмущен тем, что обвинения против Жебелёва были выдвинуты спустя много лет после того, как деяния, вменяемые ему в вину, имели место. При этом обвинители, по словам Орбели, долгое время молчали и лишь воспользовались подходящим случаем для того, чтобы обрушиться на престарелого коллегу в собственных интересах.

Горячее участие Орбели в обсуждении случая Жебелёва могло иметь причиной не только знаменитый «бешеный» темперамент будущего директора Эрмитажа. Возможно, к защите Жебелёва (а в тех условиях такое выступление было именно защитой) Орбели подтолкнуло чувство вины. По мнению некоторых современников, он имел непосредственное отношение к развертыванию кампании против учёного в 1928 г., хотя о степени осознанности такого участия существовали различные мнения. Например, жена неперменного секретаря АН СССР С. Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна, прекрасно осведомленная о состоянии дел внутри Академии, записала в дневнике, что Орбели, недовольный содержащейся в статье Жебелёва фразой о том, что «ненапечатанные материалы Я. И. Смирнова, как ему известно, находятся у И. А. Орбели (этими словами, по мнению Орбели, Жебелёв набросил на него тень), стал повсюду кричать о статье Жебелёва, указывая на ее несоветский тон, толкуя неудачные выражения и т.д. Своими криками он обратил на эту статью внимание коммунистов Эрмитажа <...> и дело пошло» [цит. по: *Тункина*, 2000: 121]. М. И. Максимова, коллега Орбели по Эрмитажу и давний конфиденгент Жебелёва, в составленных уже значительно позднее «экскурсах» к письмам старшего коллеги также указывала на эту роль Орбели, но трактовала её гораздо более негативно как осмысленное злокозненное поведение (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 217 и далее). Впрочем, вероятно, её могли подтолкнуть к этому и личные трения с Орбели. Как бы то ни было, и в 1928 г. [*Тункина*, 2000: 123–124], и в 1930 г. в своих публичных выступлениях Орбели явно не пытался ещё больше ухудшить и без того тяжёлое положение Жебелёва.

Жебелёв все же не был одинок перед своими обвинителями. Одним из немногих, кто отважился открыто его защищать, стал совсем молодой археолог-антиковед Александр Николаевич Карасёв (1902–1972). В 1925 г. он приступил к изучению археологии в университете, где учился, в том числе у Б. В. Фармаковского. С 1928 г. и до конца жизни он работал в ГАИМК, занимаясь исследованием античной Ольвии, а также ряда других городищ. Вероятно, в развернувшейся дискуссии Карасёв, в 18 лет добровольцем ушедший на Балтийский флот, чувствовал себя довольно уверенно и, опираясь на революционное прошлое, мог смело высказывать собственное мнение, расходившееся с мнением обвинителей.

В целом на стороне Жебелёва выступил и специалист по археологии до-исламского Согда Георгий Васильевич Григорьев (1898–1941). С 1929 г. он работал в ГАИМК, перейдя сюда из ташкентского Среднеазиатского университета. Лишь в 1930 г. Григорьев окончил ЛГУ по специальности археолог-музеевед [Длужневская, 2011: 152–153, 173].

Любопытно отметить, что стенограмма «чистки» является не единственным источником, в котором нашло отражение обсуждение в ГАИМК «прегрешений» академика Жебелёва. На следующий день он сам написал письмо с размышлениями о произошедшем присутствовавшей на процессе Максимовой, а несколько десятилетий спустя уже Максимова описала этот вечер в подробных комментариях к письмам Жебелёва. При этом даже в этих комментариях (составленных, вероятно, во второй половине — конце 1960-х гг.) она не решилась назвать вещи своими именами, отметив, что имело место «заседание месткома, с приглашением представителей судебных органов, и вёл собрание председатель суда» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 217).

По словам Максимовой, «суд длился несколько часов подряд и закончился в 11-м часу ночи <...> Начинаясь уже белая ленинградская ночь, когда мы с Сергеем Александровичем вышли из Мраморного дворца. Видимо, Сергей Александрович ещё не успокоился, и мне не хотелось оставлять его в таком настроении одного. Не спеша, мы три раза обошли с ним вокруг Марсова поля, и только после этого он направился пешком домой на Васильевский остров, а я пошла к себе в противоположную сторону» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 220).

На следующий день Жебелёв писал Максимовой: «... всё-таки, очевидно, вчера я устал сильно: заснув в час, я в три уже проснулся и долее спать не мог. Было много времени для “переживаний”» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 42). Вновь одним из самых тяжелых стало наблюдение за поведением коллег: «Я всю ночь не мог отделаться от мысли о Т.-К.⁹ Как она старалась! Даже в колхоз ездила. А вчера — она сидела от меня через стул — она, во время речи председателя, почти всё время говорила настолько громко, что он должен был слышать: вот это верно, прекрасно, правильно и т.п. Невольно приходят на память слова из “Дамы с камелиями” — *come è bizarre la nostra esistenza*¹⁰ — цитирую по-итальянски, ибо в своё время слушал эту пьесу много раз...» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 43–43 об.).

Следует отметить, что по догадкам Максимовой, к положительному исходу процесса и оправданию Жебелёва вполне мог быть причастен Марр, обладавший существенным административным авторитетом и имевший возможность «надавить» на судей (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 223).

⁹ Тиханова-Клименко, Мария Александровна (1898–1981) — археолог, в РАИМК с 1920 г., председатель месткома ГАИМК. Она была вычищена из ГАИМК в ходе процесса, но быстро вновь принята на службу, а возглавлявший ГАИМК в 1935–1936 гг. Ф.В. Кипарисов вскоре стал её мужем [Платонова, 2010: 234, прим. 1].

¹⁰ «Как странно наше бытие» (итал.).

«Чистка» ГАИМК 1930 г. — отнюдь не последнее звено в цепи идеологических трансформаций научных учреждений в целом и историко-археологических в частности. Жебелёв продолжал оставаться чужим на этом «празднике жизни». «“Пролетарская революция” — таково, в общем, положение вещей на фронте научно-исследовательской работы, в частности, на нашем участке исторического исследования в деле изучения истории материальной культуры», — утверждала передовица «Сообщений ГАИМК» за 1932 г. (№ 3–4), — «Основной задачей в этой области является борьба за коренную перестройку работы на основе марксистско-ленинской теории, борьба за захват решающих позиций в научном изучении исторического процесса, за отвоевания этой области у буржуазной науки, за окончательную победу марксизма-ленинизма в понимании и объяснении общественно-исторических явлений, к какой бы эпохе и к какому бы обществу они не относились. А, между тем, где эти решающие работы, которые по-новому, на новой методологической основе исследуют огромный материал, являющийся неисчерпаемым источником изучения истории материальной культуры? Где работы, в которых дается разгром буржуазной археологии и этнографии...? Где анализ идеалистической основы и классовых корней того понимания археологического и этнографического материала, которое характеризует дореволюционные (а подчас и послереволюционные) работы наших археологов и этнографов и современное творчество западноевропейских учёных?» [б.а. 1932: 3]. Фактопоклонник Жебелёв, обвиненный не в погроме, а в многостраничном списывании у буржуазных учёных, никак не уместился в рамки новой реальности.

Тем не менее, удивительным образом слова А. Дюма «*come è bizarre la nostra esistenza*» как нельзя лучше подходят к характеристике дальнейшей научной биографии академика С. А. Жебелёва. Ему удалось уцелеть в молохе репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. Гонимый фактопоклонник, олицетворение «жебелёвщины» в науке, буквально через два года после «чистки» в ГАИМК, Жебелёв становится фактическим главой советского марксистского антиковедения, *volens-nolens* — одним из создателей классической советско-марксистской схемы исторического прогресса, облаканным со стороны государства премиями и званиями. В каком-то смысле, отвергнув прозвучавший на «чистке» призыв Шульца изменить своё понимание истории, «открытием» первой революции рабов на территории СССР Жебелёв всё же доказал, что он «понял, что сейчас установление фактов не дело, что исследовательская работа <...> для работников, включающихся в исследовательскую работу в плане диалектического материализма, требует, чтобы каждый факт освещался на основе определенной теории, чтобы каждый факт брался в диалектической увязке, со всей системой наших представлений об обществе в целом».

* * *

[96]

Стенографический отчёт.

Общее собрание сотрудников ГАИМК, созванное Комиссией по чистке аппарата. 8 июля 1930 г.

[97]

Общее собрание сотрудников ГАИМК, созванное Комиссией по чистке аппарата. 8 июля.

ТИХОМИРОВ. Товарищи, я думаю, что мы начнем. Нам надо будет установить порядок нашего по существу последнего собрания с тем, чтобы закончить его, не перекладывать и не откладывать на несколько дней.

Мы должны закончить по вопросу чистки, по моим расчетам все разговоры около 6 ½, с 6 ½ до 7 час. сделать перерыв. К 7-ми часам мы закончим оформление некоторых решений. В 7 час. начнем делать доклад. Тогда мы сегодня сможем совсем закончить. Я рассчитываю так — сделаем доклад, развернем прения, поработаем 3–4 часа с тем, чтобы закончить в 12 час. и не перекладывать. Нет возражений? (Нет).

Я, товарищи, должен готовить доклад и материал, поэтому меня сегодня будет заменять тов. Масленников — член нашей Центральной Комиссии.

ФЕДОРОВ. Товарищи, прежде чем приступить к характеристике обсуждения данного вопроса, я бы оговорился, прежде всего, — я, как рабочий, не так грамотен, а обыкновенно у научных работников имеется такая манера, что они не только к слову, которое выступавший товарищ сказал, но даже к букве привязываются о том, что [98] товарищ не так изложил фразу. Ведь, товарищи, знаете о том, что на предыдущем собрании, когда закончилась последняя чистка, многими из выступающих было указано на то, что бригада не так подошла к обследованию библиотеки, что бригадой было указано, что библиотека имеет засоренность в своем составе. Это заставило Комиссию еще раз проверить, на самом ли деле те явления существуют, и комиссия пришла к заключению, что те выводы, которые намечены были бригадой, оправдались. Что состав библиотеки имеет большую засоренность, которой не должно быть. Попутно с этим мы вызвали тов. Жебелёва, как заведующего библиотеки (Жебелёв: Я не заведующий), как председателя библиотечной комиссии с тем, чтобы нам опровергнуть те упущения, которые были найдены. Товарищ Жебелёв сознался, что библиотека действительно имеет ненужные книги. Мы имеем в виду библиотеку Фармаковского, которая после смерти была приобретена данным учреждением. Тов. Жебелёв сознался, что библиотека большой ценности не имеет и что если бы при оценке этой библиотеки был вызван букинист, то библиотека такой бы цены не имела, она стоила бы вместо 4-х тыс. — 1 тыс. Таким образом, нужно прямо сказать, что библиотека имеет большой процент книг, которые необходимо устранить, ибо они не должны быть в данном учреждении, т.е. ГАИМКе. Отсюда, товарищи, раз товарищ Жебелёв был непосредственным председателем библиотечной комиссии, то нужно сказать, что им своевременно не были изъяты книги, которые там нашлись. Кроме этого, товарищ Жебелёв является руководителем архива. То же самое нужно сказать и относительно архивного материала. Архивный материал своевременно не был сдан Центральному Архиву. Я говорю с точки зрения рабочего. У рабочего имеется такая манера, что если рабочий пишет статью, то он указывает, что это он ее писал непосредственно. Мы наблюдаем случаи, что товарищ Жебелёв в издании своих [98 об.] книг имеет список других

авторов. Я понимаю так, что для нас научной цены такой труд не представляет. Прежде всего, если не являешься автором, то нетактично об этом писать. Мы, рабочие, обыкновенно указываем на автора, сейчас же мы этого не наблюдаем. Это причина, которая заставила нас подумать и которая заставляет товарища Жебелёва перед всей общественностью и перед Комиссией выступить и пояснить, как он понимает свой ученый труд, исходя [99] из таких соображений, мы, товарищи, не в качестве персональной чистки, а для пояснения, для широкой общественности, для разъяснения тех предпосылок, которые я указал, ставим тов. Жебелёва.

ЖЕБЕЛЁВ. Может быть, Комиссия разрешит, чтобы укоротить дело, прочитать вам ту объяснительную записку по части библиотеки и архива, которую я составил, это продолжится всего 15–20 минут.

МАСЛЕННИКОВ. Как товарищи, я думаю, можно зачитать?

(ГОЛОСА: Да.)

ЖЕБЕЛЁВ. Когда 2 года тому назад ... (читает) ... Это касательно библиотеки. Теперь позвольте прочесть касательно архива.

Заведывание архивом ... (читает) ...

Относительно обвинения меня в пользовании без указания тех источников, которыми я пользуюсь в своих книгах. Я должен заявить следующее. Эти обвинения предъявлены были мне тов. Крюгером в «Минувшей книге». Тов. Крюгер предъявил мне первый выпуск моей книжки «Введение в археологию», которая вышла в свет в 1923 г., 7 лет тому назад. В этой книжке он указал мне, я точно не могу сказать, но вероятно 3–4–5 мест, в которых указал следующие заимствования — 1) что там заимствовано несколько мест из немецкой книжки и 2) из статьи Энциклопедического Словаря Брокгауза и Эфрона, касающейся Винкельмана.

Относительно последней статьи я должен сказать следующее — статья по археологии заимствована мною не из первого [99 об.] издания Брокгауза, а из второго издания Энциклопедического Словаря, где я заведовал отделом изящных искусств. Каждому из авторов посылалась вырезка из статьи в первом издании и если он находил, что старую статью можно поместить в новом издании, она помещалась, если он находил, что ее надо проредактировать, ее перередактировывали. Видно, что некоторые места в статье о Винкельмане были мною проредактированы.

Что касается пользования мною книгой Булле¹¹, то я никогда не отрицал и не отрицаю этого, но повторяю то, что я сказал и тов. Крюгеру — я пользовался не только книгой Булле, но и целым рядом других книг. Моя книга не представляет исследования ученого, это книга, которая должна соответствовать своему названию — быть введением в археологию, т.е. помогать желающим заниматься, чтобы они могли воспользоваться этими указаниями.

Я думаю, что моя книжка, несмотря на те дефекты, которые указывает Крюгер, все же сослужила свою пользу, [100] потому что, когда первая часть ее вышла, она была напечатана в одной тысяче экземпляров, то через 2 месяца этой книжки нельзя было найти на книжном рынке, она вся

¹¹ В тексте стенограммы здесь и далее «Буля».

разошлась. Через 4 года вышла вторая часть археологии, в которой товарищ Крюгер мог бы найти заимствование. Вообще об источниках моего «Введения в археологию» можно написать целую диссертацию, и я рекомендую такую работу произвести и могу помочь в этой работе. Вопрос, касающийся археологии, служил предметом обсуждения в очень компетентном учреждении — Комиссии Академии наук, т.к. при избрании меня в 1927 г. в число действительных членов Академии также двумя членами Академии было указано, что в моем пользовании весь материал, касающийся этого дела в Академии, имеется. Я к нему не обращался и на него не смотрел, потому что результат был тот, что действительным членом Академии я был избран. Вообще я думаю, что к книге, которая состоит из 400 страниц, подходить с налета для ученого не рекомендуется. Надо эту книгу рассмотреть всю по существу, посмотреть какие она имеет задания, подсчитать, сколько в ней заимствований имеется, и сколько заимствований в ней не имеется и сколько мне принадлежит самому. После этой оценки будет хорошо рекомендовать эту работу в качестве диссертации. Такой работой в Германии любили заниматься, но осмеивали ее. Меня удивляет следующее: книга моя вышла в 1923 г. — 7 лет тому назад. Почему же тов. Крюгер не предъявил мне того обвинения, которое он предъявляет теперь, раньше? С общественной точки зрения, как совершенно верно указала Комиссия, это явление совершенно недопустимо. В прошлый раз товарищ Быковский¹² здесь говорил о том, что мы обуреваемы обывательщиной, что мы не хотим или боимся указывать на существенные промахи. Нужно сказать, что я на этой точке зрения никогда не стоял и если встречал какое-нибудь зло, то старался пресекать его сразу же, чем нажил себе очень много врагов. Это подтвердят те лица, [101] которые меня хорошо знают.

Теперь я, в сущности говоря, мог бы предъявить с точки зрения общественности к тов. Крюгеру большое обвинение именно в том, что он своевременно не раскрыл мне глаза и этим самым ввел, я бы сказал, в большое заблуждение не только нашу общественность, но даже всю европейскую науку... Я объясню почему.

В 1926 г. в этом же помещении, правда, в соседнем зале, справлялся юбилей моей 35-летней ученой деятельности. Я слушал всякого рода приветствия, похвалы и т.д. Но это известно, что на юбилее принято говорить только хорошие вещи, это уж так заведено, о плохом не говорят. Мне мои друзья, ученики, товарищи, и т.д. преподнесли к этому юбилею также толстый том своих работ. В этом томе работ принимало участие 57 человек. Если выкинуть лиц из мет..., то больше 50 человек. Если бы эти 50 человек были бы поставлены заранее в известность, что я, выражаясь попросту, плагиатор, значит, вор, то я сильно сомневаюсь, чтобы из 50 человек не нашлось бы такого, который бы сказал — нет, в поднесении сборника вору я участвовать не могу. Поэтому надо было раньше сказать и громогласно, тем более что в былые времена в газетах помещались хвалебные статьи, портреты и т.д. Сборник был отпечатан на пишущей машинке только

---

¹² Быковский Сергей Николаевич (1896–1936) — историк, этнограф, сторонник «нового учения о языке» Н.Я. Марра. В ГАИМК с 1929 г., в 1930 г. — ученый секретарь.

в 4-х экземплярах. Это было издание *exposé sommaire*¹³. Эта брошюра была распространена по всему миру, по Европе, в Германии, Франции, Америке и я на основании этой брошюры получил от своих заграничных друзей, немецких и французских, приветствия. Опять-таки введение в заблуждение, уже не [101 об.] нашего общественного мнения, а введение в заблуждение всего общественного мнения Европы. Как можно молчать при этом?

Дальше. В 1927 г. происходили мои выборы. Я был избран в Академию наук. И что же? После избрания посыпались газетные хвалебные статьи, как полагается, — конечно, этому особого значения придавать не нужно, — портреты, интервью. Как же тут не воспользоваться и не сказать, послушайте, кого вы избрали в Академию наук. Ведь это же вор.

Нет, этим не воспользовались и только теперь, по прошествии 7 лет, когда книга моя, вероятно, уже стала библиографической летописью¹⁴, т. Крюгер выступает с этим обвинением. Я должен сказать, что я тов. Крюгеру чрезвычайно благодарен, потому что он выступил против меня с открытым забралом. Но скажу, как ученый, проработав в науке 40 лет, что с такого рода заявлениями надо выступать своевременно, а не по прошествии 7 лет после того, как появилась книга, как книга должна была ввести в заблуждение целый ряд почтеннейших лиц, в том числе, и почтенного академика Марра. Как можно участвовать в торжестве в Академии, да еще вору? Это совершенно невероятная вещь.

Вот все, что я могу сказать. Если кто интересуется подробностями, вероятно, в академических делах, касающихся моих выборов, он найдет материал. Избран я был в академию [102] тридцатью академиками, и, следовательно, 30 расписались в тех вещах, в которых им расписываться не стоило бы. Могу дать на память Вам вот эту брошюру.

БОГАЕВСКИЙ. Чем замечались стоимость книг и стоимость библиотеки Фармаковского.

ЖЕБЕЛЁВ. Путем сравнения того, что имелось с антикварным каталогом. В противном случае замечалось приблизительно. Размечал я, но все 3000 книг, конечно, я в руках не имел.

КОСТОЧКИНА. У меня, С.А., такой вопрос: На каком основании он решил, что я растерялась, когда ко мне нахлынул самый разнообразный архив?

ЖЕБЕЛЁВ. Я к вам ходил и видел состояние архива и ваше состояние. Я же вполне понимал вас и оправдывал, но вы не знали, за что взяться.

КОСТОЧКИНА. Я сказала относительно московского архива вам не потому, что я растерялась, а потому что считала, что не целесообразно тратить энергию на тот материал, который нельзя и привести в порядок.

ЖЕБЕЛЁВ. Я не согласен, что материал, который мы с вами не разобрали, ничего собою не представляет. Это можно сказать после разбора. Правда, материал находился в печальном состоянии, но от него нельзя отмахнуться. Вы мне говорили, что вами принято много протоколов и много очень московского материала. Мы вырабатывали меры, чтобы как-нибудь выровнять работу. Я не думаю, чтобы вы себя чувствовали с мая месяца хорошо.

¹³ «Краткое изложение» (франц.).

¹⁴ Так. Вероятно, должно быть — «редкостью».

БОГАЕВСКИЙ. Докладывали ли вы Правлению о тех неблагополучиях, которые замечались в архиве во время работы с Косточкиной?

ЖЕБЕЛЁВ. Это началось с мая и, конечно, все внимание было обращено на это.

[102 об.]

БОГАЕВСКИЙ. А раньше вы докладывали?

ЖЕБЕЛЁВ. И на производственных совещаниях, и на заседаниях Правления в прошлом году много раз.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ¹⁵. Группа лиц, пересмотревших и тщательно изучивших библиотеку Фармаковского, пришла к такому же мнению, какое составлено еще первой бригадой, т.е. что библиотека Фармаковского не представляет той ценности, какую хотели придать ей при покупке. Прежде всего, из библиотеки была изъята решительно вся та часть, которая тесно связана со всеми его интересными научными работами. Прежде всего, не оказалось ни одной работы лично Фармаковского, т.е. было чрезвычайно мало ценных работ. Нужно, чтобы [103] комиссия была создана и комиссия, рассмотрев список книг библиотеки Фармаковского, Сергей Александрович сказал — если это нужно, жена его может возвратить. Разве можно было так делать? В самом начале, когда библиотека приобретается, то нужно ядро, ядра нет. Осталась та часть, которая абсолютно никакой ценности или во всяком случае незначительную ценность могла представить для Фармаковского. Чтобы не быть голословным, я позволю себе из сотен, даже тысяч названий, может быть, некоторую часть — 300–400 названий дать и тогда получится впечатление о составе этой библиотеки. Прежде всего, какие книги вошли сюда? Я укажу потом, какую часть мы взяли. Взяли 150 книг и посмотрели, какой процент имеется тесно связанной с библиотекой ГАИМК, какие имеются дублиеты и даже третьи издания — абсолютно негодная макулатура, которая только компрометирует. Если бы остались все ценные книги — конечно, этот разговор потерял бы значение, но если остались книги, и в то же время все ценные книги извлекаются, все книги, связанные с именем Фармаковского, — этого нельзя было делать, это до известной степени, буквально нетактично по отношению Фармаковского.

Вот незначительная часть из тысячи названий. Я укажу их. Вот, например: Морозов ... (оглашает список книг) ... Всевозможнейшие ноты закуплены были и таких [104] подавляющее большинство.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ. Относительно стоимости этой библиотеки я назову лишь несколько цифр. Например, энциклопедический словарь Брокгауза был куплен за 200 рублей, в то время как он расценивался 60–80 рублей. Французская книга Бурже была куплена за 1 р., а Энгельса за 10 коп. и книга Максимова за 10 р. Журнал «Старые годы» за 1 год был куплен за 30 р., а ... старое издание, которое имеет 4 экземпляра, за 100 р. и т.д. Я могу назвать еще огромное количество цифр, которые укажут на то, что здесь цены были поставлены с полным незнанием рыночных цен и незнанием того, нужно ли приобретать эти книги. Вчера мы для того, чтобы определить процентное отношение книг, необходимых для приобретения, не представляющих

---

¹⁵ Так в стенограмме. Правильно «Зусер».

ценности и макулатуру, произвели некоторую работу и пришли к мысли, что из 148 книг, взятых на выбор, 30 названий следовало приобрести, т.е. 9%. 40% не имели прямого отношения к библиотеке, дублированные составляли 27% и 95 книг из 148-ми являлись совершенно ненужной макулатурой, которая засорила бы библиотеку. К сожалению, я не могу Вам полностью перечислить всех названий книг, которые были переплетены, но мне этого достаточно для того, чтобы иметь представление о той библиотеке, которая была приобретена и в которой находится портрет В. А. Фармаковского¹⁶.

КРЮГЕР. Я бы хотел выступить по поводу заимствований С. А. Жебелёва, на которые было указано в той комиссии, где я, по поручению бригады, говорил с товарищем Жебелёвым. Я подчеркивал, что я выступаю по поручению бригады, а не как Крюгер, потому что в последнем случае я должен был бы возразить на те обвинения, которые мне были сделаны в том отношении, почему я общественности не дал знать о том, что я был осведомлен о заимствованиях в год избрания С. А. Но не в этом дело; моя персона здесь не играет никакой роли.

[104 об.]

С. А. указывает на то, что эта книга не является научным исследованием, но, по-моему, если немецкая книга Булле является научной, то, по-видимому, и та книга, которая пользуется этой книгой тоже очевидно является научным исследованием. Если этой книге предпосылается ряд замечаний автобиографического характера, где указывается, что это введение основано на тех данных, которые накоплены автором до 1914 года, а систематизированы после этого года, и если в том же предисловии говорится, что эта работа может быть названа первым опытом, то значит, что у автора в этом отношении предшественников не было. Но если вспомните, что автор пользуется приблизительно такой же книгой, то я не знаю, правильно ли автор говорит, что не было предшественников. Если он пишет, что не имел предшественников, [105] то, по-видимому, он придает этой книге несколько большее значение, чем то, о котором он говорил сегодня.

Дальше Сергей Александрович совершенно правильно говорит, что в том заседании комиссии я сослался на какие-нибудь 5–6 мест. Сергей Александрович, я мог бы сослаться на несколько десятков мест. Но не в этом дело. Я отнюдь не поднимаю вопроса о плагиате, этот вопрос мне неподсуден, я не являюсь юристом и не в состоянии судить. Но я устанавливаю по поручению бригады факт заимствования без достаточных ссылок. Вы в четырех местах ссылаетесь на эту книжку, но не в том виде, как этого требует научная этика. Я могу вам привести несколько десятков мест.

Дальше, совершенно для меня непонятным является то, что вы отрицаете или как-то умаляете значение факта списывания из Энциклопедического Словаря тем, что вы указываете, что статья Сомова, в которой списаны места из биографии Винкельмана и оценки Винкельмана, которая встречается у вас в книге и, если хотите, другая часть взяты из руководства Булле.

¹⁶ Должно быть — В.И. Фармаковский Владимир Игнатьевич (1842–1922) — педагог, отец Б.В. и М.В. Фармаковских, коллега И.Н. Ульянова в должности инспектора народных училищ Симбирской губернии.

Я не знаю, как можно умалять значение этого списывания, если вы говорите, что вы списали со статьи, которая в свою очередь была списана, потому что статья, которую вы назвали редактированием, она несколько сужена, но в важнейших местах точь-в-точь совпадает с Энциклопедическим Словарем, ст. Сомова. Здесь имеются два издания. Я могу привести. Там есть некоторое видоизменение. Бавля — «Книга о биографии» — по-видимому [105 об.] кое-что изменено, потому что второе издание Брокгауз и Эфрон имеет ввиду изменение. И если иметь в виду перередактирование статьи Сомова, то эта работа не является вашей собственной. Так что это остается в силе.

Я не знаю, в какой мере сейчас интересно, чтобы я привел те многочисленные доказательства списывания и перевода, какие у меня имеются. Позвольте мне, хотя бы, чтобы не быть голословным, дать несколько разительных примеров. Если надо будет, я могу умножить. Позвольте привести вам несколько примеров того способа пользоваться подлинниками, который вами практикуется в вашей книге. Например, на 33 странице, первая книга — я говорю о первой книге, во второй книге тоже имеется — мы у вас читаем: «В то время, как Винкельман ... (цитирует) ...

В конце текста сказано несколько пространнее. (читает) ... [106] Я опускаю последующее, потому что оно в таком же духе. «Военная гроза» ... (читает). Я мог бы привести, если бы понадобилось, целый ряд примеров. Вы ссылаетесь на то, что весь материал имеется в распоряжении Академии наук. Академия наук представила этот материал, и этот материал оказался гораздо богаче того, который был в моем распоряжении. Я могу привести этот материал, начиная со статьи Сомова и вплоть до тех мест, которые я тогда сам не обнаружил. Вот, например, что касается исследования памятников. Вы слова передаете без ссылки на оригинал и только в одном месте, когда немецкий автор ссылается на Беклина, вы вставляете довольно неудачно имя Репина. Я уже не говорю о том, что Беклина с Репиным сравнивать нельзя, даже для этих целей (Читает) и т.д. Целые страницы. Соотношения этих источников с другими, на которые Вы указывали и которые Вы хотели предоставить в наше распоряжение, мы не взвешивали, потому что это не входило в мою обязанность. Но? я повторяю, что товарищ Федоров совершенно прав, когда он расценивает такое неэтичное заимствование чужого труда или в форме пересказа (на 107 стр.) или в форме перевода, как на не согласующееся с той научной и ученой этикой, которой мы должны сами придерживаться и которой должны придерживаться наши кадры. Еще один любопытный пример, который указывает на точность нашей работы. На стр. 61 II-го выпуска вы указываете о случайных археологических находках. Вы говорите «надписи были открыты в 1879 году». Дальше вы пишете (Читает). В оригинале мы читаем правильные указания (читает). Тут, при использовании вами оригинала произошла маленькая операция. До чего это исследование немецкого оригинала чисто внешнее, даже не соответствующее интересам тех читателей, для которых [107] это было назначено, это будет видно в примечании на 25 странице первого тома, которая соответствует 114-ой странице у Булле. Там ваше примечание гласит следующим образом: «Статья Гете, относящаяся ... (цитирует) ....

Это, конечно, соответствует оригиналу. Я думаю, что в популярном изложении нельзя было сослаться на В... издание. Я думаю, что работы античной археологии в такой концепции чрезвычайно мало нужны. И тем более удивительно продолжение вашего примечания: «Можно ли удивляться, что ... (цитирует) ...»

Вот то недоумение, которое я высказываю, оно конечно объясняется тем, что вы совершенно поверхностно следовали вашему немецкому оригиналу.

Но материал, который нам представила Академия наук, вскрыл и другие вещи, что в брошюре вашей вы применяли способ такой, например, вы списывали историю изучения востока и Евр. России. Я могу вам указать совпадение страницы 15-й вашей книжки и страницы 7-й у Вартега (?) ... (читает) ... Так же на странице 8 и 16, также на странице 17-й и на целом ряде других страниц. Так что те немногие места, о которых я по поручению бригады говорил с вами, их можно увеличить не только за счет книг, о которых я с вами говорил, но и за счет книг, о которых я с вами не говорил.

Вы мне поставили довольно тяжкое обвинение, которого я касаться не буду, но, если потребуется, я расскажу. Я знал, что в 1927 г. материал в гораздо большем объеме, чем [107 об.] я мог его представить, находился в руках компетентных лиц, которые выступали против вас. И в связи с этим я не могу не остановиться на одном доводе, который был выдвинут тогда против тех лиц, которые предъявляли вам эти довольно тяжкие обвинения — это письмо академика Бузецкого¹⁷, который в конце своего письма ссылаясь на письмо Ростовцев¹⁸, эмигранта, который дает следующую характеристику и следующее указание, почему вас все-таки надо избрать: «В своем первом письме — пишет Бузецкий ... (цитирует) ....»

Я должен сказать, [108] что когда я это письмо увидел в материалах Академии, то к большому сожалению я должен был констатировать, что авторитетом для избрания научных работников в Советскую академию являются наши эмигранты.

БОГАЕВСКИЙ. По поводу библиотеки я должен подтвердить то, что я говорил в первом заседании. Мне кажется, что библиотека приобретена для Академии неправильно, и я предполагаю, что интересы библиотеки фигурировали на 3-м месте. На 1-м месте стояла необходимость, как вы сегодня подчеркнули, отдать дань памяти Фармаковского, на втором месте — желание обеспечить жену Фармаковского необходимыми средствами, и только на 3-м месте — интересы Академии. Как и в первом вопросе, я должен предупредить, что из этой библиотеки можно было приобрести то, что было действительно полезно Академии наук и что в одном экземпляре дублировало и что можно было дать больше за те книги, которые

¹⁷ Так в оригинале. Имеется в виду академик (избран в 1922 г.) Владислав Петрович Бузекул (1858–1931) — антиковед, историограф; Бузекул был инициатором выдвижения С. А. Жебелёва в действительные члены РАН в начале 1920-х гг.

¹⁸ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — российский и американский историк, археолог, искусствовед, специалист по античной истории, иранскому, в частности, скифскому искусству; на выборах 1927 г. поддерживал кандидатуры С. А. Жебелёва и Г. Ф. Церетели. В результате давления в 1928 г. С. А. Жебелёв был вынужден публично отказаться от дружбы с Ростовцевым, оба ученых и старых друга мучительно переживали этот вынужденный разрыв. [Подробнее см.: Тункина, 2000: 116–161].

являются ценными. За книгу Бунце¹⁹ можно было заплатить легко 100 рублей, а не 5 рублей и таким образом сбалансировать, если это нужно было. Во всяком случае, я считаю, что библиотека Фармаковского была приобретена неправильно. Нужно сказать также, что недопустимой является расценка книг, которая не может быть не только в наших библиотеках, но и ни в каком библиотечном учреждении. Эти «Семь поцелуев»²⁰, негодная французская книжка, не может быть расценена даже в 20 коп. Этого нельзя даже сделать в частной библиотеке. Позвольте мне, после вашего сегодняшнего доклада, не согласиться с тем, что библиотека приобретена только для фонда Академии. На мой взгляд, этого не было.

Позвольте сказать несколько слов по второму, наиболее трудному и тягостному вопросу, по вопросу о Ваших работах за последние годы. Для меня никакого сомнения не представляет, что в вашей научной деятельности нужно различать ученую деятельность [108 об.] и научно-популяризаторскую. Я думаю, что Ваша деятельность не стоит на высоте, потому что введение в археологию с двух точек зрения, на мой взгляд, является не заслуживающим того внимания, которое вы уделяете. Я утверждаю с полной ответственностью, что все, что касается истории науки в 1-й части списано с Булле, постольку, что на десятках страниц встречаются отдельные ваши строки, которые соединяют перевод. Я уже не говорю о той части, которая явно списана с Булле, и которая также носит следы «Очерков Римской истории». Я не говорю о том, что у вас нет своего, но странно было бы автору доказывать, что у него есть что-то свое. Я утверждаю, что в двух томах чересчур много чужого, причем это чужое никак не закреплено. В некоторых случаях из «Энциклопедического словаря» выписан не только текст, но взята и вся пунктуация, и только в некоторых местах восклицательный знак поставлен в другом месте. Между тем, и сравнение показывает, что [109] и пунктуации у вас заимствованы. Я полагаю, что вся эта научно-популярная литература, вами выпущенная, она не является самостоятельной, точнее говоря, это в значительной степени списано.

Теперь по поводу археологии. Если бы вы не были руководящим членом Академии истории материальной культуры, если бы вы не были заместителем председателя Академии, я бы мог согласиться, что «Введение в археологию» является чисто авторской работой. Я должен сказать, что ваше «Введение в археологию» написано с той точки зрения, с которой возглавляющий наше учреждение Николай Яковлевич в течение тех лет, которые он возглавлял, написал — с точки зрения формальной немецкой археологии. Вы не показали превращения науки в сторону материальной культуры. То, что у нас она разошлась, что нет ни одной книги, объясняется тем, что молодежь, которой приходится рекомендовать вашу книгу, она раскупает ее и она учится тому, что существует археология вещества и археология материальной культуры (С МЕСТА: Когда она вышла?) Она вышла в 1923 г. Во всяком случае, я утверждаю, что мы об истории материальной культуры говорили и старались делать археологию истории материальной культуры.

---

¹⁹ Так в оригинале. Возможно — Бунтцен.

²⁰ Вероятно, имеется в виду следующее восьмистраничное издание: [Coron, 1866].

Мне кажется, что Вы, защищая археологию вещественную, не поправили своей книги за последний год. Таким образом, мне кажется, что эта научно-популярная литература с двух точек зрения может быть поставлена вам в упрек.

[109 об.]

Я скажу, что вашу книгу знало большинство. Эти годы, когда ваша книга вышла, были годы, в которые многие другие книги испытывали депрессию. Вы, как старший наш товарищ, оставшийся после эмиграции Ростовцева и Зелинского²¹ здесь, должны были возглавлять нас. Были попытки этот вопрос о вашей книге поставить, были попытки об этом напечатать решительно везде, но все эти попытки прерывались и когда была тягостная неделя вашего избрания в Академию наук, шел разговор, что это должно быть вскрыто, но ни одна попытка не получила удовлетворения.

Почему я об этом говорю только сейчас? Я поясню сейчас. Я рассматриваю труды Сергея Александровича с двух точек зрения. Я смотрю таким образом, что Сергей Александрович до советской власти, до октябрьской революции работал как ученый, при советской власти он стал работать как научный популяризатор. Его научные труды, поскольку я знаю, они безукоризненны, с этой точки зрения они не заслуживают упрека, что там списано и заимствовано. А в научно-популярной литературе, по-видимому, Сергей Александрович считал, что он может делать второсортные вещи и в советской литературе Сергей Александрович выпускал ту литературу, которая на мой взгляд не заслуживает внимания.

Вопрос о плагиате для меня не был ясен, потому что книга списана, но поскольку где-то два раза книга упоминается, можно было сказать, что это [110] научная популярная книга, следовательно, ко мне нельзя предъявлять тех требований, которые предъявляются самостоятельному труду. Это, конечно, недостойно ученого, но юридически это не то, что, если бы он свою диссертацию списал.

Еще я должен сказать следующее: Мне кажется, что С.А. в своем «Введении в археологию» и в других трудах, показал, что он работает таким образом, что дает и то, что годится, и дает второсортный материал. Вы не работаете всеми силами, на первой позиции, вы не отдаете всего себя попытке идти навстречу тяжело формирующемуся новому знанию, в поисках также новых методов, вы ни шагу не делаете вперед. Когда было заседание памяти Фармаковского, то между вашей речью и речью Н.Я. была необыкновенная разница. Вы буквально за то, что он отрицает и отрицаете то, что он признает. Вы говорите, что Фармаковский защищал только научный метод, и только этот метод был у него в ходу, а это значит, что у него не было марксистского метода. Выходит, что тот, кто разрабатывает мировоззрение, стремясь помочь советской науке, тот неправильно работает. По-моему, вы все время работаете, как представитель старой науки и, защищая традиции старой науки и старые методы. В этом отношении Вы были последовательны. Вы

²¹ Зелинский Фаддей Фаддеевич (1859–1944) — российский польский антиковед, литературовед, переводчик, профессор Санкт-Петербургского (1890) и Варшавского (1918) университетов. В 1928 г. исключен из рядов АН СССР.

работали в советских условиях, давая советской действительности второсортную продукцию, в то время, когда вы имеете все основания давать первосортную. У вас существовало постоянное пренебрежительное отношение к нашей советской действительности и к тем вашим товарищам, которые шли и с большим трудом, перерабатывая себя, стремились установить новые методы. Ваше пренебрежение чувствовалось, когда вы были заместителем председателя нашей Академии.

МАРР. Дело, которое здесь раскрыто, настолько большое, что оно дошло до Москвы. Узнали об этом от одного лица, которое занимается [110 об.] тем, что когда он пишет свой труд, то справляется, откуда это, поэтому, когда получился учебник, он первый установил это. Я этого не касаюсь, но скажу, что заведующий был В.В. Барсов (?) (Голос: не был заведующим) Ну, по хозяйственной части. Теперь вопрос о письме. Никто мне в Академии не показал его. Лица, которые были против С.А., были те, кто против Советской власти и поэтому на С.А. смотрели, как на лицо, которое войдет и усилит наш фронт. Говорили, что это идет из Академии материальной культуры, и поэтому его не надо.

Когда говорят о достоинствах учебника, то когда взято из хорошего учебника, то это не отрицательное явление, потому что этому учебнику надо придавать совершенно другой характер [111] самостоятельного ученого за самостоятельную работу можно судить, но самостоятельного ученика, который является таким по своей природе, нельзя судить, уже не говоря об объективности ученого, уже одно то, что он написал учебник, который необходим, который никто не пишет — это заслуга перед советской властью, потому что его люди ищут. Но я боюсь, повторю, это очень большое дело, если его раскрыть. Конечно, вы не докажете, что Сергей Александрович был марксистом. Но одно скажу — по материалистической теории диссонанс был. Почему? Потому что были собраны лучшие силы, и наша задача была овладеть теми, которые поближе и направить те глубокие знания, которые есть, направить по этой части. Удавалось или не удавалось это — вопрос другой. Кое-кого удалось, а кое-кого не удалось. Например, вопрос о скифах — он отчаяннейшим образом искажается. Как раз по этому вопросу, когда стоял вопрос о скифах, когда мне прислали один выдающийся русский источник, я говорю — вот выдающийся. Но Сергей Александрович вернул и говорит — русская история начинается позднее. А я утверждаю — без истории скифов русской истории не поймете. — Сергей Александрович говорит — Я прочел раз, прочел два, три и в конце концов я понял, вы правы. И представьте себе — эти слова человека, который не разделяет моей точки зрения, который говорит — я убежден в этой вещи, для меня это была большая помощь, гораздо большая, чем слова тех, которые говорят — мы разделяем, — а когда смотрите, — выходит совсем не то.

Повторяю — это сложная вещь.

[111 об.]

Извините меня, меня еще будут плагиатором называть, я еще такого плагиатора Грузии спасал. Он имеет один учебник и его обвинили в воровстве

в отношении Хвостова (?)²², между тем Хвостов держался совершенно противоположного взгляда, чем этот «плагиатор». Он взял взгляды покойного Турова²³, Мейера²⁴. Он исполнил желание большого издательства, оно это хотело. И мало того, что его сочли плагиатором, его лишили ученой степени, которая им была получена. Я стал за него. Представьте себе, я против плагиата такого характера, когда берут из других вещей, я не возражаю. Почему? Вот я пишу, и никто не берет. Я был бы очень рад, если бы кто-нибудь взял, но, к сожалению, никто не берет, никто не берет. Меня это очень смущает. Когда у нас вопрос о собственности канул в вечность, вы напечатали — чья собственность? Разве ваша? Я написал — разве это моя собственность? Разве мы должны торговать? Я против того, что имеется какая-то собственность. Это какое-то мещанское собственническое отношение. Я вполне понимаю Сергея Александровича, он не может мою точку зрения разделять, он скорее признает, что он плагиатор, чем откажется от собственности. Но мы не можем его судить. Мы должны со своей точки зрения относиться.

Если хотите, я приведу пример. В Академию наук была прислана работа «История грузинской литературы» и была дана мне на оценку. Я написал — «никуда не годится». Тогда во второй книге автор написал самую невозможную ругань по моему адресу, [112] предполагая, что я обещал и не дам никакого отзыва скверного. Он меня выругал, а между тем брал страницами и при этом упоминал: «вот куда негодный, старый русский, выживший из ума поэт». Эта книга была прислана в Академию наук и вот это плагиат, но он, в конце концов, взят из хороших источников. Вопрос о плагиате должен быть пересмотрен, едва ли старая точка зрения в этом вопросе останется, но это настолько сложный вопрос, что его в такой короткий промежуток времени разьяснить едва ли возможно.

ОРБЕЛИ. Сначала по поводу библиотеки Фармаковского. То, что огласил тов. СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ, произвело тяжелое впечатление, но кроме того получилось неудовлетворительное чувство от того, что бригада не сочла целесообразным принять мое предложение и произвести сравнительную оценку тех книг, которые нужны для Академии наук. Относительно выбора 150 книг нужно сказать, что мы не знаем, по какому признаку они выделены. Нужно было произвести сравнительную оценку в процентах всей суммы библиотечных трудов, выделив ценные, нужные, полезные или менее полезные книги и барахло. Но должен сказать, что против хранения в Институте материальной культуры подобных книг я выступал неоднократно и, к сожалению, не встречал поддержки со стороны тех членов библиотечной

²² Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920) — историк-антиковед, профессор Казанского (1914) и Томского (1918) университетов [о нем см.: Шофман, 1978].

²³ Так в стенограмме. Имеется в виду Борис Александрович Тураев (1869–1920) — египтолог, коптолог, искусствовед, академик РАН (1918).

²⁴ Мейер Эдуард (Meyer, Eduard; 1855–1930) — немецкий историк-востоковед, египтолог, профессор университетов Бреслау, Галле, Мюнхена и Берлина, ректор Берлинского университета (1919). Э. Мейер — автор пятитомной «Истории древнего мира» (1884–1902), теория циклов, изложенная в которой, оказала значительное влияние на мировую гуманитарную науку, в том числе на российское антиковедение и востоковедение.

комиссии, которые должны были мне указать и помочь в этом деле, в частности, со стороны Богаевского. Поэтому, когда я говорил, что библиотеку нужно перетряхнуть, то у меня бывало такое чувство, что может быть, я слишком придирчив и только сегодня я нахожу поддержку со стороны членов библиотечной комиссии, это абсолютно недопустимая вещь.

Теперь по поводу Жебелёва и его книги «Введение в археологию». Я категорически отвожу те упреки, которые он сделал по адресу Крюгера, который, якобы, обязан был писать и говорить об этом раньше. [112 об.] Мне лично прекрасно известно, почему не была напечатана за границей статья Крюгера, где все факты ... (Крюгер со мной не говорил. Я говорил с Крюгером о том, что у него приготовлена статья для напечатания за границей, в которой разоблачаются все особенности книги. Я в нижнем этаже, в этрусском зале, убеждал не делать этого в силу целого ряда соображений, и эти доводы я могу изложить здесь или в отдельном заседании комиссии (Крюгер ...). Я говорил с О.О. Крюгером в этрусском зале и убеждал эту статью за границу не посылать, и Крюгер со мной согласился и уступил мне. Доводы по поводу моих соображений я могу изложить здесь или в комиссии. (ГОЛОСА: скажите здесь) По поводу этой грязи: товарищи, [113] в этой книжке не встречается моя фамилия, также как она не встречается в том толстом томе, который был поднесен Жебелёву, в этом перечне статей, посвященных Сергею Александровичу, не встречается моя фамилия не потому, что я забыл, что в течение ряда лет учился у Сергея Александровича, и не потому что я не мог приготовить статьи, как со мной редко случается, статья была приготовлена. Не представил я ее потому что узнал от членов комиссии, которые подбирали статьи для сборника, что в этот сборник направляли своиopus для посвящения Сергею Александровичу два русских ученых, проживающих в Ленинграде, причем один из них был первым обнаружившим этот самый плагиат в работе Жебелёва, А.Ю. Малинин²⁵, другим лицом, которое неоднократно не в присутствии Сергея Александровича и не в Академии указывало это, был автор другой статьи, значившейся в этом сборнике (сборник вышел в 1926 г.) Б.Л. Богаевский. Для меня решающим моментом, сдавать или не сдавать статью, явилось участие лиц, которые чистят и в то же время делают подношения.

Я узнал об этом, когда этим вопросом занялись Малинин и Козловский²⁶. Сличением занимался и я. И я вынужден был вспомнить — у меня память очень хорошая, — что значительные пассажи этой книги, о которых говорил Оск... А...²⁷, Сергеем Александровичем излагались в лекциях. И, по-

---

²⁵ Имеется в виду Александр Иустинович Малеин (1869–1938) — историк-антиковед, библиограф, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент ИАН (1916). Кандидатура Малеина также рассматривалась на выборах в академики в 1927 г., на которых победил Жебелёв. На момент описываемых событий (в 1924–1931 гг.) работал в Библиотеке АН СССР, а также в Государственной публичной библиотеке.

²⁶ Возможно, имеется в виду или академик Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942), или академик Павел Константинович Коковцов (1861–1942), наиболее активно протестовавшие против избрания Жебелёва в действительные члены АН СССР.

²⁷ Так в стенограмме. Имеется в виду или Оскар Фердинандович Вальдгауер (1883–1935), неоднократно доводивший до сведения немецких коллег факт наличия в книгах Жебелёва неправомерных заимствований, или же Отто Оскарович Крюгер.

ставя вопрос, насколько уместно в университетских лекциях заимствовать пассажи из литературы по тому или другому вопросу, я должен был [114] признать прежде всего неряшливое отношение к рукописям и отсутствие ссылок, которые были сделаны. Были преподаны две лекции, — я это помню очень хорошо, — есть и другие участники, которые смогут подтвердить, что первые две лекции, т.е. 4 часа Серг. Ал. Жебелёвым были посвящены характеристике целого ряда тех источников, которые он цитировал без кавычек, без ссылок. Но можно и тут говорить о неряшливом отношении к рукописям, а не о плагиате.

Обе книжки Жебелёва значились в Академии материальной культуры, был поставлен Академией материальной культуры вопрос о напечатании их, причем, если мне память не изменяет, рукописи даже находились в помещении Академии материальной культуры. Но знаю, что после этого было вторичное обсуждение, и по просьбе С. А. Жебелёва книжки были из числа намеченных к напечатанию изъяты, и было разрешено Жебелёву напечатать их в каком-то кооперативном издательстве²⁸.

К сожалению, обсуждение всех этих вопросов в Академии не дало основания для присутствующих, не послужило поводом, чтобы выступить с характеристикой этого момента. Я говорю сейчас, потому что считаю, что, если уж чиститься, так чиститься и, прежде всего, выяснить, для чего чистка нужна. Мне кажется, что чистка нужна не для того, чтобы выискивать козлов отпущения, а для того, чтобы способствовать чистке всей той обстановки, о которой так страшно говорил Кач... и так спокойно говорил ... [115] И тут я должен сказать, что ведь Жебелёв не был назначен помощником председателя Академии, а он был избран. Избрала его Академия, и С. А. не один срок пробыл на этом месте (ЖЕБЕЛЁВ: 6 лет). Значит, он дважды избирался. Почему нам об этом не говорили? Почему Богаевский, который говорит, что С. А. до революции был одним человеком, а после революции стал другим, что до революции он был добросовестным научным работником, а после революции стал небрежно и неряшливо относиться к работе, так же, как и ко всему в Советской стороне, почему об этом не было сказано ни разу раньше? Он говорил о депрессиях. Это условная вещь. Я могу объявить себя в состоянии депрессии и могу не сообщить, что в Мраморном зале готовят взрыв Мраморного дворца, сказав: извините, я был в состоянии депрессии. Я не могу себе представить, чтобы в Советском Союзе нельзя было разоблачить советского ученого, который, к тому же, пренебрежительно относится к советской власти и преподносит советскому обществу нечто совсем не заслуживающее внимания, этого я себе представить не могу. Можно было сказать, что мы слишком много заседали и в совете Академии, и в совете Археологического отделения, и на 36 производственных совещаниях, и пусть Богаевский скажет, в каком из этих заседаний он, хотя бы раз раскрыл рот, чтобы обрисовать физиономию Жебелёва. Говорить сейчас Комиссии по чистке, значит делать то, о чем на съезде говорил один из ответственных товарищей: «Нельзя несколько лет держать за пазухой камень для того, чтобы в удобный момент бросить в глаз. Если

²⁸ Книги вышли в издательстве «Наука и школа».

вы скажете вначале, то он может исправиться, а если не исправится — мы на несколько лет раньше выкинем его из своей среды. Но если ты об этом столько лет молчал, тогда говори в другом тоне и дай оценку самому себе.

[115 об.]

По поводу выборов в Академии наук. Пусть справятся, кто был заинтересован в провале кандидатуры Жебелёва, и если вы мне скажете, что это был марксист, бескорыстный советский человек, безупречной советской ориентации, то я готов сейчас идти под расстрел, но вы это не скажете, потому что это был лучший друг Ростовцева и негодяй, которому нет места в учреждении Союза Советских Республик — Шиман ... Я прошу извинения за слишком громкий голос, но меня взорвало выступление человека, который молчал 7 или 8 лет для того, чтобы заговорить сейчас.

ТИХОНОВ. Я прошу выступать спокойно, не повышая тона.

ОРБЕЛИ. Я прошу извинить мой тон и резкие слова.

ТИХОНОВ. Товарищи, нельзя создавать такую атмосферу, в которой трудно разрешать все стоящие перед нами вопросы. Я прошу остальных товарищей держаться более спокойной <атмосферы>, это даст возможность правильно подойти к делу и сделать оценку [116] всех тех явлений, о которых тут говорят.

КРЮГЕР. У меня справка для Орбели. Я не вхожу в политическую оценку тех лиц, которые в Академии выступали против С.А. Жебелёва. Я сказал, что там, конечно, классовой борьбы или что-нибудь в этом роде не было, но я могу дать другую цитату из той же книги, которую так хвалит тов. Орбели, которая скажет, что мы, пожалуй, имели право выступать против этой книги с другой точки зрения. Если мы читаем на 101 странице: «Впрочем ... (цитирует) ...

И дальше на ряде страниц идет подробная мотивировка того, почему русская археология должна быть благодарна русским царям. Я думаю, тов. Орбели, если Коковцов и Щербацкой выступали против этой книги, не солидаризуясь отнюдь на 100% с теми противниками, на которых вы ссылались.

БОГАЕВСКИЙ. Я не буду заражаться тем тоном, в котором говорил Орбели. Меня упрекает Орбели в том, что я не высказался открыто по поводу Жебелёва. Я должен упомянуть относительно производственного совещания, напомнить, что я неоднократно, и Марья Александровна²⁹, вероятно, подтвердит, высказывался, что надо ускорить постановку в производственном совещании рассмотрения разряда Жебелёва и его деятельности в Академии, но случилось так, — может быть, память мне изменяет, — что производственное совещание не поспело подвергнуть рассмотрению как раз разряд [117] С.А. Жебелёва. Никто меня не может упрекнуть в том, как Иосиф Эдуардович³⁰ выразился, что я говорил где-то там за спиной. Я за спиной не говорил, потому что всегда выступаю и говорю так, как думаю. Вы мне скажите, имел я право сегодня выступать или нет, или я мог бы сегодня молчать? Я считаю, что я не мог молчать. Сегодня, когда мы находимся в открытом пленарном заседании, когда мои слова

---

²⁹ Имеется в виду Мария Александровна Тиханова-Клименко.

³⁰ Имеется в виду Иосиф Абгарович Орбели.

записывают стенографистки, я считаю нужным говорить, и, если Комиссия по чистке найдет нужным подвергнуть меня чистке, это ее право.

Я не считаю правильной ту линию, которую Орбели ведет по всем заседаниям, именно — все виноваты, а следовательно, надо говорить о том, какой я плохой, а потом о других. Я считаю, что мы говорим о лицах, если мы виноваты, вы нас будете чистить.

Вторая справка относительно библиотеки. Я член библиотечной комиссии. Я получил упрек, почему я только сейчас говорю о библиотеке Б.В. Фармаковского. Орбели говорил, что надо вычистить библиотеку Палестинского общества и библиотеку К.Р.³¹ О библиотеке Фармаковского я не слышал.

[118]

ОРБЕЛИ. Я хочу дать справку. Никаких похвал книжке Жебелёва я не рассыпал. О политической физиономии тех, кто был зачинщиком провала Жебелёва при его выборах в Академию, я говорил потому, что Крюгер сказал, что рекомендация эмигрантов имела место при выборах в Академию наук.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ. Библиотека Фармаковского: было уплочено единовременно 4255 рублей.

БОГАЕВСКИЙ. Я хочу пояснить, почему я дал статью в сборник Жебелёва. Я разделяю ученую деятельность Жебелёва и научно-популяризаторскую деятельность его. Моему учителю в прошлом я считал нужным дать работу в линии моих работ.

КАРАСЕВ. Я хочу сказать о библиотеке Фармаковского. Я хочу сказать, что куплена библиотека огульно, без оценки каждой книги отдельно. Я не понимаю, как могли появиться в нашей библиотеке такие книги, как нелепые «Семь поцелуев». Я должен сказать, что я человек пристрастный, я ученик Жебелёва, который до сих пор уважается, и когда здесь слышал длиннейший список макулатуры или вреднейших книг, то я вынужден был прекратить этот перечень. С.А. не понимаю и не понимаю, как он оценил эти книги. Мягко выражаясь, здесь произошла ошибка, а может быть и больше, чем ошибка со стороны С.А. при покупке. Это умаляет имя Фармаковского. Я не понимаю, такой огульной покупки. Когда СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ говорит, что самое лучшее было взято Т.И. Фармаковской³², то я не могу с этим не согласиться. Я с Т.И. Фармаковской нахожусь в хороших отношениях и видел, что у нее взято. У нее взяты самые интересные для всех ученых тома Отчетов Фармаковского за все годы. Это очень интересная вещь, которая так же, как и другие книги, имеет для нас большое значение, тем более что на полях мы находим его отметки. Поэтому я согласен, что С.А. не предусмотрено разрешение Т.И. эти книги оставить. Я ее понимаю, ее право держать самые интересные книги своего мужа, но она должна была сказать, что этими наиболее интересными книгами вы можете пользоваться. На предыдущем собрании говорили,

³¹ Имеется в виду библиотека великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915) — президента ИАН в 1889–1915 гг., во дворце которого и располагалась ГАИМК.

³² Имеется в виду супруга Б.В. Фармаковского, Татьяна Ивановна.

что когда-то дрались из-за этих книг, и [118 об.] мы будем драться за эти книги. В то же время, если Т.И. узнает, что общественное мнение имеет определенный взгляд, я не допускаю мысли, чтобы [119] Татьяна Ивановна оставила себе книги, как только она узнает, что из-за этого разгорелось так много разговоров, она сразу отдаст. Я, конечно, не могу уверять, но по-товарищески могу сказать, что книги эти она, конечно, возвратит, и они для библиотеки не потеряны. Так что я просто не понимаю, чтобы Сергей Александрович мог допустить такую большую, грубую ошибку и покупал библиотеку Фармаковского.

Теперь справка относительно того, что одновременно было заплачено 4000 р. за библиотеку. Я сам получал деньги за эту библиотеку. Татьяна Ивановна уехала в Николаев, и она мне выдавала доверенности. С момента смерти Бориса Владимировича она каждый месяц получала 100–150 р. Возможно, что когда-либо 4000 р. уплатили, но тогда это дело уголовное, что скрытно уплатили, и тогда уж библиотека Фармаковского будет не 4000 р. стоить, а 8000 р. Этого я не знаю. То, что я знаю — она получала через каждый месяц по 200 р.

Я должен сказать о Сергее Александровиче, как о человеке. Я не могу говорить о плагиате, потому что слышу все это первый раз, не могу ни проверить, ничего, но должен сказать, что Сергей Александрович в нашем разряде и в знаниях с молодыми работниками, был в самых хороших, не личных, а в самых хороших научных отношениях. Со всеми справками мы к нему обращались, и я должен сказать прямо, что, если мы что-нибудь не знаем, Сергей Александрович с самым открытым желанием идет навстречу. По [120] линии повышения квалификации молодых работников Сергей Александрович с нами занимался очень хорошо, и наша вина, что мы не могли использовать, как следует, занятия с Сергеем Александровичем. И в заседаниях разряда я не заметил — а я не хвастаюсь, я очень слежу, чтобы не искажали то, о чем говорил Борис Владимирович — по-моему Сергей Александрович работает в настоящее время очень добросовестно.

ТИХОМИРОВ. Я, товарищи, хочу выступить в связи с теми горячими прениями, которые здесь были, как надо подходить к этому вопросу. Здесь, по-моему, ряд товарищей, выступая, доказывая противоположные стороны, увлеклись в некоторой части и подходили не объективно, а допускали субъективность. Я хочу, чтобы остальные товарищи, выступая по всем этим вопросам в прении, были вполне объективны и свою объективность во всех этих вопросах красной нитью проводили.

Как мы должны подходить? Предъявляем ли мы, в частности наша бригада, тов. Жебелёву плагиат из того, что мы нашли? Я утверждаю — нет. Ибо когда вы начинаете брать старые буржуазные законы, как они сформулированы, что такое плагиат и как его надо понимать, и, если взять наш советский закон, который был издан, там мы более или менее находим ясное понятие о том, что такое плагиат. [121] Мы не можем предъявить, но в то же время мы должны этот вопрос поставить на очередь дня. Имеет ли он большое значение или не имеет. Я постараюсь вам на примерах показать, что это имеет большое значение. Если вы возьмете все

постановления нашей Партии, в особенности последнее постановление Июльского пленума ЦК и Ноябрьского пленума ЦК, то увидите, что мы ставим вопрос о необходимости роста наших преподавательских научных профессорских сил. Как там ставится вопрос? Необходимо, чтобы каждый научный работник занимался все время научным трудом, развивал ту научную работу, к которой он призван. Все ли у нас так обстоит? Я хочу привести такой пример. Когда я чистил Наркомпрос, то с вопросом плагиата тоже встречался. Приходит один профессор и говорит: Слушайте, я издаю учебник, и из этого учебника целые страницы другой профессор слямзил. Я попрошу его привлечь к ответственности. Посмотрите, все списал, даже запятые там же. Через два дня приходит второй профессор и говорит: Я возмущен, на каком основании тот слямзил у меня. Я говорю: Докажите. Он говорит: Читайте. Я тогда, в шутку, сказал: Я не знаю, кто у кого украл. Товарищи, это же обесценивает в лице Комиссии научных работников. Давайте с этой точки зрения и подойдем. Если перед нами крупный ученый, имеющий большие научные заслуги, но в своей популярной литературе он не делает никаких ссылок, то как нам, с точки зрения нашей общественности, подходить к нему? Мы говорим, неужели он сам таких простых вещей не мог написать, не пользуясь чужой книгой, а если пользовался, то почему не сделал ссылки. Научно-популярная литература всегда делает ссылки на источники. Научно-популярная литература дает возможность понять, что нужно критически ко всему относиться, как относятся ко всему коммунисты. Недопустимо, чтобы в нашей дальнейшей работе нашими научными работниками такие явления практиковались. Таким [121 об.] образом, мы закрываем двери для молодежи, для рабочих, сидящих здесь, а это надо учитывать. Подходя с этой точки зрения, нужно сказать, что это не плагиат, но это обесценивает значение этой книги и данного ученого. Вчера я производил чистку Физико-Технического института. Я прямо сказал одному: Ты был хорошим ученым и стал деквалифицироваться, подтянись. Он вначале говорил, что я и так большой ученый. Я ему говорю: Мне трудно спорить, потому что я не образованный, но привожу ряд жизненных примеров и говорю: Скажи откровенно. Он сказал: Да, вы товарищ Тихомиров, правы. Для чего мы это делаем? Не для того, чтобы человека [122] шельмовать, не для того, чтобы человека угробить, но для того, чтобы продемонстрировать, как нужно иной раз на своих ошибках, на своих недостатках исправлять, не допускать общих явлений, которые становятся массовыми и считаю, что товарищи в такой плоскости должны выступать.

Я слышал, я тут не был, а слышал, что смотрят так, что плагиат, это просто мешанство, мол, списывай все, что угодно. Я считаю это неверным. Иначе я неученый человек, но, если мал-мала у меня мозги работают, так я сегодня у вас спишу, завтра у другого и, в конце концов, книжка выпущена, значит, Тихомиров стал ученым человеком. Так что как же получится? Получится, что мы можем способствовать быть лжеучеными людьми и специалистами. Возьмите газетных работников. Мы некоторых наших товарищей лупим за то, что они списывают. Возьмите провинциальную редакцию. Прочитал «Правду», «Известия», потом бухает передовую. И мы говорим — ох, черт

возьми, как он вырос, — пока не докопаясь. Я считаю, что здесь подход должен быть со всех точек зрения. Для нас хорошим примером было бы, если бы мы взяли нашу популярную ленинско-марксистскую литературу, — там вы везде найдете сссылочки, цитаты, — где на Маркса, где на Энгельса. Это я понимаю. Поэтому я считаю — надо в наших прениях, в нашем подходе к этим вопросам быть не односторонними, не субъективными, а брать вопрос в таком объеме, как он должен выглядеть и какую цель преследовать. Если мы так поставим [123] вопрос, то мы из этого можем делать правильные выводы, можем делать правильные предложения, которые будут помогать нам двигаться вперед, а не назад.

Вот первое мое замечание. Я хотел бы, чтобы товарищи в прениях выступали с такой точки зрения.

ГРИГОРЬЕВ. Мне очень жаль, что тов. Тихомиров сказал то, что я хотел сказать. Совершенно правильно, я как раз нахожусь в таком положении, о котором говорил тов. Тихомиров, и мне по поводу труда тов. Жебелёва приходила в голову мысль, что эти ссылки для нас являются совершенно необходимыми, потому что мы сейчас находимся в таком периоде, когда мы не можем доверять. Сейчас наша наука перестраивается, и мы должны критически научиться анализировать старые труды, чтобы строить новые. Все из нас согласны со словами тов. Тихомирова.

В отношении библиотеки Фармаковского тут говорят, что она стоит 1000 р., а купили ее за 4250 р. Простой бухгалтерский расчет говорит, что надо подсчитать, может быть 1000, может быть 400, а может быть 800, все-таки не доказано, сколько она стоит, или она не стоит.

Теперь в отношении руководства тов. Жебелёва библиотекой. Мне кажется, что тов. Жебелёву теперь не следует ведать этим делом, потому что он просто устарел, он старый ученый, может быть, он скептически относится к марксизму. Я могу говорить объективно, потому что я непосредственно под его руководством не работал. Я знаю [124] со слов товарищей об этой работе и знаю, что в настоящем состоянии он, как ходячая библиография, необходим. Он знает все труды, которые имеются во всем мире, но для того, чтобы создать новую библиотеку, которая явилась бы фундаментом нашей работы, с этим он не может справиться.

В отношении его руководства молодежью. Я слышал, что товарищ Жебелёв всей душой идет навстречу. Это нужно Комиссии по чистке учесть.

ШУЛЬЦ. Относительно оценки работ С.А., которые он написал за революционное время. Я думаю, что нужно прямо сказать, что и история эллинов, «эллинизм», «Рим»³³ и «Введение в археологию» написаны небрежно. Это нужно прямо сказать, потому что, при использовании чужого материала необходимо делать ссылки на источники. Отсутствие этих ссылок в значительной мере обесценивает тот материал, который дал С.А. Вместо того, ни в какой мере не могут удовлетворить нас эти работы, в смысле установки, не могут удовлетворить молодежь и начинающих научных работников.

---

³³ Вероятно, следующие научно-популярные работы Жебелёва: Древняя Греция. Пг., 1920–1922. Ч. 1–2; Древний Рим. Пг., 1922–1923. Ч. 1–2.

Что еще в настоящее время чрезвычайно тормозит научную работу С. А. Мне кажется, что научную работу С. А. в настоящей обстановке чрезвычайно тормозит убеждение, которое у С. А. есть, и от которого, нужно надеяться, С. А. откажется. Это убеждение заключается в том, что научная работа состоит в собирании фактов. Нужно, чтобы С. А. в настоящее время как следует принялся за исследовательскую работу, но нужно также, чтобы С. А. свою точку зрения изменил, потому что факты, не взятые в определенной системе, ничего не дают, кроме вреда. Нам, молодым работникам, которым по работе приходится с С. А. соприкасаться, нужно это подчеркнуть. От С. А. фактические данные и справки по целому ряду вопросов мы получаем, но, если С. А. хочет как следует войти в кадр работников, которые работают в исследовательской обстановке, С. А. нужно здорово над собой поработать. С. А. нужно взять в свой научный кабинет, на свой стол работы Маркса и Энгельса, [124 об.] нужно проверить свою старую точку зрения, нужно попробовать включиться в нашу работу не только в форме справочника, но и в форме работника, который понял, что сейчас установление фактов не дело, что исследовательская работа для нас, молодых, для работников, включающихся в исследовательскую работу в плане диалектического материализма, требует, чтобы каждый факт освещался на основе определенной теории, чтобы каждый факт брался в диалектической увязке, со всей системой наших представлений об обществе в целом, и в этом направлении [125] Сергей Александрович представил бы для Академии гораздо большую ценность, если бы он крепко, как следует, взялся за переработку самого себя.

Теперь относительно библиотеки. Сергей Александрович, конечно, сделал очень большую ошибку, когда из-за попущений, я бы сказал, такого благотворительного свойства — в этом виновато и Правление Академии — привел к тому, что библиотека Фармаковского была Академией приобретена, но в полном объеме она Академией приобретена быть не должна. Здесь имеет место несколько старозаветный подход к комплектованию библиотеки, здесь сделана ошибка. Ряд ошибок допущен и в дальнейшем существовании библиотеки, когда накапливалась библиотека без включения в состав библиотеки марксистской литературы. Это приводит нас к следующему выводу, что в настоящей стадии развертывания нашей библиотеки руководство Сергея Александровича не является правильным, потому что Сергей Александрович не является специалистом той литературы, которая нам чрезвычайно нужна.

То же и в отношении Архива. Так что вывод мой относительно Сергея Александровича был бы таков. Мне думается, что Сергей Александрович должен остаться в Академии, должен продолжать передавать нам свой опыт и знания, но и он должен одновременно очень поработать над собой, чтобы из хранителя фактов превратиться в исследователя, который работает над собой, постоянно продвигая свое научное мировоззрение вперед.

[126]

БОРИСОВСКИЙ. Мне кажется, из всего вышесказанного видно, что с приобретением библиотеки Фармаковского получилась несколько некрасивая история. Тут, мне кажется, в меньшей степени является ценное

приобретение, а в большей степени замаскированная пенсия жене Фармаковского. У нас имеется Собез, у нас имеется соцстрах. Если жене Фармаковского нужны деньги, то надо ей дать пенсию, а такое благотворительство не должно сейчас иметь места. Мне лично это несколько напоминает историю с жалованием Ферсмана³⁴ — там то же самое, под видом ценного приобретения занимались благотворительностью. Сергей Александрович сам говорил, что приобретение библиотеки полностью со всеми относящимися к библиотеке книгами должно дать представление о библиотеке Б.В. Фармаковского. Но эти черносотенные книги должны придать нехороший отпечаток библиотеке Бориса Владимировича — это понятно каждому.

ФЕДОРОВ. Товарищи, мне хочется сказать пару слов. Я рассматриваю в такой плоскости. Ни один из выступавших товарищей не остановился на том, как, по существу, должна приобретаться библиотека. Библиотека Фармаковского имела свое место не в частной квартире, а в стенах ГАИМКа. Давайте рассмотрим, имеем ли мы право покупать библиотеку, когда она находилась в стенах ГАИМКа? Никакого. Если бы библиотека находилась на квартире Фармаковского, было бы другое дело, но, когда библиотека Фармаковского находилась в стенах ГАИМКа, надо ли было покупать библиотеку? Я заостряю ваше внимание, чтобы вы в прениях говорили, действительно ли был нужный момент или нет. Второе. [127] Когда сам Ф. указывает, что за библиотеку должно быть уплачено по 100 рублей в месяц, мы имеем официальную справку, что сумма 4255 рублей 75 коп. уплачена полностью. Что же это значит? Я говорю это для того, чтобы вы выступили в прениях и говорили о том, имело ли это место в смысле покупки библиотеки или нет?

МИХАЙЛОВА. Товарищ Федоров говорит, что в справке написано, что сумма выплачена полностью, но это к тому времени, когда была выдана справка, но платили-то по 100 рублей в месяц в течение 2-х лет. И по окончании выплаты я дала справку, что сумма выплачена полностью, но не сказала, что выдано единовременно.

КОСТОЧКИНА. Я буду говорить об архиве. Тов. ЖЕБЕЛЁВ высказал мысль о том, что архив до моего поступления был в полном порядке, потому что ни одного заявления не поступило. Следовательно, он обвиняет меня и говорит, что архив привела в беспорядок я.

(ЖЕБЕЛЁВ. Я не говорил этого). Вы сказали, что до моего поступления все было благополучно (ЖЕБЕЛЁВ: до мая месяца). Я прошу меня не перебивать.

Относительно материала и моей работы. Тов. ЖЕБЕЛЁВ высказал мысль, что в последнее время, когда в архив поступила масса материалов, я испугалась работы. Я не знаю, на каком основании он такую мысль высказал, я об этом ему не говорила. Если я отказывалась от этой работы, то не потому, что я испугалась. Я согласилась на эту работу временно. Если тов. ЖЕБЕЛЁВ находил, что данная временная работница не удовлетворяет

---

³⁴ Академик А. Е. Ферсман отдавал свою зарплату, которую он получал в ГАИМК, в пользу мало обеспеченного технического персонала [см.: Платонова, 2010: 235].

известных требований, честнее было бы через неделю или две сказать, что я не соответствую своему назначению и должна отказаться от работы, но не говорить об этом сейчас.

Относительно московских материалов археологического общества³⁵. Тов. ЖЕБЕЛЁВ говорит, что есть смысл их разбирать, а я нахожу, что потерял смысл, потому что половина материала исчезла и сгнила.

[127 об.]

КИПАРИСОВ. Я хочу сказать относительно библиотеки и «Введения в археологию». Я постараюсь говорить в том направлении, на какое указывал совершенно правильно тов. ТИХОМИРОВ. Относительно Фармаковского было постановление правления, и формально это правильно, но мы не должны с формальной точки зрения на это смотреть. Нужно было выполнить работу по существу. Видимо, известный пиетет перед Фармаковским и желание помочь жене Фармаковского повлияли на то, что библиотека была куплена целиком, и я скажу, что она была куплена целиком при таких условиях, когда Академия и жена Фармаковского были не в равных условиях. Жена собрала много интересных изданий, которые бы желательно нам приобрести, но она сказала, что я их не продаю. Но потом покупали все. Она [128] это барахло, которое здесь цитировалось, не откидывала и получилось такое положение, что жена Фармаковского имела возможность отбирать, а Академия — получить то, что ей дают. Тут неравный подход — если чохом, так чохом, тогда не давайте отбирать интересные экземпляры. Так что в известном пиетете, в известном положении наибольшего благоприятствования, в котором оставалась не Академия, а близкие Фармаковского, в этом есть ошибка, и это надо было учитывать. На самом деле, следовало библиотеку просмотреть. Нельзя, если это стоит 30 к., 50 к., платить за это барахло, которое мы десятками и сотнями насчитывали среди книг, нельзя было оставлять все это для советского учреждения, покупать это совершенно антисоветское, антиобщественное барахло. Надо было при покупке просмотреть барахло и покупать книги, получающие известное значение. Как отмечает комиссия, книги были куплены без всякого просмотра, и жена Фармаковского имела право отбирать то, что ей нравится.

Теперь относительно «Введения в археологию». Я имел возможность просмотреть все материалы, которые имеются в библиотеке, в частности, в академии. Я не юрист, чтобы рассматривать как плагиат, но что здесь имеется нечто такое, что в наших нравах не должно быть допущено, это, несомненно, и я считаю, что такой способ, — я не знаю, как выразиться, — может быть, это не уголовно наказуемое деяние, но во всяком случае научно-неприличное, когда слово в слово вплоть до абзаца повторяется [129] с немецкого. Есть такие случаи, когда просто курьез получался — для русского контекста книги было не нужно, и оно нечаянно попадало в русский текст... Я бы это охарактеризовал как научно-неприличное. Это мы говорим не для того, чтобы опорачивать, уязвить, ошельмовать, а чтобы называть вещи своими именами, чтобы констатировать факты и из них известный

³⁵ Имеются в виду материалы Московского археологического общества, упраздненного в 1923 г., часть которых поступила в ГАИМК и сейчас хранится как: РО НА ИИМК РАН. Ф. 4.

педагогический вывод сделать. Я думаю, что для нас не представляется безразличным, что один научный работник так проделал. Я знаю один случай, о котором т. Тихомиров упоминал. Тов. Ленин был, как известно, чрезвычайный популяризатор, он дал массу популярных работ. Мы, к счастью, воспитаны больше на том методе составления и писания работ, который применяли в своих сочинениях Ленин, Маркс и Энгельс. Я должен сказать, что ничего похожего на эти нравы вы в «Введении в археологию» не найдете ни у Маркса, ни у Энгельса. Я с гордостью за марксистов говорю, что у нас этого не бывает. Был один случай, когда мне пришлось слышать, что Ленин без указания списал мысль Маркса во «Введении в политическую экономию». Но недоразумение заключалось в том, что Ленин писал сочинение в 1897 г., а «Введение в политическую экономию» Маркса, хотя было написано в середине XIX века, но найдено было через 5 лет после того, как написал Ленин — в 1902 г. Не мог списать Ленин с сочинения, которое было найдено в 1902. Мы этим фактом можем только показать, что в том случае, когда кажется, что Ленин списал у Маркса, оказывается, что Ленин пришел к тому же положению и почти теми же словами формулировал мысль, как и Маркс.

[130]

Я думаю, что Академия как советское учреждение, а мы являемся учреждением, изучающим историю материальной культуры, единственным в СССР, мы пытаемся изучать настоящими научными методами, марксистскими, это единственное во всем мире учреждение, — я думаю, что мы должны воспитывать наших работников не в стиле популяризаторских работ «Введения в археологию» Сергея Александровича, а в стиле тех работ, которые представлены Лениным. Там действительно, [131] как говорил тов. Тихомиров, если берется какая-нибудь мысль или цитата, то указывается, кто ее сказал. Даже больше. Те, кто знает хорошо «Капитал» Маркса, тот знает, что в примечании указываются даже намеки на мысли. Маркс цитирует даже в том случае, если не было сказано, а только было намекнуто, т.е. Маркс считает необходимым указать на ссылку даже в том случае, если у него имеется зачаток чужой мысли. Если возьмем примечание Маркса, то увидим, что это история зарождавшихся мыслей Маркса в его предшественниках. Мы так и должны работать, а то, что мы имеем в качестве популярной работы С.А., пришло от старого периода, когда С.А. рос как ученый, и когда он от своих учителей заимствовал методы работы и в том числе методы популярной работы. Мы молодежь будем воспитывать в тех методах, которые мы имеем в сочинениях Маркса и Ленина.

ОРБЕЛИ. По вопросу, который поставил тов. Федоров. Об этом мы слушали два или три вечера. Ясно, что такие покупки не должны иметь место в будущем. Относительно другой стороны вопроса, который поставил товарищ Федоров, вопроса о том, можно ли покупать книги, находящиеся в стенах учреждения. Я должен признать, что тогда каждый из ученых не должен вносить в учреждение интересных книг во избежание того, что когда встанет вопрос об обеспечении его семьи, то эти книги нельзя будет продать. Такого закона у нас нет. С другой стороны, очень многие вынуждены приносить в стены учреждения и хранить здесь те книги, которые могут

быть полезны молодым работникам, руководимым старшими работниками. Поэтому на вопрос о том, можно ли покупать книги, находящиеся в стенах учреждения, нужно сказать, что можно, и если эти книги полезны, то и необходимо.

ЖЕБЕЛЁВ. Если бы не было так поздно, то мне пришлось бы говорить очень долго, поэтому я буду краток и буду говорить по [131 об.] пунктам. П. Н. Шульц сказал, что я факты знаю. Да, конечно, я факты знаю. Я на фактах воспитан, и поэтому вам тоже буду говорить факты и никаких суждений и объяснений фактам придавать не буду.

Относительно библиотеки Фармаковского. Библиотека Фармаковского, как я сказал в записке, была приобретена постановлением Правления, утвержденным Советом о том, что не нужно было оставлять. Это тоже в моей записке совершенно определенно указано. Тут пробовали подкопаться под библиотеку Фармаковского с научной стороны. Я продолжаю утверждать, что если посмотреть внимательно всю научную библиотеку Фармаковского, откинув из нее барахло, то нужно сказать, что научных книг там достаточное количество. Я уже приводил факты из моей практики, что [132] книга, которая мне была нужна, оказалась только в библиотеке Фармаковского. Я думаю и другие факты найдутся. Когда мы беседовали в комиссии, тов. Цвибак³⁶ высказал мысль, что если у Фармаковской осталось 5 человек детей, то библиотеку понятно было бы купить. А я скажу так — если бы у Фармаковской осталось после мужа не 5 человек детей, а 10, и, если бы его библиотека не представляла научных знаний, ее покупать не следовало бы никоим образом. Что ее надо вычистить, это вне всякого сомнения. Но надо вычистить не только ее, но и все материалы библиотеки, что я и указал в своей записке.

Мне приписывается несвойственная мне роль, что я явился каким-то распорядителем библиотеки. Ничего подобного. Приписывается, что я был библиотекарем или заведующим библиотекой. Я был сначала членом библиотечной комиссии, а с ноября стал председателем библиографической комиссии. Федор Васильевич³⁷ не откажется подтвердить, что в том заявлении, которое я подал, я указывал, что надо начать проверку всего библиотечного фонда и удаление всего, что не соответствует. Так что моя роль в библиотеке была совершенно скромная, и я заботился о выполнении ее. Рассматривал список и дополнял не один я, один я не мог произвести эту работу. Моя точка зрения такая, что она должна быть пересмотрена и не так, чтобы взять по списку ненужное, такая вещь, как «Семь поцелуев», конечно, не нужна, но нужно каждую книгу пересмотреть, потому что заглавие может ввести в заблуждение. Я с библиотечным делом знаком. Моя первая [133] служба была в библиотеке, я был членом университетской библиотечной комиссии.

³⁶ Цвибак Михаил Миронович (1899–1937) — историк, сотрудник ГАИМК с 1930 г. Активно участвовал в деятельности по выявлению несогласных в ряде учреждений науки и культуры.

³⁷ Имеется в виду Ф. В. Кипарисов (1886–1936) — филолог, археолог, с 1929 г. — заместитель председателя ГАИМК, фактически ведший всю текущую работу в академии.

Что при покупке библиотеки Фармаковского, помимо ее научного значения, я подчеркиваю это решительным образом, играло роль желание помочь вдове, это ни я не отвергаю, не отвергало и Правление. Это было ясно, и я прямо скажу. Я прямо скажу, что, если вы пригласите букиниста, так он, как думает тов. Зусман³⁸, дал бы 300, а может быть 500 р. Если выписать заграничного антиквара, тогда другое дело. А вот вам пример, как иной раз не дорожатся книгой и удешевляют. В прошлом году я по поручению византийской комиссии на средства, отпущенные Академией, приобрел четыре тома Шл...³⁹ Когда я спросил, сколько стоят? — 5 рубл. А когда я получил парижский антикварный каталог, оказалось, эта книга расценивается по 200 франков. Вот как у нас наши букинисты по части ученой книги не стоят на высоте призвания.

Для меня нет сомнения, что, если бы пришел букинист и посмотрел на библиотеку Фармаковского, он бы сказал 500 р. я дам. За что он продаст и когда — это другой вопрос, потому что там есть такие книги, которые ученые покупать не будут, а на макулатуру тем более покупать не будут.

Я говорю чистосердечно, что была и другая цель помимо приобретения ценного фонда. Когда библиотеку будут рассматривать сведущие лица, они ценный фонд сумеют выделить и придать ему значение. Но что много придется удалить, в этом нет сомнения, как придется удалить из всей библиотеки, из прежде купленных библиотек Смирнова, Лопарева и т.д., для меня не подлежит сомнению, [134] потому что не далее, как на прошлом заседании, когда кто-то сказал, что нужно одну из книг уничтожить, я сказал, что ее надо оставить, потому что она нужна для антирелигиозной пропаганды. Видите, с какой бережностью нужно подходить ко всем книгам. В роли руководства библиотекой мне приписывают несоответствующее значение. Я до ноября был ординарным членом библиотечной комиссии и только с ноября я стал руководителем библиотеки. Я весной предполагал вместе с членами всей комиссии, и с большой помощью со стороны академической молодежи, провести чистку библиотеки.

Относительно архива Косточкина не совсем верно меня поняла. Когда она пришла в архив, мы уговорились, что она будет для того, чтобы научиться архивному делу, просматривать архив с точки зрения ревизии и ориентировки. Она не откажется сказать, что когда она пришла в архив, то он не был в таком виде, как в мае месяце — валялись дела по столам, на полу были раскиданы материалы Московского архивного⁴⁰ О-ва. Это все в мае месяце случилось. Еще не так давно А.А. сказала, что она не чувствует призвания к архивному делу, что ее лучше удовлетворяет научная работа, что тут нужно очень долго сидеть и во все это входить. Пусть собрание не думает, что я в какой-нибудь степени старался сказать ей неприятное или очернить ее деятельность. Нет, то, что, возможно, было и что она делала — прекрасно.

---

³⁸ Вероятно, имеется в виду С. А. Семенов-Зусер.

³⁹ Вероятно, речь идет о приобретении работ Леона-Гюстава Шлюмберже (1844–1929) — французского византиниста, специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, члена-корреспондента РАН (1924 г.), росписью данных из которых и занималась, среди прочего, комиссия.

⁴⁰ Так, должно быть — археологического.

Она под моим руководством основной фонд архива проверила, а материалы Московского О-ва придется разобрать. Нельзя говорить, что это труха. Так к архивному материалу относиться нельзя. То, что осталось, нужно сохранить.

Относительно плагиата. Тут по этому поводу было столько сказано, что я должен сказать, что судить самого себя трудно и даже в некоторых случаях невозможно. Сегодня вскрылось очень много [134 об.] фактов, которые мне не были известны. Оказывается, предполагалось писать обо мне за границей и т.д. Во-первых, я отвожу обвинение в том, что я писал научно-популярный дешевый товар, потому что это было в Советской России. Ничего подобного, если взять «Введение в археологию» и прочитать предисловие, то вот, что там сказано (читает). Значит, «Введение в археологию» имело целью подвести итоги прошлому. О.О. верно сказал, что эта мысль возникла из моих институтских лекций, поэтому я не делал ссылок. Там имеется примечание с ссылками на литературу, которая по данному вопросу существует, но ни одной ссылки там нет, и это произошло потому что если бы книга в 400 страниц была сдобрена цитатами, то она должна была бы значительно возрасти, [135] а мне просто на просто поставлены были издательством определенные рамки, чтобы не больше 10 листов был каждый выпуск.

Теперь прошу обратить внимание также на то, что эта книжка, равно как книжки предшествующие, а не выпущенные после «Археологии», она выпущена в 1923 г. Я предлагаю вспомнить каждому, в каком положении вся наша продукция и литература до 1923 г. была. Если взять первую мою книжку, «Введение в историю Греции», уже одно то, как она напечатана, приводит в ужас. Ее, кажется, на ручной машине напечатали. С 1923 г. я ни одной научно-популярной книжки не писал, этими научно-популярными книжками я подвел итог своей профессорской деятельности, и, если они не нужны, пускай их выбросят, если они могут принести пользу, пускай ими пользуются. Я думаю, они пользу принесут в том смысле, что там есть большие библиографические указания. После 1923 г. я ни одной научно-популярной книжки не писал.

Тут указывалось, очевидно, с целью меня опозорить, что русская наука должна вспоминать добрым словом русских царей. Позвольте рассказать почти анекдот. У меня было написано, что русская наука обязана в развитии археологии русским царям — этот факт нельзя оспаривать, прочтите, что я говорю. Какой тут произошел курьез? — Тогда был Главлит и все проходило через цензуру. Раз я прихожу в «Науку и школу». Мне заправила «Науки и школы» говорит с опаской: «Извините, не согласитесь ли вы сделать такое изменение. Так Главлит требует — у вас [136] написано, что «археология должна быть благодарна русским государям», не согласились ли бы вы написать «русским царям». — Сделайте ваше одолжение.

Вот в какое время мы жили и замолчать этот факт я не могу.

Я о плагиате говорить не буду, потому что это надо рассматривать обстоятельно, и взять всю книжку, а не отдельные места, высчитывая процентное отношение и т.д.

Тут была брошена тень на мою несочувствующую советскому строю деятельность. Я в Академии материальной культуры состою с самого ее основания, был одним из товарищей Николая Яковлевича. Я думаю, если бы я действовал, определенно выражаясь, контрреволюционно, Николай Яковлевич не пропустил бы это. Но у меня и попыток таких не было. У меня была чисто деловая работа, надеюсь, на пользу Союза, а не во вред. Эту деловую работу я производил, как умел, но не жалея своих сил, потому что должен вам сказать, что начиная с 1918 г. я ни разу не пользовался отпуском. Отпуска вы у меня не найдете. Я отпуском не пользовался. Я думаю, я один из очень немногих советских служащих, потому что отпуском, законом предоставленным, я не пользовался. Не думайте, что у меня воловьи жилы и я не уставал. Нет, я очень уставал. Происходило это потому, что славившиеся обстоятельства мне не позволяли брать отпуск. Летом Фармаковский уезжал, и я исполнял обязанности ученого секретаря, [137] Н.Я.⁴¹ тоже уезжал, и я был один. Просмотрите все дела, которые прошли через меня и укажите хотя бы один антисоветский элемент, я буду очень благодарен.

Еще коснусь того, что мне рекомендует сделать П. Н. Шульц. Он возлагает на меня трудную задачу — начать снова учиться. Мне в сентябре стукнет 63 года, и снова учиться трудно, но то, что я не чужд тому, что делается, он сам может подтвердить. Я на всех заседаниях разрядов бывал и выступал со своими соображениями, так что же из чего это можно вывести? Насчет того, что за какую тут новую учебу сесть — я боюсь, что сил не хватит для этого, тем более, что у меня имеется много ученых работ, которые нужно продвинуть и закончить, потому что я не рассчитываю прожить еще 63 года, и если проживу до 70 лет, что является предельным возрастом для ученого, то буду считать себя счастливым. Я могу сказать, что вся моя жизнь прошла главным образом в труде. Мы с Николаем Яковлевичем давно знакомы и вместе идем. Как он всю свою жизнь работал, так и я всю свою жизнь работал. Худо или хорошо, другое дело. Кое-что было худо, кое-что было хорошо. Я и сейчас продолжаю работать. Возьмите мою статью в «Известиях Академии наук» и вы увидите, что там такие вопросы разрабатываются, что можно позавидовать. Поэтому нельзя сказать, что я почию на лаврах. Написал научно-популярные книги и пользуюсь доходом с них. А если бы я сказал, сколько я за них получил, вы бы расхохотались. «Наука и школа» за печатный лист платила по 5 руб. Из этого, конечно, не следует, что если 5 р. получаешь, то нужно списывать с чужих книг. Но нужно посмотреть на характер этих книг и на ту цель, какую они преследуют. Если говорить о том, что эти книги должны служить для руководства, то я бы этого не рекомендовал, книжка должна ввести в археологию, там факт на факте, и учить ее нельзя. Ни одна студенческая голова этого не выдержит, вот все что [137 об.] я мог сказать. Повторяю, что я работал усердно. Некоторые находят, что я работал нечестно, это те, которые подразумевают, что я занимался списыванием с чужих книг, это их дело, но то, что я работал не покладая рук, это — несомненно. Если возникает вопрос о том, могу ли я работать дальше, то не мне об этом судить. Сам себя я ни на одно место

---

⁴¹ Имеется в виду Н. Я. Марр.

не выставлял и все подтвердят, что товарищем Председателя Академии во- все не по своему желанию я стал, а потому что в Академии создалось такое положение, что взяли и на меня обратили внимание и 6 л. я пробыл на этом месте, и в то же время я занимал ответственное место в Академии материальной культуры. Я научно не работал, потому что приходилось писать много бумаг, участвовать в составлении смет и т.д. Я знаю, что я человек трудолюбивый, а о другом предоставляю судить вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите объявить перерыв на 30 м.

...

[После оглашения постановления комиссии по персональной чистке]

[196]

ЖЕБЕЛЁВ. Прослушав решение комиссии и услышав, что относительно некоторых товарищей проявлена большая строгость, я должен сказать, что по отношению ко мне проявлена непонятная для меня мягкость. Из моей записки вы могли убедиться в том, какой же я заведующий архива. Я сам признался, что я не архивный работник, поэтому меня с архивной работы нужно снять. Точно также я считаю себя виновным в библиотечной деятельности. Само собою нужно было действовать энергично, требовать бригад, это может быть поставлено мне на вид. Я из чувства справедливости говорю, что, если по отношению к некоторым поступлено жестко, [196 об.] то по отношению ко мне поступлено мягко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это комиссия тоже учтет. Собрание считаю закрытым.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4. Л. 96–137 об., 196–196 об.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.017

Список литературы

[б.а.] По-новому работать, по-новому руководить // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 3–4. С. 3–5.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Избрание С.А. Жебелева в действительные члены АН СССР // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2019. Vol. 13. P. 1–77.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелев в системе советской науки. I: 1917–1927 // *Вестник древней истории*. 2020. № 2. С. 52–67 (2020a).

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелев в системе советской науки. II: 1927–1932 // *Вестник древней истории*. 2020. № 3. С. 698–718 (2020b).

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан под надзор как сомнительный элемент»: академик С.Ф. Ольденбург как зеркало русской академической науки конца 1920-х — начала 1930-х гг. // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2019. М., 2020. Т. 9. С. 230–249 (2020c).

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // *Российская археология*. 2001. № 3. С. 123–131.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011.

Жебелёв С. А. Яков Иванович Смирнов // *Seninarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'Art. Études Byzantines*. 1928. Т. II. С. 1–19.

Захарова Е. Ю., Бояркин М. В. У истоков «советской науки на местах»: 1920-е годы в истории // *Очерки истории отечественной археологии*. М., 2019. Вып. V. С. 122–139.

Зеленов М. В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // *Отечественная история*. 2000. № 2. С. 129–141.

Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2. Археологи советской эпохи.

Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Париж, 1987.

Копылова О. Н., Хорхордина Т. И. Центрархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // *Отечественные архивы*. 2018. № 2. С. 3–17.

Крих С. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020.

Кузьминых С. В., Белозерова И. В. Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 229–294.

Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920-х — 1930-х гг. [электронный ресурс] // *Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам*. 2011. С. 540–637. Режим доступа: <http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ISfRoURS2-k%3D&tabid=10460> (ссылка последний раз проверялась 09.01.2021).

Левченко В. В. Процесс институционализации археологии на юге УССР в 1917–1930-х годах // *Очерки истории отечественной археологии*. М., 2019. Вып. V. С. 154–185.

Носов Е. Н. (Отв. ред.-сост.) Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010.

Соломаха Е. Ю. (Сост.) Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы. СПб., 2016.

Тихомиров О. результатах обследования и чистки Государственной Публичной библиотеки в г. Ленинграде: [начало сент. 1930 г.] // *Библиотечное дело в России (октябрь 1929 — май 1941): документы и материалы*. М., 2007. С. 136–142.

Тихомиров Каким должен быть Наркомпрос (в порядке обсуждения) // *Народное просвещение*. 1930. № 1. С. 8.

Тункина И. В. «Дело» академика С. А. Жебелёва // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах*. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161.

Тункина И. В. Из истории академических выборов 1927 года: письмо О. А. Добиа-аш-Рождественской М. И. Ростовцеву // *Верхнедонской археологический сборник*. 2015. Вып. 7. С. 128–134.

Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 177–182.

Шофман А. С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1978.

Coron L. Les Sept baisers de Buckingham, comédie-opérette en 1 acte, par MM. Alfred Tranchant et Léon Coron, d'après le roman de MM. Emmanuel Gonzalès et Moléri... (Paris, Déjazet, 27 octobre 1866). Paris, 1866.

Список сокращений

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
Академия наук ЧР	— Академия наук Чеченской Республики
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
ГААОСО	— Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры (1926–1937 гг.)
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГКО (ГОКО)	— Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.)
ГФ НТД ПОМ	— Группа фондов научно-технической документации производственного объединения «Маяк» (расположен в г. Озёрске Челябинской области)
ЗАТО	— Закрытое административно-территориальное образование
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИИА УрО РАН	— Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИЕТ РАН	— Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКП	— Институт красной профессуры (1921–1938 гг., впоследствии — Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), Академия общественных наук при ЦК КПСС)
ИРИ РАН	— Институт российской истории Российской академии наук
ИФЛИ	— Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (1931–1941 гг.)

ИФЛ СОЛ РАН	— Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет (совр. Санкт-Петербургский государственный университет)
ЛФТИ	— совр. Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе Российской академии наук
МАОГО	— Муниципальный архив Озёрского городского округа (Челябинская область)
МК УНГО	
«Городской архив»	— Муниципальное казенное учреждение Новоуральского городского округа «Городской архив»
НКРКИ	— Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (1920–1934 гг.)
ОГАЧО	— Объединенный государственный архив Челябинской области
ОИФН РАН	— Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры (1919–1926 гг.)
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1930 гг.)
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО НА ИИМК	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СПбФ А РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ЦДОСО	— Центр документации общественных организаций Свердловской области

Сведения об авторах

Алиева Алла Ивановна — доктор филологических наук, академик Академии наук Чеченской республики, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;

Ананьев Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Батурин Юрий Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН;

Бухарин Михаил Дмитриевич — академик РАН, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории РАН;

Данилко Елена Сергеевна — профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Центром визуальной антропологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Загребин Алексей Егорович — профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Зайцев Илья Владимирович — профессор РАН, доктор исторических наук, заместитель Генерального директора Государственного музея Востока;

Капинос Елена Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН;

Козлов Владимир Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;

Мальков Виктор Леонидович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мельникова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Муллонен Ирма Ивановна — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;

Мунаев Исмаил Булачевич — кандидат филологических наук, заведующий сектором фольклора и литературы Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики;

Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета;

Побережников Игорь Васильевич — доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Попова Ирина Федоровна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института восточных рукописей РАН;

Силантьев Игорь Витальевич — доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН;

Седов Владимир Валентинович — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник Института археологии РАН, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Сидорова Любовь Алексеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. центром «Историческая наука России» Института российской истории РАН;

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, доктор исторических наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Усачев Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета).

Научное издание

**ТРУДЫ
Отделения историко-филологических наук
РАН
2020**

ТОМ 10

*Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 16.06.2021 г. № 40)*

Подписано в печать 16.11.2021. Формат 70х100 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 20.
Тираж 300 экз. Заказ № 5978.

Издатель – Российская академия наук

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Красногорский полиграфический комбинат»

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 г. Москва, Партийный переулок д. 1 корп. 58, стр. 1, эт. 1, пом. 1

Издается в соответствии с постановлением Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 12 февраля 2021 г. № 01
и распространяется бесплатно